

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

Том 14, № 4, 2021

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сатир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (HESS), Центр исследований индустриализации (СЕМІ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Шрёдер Антониус (Центр социальных исследований технического университета Дортмунда, Дортмунд, Германия)

Штопка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Конеки, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода журнала – 6 раз в год

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 08.00.00 – экономические науки; 22.00.00 – социологические науки.

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала направляются в Библиотеку Конгресса США и в Германскую национальную экономическую библиотеку.

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.volnc.ru>

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 14, no. 4, 2021

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)

Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)

Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

Antonius Schröder (Social Research Centre, Dortmund University of Technologies, Dortmund, Germany)

Piotr Szompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)

A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.V. Tret'yakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)

S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

S.V. Kuznetsov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

The journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties: 08.00.00 – economic sciences; 22.00.00 – sociological sciences.

The journal is included in the following abstract and full text databases: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal's issues are sent to the U.S. Library of Congress and to the German National Library of Economics.

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

© VoIRC RAS, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- Ильин В.А., Морев М.В. Стратегия национальной безопасности – 2021:
позитивные ощущения и противоречивые ожидания 9

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

- Бобков В.Н., Золотов А.В., Одинцова Е.В. Переходные формы безусловного
базового дохода как реальная перспектива России 33
- Козлова О.А., Макарова М.Н., Секицки-Павленко О.О. Модели динамики
демографических показателей в условиях адаптации населения
к изменениям социально-экономической среды 48
- Короленко А.В. Здоровьесберегательные установки как фактор
самосохранительного поведения: подходы к изучению и опыт типологии ... 59

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

- Фаузер В.В., Смирнов А.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Городские агломерации
в системе расселения Севера России 77
- Алимурадов М.К., Горячева А.С., Курбацкий А.Н. Стратегические приоритеты
развития структуры грузооборота морских портов России 97
- Басова Е.А. Доступная ипотека vs доступность жилья. Хотели как лучше,
а получилось...? 113

ЭКОНОМИКА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

- Лебедева М.А., Кожевников С.А. Проблемы обеспечения сбалансированности
развития северного региона: эколого-экономический аспект 131

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

- Костяев А.И., Никонова Г.Н. Развитие процессов территориальной
дифференциации аграрного производства Нечерноземья
и их современные тренды 150

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Баскакова М.Е., Чубарова Т.В. Непрерывное образование в России как механизм воспроизводства человеческого потенциала: гендерный аспект	169
Потравная Е.В., Яшалова Н.Н., Ким Хе Чжин. Социальный портрет жителя Арктики в условиях промышленного освоения территории (на примере Якутии и Таймыра)	185
Великий П.П., Великая Н.М. Акторы сельского автономного семейного хозяйствования: смыслы и результаты	201
Старшинова А.В., Чикова Е.В. Акселерационные программы в экосистеме поддержки социального предпринимательства	216

МИРОВОЙ ОПЫТ

Йи Вайгенг, Морев М.В., Уханова Ю.В., Косыгина К.Е. Эффективность деятельности органов власти на локальном уровне в условиях пандемии COVID-19 (опыт России и Китая)	231
Липина С.А., Фадеев А.М., Зайков К.С., Липина А.В., Кондратов Н.А. Современный этап международного сотрудничества в Арктике: поиск ответов на вызовы экономического развития	251

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ромашкина Г.Ф., Когай Е.А. Об итогах круглого стола «30 лет исследований социокультурной эволюции России и ее регионов: результаты, перспективы»	266
--	-----

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	274
Правила приёма статей	284
Информация о подписке	290

CONTENT

EDITORIAL

- Ilyin V.A., Morev M.V. National Security Strategy – 2021: Positive Experiences
and Conflicting Expectations 9

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES

- Bobkov V.N., Zolotov A.V., Odintsova E.V. Transitional Forms of Universal Basic Income
as a Real Prospect for Russia 33
- Kozlova O.A., Makarova M.N., Sekitski-Pavlenko O.O. Models for the Dynamics
of Demographic Indicators in the Conditions of Population Adaptation
to Changes in the Socio-Economic Environment 48
- Korolenko A.V. Health-Saving Attitudes as a Factor Promoting Self-Preservation Behavior:
Approaches to the Study and Experience in Typology 59

REGIONAL ECONOMICS

- Fauzer V.V., Smirnov A.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N. Urban Agglomerations
in the Settlement System of the North of Russia 77
- Alimuradov M.K., Goryacheva A.S., Kurbatskiy A.N. Strategic Priorities for the Russian
Seaports Cargo Turnover Structure Development 97
- Basova E.A. Mortgage Availability vs. Availability of Housing. We Wanted the Best,
but It Turned Out...? 113

ENVIRONMENTAL ECONOMICS

- Lebedeva M.A., Kozhevnikov S.A. Problems of Providing Balanced Development
of the Northern Region: Ecological and Economic Aspect 131

INDUSTRIAL ECONOMICS

- Kostyaev A.I., Nikonova G.N. Developing Territorial Differentiation Processes
of Agricultural Production in the Non-Black Earth Region
and Their Current Trends 150

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Baskakova M.E., Chubarova T.V. Lifelong learning in Russia as a Mechanism for the Reproduction of Human Potential: Gender Aspect	169
Potravnaya E.V., Yashalova N.N., Kim Hye-Jin. Social Portrait of a Resident of the Arctic in the Conditions of Industrial Development of the Territory (Case Study of Yakutia and Taimyr)	185
Velikii P.P., Velikaya N.M. Actors of Rural Autonomous Household: Meanings and Results	201
Starshinova A.V., Chikova E.V. Acceleration Programs in the Ecosystem of Social Entrepreneurship Support	216

GLOBAL EXPERIENCE

Yi Waigeng, Morev M.V., Ukhanova Yu.V., Kosygina K.E. The Effectiveness of the Authorities' Activities at the Local Level in the COVID-19 Pandemic (the Experience of Russia and China)	231
Lipina S.A., Fadeev A.M., Zaikov K.S., Lipina A.V., Kondratov N.A. Current Stage of International Cooperation in the Arctic: Search for Answers to the Challenges of Economic Development	251

ACADEMIC LIFE

Romashkina G.F., Kogay E.A. On the Results of the Round Table "30 Years of Research on the Socio-Cultural Evolution of Russia and Its Regions: Results, Prospects"	266
--	-----

PUBLIC OPINION MONITORING

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	274
Manuscript Submission Guidelines	284
Subscription Information	290

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

Стратегия национальной безопасности – 2021: позитивные ощущения и противоречивые ожидания

Владимир Александрович

ИЛЬИН

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

E-mail: ilin@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

Михаил Владимирович

МОРЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

E-mail: 379post@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. В мае 2016 года, анализируя промежуточные итоги третьего президентского срока В.В. Путина, а также Стратегию национальной безопасности, подписанную главой государства 31 декабря 2015 г., мы пришли к выводу о том, что «существующие сегодня противоречия в системе государственного управления являются закономерным результатом деятельности Президента», связанным с нерешенной задачей «приведения интересов элит в соответствие с интересами национальной безопасности» (источник: Ильин В.А. Третья четырехлетка президента В.В. Путина: противоречивые итоги – закономерный результат // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 2 (44). С. 9–21). Спустя 5 лет, в середине 2021 года, ряд внутренних и внешних политических событий (включая новую Стратегию националь-

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. Стратегия национальной безопасности – 2021: позитивные ощущения и противоречивые ожидания // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 4. С. 9–32. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. National Security Strategy – 2021: positive experiences and conflicting expectations. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 4, pp. 9–32. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.1

ной безопасности, подписанную Президентом РФ 2 июля 2021 г.) вновь актуализирует вопрос о необходимости анализа ключевых изменений, произошедших в стране за этот период. Как изменились российское общество и система государственного управления? Какие концептуальные проблемы остаются нерешенными? И самое главное – какую роль существующие в настоящее время тенденции развития государства и общества могут сыграть в контексте обеспечения национальной безопасности России с учетом сложившейся к середине 2021 года ситуации на внутренней и внешней политической арене? В нижеследующем материале отражена авторская точка зрения на эти вопросы. На основе экспертных оценок, данных официальной статистики, российских и региональных социологических исследований анализируются суть и перспективы реализации конкретных положений Стратегии национальной безопасности 2021 г. Авторы приходят к выводу о том, что Стратегия объективно отражает сложившееся к середине 2021 года положение России на внутренней и внешней политической арене, при этом ее ключевые моменты нацелены на долгосрочную перспективу и ориентированы, прежде всего, на укрепление морально-нравственной составляющей российских элит и российского общества. Это вызывает позитивные ощущения, но в то же время, исходя из анализа предыдущего опыта достижения стратегических целей и задач, зафиксированных в «майских указах» и национальных проектах, оставляет противоречивые ожидания относительно реалистичности их практической реализации.

Ключевые слова: Стратегия национальной безопасности, национальные интересы, духовно-нравственное развитие, национализация элит.

В последние месяцы (июнь – июль 2021 г.) в политической жизни Российской Федерации произошло несколько значимых событий, которые, пожалуй, можно отнести к числу целенаправленных шагов Президента РФ по укреплению геополитического статуса страны и внутренней общественно-политической обстановки. Среди них (в хронологическом порядке):

✓ **указ о запрете участвовать в выборах экстремистским организациям (4 июня)**¹, в результате чего приостановлена деятельность всех штабов А. Навального*, с 30 апреля 2021 года включенных в «Перечень организаций, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму»;

✓ **первая встреча лидеров России и США (16 июня)**, которая существенно снизила «градус» международной напряженности, отмечавшийся в начале года, и, по мнению экспертов, привела к «завершению короткой эпохи восприятия России американскими демократами... как региональной державы»²;

✓ **начало предвыборной кампании в Государственную Думу (17 июня)**, стартовавшей с существенного обновления «Единой России», что соответствовало запросу общества на новые лица в партии власти (о чем сигнализировали опросы ВЦИОМ еще в 2019 году³); по предложению президента⁴ первыми лицами «Единой России» стали люди, обладающие авторитетом в обществе, не замешанные в коррупционных скандалах, представляющие собой сплав опыта

¹ См. Федеральный закон от 04.06.2021 № 157-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации“ и статью 4 Федерального закона „О выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации“».

² Ремчуков К. Байден и Путин начали игру. Вполне возможно – большую игру // Независимая газета. 2021. 17 июня. URL: https://www.ng.ru/editorial/2021-06-17/2_8176_editorial.html

³ Как отметил генеральный директор ВЦИОМ В. Федоров, существует запрос на обновление партии власти. Его главное содержание – «сделать партию ближе к людям, омолодить ее состав» (источник: ВЦИОМ: Россияне хотят видеть новые лица в партии власти // ТАСС. 2019. 22 ноября. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/219424411>).

⁴ 19 июня 2021 г. В.В. Путин лично посетил XX съезд партии «Единая Россия», где представил пятерых ее новых лидеров. В федеральную часть списка от партии власти вошли глава Минобороны С. Шойгу, министр иностранных дел С. Лавров, главврач больницы в Коммунарке Д. Проценко, сопредседатель «Общероссийского народного фронта» Е. Шмелева и детский омбудсмен А. Кузнецова.

* Деятельность штабов А. Навального признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

и «молодой» политической энергии. Как отметил глава государства, это «люди, которые давно в политике, у нас принято называть их политическими тяжеловесами, и люди относительно новые, но такие, которые так или иначе представляют наиболее важные направления нашего развития, нашей жизни»⁵;

✓ **«прямая линия» (30 июня)**, в очередной раз показавшая, что глава государства озабочен не только вопросами развития ВПК и международных отношений, но и приближенными к «простым» россиянам наболевшими проблемами (качество медицинских и образовательных услуг, состояние жилья, вакцинация и многие другие) и глубоко разбирается в них;

✓ **публикация статьи В.В. Путина «Об историческом единстве русских и украинцев» (12 июля)**, которая, во-первых, адресовывалась не столько нынешней украинской власти, украинскому и русскому народу, сколько всему «коллективному Западу»; всем, «кто пожелает из своей страны сделать проект „анти-Россия“»⁶; во-вторых, как отмечают эксперты, представляла собой «фактически не просто статью, а облеченный в форму художественного слова... ультиматум со стороны России и коллективному Западу, и администрации Украины»⁷;

✓ **первая в истории России межгосударственная жалоба в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), поданная 22 июля 2021 г.;**

она содержала в себе девять подкрепленных конкретными фактами и цифрами обвинений⁸ против властвующей элиты Украины. Некоторыми экспертами этот шаг был охарактеризован как «идеологическая атака»⁹, преодоление некоторой пассивности РФ с точки зрения ответной реакции на разнообразные (экономические, информационные, политические) меры по сдерживанию развития России, уже давно применяющиеся «коллективным Западом» с целью поддержания устойчивого фона русофобских настроений.

Квинтэссенцией вышеперечисленных событий стало подписание В.В. Путиным новой **Стратегии национальной безопасности (2 июля 2021 г.)** – «системного документа, который требует постоянного обновления и как раз характеризует динамику жизни и складывающихся сейчас векторов, прежде всего, национальных интересов и приоритетов»¹⁰.

«Стратегия национальной безопасности – основополагающий документ о стратегическом планировании... это не только базовые установки для проведения важнейших управленческих решений, но и прекрасное отражение мировоззренческих перемен российской элиты»¹¹.

⁵ Выступление В. Путина на XX съезде Всероссийской политической партии «Единая Россия» 19 июня 2021 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65886>

⁶ Умеренков Е. Статья Путина – не только об Украине. Это послание всем соседям России // Комсомольская правда. 2021. 13 июля. URL: <https://www.kp.ru/daily/28303/4443767/>

⁷ Кобринский А.Л. Статья Путина – ультиматум, но не Украине // Независимая газета. 2021. 15 июля. URL: https://www.ng.ru/vision/2021-07-15/5_8200_vision.html

⁸ Обвинения в (источник: РИА-новости. URL: <https://ria.ru/20210722/zhaloba-1742329455.html>):

✓ гибели мирного населения, незаконном лишении свободы и жестоком обращении с людьми, в том числе на Майдане, в Одессе и Донбассе;

✓ гибели людей, причинении вреда здоровью и уничтожении имущества при обстрелах сопредельной российской территории;

✓ подавлении свободы слова и преследовании инакомыслящих, включая политиков и журналистов;

✓ дискриминации русскоговорящего населения и вытеснении русского языка;

✓ дискриминации российских компаний и предпринимателей;

✓ лишении жителей юго-востока Украины возможности участвовать в выборах;

✓ водной блокаде Крыма;

✓ нападениях на российские дипломатические, консульские и другие представительства;

✓ крушении МН17 вследствие того, что Украина не закрыла воздушное пространство над зоной боевых действий.

⁹ Мнение депутата Государственной Думы А. Журавлева (источник: Программа «60 минут», эфир от 22.07.2021).

¹⁰ Заведующий кафедрой политологии и социологии РЭУ им. Г.В. Плеханова, эксперт Ассоциации военных политологов Андрей Кошкин // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/07/2021/60e0a1c79a7947a36edadc3d>

¹¹ Скоробогатый П. Стратегия с опорой на свои силы // Эксперт. 2021. № 29. С. 51.

Стратегии национальной безопасности 2015 и 2021 гг. «разительно отличаются друг от друга»¹².

✓ «В новой редакции Стратегии об опасности затратной конфронтации с Западом уже не говорится. Зато есть **новая лексика**. Вернее, старая, очень напоминающая ту, что была в советские времена. **Враждебным действием теперь называется не только попытка свергнуть власть, но и «насаждение чуждых идеалов и ценностей»**¹³.

✓ «В этом документе гораздо четче прописана привязка знаниевой области, обычно считающейся по определению глобально ориентированной, к национальным интересам... **Стратегию следует воспринимать в ключе суверенизации отечественных науки, образования и, шире, всей сферы смыслового строительства и культуры»**¹⁴.

✓ «**Впервые выпукло отмечена система национальных ценностей или нравственных, нравственно-духовных ценностей**». Отдельным приоритетом обозначено «**идеологическое лидерство, которое необходимо в мире**». «Это тот самый ресурс, который был в свое время у Советского Союза и которого мы потом сами в РФ лишились добровольно»¹⁵.

Исходя из экспертных мнений, очевиден тренд на продолжение и усиление политического курса, направленного на суверенное, независимое развитие России. Об этом можно

судить еще по статье В.В. Путина 1999 г., где указано, что «каждая страна, в том числе и Россия, обязана искать **свой путь обновления**... Мне представляется, что новая российская идея родится как сплав, как органичное соединение универсальных, общечеловеческих ценностей с **исконными российскими ценностями**, выдержавшими испытание временем»¹⁶.

При этом важно отметить, что речь в Стратегии-2021 идет, в первую очередь, не об экономической или технологической безопасности (хотя нововведения в указанных сферах тоже есть), а именно об идеологическом, духовно-нравственном состоянии самой страны и ее соответствующем позиционировании себя в глобальном мире.

В Стратегии отмечено, что «реализация Российской Федерацией государственной политики в области обеспечения национальной безопасности способствует повышению внутренней стабильности, наращиванию экономического, политического, военного и **духовного потенциала России, необходимого для укрепления ее роли как одного из влиятельных центров современного мира**» (п. II.10). «Укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России» провозглашается одним из национальных интересов (п. III.25).

Указанных положений не было в предыдущих редакциях Стратегии национальной безопасности (2009 и 2015 гг.), и это, на наш взгляд, принципиальный момент, во многом отражающий актуальность проблемы бездуховности, о которой мы говорили в предыдущих статьях¹⁷.

¹² Петров Г. Русские с китайцами опять решили стать братьями навек // Независимая газета. 2021. 4 июля. URL: https://www.ng.ru/world/2021-07-04/1_8189_brothers.html

¹³ Там же.

¹⁴ Крестовский В. Неожиданный Путин // Завтра. 2021. 5 июля. URL: https://zavtra.ru/blogs/neozhidannij_putin

¹⁵ Мнение директора Центра военно-политических исследований МГИМО А. Подберезкина (источник: Эксперты оценили перемены в подписанной Путиным стратегии нацбезопасности // РБК. 2021. 3 июля. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/07/2021/60e0a1c79a7947a36edadc3d>

¹⁶ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 30 дек. URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html

¹⁷ Ильин В.А., Морев М.В. К чему ведет бездуховность правящих элит? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 9–28; Ильин В.А., Морев М.В. Замкнутость на материальном как фактор национальной уязвимости России в XXI веке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 3. С. 9–33.

Однако, как отмечают эксперты, «Путин не был бы Путин, если бы он не уравновесил эти [патриотические] совершенно ясные и недвусмысленные ориентиры чем-то прямо противоположным... суверенитет, самостоятельность, традиционные ценности, национальная идея — тут же опровергаются либеральными заклипаниями... Позитивное ядро доктрины национальной безопасности прекрасно и вызывает полную поддержку и солидарность. Но нельзя не видеть уже изначально заложенных в ней противоречий. Суверенно патриотический реалистский документ заминирован либеральными вкраплениями»¹⁸.

В этой особенности проявляется противоречивость не только самой Стратегии национальной безопасности, но и всего политического курса В.В. Путина, в котором одновременно сосуществуют патриотические лозунги и либеральные реформы; декларирование приоритета независимости России на международной арене и зависимость экономики, образования, науки от либерально-капиталистических догм; прорывное развитие ВПК и многолетняя стагнация уровня и качества жизни населения; стремление к идеалам социального государства и «кумовской капитализм», следствием чего, в том числе, является лидерство России в мире по уровню доходного неравенства; постоянный поиск национальной идеи как фундамента национальной идентичности и официальный запрет на идеологию в Конституции; признание проблемы бедности одной из приоритетных для страны и отсутствие отдельного национального проекта (то есть плана, механизма, инструментов) по ее решению...

Перечень противоречий можно было бы перечислять и дальше. Факт в том, что их корни находятся **в самой системе государственного управления, выстроенной на личной роли В.В. Путина в регулировании баланса интересов между группами (семьями, кланами), которые придерживаются противоположных ценностей и в совокупности составляют властвующую элиту страны.**

В Стратегии-2021 отмечены «укрепление гражданского самосознания» россиян, «рост социальной активности», «вовлеченность в решение наиболее актуальных задач местного и государственного значения» (п. II.11), что отсутствовало в Стратегии-2015. Другими словами, тенденция роста самодостаточности (которую ранее фиксировали социологические исследования, в частности, проводимые экспертами ФНИСЦ РАН¹⁹) настолько важна и очевидна, что была зафиксирована в Стратегии национальной безопасности как одна из объективных характеристик современного российского общества.

Однако рост самодостаточности общества предполагает и рост его требовательности к власти, а также обострение отношений между обществом и властью, в случае если эти требования не будут выполняться или будут выполняться не так, как общество ожидает. Причем здесь речь уже не идет об обещаниях, планах, ни о каком «позиционировании России на международной арене» и т. д. Речь идет о конкретных показателях уровня и качества жизни, а точнее о субъективном ощущении широкими слоями населения позитивных сдвигов в динамике своего материального положения.

¹⁸ Дугин А. Новые вершины и инерция биполярного расстройтва // Завтра. 2021. 22 июля. URL: https://zavtra.ru/blogs/novie_vershini_i_inertciya_bipolyarnogo_rasstrojstva

¹⁹ См., например: Российское общество весной 2016 г.: тревоги и надежды: информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского исследования. М., 2016. С. 30.

Подберезкин А. (директор Центра военно-политических исследований МГИМО): «**Как и в прежней стратегии, [в варианте 2021 года] не хватает механизмов реализации.** Подчеркивается, что стратегия национальной безопасности является базовым документом для других стратегий и концепций. При этом механизмов реализации нет, не считая ежегодного отчета секретаря Совета безопасности о состоянии безопасности в РФ»²⁰.

Катасонов В.: «...новая версия Стратегии национальной безопасности Российской Федерации представляет собой **ампутированную версию 2015 года:** ей отрезали раздел VI. «Основные показатели состояния национальной безопасности»... **В ней не определен срок действия документа. Так что нет ни сроков, ни показателей.** А отсутствие сроков дает возможность в любой момент действующую версию заменить на более продвинутую»²¹.

Воротников Ю. (председатель комитета по политтехнологиям Российской ассоциации по связям с общественностью): «В документе, который должен определить общее направление, цели и пути обеспечения национальной безопасности, **хочется увидеть основную идею – центр кристаллизации, вокруг которого выстроится вся система... Отсутствие объединяющей концепции свидетельствует о том, что единого представления о будущем России пока не выработано**»²².

В этом отношении Стратегия национальной безопасности 2021 г. унаследовала изъяны двух предыдущих стратегий (2009 и 2015 гг.). Эксперты говорят об отсутствии конкретных сроков и механизмов ее реализации, а это становится исключительно важным в условиях, с одной стороны, роста социальной активности россиян, с другой стороны – продолжающихся обостряться социально-экономических проблем, связанных с динамикой уровня и качества жизни и являющихся первоочередными в повестке ключевых запросов общества.

Причем комплексные последствия пандемии коронавируса – не причина, а лишь триггер этих проблем. Так, например, по состоянию проблемы неравенства Россия на сегодняшний день занимает лидирующее положение в мире. Исследование международной организации Ipsos²³ показало, что в нашей стране люди чаще всего выражают обеспокоенность такими формами неравенства, как неравенство по доходам (83%; *рис. 1*) и неравенство между богатыми и бедными регионами (64%; *рис. 2*). Для сравнения, в целом по миру эти показатели составляют 60 и 42% соответственно²⁴.

По данным международного исследования Ipsos, 83% россиян считают, что неравенство по доходам является одним из наиболее актуальных. Обеспокоенность населения России значительно выше, чем в США (57%), Китае (57%), Германии (59%) и ряде других стран.

Остроту проблемы неравенства между наиболее и наименее богатыми регионами в России отмечают 64% людей. Для сравнения, в США – 38%, Китае – 40%, Германии – 22%.

²⁰ Эксперты оценили перемены в подписанной Путиным стратегии нацбезопасности // РБК. 2021. 3 июля. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/07/2021/60e0a1c79a7947a36edadc3d>

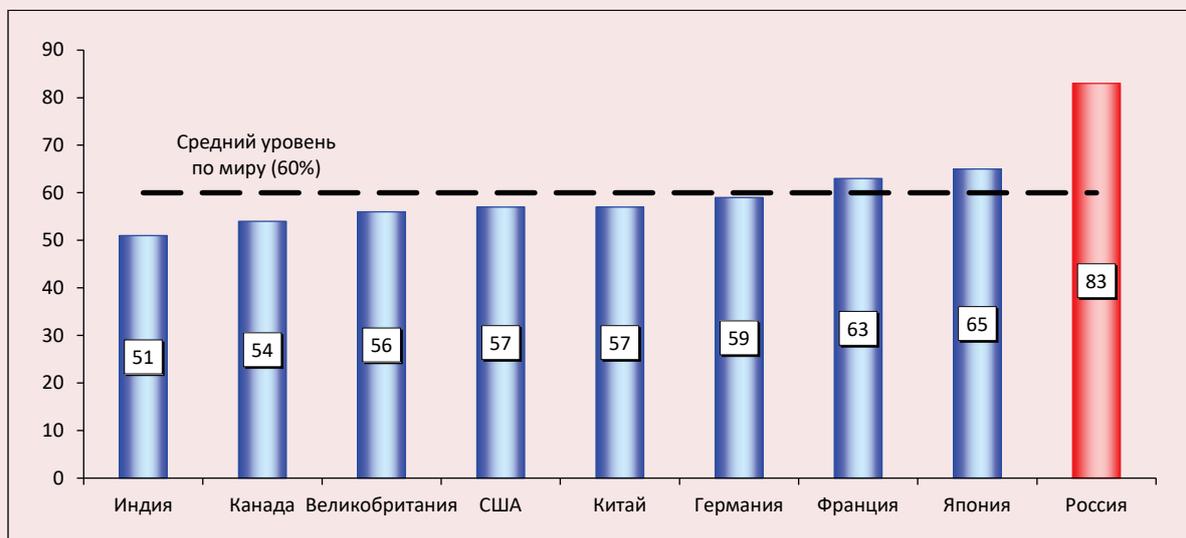
²¹ Катасонов В. Стратегия Путина // Информационный ресурс Discred.ru. URL: <https://www.discred.ru/2021/07/12/valentin-katasonov-strategiya-putina/>

²² Скоробогатый П. Стратегия с опорой на свои силы // Эксперт. 2021. № 29. С. 54.

²³ Исследование проведено Ipsos в 28 странах мира на онлайн-платформе Global Advisor в период с 23 декабря 2020 года по 8 января 2021 года. Было опрошено 23 004 взрослых в возрасте 18–74 лет в США, Канаде, Малайзии, Южной Африке и Турции, 21–74 лет в Сингапуре и 16–74 лет – на других рынках (источник: Официальный сайт компании Ipsos. URL: <https://www.ipsos.com/ru-ru/kakie-vidy-neravenstv-vidyatsya-naibolee-seryoznymi>).

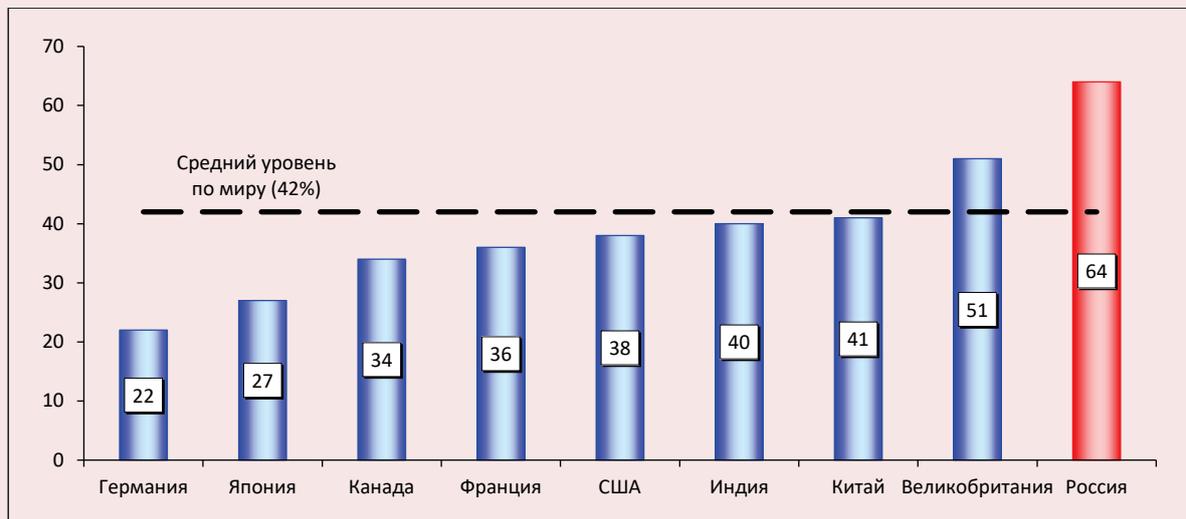
²⁴ На рисунках представлены ключевые страны. Полный список представлен в отчете Ipsos (источник: Официальный сайт компании Ipsos. URL: <https://www.ipsos.com/ru-ru/kakie-vidy-neravenstv-vidyatsya-naibolee-seryoznymi>).

Рис. 1. Доля людей, считающих, что неравенство по доходам является одним из трех наиболее серьезных видов неравенства в их стране, % от числа опрошенных

Источник: Отчет Ipsos 19.03.2021 // Официальный сайт компании Ipsos. URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2021-03/inequalities_around_the_globe_0_0.pdf

Рис. 2. Доля людей, считающих, что неравенство между наиболее и наименее богатыми регионами является одним из трех наиболее серьезных видов неравенства в их стране, % от числа опрошенных

Источник: Отчет Ipsos 19.03.2021 // Официальный сайт компании Ipsos. URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2021-03/inequalities_around_the_globe_0_0.pdf

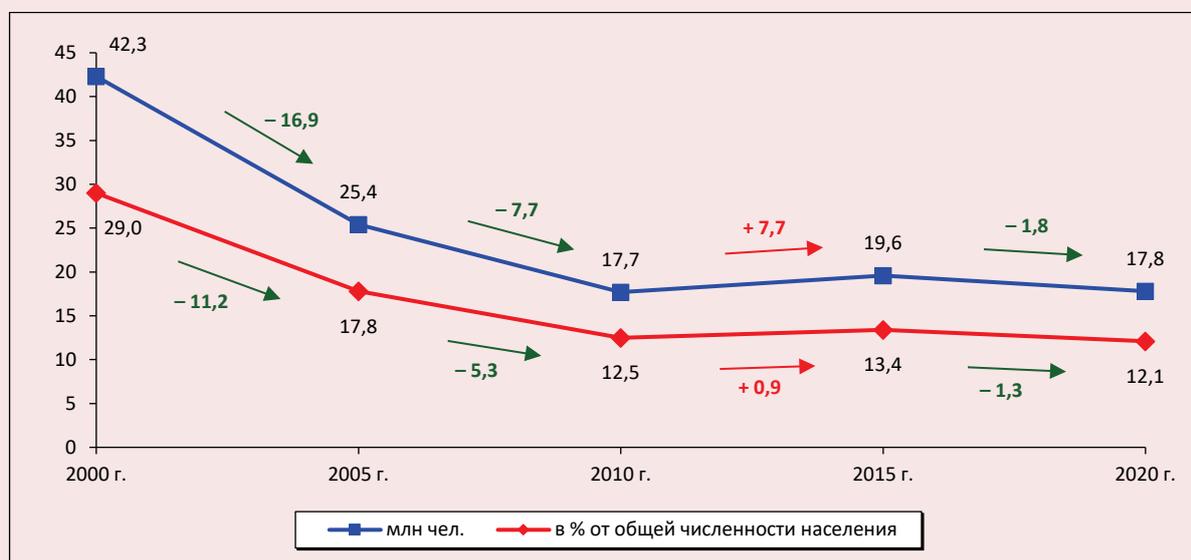
Не меньше поводов для скептицизма возникает и в отношении другой ключевой для российского общества проблемы – динамики уровня бедности.

«Различные страновые замеры демонстрируют, что в РФ выше, чем в среднем по миру, нетерпимость граждан к экономическому неравенству. И если в целом в мире нарастают опасения, связанные с коронавирусом, то в России граждан беспокоят прежде всего безработица, низкая оплата труда и бедность... Одна из национальных целей развития страны заключается в снижении уровня бедности в два раза к 2030 году. Но как власти надеются побороть бедность в стране, где экономика стагнирует уже вне зависимости от кризиса, а никаких предпосылок для улучшения благосостояния ее граждан не создается?»²⁵

Как отметила Т. Голикова, «в 2020 году, несмотря на негативное влияние пандемии, удалось не только избежать повышения уровня бедности, но и обеспечить его снижение до 12,1%»²⁶. Однако следует также сказать, что в общем тренде уровня бедности за последние 20 лет наметилась явная стагнация. Если за первые 10 лет президентских сроков В.В. Путина (2000–2010 гг.) доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума снизилась с 42 до 18 млн чел (с 29 до 13%), то за последующую «десятилетку» (2010–2020 гг.) этот показатель фактически не изменился (18 млн чел., или 12% от общей численности населения; *рис. 3*).

Сложно говорить и об эффективности реализации «прорыва», анонсированного президентом в ходе Послания Федеральному собранию в 2018 году. По данным Росстата, за период 2018–2020 гг. доля людей с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума уменьшилась на 600 тыс. чел. (с 18,4 до 17,8 млн чел.), или на 0,5% от общей численности населения (с 12,6 до 12,1%).

Рис. 3. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума

Источник: данные Росстата.

²⁵ Нарастание в стране социального неравенства – тема номер один в России (редакционная статья) // Независимая газета. 2021. 6 июля. URL: https://www.ng.ru/editorial/2021-07-06/2_8191_editorial.html

²⁶ Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам 19.07.2021 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66217>

Переход с 2021 года на новую методику расчета бедности (с учетом прожиточного минимума, который устанавливается раз в год и в привязке к медианному доходу, а не потребительской корзине), скорее всего, не сильно повлияет на общую ситуацию. Так, по оценкам Счетной палаты, даже с учетом новой формулы расчета уровень бедности «на протяжении последних лет – с 2013 по 2019 год – практически не менялся... он находился в пределах от 14,6 до 14,2%, никак не реагируя ни на экономический рост, ни на экономический спад». По итогам 2019 года уровень бедности в стране составил 12,3%, в 1-м полугодии 2020 г. – 13,2%²⁷.

Зато уже сейчас очевидно, что внедрение новой методики расчета бедности создает угрозу превращения реального выполнения майских указов Президента РФ в манипуляции со статистикой с целью получения формальной отчетности.

«Сначала в майском указе от 2018 года прописывалось, что нужно снизить уровень бедности в стране в два раза до 2024 года. Это была одна из национальных целей развития, которую, правда, затем пришлось скорректировать в условиях пандемии. Новый указ президента (от июля 2020-го) прописывает снижение к 2030 году уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 года.

Но после изменения методики расчета прожиточного минимума все новые данные по бедности перестают быть сопоставимыми со старыми. Их больше нельзя сравнивать для того, чтобы отслеживать, как достигается цель президента»²⁸.

По сути, в России появляются две бедности, сопоставимости показателей которых еще только предстоит добиться; по мнению некоторых специалистов, «на тактическом уровне нужно вести расчет бедности сразу по двум методикам, по крайней мере до конца срока действия нынешнего указа»²⁹.

В этих условиях вполне обоснованным становится беспокойство экспертов по поводу того, что «теперь снова потребуются вносить уточнения в указы президента, посвященные национальным целям развития... На какие уровни и показатели мы будем ориентироваться после внедрения новой формулы прожиточного минимума? С какой именно бедностью будем бороться?... Какой показатель снижать, а каким отчитываться? Или это вскоре будет неважно, потому что за предстоящие 10 лет сами национальные цели развития тоже изменятся?»³⁰

В одной из предыдущих статей мы говорили о том, что главной причиной отсутствия позитивной динамики в решении наиболее актуальных проблем, волнующих население, «пробуксовывания» национальных проектов и в целом уязвимости России с точки зрения внутреннего социально-экономического развития является бездуховность правящих элит как *«личностная характеристика отдельных ее представителей, утративших ощущение морально-нравственной ответственности перед обществом, перед призванием защищать и отстаивать национальные интересы страны в связи с приоритетом личных, корыстных интересов»*³¹. Причем эта бездуховность во многом стала следствием целенаправленной политики глобальных элит, активно насаждающих либерально-капиталистические идеалы «общества потребления».

²⁷ Башкатова А. Бедность подстроится под национальные цели // Независимая газета. 2020. 18 октября. URL: https://www.ng.ru/economics/2020-10-18/1_7992_poverty.html

²⁸ Башкатова А. Новых бедных в России стало на 20 процентов больше // Независимая газета. 2021. 25 июля. URL: https://www.ng.ru/economics/2021-07-25/1_8207_economics1.html

²⁹ В России появились новые бедные // Аргументы недели. 2021. 26 июля (мнение научного руководителя Института региональных проблем Д. Журавлева).

³⁰ Башкатова А. Бедность подстроится под национальные цели // Независимая газета. 2020. 18 октября. URL: https://www.ng.ru/economics/2020-10-18/1_7992_poverty.html

³¹ Ильин В.А., Морев М.В. К чему ведет бездуховность правящих элит? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 9–28.

В отношении противодействия этому ключевому, системному во всех отношениях тренду Стратегия национальной безопасности 2021 г. также имеет некоторую недосказанность и противоречивость. Лейтмотив принципиальной независимости геополитического статуса России в условиях, с одной стороны, «все более актуальной проблемы морального лидерства и создания привлекательной идейной основы будущего мироустройства» (п. II.19)» и, с другой стороны, в окружении «недружественных стран», которые «стремятся изолировать Российскую Федерацию» (п. II.18), «пытаются использовать имеющиеся в Российской Федерации социально-экономические проблемы для разрушения ее внутреннего единства» (п. II.20), **не сопровождается конкретными механизмами, каким образом и все российское общество, и (в первую очередь) властвующая элита страны будет противостоять глобальной политике насаждения идеологии «общества потребления».**

Отчасти на этот вопрос отвечает подчеркивание важности духовного потенциала России – шаг, безусловно, необходимый; направленный, в том числе, и на решение проблемы национализации элит. Но конкретных механизмов, касающихся его, в Стратегии также не предусмотрено.

Эксперты отмечают, что «ответ на вызовы, вставшие перед глобальным капитализмом, возможен только через кооперацию между ведущими развитыми и развивающимися странами, что предполагает **способность их элит к ограничению своих притязаний**»³². Но каким образом этого добиться – в Стратегии не указано.

При этом реальная практика свидетельствует, что предпосылки к тому, чтобы российские элиты начали ограничивать свои притязания, пока не видно. Так, на последнем Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ – 2021) первым вице-премьером А. Белоусовым

в очередной раз были выявлены сверхдоходы владельцев крупнейших металлургических корпораций, на которые они «нахлобучили»³³ государство.

Напомним, что в 2018 г. в открытом письме Президенту РФ А. Белоусов уже предлагал изъять 513,7 млрд рублей у 14 металлургических, горнодобывающих и химических компаний с целью реализации майских указов. По словам пресс-секретаря Президента России Д. Пескова, В.В. Путин согласился с необходимостью проработать предложение своего помощника и сделал соответствующее поручение. Однако, как показали данные, озвученные А. Белоусовым на ПМЭФ – 2021, вопрос о направлении сверхдоходов крупного бизнеса на решение задач, связанных с национальными интересами, так и остается нерешенным.

Принципиально важно, что в письме А. Белоусова был сделан акцент на том, что «условий для дополнительных изъятий сверхдоходов не создает сложившаяся налоговая система»³⁴. **То есть речь не идет о каких-то частных случаях или криминальных ситуациях, а именно о долгосрочном, системном характере указанной проблемы, существующей в рамках российского законодательства; о вполне официальных условиях, позволяющих представителям крупного бизнеса не направлять сверхдоходы на реализацию национальных интересов.**

К таким условиям можно отнести Федеральный закон № 76 «О внесении изменений в статьи 224, 275 и 284 части второй Налогового кодекса РФ»³⁵, который был подписан Президентом РФ В.В. Путиным 16 мая 2007 года и фактически стал механизмом реализации бюджетного послания Федеральному собранию 2005 года, где глава государства предлагал рассмотреть вопрос «о совершенствовании налогообложения дивидендов, получаемых российскими юридическими лицами от инвестиций

³² Яковлев А.А. Куда идет глобальный капитализм? // Мир России. 2021. № 3. С. 29.

³³ Белоусов заявил о «нахлобучивании» государства металлургами на ₽100 млрд // РБК. 2021. 31 мая. URL: <https://www.rbc.ru/business/31/05/2021/60b3dc129a7947f1cbf45323>

³⁴ Иванов А. Изъять сверхдоходы // Завтра. 2018. 10 августа. URL: https://zavtra.ru/events/iz_yat_sverhdohodi

³⁵ Законопроект был внесен депутатами Государственной Думы (В.А. Пехтин, А.В. Бездольный, А.Б. Коган, Л.В. Пепеляева, В.С. Тимченко, Е.А. Федоров, С.В. Чижов) 3 августа 2006 г. (источник: Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/329216-4>).

в дочерние общества, что должно стимулировать размещение холдинговых компаний в Российской Федерации»³⁶.

Закон предусматривал введение с 1 января 2008 года нулевой ставки налога на прибыль, начисляемой на дивиденды от стратегического участия³⁷ российских организаций в других компаниях. На примере двух крупнейших металлургических корпораций можно наглядно

проследить последствия этого шага: за период с 2008 по 2019 год из-под объекта налогообложения было изъято 318 млрд рублей у ПАО «Северсталь» и 308 млрд рублей у ПАО «НЛМК» (табл. 1). Таким образом, недоначисленный налог на прибыль от этих предприятий за 12 лет составил 63,6 млрд рублей от ПАО «Северсталь» и 61,6 млрд руб. – ПАО «НЛМК».

Таблица 1. Доходы металлургических комбинатов от участия в других организациях и недоначисленный налог на прибыль с 2000 по 2019 г., млн руб.

Период	ПАО «Северсталь»			ПАО «НЛМК»		
	Доходы от участия	Недополученные налоговые доходы бюджета* Вологодской области		Доходы от участия	Недополученные налоговые доходы бюджета* Липецкой области	
		Сумма, млн руб.	В % к налоговым доходам		Сумма, млн руб.	В % к налоговым доходам
2008	229	46	0,1	29559	5912	17,7
2009	62	12	0,04	28780	5756	22,1
2010	4	1	0,002	14640	2928	9,6
2011	2838	568	1,4	4084	817	2,4
В среднем за 2008–2011 гг.	783	157	0,4	19266	3853	12,9
2012	14908	2982	6,8	16677	3335	9,3
2013	9016	1803	4,2	20965	4193	11,1
2014	54351	10870	23,5	22882	4576	10,5
2015	44320	8864	18,7	23545	4709	9,6
В среднем за 2012–2015 гг.	30649	6130	13,3	21017	4203	10,1
2016	11063	2213	4,0	14861	2972	5,8
2017	60924	12185	19,5	37962	7592	14,0
2018	63825	12765	16,4	21967	4393	7,0
2019	56513	11303	13,5	72099	14420	23,9
В среднем за 2016–2019 гг.	48081	9617	13,4	36722	7344	12,7
В среднем за 2008–2019 гг.	26504	5301	9,0	25668	5134	11,9
2016–2019 к 2008–2012, раз	61,4		34,3	1,9		1,0
Сумма за 2008–2019 гг.	318053	63612		308021	61603	

* Консолидированных бюджетов субъектов Федерации.
Источник: рассчитано авторами по данным финансовых отчетов металлургических корпораций и отчетности Федерального казначейства.

³⁶ Бюджетное послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации о бюджетной политике в 2006 году. URL: <https://rulaws.ru/president/Byudzhethnoe-poslanie-Prezidenta-RF-Federalnomu-Sobraniyu-ot-24.05.2005/>

³⁷ Стратегическим признаётся такое участие, которое отвечает требованиям, установленным Налоговым кодексом РФ, а именно: акции находятся в собственности более 365 календарных дней, а доля в уставном капитале превышает 50%.

Другой пример – Федеральный закон № 321 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с созданием консолидированной группы налогоплательщиков (КГН)». Сам законопроект был внесен Правительством РФ 18 июня 2010 г.³⁸ и в окончательном варианте подписан Президентом РФ Д.А. Медведевым 16 ноября 2011 г.

Данный механизм санкционировал холдингам зачисление убыточных компаний в совокупный финансовый результат, тем самым снижая поступления налога на прибыль в бюджет. Для металлургических корпораций объединение в КГН позволило снизить налоговую нагрузку.

Так, например, финансовые ресурсы материнской компании ПАО «Северсталь» позволили аккумулировать на счетах консолидированной группы налогоплательщиков ООО «Холдинговая горная компания» внушительные объемы собственного капитала и прибыли.

За 2010–2019 гг. совокупный объем прибыли до налогообложения, полученной обществом, составил 233,6 млрд рублей (табл. 2). Однако, несмотря на прибыльность компании, налог на прибыль уплачивался лишь в 2010–2011 и 2018–2019 гг.

В результате, в целом за период с 2010 по 2019 год фактический налог на прибыль составил лишь 451 млн рублей из 46,7 млрд рублей расчетного. Региональный бюджет, таким образом, недополучил более 40,5 млрд рублей.

Брызгалин А. (юрист, налоговый консультант): «Изначально было понятно, что КГН это институт, выгодный не просто для групп компаний, а для СВЕРХБОЛЬШИХ холдингов, т. к. условия для создания своей КГН по законодательству достаточно жесткие и мало кто может им соответствовать»³⁹.

Таблица 2. Финансовые показатели ООО «Холдинговая горная компания»* с 2010 по 2019 г., млн руб.

Год	Собственный капитал**	Прибыль до налогообложения	Фактический налог на прибыль	Расчетный налог на прибыль	из него в:		Чистая прибыль
					федеральный бюджет	региональный бюджет	
2010	80748	124	89	25	3	22	-193
2011	91850	11287	185	2257	226	2031	11102
2012	101454	21782	0	4356	436	3920	21670
2013	101179	4687	0	937	94	843	5132
2014	72771	12153	0	2431	243	2188	12110
2015	77337	28565	0	5713	571	5142	28566
2016	84162	6367	0	1273	127	1146	6825
2017	123974	90509	0	18102	2715	15386	89811
2018	93364	24612	135	4922	738	4184	25190
2019	86205	33480	42	6696	1004	5692	33441
Сумма за 2010–2019 гг.	913044	233566	451	46712	6157	40554	233654

* ООО «Холдинговая горная компания» было учреждено ПАО «Северсталь» 7 октября 2003 года в целях управления холдинговыми компаниями. Численность сотрудников, по разным оценкам, имеющимся в электронных ресурсах, составила 1–10 человек. Генеральным директором общества стал А.А. Мордашов.

** Включает в себя уставной капитал, резервный капитал и нераспределенную прибыль.

Источник: ООО «Холдинговая горная компания». URL: <https://www.list-org.com/company/204221>

³⁸ Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/392729-5>

³⁹ Брызгалин А. Интересные цифры по консолидированным группам налогоплательщиков (КГН) // Эхо Москвы. 2014. 20 марта. URL: https://echo.msk.ru/blog/brizgalin_av/1283062-echo/

Таблица 3. Страны с наибольшим числом миллиардеров

Место	Страна	Численность населения, млн чел.*		Число миллиардеров, чел.**		Число миллиардеров на 1 млн чел. нас.		Изменение числа миллиардеров на 1 млн чел. нас., 2021 г. к 2020 г. абс. (+ / -)
		2020 г.	2021 г.	2020 г.	2021 г.	2020 г.	2021 г.	
1	США	332,6	335,0	615	724	1,85	2,16	+0,31
2	Китай	1424,5	1428,5	387	626	0,27	0,44	+0,17
3	Индия	1383,2	1397,4	102	140	0,07	0,10	+0,03
4	Германия	83,4	83,4	106	136	1,27	1,63	+0,36
5	Россия	143,9	143,8	98	117	0,68	0,81	+0,13
6	Бразилия	211,8	213,3	45	65	0,21	0,30	+0,09
7	Канада	37,6	38,0	44	64	1,17	1,68	+0,52
8	Великобритания	67,3	67,6	46	56	0,68	0,83	+0,14
9	Италия	60,6	60,6	36	51	0,59	0,84	+0,25
10	Япония	125,3	124,8	26	49	0,21	0,39	+0,19

* Источник: база данных Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). URL: <https://stats.oecd.org/>

**Источник: рейтинг Forbes – 2021. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery-photogallery/425573-20-stran-s-naibolshim-kolichestvom-milliardero-2021-reyting-forbes> (без учета Гонконга как территориально-административной единицы Китая).

Практическим шагом, соответствующим реализации национальных интересов, могло бы стать повышение ставки НДФЛ для людей со сверхдоходами. По числу долларовых миллиардеров Российская Федерация входит в пятерку стран-лидеров (табл. 3), поэтому дополнительный налог на сверхдоходы мог бы существенным образом способствовать реализации национальных проектов. Однако данное решение пока так и не принято.

Таким образом, мы видим, что сама система государственного управления функционирует так, что заявленные цели и ориентиры ее деятельности во многом расходятся с реальными шагами. На фоне провозглашаемых приоритетов роста уровня и качества жизни населения, снижения уровня бедности и, в целом, развития человеческого потенциала на практике представителям крупного бизнеса удается лоббировать законы, отражающие исключительно их личные интересы, что усугубляет проблему социального неравенства, а вместе с ней и потребности широких слоев населения в социальной справедливости.

Как мы видим, устойчиво высокий уровень бедности и социального неравенства в России сосуществует со столь же устойчивыми признаками «кумовского капитализма», когда высокую прибыль получают лишь отдельные представители элитарных групп, что во многом обеспечивается нормами законодательства. Иными словами, отмечаемый многими экспертами противоречивый характер Стратегии национальной безопасности 2021 г. в полной мере отражает реальное состояние всей сложившейся за годы реализации нынешнего политического курса системы государственного управления.

Это вызывает вполне резонные опасения по поводу будущего национальных проектов, даже несмотря на то, что на последнем совещании по нацпроектам президент подчеркнул: «Сроки выполнения поставленных задач мы переносить не будем», призвав правительство «не искать оправданий для того, чтобы перенести выполнение данных людям обещаний „на потом“, „на когда-нибудь“»⁴⁰.

⁴⁰ Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам 19.07.2021 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66217>

Отметим при этом, что обращение внимания членов правительства на своевременное и четкое выполнение нацпроектов фактически уже стало ежегодной практикой для главы государства.

Многие эксперты все чаще обращают внимание на ряд исторических параллелей, которые можно провести между внутренним состоянием правящих элит современной России и

руководящих органов «эпохи застоя» СССР. «Зазор между пропагандой и реальностью начинает напоминать позднесоветские времена»⁴¹. С одной стороны – элиту составляют люди, которые «не пропитаны идеологией, а знают ее только на уровне затверженных формул»⁴², утилитарно подходящих к результатам науки, культуры и образования, но, в то же время, активно участвующих в их «развитии», навязывающих

2018 год:

Из выступления В.В. Путина на совещании с членами Правительства 26 мая 2018 г.: **«Не должно и не может быть никаких ссылок на какие бы то ни было обстоятельства, которые помешают вам выполнить эту работу качественно, на высоком уровне и в поставленные сроки»**⁴³.

Из выступления В.В. Путина на совещании с членами Правительства 2 октября 2018 г.: «Я уже об этом говорил и хочу вас вернуть, чтобы мы не засыпали на ходу... **Мы обязаны осуществить намеченные планы.** Хочу, чтобы все это хорошо понимали и были готовы к сложной, напряженной работе... **Хотел бы подчеркнуть еще раз: необходимо выйти на все обозначенные в Указе рубежи»**⁴⁴.

2019 год:

Из выступления В.В. Путина на заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам 8 мая 2019 г.: «Одна задержка тянет за собой целую цепочку других, в итоге работа буксует. Я прошу практику переносов контрольных сроков жестко упорядочить. Это должно быть редким, аргументированным исключением из правил, а лучше от этой привычки вообще полностью избавиться... Когда в Послании подчеркивал, что времени на раскачку нет, – это не фигура речи, не безадресный призыв, это четкое, жесткое и персональное требование к Правительству, к федеральным ведомствам, региональным и муниципальным командам. Прошу им руководствоваться постоянно, а не к отчетным датам и сроку исполнения поручений»⁴⁵.

2020 год:

Из выступления В.В. Путина на расширенном заседании президиума Государственного совета 28 сентября 2020 г.: «Уже в 2021 году по каждой из национальных целей должен быть обеспечен качественный, ощутимый результат. **При этом сразу хочу подчеркнуть: не следует откладывать решение сложных, системных проблемных вопросов на потом... нельзя уводить эти задачи за границу 2024 года»**⁴⁶.

⁴¹ Дугин А. Новые вершины и инерция биполярного расстройств // Завтра. 2021. 22 июля. URL: https://zavtra.ru/blogs/novie_ershini_i_inertiya_bipolyarnogo_rasstrojstva

⁴² Механик А. Застой и идейная пустота власти // Эксперт. 2021. № 22. С. 63.

⁴³ Совещание с членами Правительства 26.05.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57563>

⁴⁴ Совещание с членами Правительства 02.10.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58684>

⁴⁵ Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам 08.05.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60485>

⁴⁶ Расширенное заседание президиума Государственного совета 28.09.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64105>

вающих свою волю. С другой стороны, в целом в российском обществе отмечается тотальная деидеологизация режима, благодаря чему не только система управления, но и простой человек утрачивает «энергетику большой цели»⁴⁷, а в рядах интеллигенции постепенно зреют недовольство и протест. Как отмечают эксперты, в эпоху застоя «деидеологизация развалила систему не только политического, но и экономического управления... элита оказалась неспособна к переменам в силу того, что не знала и не понимала страну... **и эти факторы все еще во многом довлеют над нашей элитой**»⁴⁸.

В противоречивом характере Стратегии национальной безопасности 2021 г. отражается и противоречивый характер динамики общественных настроений. С одной стороны, к середине 2021 г. (благодаря, по-видимому, таким шагам, как внесение изменений в Конституцию РФ, комплексная поддержка различных социально-демографических категорий населения в период пандемии и т. д.) удалось прервать негативный тренд ухудшения психологиче-

ского самочувствия людей, который наметился после объявления пенсионной реформы в 2018 году.

Как показывают результаты мониторинговых исследований, проводимых ФГБУН ВолНЦ РАН на территории Вологодской области, до 2018 года доля положительных оценок социального настроения жителей региона стабильно увеличивалась (за период с 2000 по 2018 год – на 25 п. п., с 46 до 71%; *рис. 4, вкладка 1*). Однако после объявления пенсионной реформы удельный вес людей, позитивно оценивающих свое повседневное эмоциональное состояние, стал снижаться, с 2018 по 2020 год уменьшившись на 10 п. п. (с 71 до 61%).

Конечно, на этот процесс во многом повлияла пандемия COVID-19, но отметим, что ни в одной из 14 основных социально-демографических категорий населения положительных изменений в динамике социального настроения не отмечалось еще в 2019 году, то есть до того, как мир узнал о существовании коронавируса.

Рис. 4. Среднегодовая динамика оценок социального настроения, % от числа опрошенных

Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

⁴⁷ О чем мечтают россияне (размышления социологов): аналитический доклад. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации. ФНИСЦ РАН. Москва, 2012. С. 171. URL: https://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_Mechti/O_chem_mechtayut_rossiyane_Zaklyuchenie.pdf

⁴⁸ Механик А. Застой и идейная пустота власти // Эксперт. 2021. № 22. С. 68.

И, тем не менее, за последние 12 месяцев (с августа 2020 по август 2021 год) удалось добиться положительных изменений социального настроения, причем во всех слоях населения. В целом по области доля тех, кто испытывает преимущественно позитивные эмоции, увеличилась на 11 п. п. (с 57 до 68%); в некоторых группах этот показатель доходит до 15–18 п. п. (например, среди наименее обеспеченных слоев населения, жителей Череповца (табл. 4; вкладка 1).

Таблица 4. Текущая динамика положительных оценок социального настроения в 2021 году в различных социально-демографических категориях населения, % от числа опрошенных

Категория населения	Авг. 2020	Авг. 2021	Изменение (+ / -)
Пол			
Мужской	55,6	65,6	+10
Женский	57,3	69,8	+13
Возраст			
До 30 лет	69,0	82,3	+13
30–55 лет	56,2	71,4	+15
Старше 55 лет	51,9	58,1	+6
Образование			
Среднее и н/среднее	51,7	63,2	+12
Среднее специальное	59,1	68,5	+9
Высшее и н/высшее	58,6	73,0	+14
Доходные группы			
20% наименее обеспеченных	40,4	55,0	+15
60% средне-обеспеченных	56,6	68,9	+12
20% наиболее обеспеченных	76,4	86,7	+10
Территории			
Вологда	57,0	59,7	+3
Череповец	54,4	72,3	+18
Районы	57,5	70,1	+13
Область	56,5	67,9	+11

⁴⁹ Международное социологическое исследование: новые угрозы и практики их преодоления в условиях пандемии, август 2020 г. Исследовательский коллектив: Н.М. Великая (рук.) Н.И. Белова, М.С. Цапко, Т.В. Великая, Е.В. Фадеева, Е.В. Зверев. Проведено в рамках проекта РНФ № 17-78-30029 «Когнитивные механизмы и дискурсивные стратегии преодоления социокультурных угроз в исторической динамике: мультидисциплинарное исследование». В ходе полевого исследования, проведенного методом полуструктурированного интервью (онлайн) в августе – сентябре 2020 г., было опрошено 1200 жителей четырех стран: Великобритании, Италии, РФ и США. Выборочная совокупность строилась квотным гнездовым методом, где гнездом выступала страна или регион, с соблюдением квоты по полу и возрасту (источник: Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие: [монография] / А.В. Торкунов, С.В. Рязанцев, В.К. Левашов [и др.]; под ред. А.В. Торкунова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова; вступ. слово А.В. Торкунова. М.: Аспект Пресс, 2021. С. 59).

Таким образом, очевидно, что тренд ухудшения общего психологического фона, начавшийся задолго до «уханьского кризиса», в 2021 году удалось переломить. С другой стороны, результаты российских исследований показывают, что на сегодняшний день характер некоторых ключевых показателей общественного мнения в России значительно хуже, чем, например, в США и Великобритании. По данным международного исследования ИСПИ ФНИСЦ РАН⁴⁹ в России выше доля людей (вкладка 2):

- ✓ не удовлетворенных жизнью в стране в целом (41% против 37–38%);
- ✓ считающих экономическую ситуацию в стране «напряженной, кризисной, критической, взрывоопасной» (86% – в России, столько же – в Великобритании; 73% – в США);
- ✓ отмечающих низкую степень защищенности от возможных экономических потрясений и кризисов (44% против 19–21%);
- ✓ неуверенных в завтрашнем дне (64% против 37–38%).

Кроме того, Россия «опережает» Великобританию и США по степени актуальности для населения практически всех перечисленных в опросе проблем (кроме «невозможности пойти в отпуск отдохнуть»). В РФ больше доля граждан, чью жизнь осложняют:

- ✓ низкие доходы (66%);
- ✓ отсутствие перспектив в жизни (37%);
- ✓ отсутствие нормальной работы (42%);
- ✓ трудности с получением медицинской помощи, приобретением лекарств (39%);
- ✓ невозможность улучшить жилищные условия (32%);
- ✓ невозможность дать детям хорошее образование (21%);
- ✓ отсутствие безопасности на улицах, в общественных местах (21%);
- ✓ сложности с выплатой кредитов (19%);
- ✓ плохая экология (18%).

Вкладка 1

Доля людей, положительно характеризующих свое социальное настроение, в различных социальных группах (% от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНИЦ РАН)

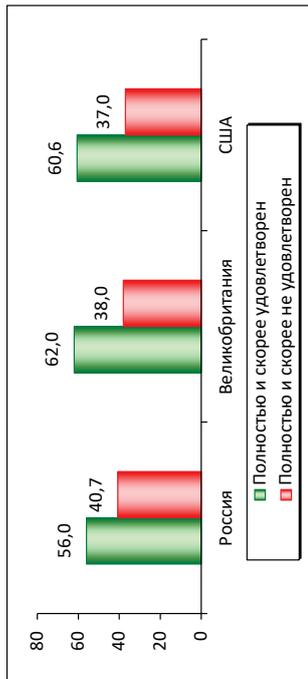
Категория населения	Динамика среднегодовых данных*							Текущая динамика за период с августа 2020 по август 2021 г.					Изменение (+/-), авг. 2021 к...		
	2000	2004	2008	2012	2018	2019	2020	Авг. 2020	Окт. 2020	Дек. 2020	Фев. 2021	Апр. 2021	Июнь 2021	Авг. 2021	Июнь 2021
Пол															
Мужской	50,1	58,7	69,5	69,1	72,8	70,1	60,8	55,6	60,7	60,0	60,8	61,3	65,1	65,6	+1
Женский	43,3	53,8	65,0	65,8	69,8	69,6	61,2	57,3	60,8	59,8	59,2	64,9	66,7	69,8	+3
Возраст															
До 30 лет	59,1	64,3	74,6	72,3	80,0	81,1	67,6	69,0	64,6	65,2	60,9	67,4	73,0	82,3	+9
30-55 лет	44,2	54,8	68,5	67,9	72,6	71,2	61,8	56,2	62,5	60,9	64,4	65,5	70,0	71,4	+1
Старше 55 лет	37,4	49,9	57,6	62,1	65,2	63,3	57,4	51,9	56,9	56,5	54,1	59,1	58,3	58,1	0
Образование															
Среднее и н/среднее	41,7	49,9	61,6	57,2	64,8	63,2	56,1	51,7	56,9	52,6	56,2	56,9	62,5	63,2	+1
Среднее специальное	46,4	56,9	67,5	66,7	72,2	72,7	63,5	59,1	63,5	62,5	60,9	64,3	66,1	68,5	+2
Высшее и н/высшее	53,3	61,8	72,6	77,0	76,8	73,4	63,3	58,6	61,4	64,6	62,7	68,7	69,7	73,0	+3
Доходные группы															
20% наименее обеспеченных	28,4	43,0	54,9	51,5	57,3	53,2	43,4	40,4	46,0	38,9	44,3	49,8	54,2	55,0	+1
60% среднеобеспеченных	45,5	55,8	67,1	68,7	71,9	71,4	62,6	56,6	61,9	63,3	60,1	65,8	67,0	68,9	+2
20% наиболее обеспеченных	64,6	69,9	77,3	81,1	82,9	81,8	75,6	76,4	70,6	76,3	76,0	70,8	76,5	86,7	+10
Территории															
Вологда	49,2	57,1	69,7	73,6	71,0	68,6	60,9	57,0	61,0	58,7	55,8	57,0	59,4	59,7	+3
Череповец	50,8	57,3	68,3	76,2	75,8	71,2	60,4	54,4	59,3	60,7	64,4	68,1	70,8	72,3	+2
Районы	42,2	54,8	65,0	59,8	68,7	69,8	61,4	57,5	61,4	60,0	59,7	64,0	67,1	70,1	+3
Область	46,2	56,0	67,0	67,3	71,2	69,9	61,0	56,5	60,7	59,9	59,9	63,3	66,0	67,9	+2

* Представлены среднегодовые данные за первый год каждого нового президентского срока и ежегодная динамика с 2018 года.

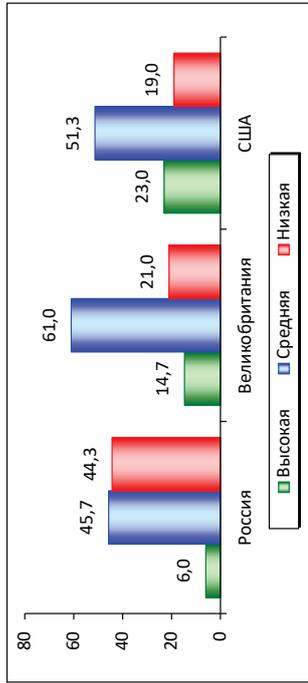
Вкладка 2

Ключевые показатели общественного мнения в России, Великобритании и США (2020 г.), %

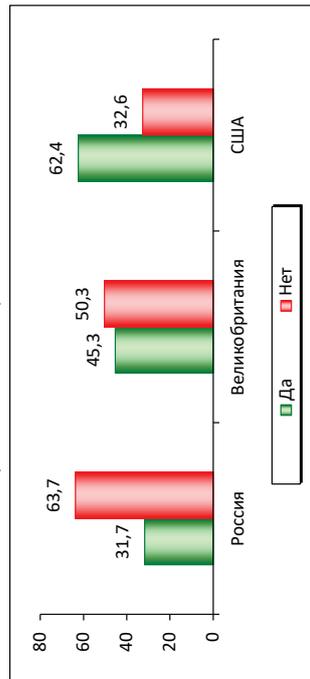
Удовлетворенность жизнью в стране

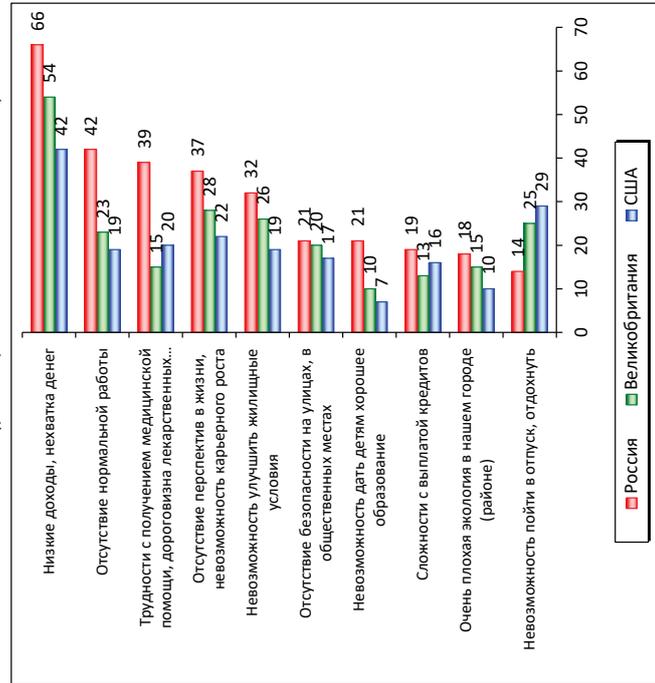
Оценка степени защищенности от возможных экономических потрясений и кризисов

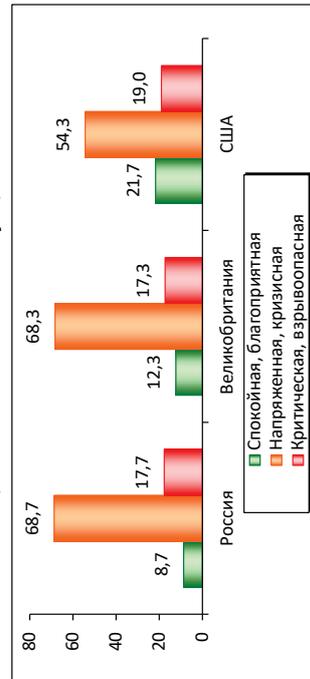
Уверенность в завтрашнем дне

Что особенно осложняет лично вашу жизнь или жизнь вашей семьи? (ранжировано по данным в РФ)

Оценка экономической ситуации

Источник: Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие: [монография] / А.В. Торкунов, С.В. Рязанцев, В.К. Левашов [и др.]; под ред. А.В. Торкунова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова; вступ. слово А.В. Торкунова. М.: Аспект Пресс, 2021. 248 с.

Таким образом, Стратегия национальной безопасности 2021 г. в полной мере отражает общий характер всего политического курса, реализуемого Президентом РФ. В ней фиксируется явное укрепление суверенитета и усиление международного позиционирования России.

«Стратегия-2021 фиксирует **новый мировой уклад без иллюзий и надежд на возвращение к прежнему порядку**. Это не только и не столько признание глубокого раскола в отношениях России с Западом. Это, по сути, отказ от возможности разрешения мировых проблем на основе коллективных дискуссий и прежних глобальных институтов вроде ООН и встреч мировых лидеров – то, что регулярно предлагал Владимир Путин даже после 2014 года. Россия долго оставалась единственной страной, которая надеялась на всесторонний поиск антикризисных рецептов. И мы последние, кто замораживает такие задачи в перечне своих национальных интересов»⁵⁰.

На наш взгляд, крайне важно, что в новом варианте Стратегии национальной безопасности России в качестве одного из национальных интересов зафиксировано «укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России» (п. III.25). Даже несмотря на острую актуальность и затяжной характер внутренних социально-экономических проблем, в условиях продолжающегося насаждения либерально-капиталистических ценностей глобальными элитами и в объективных условиях необходимости «оседлать волну»

технологических изменений, проблема поиска своего независимого, прежде всего духовно-нравственного, пути стоит особенно остро.

При этом последние кадровые изменения, происходящие в сфере культуры, науки и образования, демонстрируют готовность главы государства не только заявлять о приоритете духовно-нравственного развития, но и подкреплять данный ориентир реальными действиями. В контексте реализации основных положений Стратегии национальной безопасности можно рассматривать такие изменения, как:

✓ **Смена ректора Высшей школы экономики**, считающейся «самым крупным проводником западной идеологии в нашу страну, двигателем либеральных идей»⁵¹. 1 июля 2021 г. свой пост покинул ректор Высшей школы экономики (ВШЭ) Я. Кузьминов, который занимал эту должность с 1992 года и, как отмечают некоторые эксперты, являлся «идеологом либерального блока в кабмине РФ и признанным могильщиком образования»⁵². Его место занял бывший ректор Дальневосточного федерального университета Н. Анисимов; по мнению некоторых экспертов – «несомненно, креатура администрации Президента»⁵³.

«Анисимов сделал ДВФУ одним из лучших университетов страны. ВУЗ лишен либерализма. В нем делают упор на практику... Также важно обратить внимание на следующий момент. Анисимов не был замечен в развитии сотрудничества с западными университетами, исследовательскими центрами, НКО и т. д. ДВФУ наладил великолепное сотрудничество с Китаем»⁵⁴.

⁵⁰ Скоробогатый П. Стратегия с опорой на свои силы // Эксперт. 2021. № 29. С. 52.

⁵¹ Гончаров А. Действительно ли Вышка – лучший российский вуз? // Завтра. 2021. 6 июля. URL: https://zavtra.ru/blogs/kuz_minov_dvinulsya_v_nauchnie_rukovoditeli_vishki

⁵² Иванов А. Кузница либеральных кадров обезглавлена // Завтра. 2021. 2 июля. URL: https://zavtra.ru/events/kuznitca_liberastnih_kadrov_obezglavlena

⁵³ Скрынникова А., Юзбекова И. «Он как государственный чиновник»: почему ректором ВШЭ стал Н. Анисимов. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/434335-kak-gosudarstvennyy-chinovnik-pochemu-rektorem-vshe-stal-nikita-anisimov>

⁵⁴ Свершилось. ВШЭ вырвали из рук либералов. URL: <https://www.putin-today.ru/archives/128506>

✓ **Смена Президента Российской академии образования (РАО).** Эту должность 30 июня 2021 г. заняла О. Васильева, которая, по мнению ряда экспертов, «возрождает лучшие традиции российского образования» и, вероятно, «даст новый импульс академии»⁵⁵.

Лубков А. (ректор Московского педагогического государственного университета): «Как министр, Ольга Юрьевна Васильева многое делает **для возрождения лучших традиций российского образования.** Уже одно из первых ее заявлений на посту руководителя ведомства, о том, что **образование не услуга, а особая миссия служения обществу и государству** дала надежду и вдохновила на оздоровление отечественной высшей и средней школы, на преодоление кризисных явлений, накопившихся здесь в течение последних десятилетий»⁵⁶.

Отметим также, что в период ее работы в должности министра образования и науки (2016–2018 гг.) «*главный костяк оппонентов Васильевой составляли либералы из министерства образования, которые влияли на ведомство еще со времен бывших министров А. Фурсенко и Д. Ливанова.*» «*Позиционирование Васильевой как противовеса либеральной общественности*» отмечал директор «Минченко консалтинг» Е. Минченко. По мнению генерального директора Института региональных проблем к.п.н. Д. Журавлева, «*Ольга Васильева с самого начала не совсем попадала в парадигму экономического блока правительства. Она не в полной мере разделяет позицию, согласно которой образование – это исключительно сфера услуг. Главной задачей образования она видит именно идеологическое воспитание, а не бизнес*»⁵⁷.

Для справки. Мнение О. Васильевой по некоторым проблемам системы образования⁵⁸:

1. Об уроках основ религии в школах:

«...что касается духовно-нравственных ценностей, я убеждена: любая культура, особенно наша, зиждется на христианстве. То наследие, которое нам дала христианская культура, собирается по крупицам по сегодняшний день. Это наследие нужно знать каждому человеку, без этого его личность не будет полной».

2. О возможности введения уроков сексуального образования в школе:

«Я бы посоветовала родителям об этом разговаривать с детьми. Без работы семейной ничего не получится. Я с трудом себе представляю, что я в школе просила бы учителя разговаривать с моим ребенком об этом. Есть какие-то вещи, которые, на мой взгляд, являются очень чувствительными, очень тонкими».

3. О политизации школьников:

«Чтобы быть политизированным, нужно много знать. На сегодняшний день уровень знания истории, литературы, географии достаточно низкий. Если ты какие-то идеи кому-то несешь, они чаще всего на чем-то зиждутся. Я допускаю, что есть место протесту подростковому, который есть всегда. И иногда им пользуются взрослые люди. <...> О какой политизации можно говорить? Что, они читают философов в массовом порядке? Воспитывать и интеллектуально развивать их нужно, конечно. И дома, и в школе».

⁵⁵ Мнение академика РАО, ректора НИЯУ МИФИ М. Стриханова (источник: Единственно верное решение // Коммерсант. 2021. 28 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4877626>).

⁵⁶ Васильева возрождает лучшие традиции российского образования // РИА-новости. 2020. 13 января. URL: <https://ria.ru/20200113/1563347621.html>

⁵⁷ Захаркин С., Герейханова А., Белый М. Либералы используют атаки в школах, чтобы убрать Васильеву / Информационное агентство URA.RU. 2018. 22 января. URL: <https://ura.news/articles/1036273645>

⁵⁸ РБК. 24.12.2019. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/12/2019/5e01c02e9a7947c99de3e918>

4. О деbüroкратизации работы учителей:

«Должно быть четыре документа: рабочая программа по предмету, календарно-тематический план, электронный дневник, электронный журнал. Все остальное учителя трогать не должно... Учитель не должен быть нагружен. Дурацкая отчетность кому нужна? Никому».

5. О роли учебника и поддержании единого образовательного пространства: «Так сколько нужно учебников, чтобы в сознании ребенка и подростка отчеканились смыслы, образующие социокультурную матрицу, с помощью которой наши дети смогут осознать и воспринять свою социокультурную идентичность? Думаю, что хватило бы одной-двух сквозных предметных линеек, дополненных по мере взросления детей изучением многочисленных первоисточников – письменных (литература, история), материальных (архитектура, искусство), духовных (вера, традиция)»⁵⁹.

✓ *Создание Межведомственной комиссии по историческому просвещению (30 июля 2021 г.)*, которую возглавил помощник Президента РФ В.Р. Мединский и целью которой является «обеспечение планомерного и наступательного подхода к вопросу отстаивания национальных интересов Российской Федерации, связанных с сохранением исторической памяти и развитием просветительской деятельности в области истории»⁶⁰.

Основными задачами Комиссии являются⁶¹:

а) координация деятельности государственных органов, научно-образовательного и культурного сообщества по выработке единого подхода к осуществлению исторического просвещения и образования, а также к предупреждению попыток фальсификации исторических фактов;

б) анализ деятельности иностранных структур и лиц, наносящей ущерб национальным интересам Российской Федерации в исторической сфере, принятие оперативных мер по противодействию указанной деятельности;

в) подготовка предложений по информационному обеспечению контрпропагандистских мероприятий и проведению историко-культурных просветительских акций, связанных, в том числе, с памяtnыми датами России и историческими событиями.

Таким образом, мы видим, что В.В. Путин планомерно, системно выводит всю систему образования и воспитания подрастающих поколений из-под влияния либеральных сил и ставит ее под контроль и координацию собственной администрации. Очевидно, что этот шаг (а точнее, целая совокупность конкретных кадровых решений) нацелен, во-первых, на усиление прогосударственных, патриотических, национально ориентированных воззрений, причем не только в отдельных учреждениях, но и во всем российском обществе (что провозглашается в качестве одного из ключевых ориентиров Стратегии национальной безопасности 2021 г.). Во-вторых, это «игра вдолгую», рассчитанная не только на нынешнюю молодежь, а в первую очередь на последующие поколения россиян; на формирование (возможно, через несколько десятилетий) в российском обществе устойчивого приоритета традиционных духовно-нравственных ценностей.

Именно с этим можно связать и борьбу с многообразием учебников (следовательно – с вариативностью трактовки российской истории, традиционных ценностей и т. д.), которую ведет О. Васильева; и «наступательный» подход к вопросу отстаивания национальных интересов Российской Федерации», вмененный в задачи новой Межведомственной комиссии по историческому просвещению; и недавнее высказывание министра обороны С. Шойгу (который, напомним, был предложен президентом

⁵⁹ По чему учить будем? (интервью с О. Васильевой) // Коммерсант. 2017. 27 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3336330>

⁶⁰ О Межведомственной комиссии по историческому просвещению: Указ Президента Российской Федерации от 30.07.2021 № 442. URL: <http://prezident.org/articles/ukaz-prezidenta-rf-442-ot-30-iyulja-2021-goda-30-07-2021.html>

⁶¹ Там же.

в качестве одного из лидеров «Единой России» на предстоящих выборах в Государственную Думу) о том, что незаметное «разложение» российского общества – это «более страшная часть», чем внешние угрозы⁶²...

Противоречивый характер Стратегии национальной безопасности, определяющей приоритеты национального развития на ближайшие шесть лет, вызывает столь же противоречивые ожидания по поводу реалистичности прорывного развития российской экономики, уровня и качества жизни широких слоев населения, преодоления социального неравенства и «кумовского капитализма». Однако, так или иначе, политический курс, начатый В.В. Путиным 20 лет назад, должен быть логически завершен; сегодня очевидно, что другого исторического пути у России просто нет.

Для этого у главы государства есть еще максимум два потенциальных президентских срока, то есть почти 15 лет с учетом периода, оставшегося до президентских выборов 2024 года. При этом, если принять во внимание объективную тенденцию роста самодостаточности российского общества, очевидно, что эффективность политического курса В.В. Путина необходимо доказывать ежегодно, не только в формальной отчетности, но, прежде всего, в субъективных оценках динамики уровня и качества жизни россиян.

Стагнация противоречивых реалий и противоречивых ожиданий населения, скорее всего, будет лишь усиливать недовольство общества, обостряя уровень социальной напряженности и скептицизма в отношении любых, даже самых оптимистичных обещаний главы государства.

И поскольку непосредственное выполнение поручений президента напрямую связано с качеством властвующих элит, с идеологическими мотивами, которыми они руководствуются, сложно не согласиться с точкой зрения о том, что будущее России находится под большим вопросом без решения первооче-

редной задачи – **преодоления цинизма и бездуховности как доминирующей черты идеологии современной элиты.**

«Пора сделать вывод. У современной российской элиты вообще нет никакой цельной и сформулированной идеологии... главная черта правящей российской элиты – цинизм.

Если Путин смирился с такой элитой, то госстроительство будет там же, где и сейчас. Это не значит, что все плохо. **Это значит, что едва ли будет лучше...** Но если он всерьез думает о стране, тогда о госстроительстве можно говорить серьезно и ответственно. **И первое, что для этого требуется – заменить элиту»⁶³.**

Кадровые решения, принимаемые Президентом РФ, рассчитаны на долгосрочную стратегическую перспективу – сохранение традиционных ценностей патриотизма, государственности, высокого уровня морально нравственной ответственности у тех поколений россиян, которые сегодня еще даже не пошли учиться в школу. В этом отношении и сама Стратегия национальной безопасности, и шаги Президента, уже сегодня предпринимаемые для ее реализации, несомненно, вызывают позитивные ощущения.

В то же время сохраняются и противоречивые ожидания, вызванные прежде всего тем, что текущая реализация национальных проектов, «майских указов», Послания Федеральному собранию РФ 2018 г., социальных гарантий новой Конституции РФ и, в целом, потребностей широких слоев населения в динамичном росте уровня и качества жизни, преодолении социального неравенства и в достижении социальной справедливости по-прежнему остается под угрозой неисполнения и выведения в разряд формальной отчетности, без соответствующих ощутимых позитивных изменений в динамике общественного мнения.

⁶² Из выступления С. Шойгу на панельной дискуссии Всероссийского молодежного образовательного форума «Территория смыслов» / Иванов А. Шойгу назвал страшнейшую угрозу для России // Завтра. 2021. 11 августа. URL: https://zavtra.ru/events/shojgu_nazval_strashnejshuyu_ugrozu_dlya_rossii

⁶³ Дугин А. Либо сегодняшняя элита, либо Россия // Завтра. 2021. 2 августа. URL: https://zavtra.ru/blogs/libo_segodnyashnyaya_elita_libo_rossiya

Стратегия национальной безопасности фиксирует позитивные ориентиры, но рассчитанные на дальнюю перспективу, а потребности общества уже давно носят затянувшийся характер. Для «рядовых» россиян важна их реализация «здесь и сейчас». Поэтому вопросы и тревожные ожидания остаются: хватит ли В.В. Путину времени для того, чтобы завершить начатое? Что будет достигнуто к 2024 году, когда в Рос-

сии пройдут очередные президентские выборы? Продолжится ли осуществляемый им курс после этого рубежного этапа? И главное, хватит ли российскому обществу терпения для того, чтобы постепенная трансформация морально-нравственной основы властвующих элит выразилась в конкретных, осязаемых для населения шагах по улучшению качества жизни?

Литература

1. Скоробогатый П. Стратегия с опорой на свои силы // Эксперт. 2021. № 29. С. 50–54.
2. Яковлев А.А. Куда идет глобальный капитализм? // Мир России. 2021. № 3. С. 29–50.
3. Российское общество весной 2016 г.: тревоги и надежды. Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского исследования. М., 2016. 32 с.
4. Механик А. Застой и идейная пустота власти // Эксперт. 2021. № 22. С. 62–68.
5. О чем мечтают россияне (размышления социологов): аналитический доклад / ФНИСЦ РАН. М., 2012. 181 с.
6. Пандемия COVID-19: вызовы, последствия, противодействие: [монография] / А.В. Торкунов, С.В. Рязанцев, В.К. Левашов [и др.]; под ред. А.В. Торкунова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова; вступ. слово А.В. Торкунова. М.: Аспект Пресс, 2021. 248 с.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

National Security Strategy – 2021: Positive Experiences and Conflicting Expectations

Abstract. In May 2016, analyzing the interim results of the third presidential term of V.V. Putin, as well as the National Security Strategy, signed by the head of state on December 31, 2015, we have concluded that “the contradictions existing today in the public administration system are a natural result of the President’s activities” related to the unresolved task of “bringing the interests of the elites in line with the national security interests” (Source: Ilyin V.A. President Vladimir Putin’s third four-year term: contradictory outcomes – an expected result. Economic and social changes: facts, trends, forecast, 2016, no. 2 (44). pp. 9–21). Five years later, in the middle of 2021, a number of internal and external political events (including the new National Security Strategy signed by the President of the Russian Federation on July 2, 2021) again actualizes the question of the need to analyze the key changes that have occurred in the country during this period. How have the Russian society and the public administration system changed? What conceptual problems are still unresolved? And the most important: what role can the current trends

in the development of the state and society play in the context of ensuring Russia's national security, taking into account the current situation in the domestic and foreign political arena by the middle of 2021? The following material reflects the authors' point of view on these issues. Based on expert assessments, data of official statistics, and Russian and regional sociological studies, the article analyzes the essence and prospects for the implementation of specific provisions of the National Security Strategy 2021. The authors come to the conclusion that the Strategy objectively reflects the current position of Russia in the domestic and foreign political arena by the middle of 2021, while its key points are aimed at a long-term perspective and are focused primarily on strengthening moral component of the Russian elites and Russian society. This causes positive feelings, but at the same time, based on the analysis of the previous experience in achieving strategic goals and objectives set out in the "May decrees" and national projects, it leaves conflicting expectations about the realism of their practical implementation.

Key words: National Security Strategy, national interests, spiritual and moral development, nationalization of the elites.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Deputy Head of Department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

Переходные формы безусловного базового дохода как реальная перспектива России*

**Вячеслав Николаевич
БОБКОВ**

Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
Москва, Российская Федерация
e-mail: bobkovvn@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7364-5297; ResearcherID: U-6527-2019

**Александр Владимирович
ЗОЛОТОВ**

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Российская Федерация
e-mail: zoav6@iee.unn.ru
ORCID: 0000-0001-7451-4408; ResearcherID: R-5887-2016

**Елена Валерьевна
ОДИНЦОВА**

Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
Москва, Российская Федерация
e-mail: odin_ev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7906-8520; ResearcherID: U-7061-2019

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00271 «Безусловный базовый доход как регулятор повышения уровня и качества жизни: теоретико-методологическое обоснование, переходные формы и инструментарий для тестирования в России».

Для цитирования: Бобков В.Н., Золотов А.В., Одинцова Е.В. Переходные формы безусловного базового дохода как реальная перспектива России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 4. С. 33–47. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.2

For citation: Bobkov V.N., Zolotov A.V., Odintsova E.V. Transition forms of universal basic income as a real prospect for Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 4, pp. 33–47. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.2

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, направленного на развитие теоретических положений концепции безусловного базового дохода, обобщение и систематизацию результатов проведенного авторами опроса российских экспертов о его принципах, возможных введениях в России, приоритетных категориях населения для его тестирования, оценивание реальности расширения инструментов ББД с учетом развития переходных форм его применения в период пандемии COVID-19. Выявлена актуальность развития концепции безусловного базового дохода в контексте необходимости преодоления массовой бедности в России. В результате теоретического анализа показано, что общепризнанные принципы ББД (универсальность, безусловность, индивидуальный характер денежных выплат, их регулярность) обосновываются долгосрочными тенденциями в эволюции социальной политики. Перспектива введения безусловного базового дохода представлена как качественный переход (скачок) в реализации последней. Меры социальной политики, наиболее близкие к осуществлению принципов ББД, охарактеризованы в качестве его переходных форм, включающих эксперименты по его введению. Для оценки практической осуществимости переходных форм ББД использованы результаты проведенных с участием авторов опроса экспертов из разных регионов России и пилотного эксперимента и моделирования результатов реализации инструментария ББД. Предложены возможная схема имплементации инструментария ББД в России, а также пилотные проекты для малоимущих семей с детьми, выпускников вузов и средних профессиональных учебных заведений при переходе от учебы к первому месту работы, неустойчиво занятых (включая безработных). Парадокс активизации осуществления принципов ББД в обстановке пандемии COVID-2019 при неблагоприятных финансовых условиях оценен как подтверждающий реальность перспективы его переходных форм для России. Результаты исследования могут способствовать развитию дискуссий о введении инструментария ББД в РФ, продвижению к его широкой экспериментальной апробации для разных категорий населения. Целесообразно продолжать исследования в аспекте анализа опыта развития социальной поддержки в условиях пандемии и моделирования возможных эффектов и издержек при введении ББД.

Ключевые слова: безусловный базовый доход, принципы ББД, переходные формы ББД, социально-экономическое неравенство, эффекты реализации ББД, пилотные проекты по реализации ББД.

Введение

За рубежом, благодаря многочисленным исследованиям, концепция безусловного базового дохода (ББД) приобрела самостоятельное, развернутое содержание — факт, позволяющий констатировать ее наличие как элемента современного научного знания. Работы, комплексно характеризующие основные теоретические аспекты проблемы [1; 2], дополняются исследованиями, имеющими прикладную направленность (соответствие ББД стандартам МОТ [3] и его потенциальное влияние на предложение труда [4], изучение отношения населения к введению схем ББД¹).

¹ Fitzgerald R., Bottoni G., Swift S. The future of welfare: basic income? European Social Survey. Part of the Economic and Social Research Council (ESRC). Festival of Social Science. 2017. URL: citizensincome.org/wp-content/uploads/2017/11/European-Social-Survey-survey-on-Basic-Income.pdf (дата обращения 13.01.2021).

Очевидно, что в качестве существенной предпосылки для появления такой теории выступила система социальной поддержки населения, сложившаяся в экономически развитых странах.

Российская специфика в исследовании данной проблемы вполне объяснима. В период трансформационного кризиса (90-е годы прошлого столетия) осуществлялся демонтаж прежней системы социальных гарантий, претендовавшей на универсальность. Несмотря на появление массовой бедности, идея ББД как универсального социального трансферта оказалась не ко времени в постперестроечной России, так как логика первоначального накопления капитала требовала перераспределения финансово-экономических ресурсов общества в пользу сравнительно немногочисленного слоя бенефициаров.

В ходе восстановительного экономического роста (2000-е годы — наст. вр.) у российского государства появились значительные средства для активизации социальной политики. Одновременно сложилась ситуация, когда массовая бедность стала восприниматься как несовместимая с социально-экономическим прогрессом.

В таком историческом контексте стало естественным обращение российских исследователей к проблеме ББД. Если вначале в основном речь шла об освоении теоретических достижений зарубежных авторов [5], то к настоящему времени анализ теории ББД и экспериментов по его реализации приобрел в российской социально-экономической литературе самостоятельный и детальный характер [6; 7]. Изучается отношение российских граждан к введению ББД [8], в том числе в сопоставлении с отношением к ББД зарубежных респондентов [9]. В отечественной научной литературе представлены как сторонники перспективы введения ББД [10], так и авторы, критически оценивающие подобную перспективу [11].

По проблеме ББД реализуются исследовательские проекты, поддержанные научными фондами. Нетрудно спрогнозировать, что их включение в анализ этой проблемы не останется без влияния на национальную социальную политику, которая всегда, явно или неявно, опирается на теоретические предпосылки.

Цель исследования состояла в развитии теоретических положений концепции ББД, обобщении и систематизации результатов опроса российских экспертов о его принципах, возможностях введения в России и приоритетных категориях населения для его тестирования, оценивании реальности расширения инструментов ББД с учетом развития переходных форм его применения в период пандемии COVID-19.

Гипотеза исследования состояла в том, что формирование теории ББД и опыт практической реализации его принципов достигли такого уровня, когда открывается реальная перспектива использования переходных форм ББД в России.

Основные теоретико-методологические положения исследования

В российской социально-экономической литературе английский термин «Universal Basic

Income» (UBI) переводится двояко: как «безусловный базовый доход» (ББД) [12] и как «безусловный основной доход» (БОД) [13]. Термин «базовый» может в неявной форме подразумевать связь этого дохода с удовлетворением базовых или врожденных потребностей, образующих исходный уровень системы потребностей. Термин «основной», допуская использование в качестве синонима термина «базовый», в этом контексте не имеет такой жесткой ассоциативной привязки к исходному уровню пирамиды потребностей.

В нынешних российских условиях предпочтительнее, на наш взгляд, использовать термин «базовый доход», поскольку речь идет о его предназначении для всех граждан России и установлении минимального размера, позволяющего удовлетворять исходные потребности, обеспечивающие базовые условия потребления товаров и услуг. Базовый доход является основанием, над которым возвышаются разнообразные доходы, выплачиваемые по другим критериям [6].

Основные принципы ББД: 1) *универсальность* — предполагается, что он выплачивается всем гражданам страны; 2) *безусловность* — выплата производится независимо от того, трудится человек или нет; 3) *денежная форма* представления трансферта — обусловлена спецификой рыночной экономики и обеспечивает «свободу потребительского выбора»; 4) *индивидуальный характер* выплаты — получателем такого дохода является каждый член семьи, а не только тот, кто выполняет роль ее главы; 5) *регулярность* выплаты как предпосылка удовлетворения воспроизводимых базовых потребностей.

Все эти принципы в рамках уже сложившегося понимания ББД кажутся очевидными. В действительности, они не являются результатом умозрительного конструирования, а отражают долгосрочные тенденции эволюции социальной политики.

Поддержка обществом его членов — закономерность социальной жизни. В период средневековья регулярная помощь нуждающимся оказывалась церковью, крестьянскими общинами, частными благотворителями, то есть негосударственными институтами. При таких условиях масштабы социальной поддержки, как прави-

ло, были крайне ограниченными и по охвату получателей, и по уровню выплат. Социальная помощь членам общества со стороны государства носила эпизодический характер, осуществлялась в период экстраординарных событий (войны, неурожай, природные бедствия и т. д.).

С XVIII века начался переход к системе регулярных государственных трансфертов, адресованных бедным. В XIX веке социальная помощь была дополнена социальным страхованием: в первом случае речь шла о перераспределении средств от более обеспеченных в пользу менее обеспеченных, а во втором предполагалась взаимная поддержка работающих [1].

Даже если поддержка имеет форму выплат из фондов социального страхования, предусматривающих софинансирование со стороны потенциальных получателей денег или соответствующих услуг, она предполагает активную роль государства в определении ставок страховых взносов, в покрытии дефицитов внебюджетных фондов и т. д. Требуемые ресурсы обеспечиваются через перераспределение части ВВП посредством государственного бюджета. Хотя, например, получение пенсии и ее размер зависят от трудового стажа и размера заработка, эта связь не является прямой: получатели пенсии — неработающие люди, суммарный размер полученной пенсии не обязательно совпадает с величиной страховых взносов и т. д. Поэтому можно согласиться с той точкой зрения, что современной системе социального страхования в значительной степени принадлежит роль, которую в прошлом выполняли частная благотворительность и социальная помощь [14].

В экономически развитых странах масштабы социальной поддержки, охват ими населения различаются. При сравнении же нынешней ситуации с существовавшей перед Первой мировой войной очевиден всеобщий прогресс системы социальных трансфертов и в охвате населения, и в величине пособий. Тем самым налицо тенденция к универсализации предоставления социальных трансфертов, усилению их безусловного характера, повышению их роли в обеспечении потребностей членов общества.

Тенденция к расширению круга получателей социальных трансфертов при сохранении принципа условности ведет к росту издержек на администрирование программ социальной помо-

щи, создает предпосылки для коррупции при их реализации [11]. Следовательно, при развитии системы безвозмездных выплат их условный характер начинает противоречить социальной ориентации экономики.

После промышленного переворота для прогресса экономики потребовалось развитие системы общедоступного образования. Хотя образовательные услуги не относятся к чистым общественным благам, преобладающим принципом их предоставления обучающимся стала бесплатность. Проявилась тенденция к повышению уровня образования, охват которым в рамках определенных возрастных когорт населения носит всеобщий характер.

В современных экономически развитых странах сектор медицины финансируется в большем или меньшем масштабе государством. Объем этих услуг конкретному больному не зависит от трудового вклада или платежеспособности, что дает основание говорить о безусловном аспекте таких медицинских программ.

Принимая во внимание увеличение средней продолжительности обучения во всех странах мира, тенденцию к росту доли государственных расходов на медицинские услуги в ВВП, следует констатировать долгосрочный тренд возрастания роли безусловных (всем и безвозмездно) предоставляемых услуг, непосредственно направленных на сохранение и развитие человеческих способностей.

В свое время принцип функционирования бесплатных (для потребителей) систем образования и здравоохранения был охарактеризован как распределение «пропорционально потребностям» [15]. Подразумевалось, что все люди, имеющие соответствующие потребности, могут бесплатно удовлетворить их. При этом распределение «пропорционально потребностям» не отождествлялось с гарантией полного удовлетворения потребностей (так, до настоящего времени гарантируется только всеобщее среднее образование, но не высшее). Оперирование отмеченным принципом, на наш взгляд, правомерно и в современных исследованиях.

Очевидно, что для социально значимых услуг реализация принципа распределения пропорционально потребностям приобрела универсальный и безусловный характер или приближается к этому. Существенно, что эти услуги

в гарантированном государством объеме бесплатно предоставляются и тем, кто был бы в состоянии их оплатить. Следовательно, бесплатность не имеет своей причиной неплатежеспособность, это — проявление универсальной социальной гарантии.

При обеспечении потребностей в материальных благах (потребительских товарах, жилье и др.) дело обстоит иначе. Получателями социальных трансфертов являются те, кто испытывает недостаток денежных средств для приобретения необходимых жизненных благ.

На наш взгляд, налицо свойственное современному обществу противоречие между тенденцией к преобладанию принципа распределения пропорционально потребностям в сферах, непосредственно обеспечивающих человеческое развитие, и привязкой объема потребления материальных благ преимущественно к величине денежных доходов, для распределения которых характерно существенное неравенство.

Данное противоречие порождает две противоположные тенденции: к развитию принципа распределения пропорционально потребностям, в том числе по отношению к определенным потребительским благам (средства личной гигиены, лекарства, учебники и др.), и к свертыванию действия этого принципа, что ведет к углублению неравенства в потреблении.

Текущая ситуация в движении этого противоречия является, по нашему мнению, рубежной. Материальные блага пропорционально потребностям распространяются сегодня на значительные категории населения. Универсальный характер распределения — закономерная перспектива в реализации такого принципа. Следовательно, назрел своего рода «скачок», характеризующийся переходом от трансфертов, каждый из которых адресован определенной категории населения, к появлению выплаты для всех. Именно такой исторический контекст, на наш взгляд, порождает повышенный интерес к проблеме ББД и мотивирует осуществление пилотных проектов по реализации тех или иных его принципов.

Поскольку ББД не претендует на полное удовлетворение потребностей, он должен существовать наряду с другими трансфертами, ориентированными на особые запросы соци-

ально-демографических групп. Это позволяет предупредить возможную критику в адрес ББД относительно того, что его использование как трансферта, одинаковой величины для всех игнорировало бы специфику потребностей. Очевидно, подход предполагает ограничения размера ББД по сравнению с вариантом сведения системы социальной поддержки к единственному трансферту.

Распределение пропорционально потребностям не исключает получения благ посредством использования денег. Безвозмездность реализуется здесь путем бесплатного предоставления денежных средств.

Создание Ассоциации сторонников базового дохода в 1986 году стало началом широкого продвижения концепции ББД. Последняя получила особую актуальность в связи с мировым экономическим кризисом 2007–2008 гг. Интерес к идее ББД продолжает возрастать с учетом угрозы массовой технологической безработицы в результате процессов роботизации производства, применения искусственного интеллекта и других цифровых технологий [16].

Следует отметить, что не всегда учитывается необходимость переходного периода в использовании ББД. Именно в этом состоит, по сути, проект учреждения ББД на уровне выше черты бедности [17]. Такого уровня не достигнуть без «мгновенной» ломки системы социальных трансфертов и соответствующих институтов, что неосуществимо и привело бы к пагубным последствиям. Более выверенной представляется позиция о введении ББД первоначально на уровне, совместимом с сохранением сложившейся системы социальной поддержки [18].

Реализация ББД зависит от степени развитости системы социальной поддержки, поскольку развитие последней предполагает расширение круга получателей социальных пособий, рост уровня денежных выплат, то есть отражает принципы ББД, хотя и в форме, не вполне адекватной ему.

С этой точки зрения можно отметить распространение подробно описанных в научной литературе программ денежных трансфертов с широким охватом реципиентов: поддержки детства, гарантированного минимального дохода, отрицательного подоходного налога и др. [1]. Все они в большей степени, чем традиционные

социальные трансферты, отражают те или иные принципы ББД. Так, отрицательный подоходный налог при определенных условиях имеет те же распределительные последствия, что и ББД, хотя не обладает такой же универсальностью [11].

Мы разделяем позицию о том, что в отсутствие ББД использование подобных программ способно существенно изменить статус-кво в пользу полномасштабного внедрения ББД [14]. Представляется, что все это позволяет характеризовать данные программы как переходные формы ББД.

Специфической переходной формой ББД являются «эксперименты» по его внедрению [19]. Эксперимент в таком контексте означает выплату трансферта каждому члену группы, охваченной экспериментальной программой и прежде не имевшей права на эту выплату. По отношению к указанной группе трансферт имеет безусловный характер. Подобная практика называется экспериментом, поскольку предполагается сопоставление изменений в уровне и качестве жизни группы получателей трансферта и контрольной группы, когда позитивные изменения используются для дальнейшего продвижения концепции и практики ББД.

Справедливо отмечается ограниченная роль экспериментов: основное внимание уделяется анализу эффектов трансфертов непосредственно на уровне получателей, тогда как при реализации принципа универсальности в полной мере проявляются производные эффекты на макроуровне, в том числе отдаленные по времени от момента осуществления трансферта; любой эксперимент не в состоянии полностью реализовать ББД [20]. Вместе с тем форма эксперимента снижает степень возможного противодействия использованию трансферта, так как оставляет открытым вопрос об устойчивости его выплаты. Эволюция «экспериментов» приводит к реализации принципов ББД в трансфертах таким социальным общностям (жители города, региона), которые выходят за рамки небольших социальных групп [21].

Введение ББД как крупномасштабной социальной новации, несомненно, будет иметь целый ряд социально-экономических последствий. Систематизация потенциальных эффектов ББД осуществлена, например, К. Вайдерк-

вистом [20] и Р. Капелюшниковым [11]. Хотя перечень последствий ББД, как положительных, так и отрицательных, в указанных работах во многом идентичный, их авторы приходят к прямо противоположной оценке перспективы реализации ББД: К. Вайдерквист считает ББД осуществимым, Р. Капелюшников — утопией (в практическом плане).

Представляется, что неопределенность в отношении будущего ББД будет преодолеваться, в том числе, благодаря использованию переходных форм ББД.

Данные и методы

В *теоретической части* исследования мы исходим из обобщения исторической практики развития системы социальной поддержки населения, руководствуясь единством индуктивного и дедуктивного методов анализа развития общественных явлений, взаимосвязями их исторических и логических форм, диалектическими принципами единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные, отрицания отрицания и других общепризнанных закономерностей развития общества.

В части *эмпирических исследований* авторы опирались на следующие данные и методы:

1. Данные, полученные в ходе опроса [22] российских экспертов, проведенного при участии авторов в августе — октябре 2020 года в целях оценки осуществимости концепции ББД в России. Опрос проводился методом заочного анкетирования. В нем приняли участие 52 эксперта, включая 27 региональных (из Республики Крым, Республики Саха (Якутия), Чувашской Республики, Вологодской, Воронежской, Нижегородской и Свердловской областей) и 25 экспертов из г. Москвы. Эксперты представляли научно-исследовательское сообщество (13 чел.), ведущие вузы (13 чел.: руководители научных подразделений, научные сотрудники, заведующие кафедрами, профессорско-преподавательский состав), бизнес-сообщество и профсоюзы (12 чел.: эксперты из числа высших руководящих лиц, исполнительного комитета, советников руководителя), а также органы государственного и муниципального управления (14 чел.: руководители высшего и среднего уровня, специалисты региональных органов исполнительной власти, городских департаментов).

Из числа экспертов 28 человек имеют ученую степень: 12 – доктора наук (экономические и технические науки), 16 – кандидата наук (экономические, социологические, политические, исторические, технические и физико-математические науки) [22].

2. Результаты пилотного эксперимента по установлению целевой группе дополнительной ежемесячной социальной выплаты до гарантированного минимального дохода. Пилотный эксперимент проводился с участием авторов в Вологодской области в 2018 году. Целевая группа состояла из малоимущих семей с детьми, являющихся получателями мер социальной поддержки. Подробнее пилотный эксперимент представлен в работе [23].

3. Данные, полученные по итогам проведенного с участием авторов моделирования результатов реализации гипотетической программы выплаты условного базового дохода зарегистрированным безработным. Оно осуществлялось на основе имитационно-экспертной модели воспроизводства ВВП экономики России Р1-4 [24].

Результаты исследования

Теоретическое исследование позволило выявить тенденции развития форм социальной поддержки населения, обосновать вызревание условий для перехода от ее адресности

к расширению универсальности и безусловности социальных выплат.

Результаты эмпирического исследования в части выявления экспертных оценок российских специалистов об осуществимости ББД в России свидетельствуют о следующем. Среди экспертов, как показали результаты опроса 2020 года, наблюдается относительное преобладание (54,9%²) позиции о готовности России к введению ББД: 49% полагают целесообразным введение переходных форм ББД, а 5,9% уверены в готовности РФ к введению ББД в полном соответствии со всем комплексом присущих ему критериев. Соответственно, 45,1% экспертов убеждены, что Россия в принципе не готова к введению ББД – ни к переходным его формам, ни к реализации на основе всего комплекса идентифицирующих его критериев. Таким образом, большая часть российских экспертов оценивает перспективу введения ББД скорее как реальную: если и не в полной форме, то в частичных, переходных формах [22].

Опираясь на полученные экспертные оценки, которые были обобщены и систематизированы [22], определена следующая *возможная схема имплементации инструментария ББД в России*, определяющая основные «контуры» реализации ББД в стране в качестве предложений для дальнейших обсуждений и исследований (*таблица*).

Потенциальная схема имплементации инструментария ББД в России (на основе экспертных оценок, 2020 г.)

Компонент схемы ББД	Описание (комментарии)
1. Цель введения (проблемы, которые возможно решить/смягчить)	Смягчение (преодоление) проблемы бедности, социально-экономического неравенства, обеспечение минимального уровня жизни уязвимых категорий населения
2. Ключевые критерии, которые должны выполняться при введении	Индивидуальность, денежная форма, регулярность
3. Формы реализации	Гарантированный минимальный доход, поддержка наиболее уязвимых групп населения
4. Способ реализации	Дополнение (замена) существующих мер/механизмов социальной поддержки
5. Пилотная (экспериментальная) апробация	Целесообразна
5.1. Целевые категории	1) Малоимущие семьи с детьми; 2) выпускники вузов и средних профессиональных учебных заведений при переходе от учебы к первому месту работы; 3) неустойчиво занятые (работники, которым вынужденно приходится мириться с потерей части значимых для них трудовых и социальных гарантий стандартной занятости)
5.2. Способ формирования целевых групп	Сформировать целевые группы из числа представителей целевых категорий по нескольким репрезентативным субъектам РФ
5.3. Продолжительность	Не менее 2–3 лет

Источник: составлено авторами на основе [22].

² Здесь и далее – в процентах от числа ответивших экспертов.

Инструментарий ББД целесообразен для решения (смягчения) в России проблем бедности и социально-экономического неравенства, обеспечения минимального уровня жизни уязвимых категорий населения. Именно относительно данных целей по результатам опроса 2020 года были выявлены достаточно согласованные позиции среди российских экспертов: их поддержали от более 60 до более 90% экспертов, ответивших на соответствующий вопрос (присутствовала возможность выбрать несколько вариантов ответа).

Для апробирования и тестирования возможных рисков и потенциальных позитивных эффектов при реализации инструментария ББД в России, по мнению экспертов (более 80%), целесообразна реализация пилотных проектов, позволяющих протестировать его переходные формы. При этом прежде всего следует ориентироваться на такие идентифицирующие его критерии, как индивидуальность, денежная форма, регулярность выплат. Проведенный нами опрос показал, что именно данные критерии более 60–80% экспертов считают ключевыми. Принципы универсальности и безусловности, являющиеся в теории ББД основополагающими, на этапе переходного периода, как полагают эксперты, имеют второстепенное значение.

Формами реализации ББД в России могут быть, прежде всего, гарантированный минимальный доход и поддержка наиболее уязвимых групп населения. Опрос 2020 года выявил поддержку данных форм ББД среди более чем 70 и 50% ответивших экспертов (возможность множественного ответа).

Инструментарий ББД может быть реализован как дополнение или замена существующих мер/механизмов социальной поддержки. По вопросу о целесообразном способе реализации ББД в России мнения экспертов разделились (при этом можно было выбрать несколько вариантов ответа). Чуть более половины (53,1%) ответивших экспертов полагают, что ББД дополнит существующие меры социальной поддержки, в то же время остальные (46,9%) считают, что ББД может заменить их. Решение данной проблемы может заключаться в предложении, сформулированном одним из

экспертов: «*На первом этапе это мог бы быть инструмент, дополняющий существующие меры поддержки, а после переходного периода — инструмент, который заменит существующие меры поддержки (или большую часть из них)*»³.

Для пилотной имплементации инструментария ББД пилотных проектов предлагаются следующие целевые категории населения.

1. *Малоимущие семьи с детьми.* Именно данная категория в ходе опроса 2020 года получила наибольшую поддержку среди российских экспертов (80%). Именно семьи с детьми до 18 лет традиционно наиболее массово (2013–2018 гг. — более 70–80%) представляют малоимущие домохозяйства в России⁴. В 2020 году дополнительные меры социальной поддержки, принятые Правительством РФ для борьбы с последствиями COVID-19, в наибольшей мере были ориентированы на семьи с детьми, в том числе с низкими доходами. Отдельные меры предоставлялись на основе принципов, сближающих их с инструментарием ББД, например единовременная выплата в размере 10 000 руб. на каждого ребенка в возрасте от 3 до 16 лет независимо от душевых доходов семьи⁵.

2. *Выпускники вузов и средних профессиональных учебных заведений при переходе от учебы к первому месту работы.* Данная категория населения была поддержана экспертами в ходе опроса о возможности реализации ББД в России (52%) для пилотной апробации инструментария. Впервые выходящая на рынок труда молодежь является одной из наиболее уязвимых категорий экономически активного населения [6]. Уровень безработицы среди молодежи в возрасте 15–19 (24,7%, 2019 г.) и 20–24 лет (14,4%) заметно выше, чем в возрастных группах 30 лет и старше (4,4% и менее) и в среднем

³ Эксперт предпочел, чтобы его анкета обрабатывалась анонимно.

⁴ Распределение малоимущих домашних хозяйств по основным категориям / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения 25.05.2021).

⁵ Единовременная выплата в размере 10000 руб. гражданам РФ, проживающим на территории РФ, на каждого ребенка в возрасте от 3 до 16 лет, имеющего гражданство РФ // Социальная поддержка. Меры Правительства РФ по борьбе с коронавирусной инфекцией и поддержке экономики. URL: http://government.ru/support_measures/category/social/ (дата обращения 12.01.2021).

по населению (4,6%)⁶. Для молодежи переход к стабильной удовлетворительной занятости составляет в среднем 2–4 года [6], зачастую он связан с негативным опытом работы в условиях неустойчивой занятости [25; 26; 27 и др.]. Неустойчивое положение молодежи в сфере занятости приводит к неблагоприятному, неустойчивому материальному положению: доля молодежи в возрасте 18–29 лет среди малоимущего населения составляла в 2013–2018 гг. около 12–16%⁷.

3. *Неустойчиво занятые*, то есть работники, которым вынужденно приходится мириться с потерей части трудовых и социальных гарантий стандартной занятости. Ее в качестве целевой при экспериментальном введении ББД в нашей стране рекомендовали 48% экспертов. Неустойчивая занятость не только приводит к снижению качества занятости работников, но и оказывает негативное влияние на уровень и качество жизни домохозяйств [28; 29 и др.].

Крайней формой неустойчивой занятости (временное отсутствие занятости, исключенность из сферы устойчивой занятости) является безработица. Безработные имеют более высокие риски бедности относительно населения в целом⁸. Среди экспертов в ходе опроса о возможности реализации ББД в России 40% рекомендовали зарегистрированных безработных в качестве целевой категории при экспериментальном введении ББД.

Выделенные категории населения – малоимущие семьи с детьми, выпускники вузов и средних профессиональных учебных заведений при переходе от учебы к первому месту работы, неустойчиво занятые, в т. ч. безработные, – отличаются наиболее уязвимым положением и имеют риски бедности, низкого уровня и качества жизни, что коррелируется с целями введения инструментария ББД в России, выдвинутыми экспертами в ходе опроса 2020 г.

⁶ Итоги выборочного обследования рабочей силы / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265> (дата обращения 25.05.2021).

⁷ Распределение малоимущего населения по основным социально-экономическим группам / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения 25.05.2021).

⁸ Социальное положение и уровень жизни населения России 2019 г. / Росстат. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_44/Main.htm (дата обращения 25.05.2021).

Для проведения пилотной (экспериментальной) имплементации инструментария ББД в России предлагаем сформировать группы из числа представителей целевых категорий по нескольким репрезентативным российским регионам. Данный способ формирования целевых групп для пилотных проектов в ходе опроса 2020 года был поддержан 54,2% экспертов, а конкретные варианты его реализации могут быть, по мнению экспертов, следующими: 1) по одному региону из каждого федерального округа; 2) субъекты с разным уровнем жизни из каждого федерального округа (например, по два региона из каждого федерального округа); 3) разбить все регионы РФ на четыре квартиля по уровню доходов населения и взять из каждого квартиля по одному региону для проведения эксперимента; 4) 2–3 наименее финансово обеспеченных субъекта РФ, а также 2–3 наиболее обеспеченных финансовых субъекта (кроме г. Москвы, Московской области и г. Санкт-Петербурга) и др. [22]. Продолжительность таких пилотных проектов должна быть не менее 2–3 лет. Это соответствует и преобладающей позиции среди российских специалистов, принявших участие в экспертном опросе 2020 года [22].

Более конкретные предложения авторов относительно схем реализации проектов по пилотной (экспериментальной) имплементации инструментария ББД в России для выделенных целевых категорий населения заключаются в следующем.

Потенциальная схема имплементации инструментария ББД в России для малоимущих семей с детьми. Для указанной категории населения авторами предлагается реализация инструментария ББД в форме гарантированного минимального дохода (ГМД). Его необходимо устанавливать как дифференцированную денежную дополнительную социальную выплату, т. е. не отменяющую, а дополняющую существующую систему адресной поддержки. Данная выплата будет доводить душевые доходы в малоимущих семьях с детьми до величины регионального прожиточного минимума (ПМрег), соответственно, ее ежемесячный размер будет устанавливаться с учетом имеющегося в семьях дефицита доходов относительно ПМрег. Ее следует адресовать малоимущим семьям с детьми, в которых душевые денежные

доходы после предоставления им существующих федеральных и региональных регулярных мер адресной поддержки⁹ не достигают величины ПМрег, и назначать одному из взрослых членов таких семей. В целях повышения адресности выплаты предлагается использовать дифференцированный региональный прожиточный минимум, что позволит учесть различия относительно состава и размера семей с детьми, а также шкалы эквивалентности, которые дают возможность учитывать экономию на потреблении. В качестве шкалы эквивалентности может быть принята шкала, ранее уже разработанная авторами (подробнее см. [23, с. 12–14]).

Таким образом, ББД в переходной схеме реализации его инструментария будет являться дифференцированным адресным семейным пособием и предназначаться для решения проблемы абсолютной монетарной бедности в наиболее уязвимой категории населения с большими рисками бедности (малоимущие семьи с детьми) и повышения эффективности действующей системы их адресной поддержки.

Возможность и результативность данного инструментария для малоимущих семей с детьми подтверждена в ходе ранее реализованного с участием авторов пилотного проекта в Вологодской области. В рамках проекта целевой группе малоимущих семей с детьми, получающих меры социальной поддержки, выплачивался ГМД. В результате, семьям целевой группы проекта ГМД помог поднять душевые доходы и преодолеть крайнюю бедность, решить проблемы с обеспечением необходимых базовых потребностей (улучшение питания, решение проблемы с долгами и пр.) [23 и др.].

Реализация предложенной схемы применения инструментария ББД в отношении малоимущих семей с детьми, по мнению авторов, в рамках пилотного проекта в регионах должна также сопровождаться решением проблемы повышения трудового потенциала в семьях. Базовыми основаниями пилотного проекта могут быть: 1) установление длительной (регулярной) выплаты для семей с ограниченным трудовым

потенциалом и высокой иждивенческой нагрузкой (например, для семей, в которых взрослые члены семьи вынуждены осуществлять уход за малолетними детьми, престарелыми родственниками и пр.; для семей, в которых есть инвалиды, дети-инвалиды и пр.); 2) установление выплаты на ограниченный срок для семей с недоиспользованным трудовым потенциалом с обязательством по его повышению (например, социальный контракт) при содействии органов по труду и занятости.

Потенциальная схема имплементации инструментария ББД в России для выпускников вузов и средних профессиональных учебных заведений при переходе от учебы к первому месту работы. В целях снижения для данной категории экономически активного населения рисков увеличения периода перехода от учебы к первому месту работы, получения стабильной и удовлетворяющей занятости, рисков неустойчивой занятости [6] авторами предлагается следующая схема пилотной реализации инструментария ББД. Организация для выпускников временной занятости/профессиональной стажировки (на период — один год) на целевых предприятиях по профилю полученной профессии с закреплением за ними наставников по месту временной занятости для адаптации, профессионального развития, приобретения и развития умений и навыков, необходимых для работы и с учетом специфики первого места работы. На период временной занятости/профессиональной стажировки выпускникам и их наставникам предлагается осуществлять ежемесячную выплату: выпускникам — ежемесячную выплату в размере, установленном региональным органом по труду и занятости, в дополнение к их доходам от занятости в организации, наставникам — в дополнение к имеющемуся доходу от занятости ежемесячную выплату в размере не ниже МРОТ от организации по месту занятости. По истечении периода временной занятости выплаты наставникам прекращаются. Для выпускников, которые не пожелают продолжить работать на предприятии (заключить бессрочный трудовой договор), выплаты ББД в форме пособия по безработице продолжать, но не более чем 6 месяцев, с обязательством предпринимать активные действия по поиску работы.

⁹ При определении душевого дохода в части мер поддержки предлагается учитывать регулярную федеральную и региональную государственную поддержку, за исключением единовременных денежных выплат и социальной помощи на оплату жилья и коммунальных услуг.

Потенциальная схема имплементации инструментария ББД в России для неустойчиво занятых. Для занятых в легальном секторе формальной и неформальной экономики, которым приходится мириться с потерей части трудовых и социальных гарантий стандартной занятости и которые характеризуются высокой концентрацией проявлений неустойчивой занятости (по типу контрактных соглашений и по условиям занятости), предлагаем организовывать и проводить бесплатные мероприятия по дополнительной профессиональной ориентации и профессиональной переподготовке/повышению квалификации за счет средств службы занятости для содействия переходу в устойчивую занятость по найму или не по найму. Это предполагает расширение функций службы занятости на работников с высокой концентрацией признаков неустойчивой занятости. Переходность такой формы поддержки неустойчиво занятых, в отличие от других, состоит в том, что вместо регулярной дополнительной денежной выплаты они получают безусловные (для этой категории) предоставляемые услуги по профессиональному обучению, непосредственно направленные на сохранение и развитие человеческих способностей. Поддержка в форме дополнительной регулярной денежной выплаты (на определенный срок) может быть продолжена тем из них, кто после обучения организует собственное дело в форме самозанятости и индивидуального предпринимательства [6].

Безработным, зарегистрированным в службе занятости, имеющим несовершеннолетнего ребенка (детей), предлагаем осуществить выплату в рамках пилотного проекта (в случае потери работы двумя родителями выплата назначается одному из них) в размере 3ПМтр ежемесячно на период поиска работы, но не более 6 месяцев, с обязательством предпринимать активные действия по поиску работы. Также при назначении выплаты предлагается учитывать следующие условия: потеря работы в течение не более 12 месяцев до обращения в центр занятости; занятость на последнем месте работы должна быть официальной (не менее года работы); увольнение должно быть произведено по инициативе работодателя; не включать увольнения по проступкам, нарушающим трудовое законодательство. Это позволит снизить риски

стимулирования повышенным размером пособия по безработице к увольнению низкооплачиваемых работников, оказать помощь потерявшим легальную занятость (не по своей вине, инициативе) и «вернуть» их в сферу занятости, обеспечив минимальный уровень жизни безработным и их семьям, в которых есть ребенок (дети), на период поиска новой стабильной занятости.

Реализуемость данного переходного инструментария ББД подтверждается результатами ранее проведенного с участием авторов численного эксперимента. Он показал, что даже при выплате пособия в размере 3ПМтр всем зарегистрированным безработным, оценочно, ежегодные суммарные затраты государства составят 3,35% от суммы потенциальных финансовых возможностей России, а первоначальные расходы будут полностью компенсированы дополнительными доходами консолидированного бюджета [24].

Для занятых в теневом секторе экономики предлагается стимулирование их легализации в качестве самозанятых и индивидуальных предпринимателей при одновременном оформлении социальных контрактов, предусматривающих выплату ББД на период адаптации к легальным формам занятости и льготного налогообложения с включением в схемы обязательного социального страхования.

Обсуждение результатов исследования

Несмотря на непродолжительную историю анализа концепции ББД в России, большинство экспертов воспринимают идею введения ББД в его переходных формах как частично или полностью реализуемую.

На формирование этой позиции, несомненно, повлияла обстановка, связанная с пандемией COVID-19 (напомним, что опрос проводился в разгар пандемии), в т. ч. вызванные ею рост безработицы и бедности. На их преодоление и ранее были направлены эксперименты по введению ББД [30]. Коронавирусная пандемия потребовала значительного и оперативно усиления существующей системы поддержки социально уязвимых групп населения, численность которых значительно выросла.

В этой обстановке в российской и международной практике обоснованные в концепции ББД принципы социальной помощи получили

более развернутую реализацию, чем прежде. В России в 2020 году это выразилось во введении безусловных выплат: а) в максимальном (12130 руб.) размере пособия по безработице на апрель – июнь гражданам, уволенным после 1 марта 2020 г. (вне зависимости от стажа и уровня заработка на прошлом месте работы), а в случае наличия детей – дополнительно по 3000 руб. на каждого ребенка в возрасте до 18 лет¹⁰; на 2021 год установлена максимальная величина пособия по безработице в размере 12130 руб. на первые три месяца периода безработицы, 5000 руб. на следующие три месяца периода безработицы¹¹; б) заработной платы, по сути, социального пособия, работникам бюджетных организаций, официально переведенным в режим самоизоляции и не выполнявшим в этот период трудовых обязанностей; в) на детей в возрасте от 3 до 16 лет, имеющих гражданство РФ (в размере 10000 руб.); и др. Эти программы, выходящие за рамки использованных до пандемии, правомерно характеризовать в качестве переходных форм ББД.

Опыт социальной помощи населению в условиях пандемии COVID-19 способствовал решению сложных вопросов, связанных с концепцией ББД. Реализация дополнительных мер социальной поддержки показала, что: 1) преимущества безусловного принципа социальной поддержки перевешивают преимущества адресной поддержки; 2) безусловные выплаты не приводят к неизбежному росту инфляции; 3) универсальные трансферты в кризисных ситуациях можно вводить без тестирования.

Были развеяны существовавшие опасения о значимом демотивирующем эффекте социальных трансфертов в отношении индивидуального предложения труда. Растущая безработица имела вынужденный характер, так что расширение масштабов социальной поддержки оказалось вполне обоснованным.

¹⁰ Социальная поддержка // Меры Правительства РФ по борьбе с коронавирусной инфекцией и поддержке экономики. URL: http://government.ru/support_measures/category/social/ (дата обращения 07.06.2021).

¹¹ О размерах минимальной и максимальной величин пособия по безработице на 2021 год: Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2393. URL: <http://static.government.ru/media/files/HLZaVt6wSQ0yXJiQIJ6dfwKfwlMJA8Y1.pdf> (дата обращения 07.06.2021).

Не только в России, но и во многих других странах распространение COVID-19 побуждает к решительной реализации тех прогрессивных социально-экономических мер, принятие которых можно отложить при более благоприятных финансово-экономических условиях, позволяет использовать переходные формы ББД в более широком масштабе в рамках государственной социальной политики. При этом дополнительно преследуется цель стимулирования совокупного спроса как кейнсианский рецепт борьбы с экономическим кризисом. Подобный вторичный эффект – еще одно подтверждение позитивного потенциала переходных форм ББД.

Заключение

Гипотеза исследования, состоявшая в том, что формирование теории ББД и опыт практической реализации его принципов достигли такого уровня, когда открывается реальная перспектива активного использования переходных форм ББД, подтвердилась.

Идея безусловного базового дохода, получившая широкое признание за рубежом и вызывающая значительный интерес в России, сложилась в теоретическую систему. Последняя включает характеристику его принципов, в сжатом виде отраженную в определении ББД. В развитие теории ББД авторами его введение рассматривается как закономерный качественный «скачок» (переход) в историческом контексте трансформации системы социальной поддержки населения. В условиях невозможности одномоментного перехода к ББД в его развитой форме (со всеми присущим ему критериями) логическим и целесообразным этапом его имплементации считаем введение ББД в переходных формах, включая «экспериментальные», реализуемые посредством пилотных проектов.

Концепция ББД приобретает практическую значимость в России в связи с настоятельной необходимостью сокращать неравенство по доходам, обеспечивать дополнительную социальную поддержку населения в условиях пандемии. Больше половины опрошенных экспертов считают осуществимым проект ББД, прежде всего, посредством применения его переходных форм.

Обстановка пандемии способствовала беспрецедентному размаху социальной поддержки населения, которая все больше начинает соответствовать принципам универсальности и безусловности, присущим ББД. Это дает основание считать использование переходных форм ББД реальной перспективой.

В прикладном аспекте авторами обобщены и систематизированы результаты проведенного опроса российских экспертов и предложены ва-

рианты имплементации в России переходных форм ББД для наиболее уязвимых категорий населения. Дальнейший прогресс в исследовании проблемы ББД в России связан с детальным анализом опыта развития социальной поддержки в условиях пандемии, с увеличением количества и расширением масштабов пилотных проектов по апробации принципов ББД, с моделированием возможных эффектов и издержек его введения.

Литература

1. Gentilini U., Grosh M., Rigolini J., Yemtsov R. (Eds.) *Exploring Universal Basic Income. A Guide to Navigating Concepts, Evidence, and Practices*. Washington: The World Bank, 2020. 312 p. DOI: 10.1596/978-1-4648-1458-7
2. Howard M.W. Basic income, liberal neutrality, socialism, and work. *Review of Social Economy*, 2005, vol. 63, no. 4, pp. 613–631.
3. Ortiz I., Behrendt Ch., Acuña-Ulate A., Nguyen Q.A. *Universal Basic Income Proposals in Light of ILO Standards: Key Issues and Global Costing*. ESS – Working Paper No. 62. Geneva: International Labour Office, 2018. 54 p.
4. Specianova J. Labor supply elasticity in the unconditional basic income system: Data sources and methodological issues. *European Scientific Journal*, 2018, vol. 14, no. 4, pp. 13–29.
5. Золотов С.А., Шилов М.Л. Безусловный основной доход: сущность и проблемы реализации // Вестник НГИЭИ. 2016. № 9 (64). С. 7–14.
6. Бобков В.Н., Долгушкин Н.К., Одинцова Е.В. Безусловный базовый доход: размышления о возможном влиянии на повышение уровня и качества жизни и устойчивости общества // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 3. С. 8–24. DOI: <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10069>
7. Черных Е.А. Современное состояние исследований содержания, форм, инструментов и механизмов введения безусловного базового дохода // Уровень жизни населения регионов России. 2020. № 2. С. 61–75. DOI: 10.19181/lsprr/2020.16.2.6
8. Кислицына О.А. Введение системы безусловного базового дохода: что думают россияне? Кто «за», кто «против»? // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 3. С. 32–47. DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10030
9. Андреевкова А.В. Сравнительный анализ отношения населения к идее безусловного базового дохода в России и в Европе // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 18–30. DOI: 10.31857/S013216250008321-6
10. Гонтмахер Е. Базовый доход: пролог к социальной политике XXI века? // Экономическая политика. 2019. № 2. С. 156–177. DOI: 10.18288/1994-5124-2019-2-156-177
11. Капелюшников Р.И. Универсальный базовый доход: есть ли у него будущее? М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 52 с.
12. Прохоренко Ю.И., Красномовец З.А. Безусловный базовый доход: практика и историческая перспектива // Ученые заметки ТОГУ. 2019. Т. 10. № 1. С. 222–223.
13. Золотов С.А. Потенциальное влияние безусловного основного дохода на суммарные затраты рабочего времени в экономике России // Ученые записки Крымского педагогического университета. 2018. № 2 (60). С. 107–112.
14. Parijs, P. van, Vanderborght Y. *Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy*. Harvard University Press, 2017. ProQuest Ebook Central, 384 p. Available at: <https://ebookcentral.proquest.com/lib/ucl/detail.action?docID=4830746> (accessed: April 21, 2021).
15. Герасимов Н.В. Общественные фонды потребления: необходимость, сущность, направления развития. Мн.: Наука и техника, 1978. 184 с.
16. Ford M. *The Rise of the Robots. Technology and the Threat of Mass Unemployment*. London: Oneworld Publications, 2015. 352 p.
17. Skidelsky R., Skidelsky E. *How Much is Enough? Money and the Good Life*. London: Penguin Books, 2013. 272 p.

18. Standing G. *Basic Income: And How We Can Make It Happen*. London: Penguin, 2017. 400 p.
19. Kangas O., Jauhiainen S., Simanainen M., Ylikännö M. The basic income experiment 2017-2018 in Finland. Preliminary results. In: *Reports and Memorandums of the Ministry of Social Affairs and Health 2019:9*. Helsinki: Ministry of Social Affairs and Health, 2019. 30 p.
20. Widerquist K. *A Critical Analysis of Basic Income Experiments for Researchers, Policymakers, and Citizens*. Cham: Palgrave Pivot. 2018. 167 p.
21. Kwong B. A Comparative analysis of the cash handout policy of Hong Kong and Macau. *Journal of Current Chinese Affairs*, 2013, no. 42 (3), pp. 87–100.
22. Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Российские эксперты о безусловном базовом доходе: оценки 2020 г. // Уровень жизни населения регионов России. 2021. № 1. С. 67–86. DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.1.6
23. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В. Методологические подходы к усилению адресности социальной поддержки малоимущих семей с детьми // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 1. С. 9–19. DOI: <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10049>
24. Переходные формы безусловного базового дохода и варианты инструментария для тестирования в России на примере безработных / В.Н. Бобков, В.И. Антипов, И.Б. Колмаков, В.В. Павлова // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2020. Т. 17. № 5 (113). С. 69–84. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2413-2829-2020-5-69-84>
25. Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу: монография / Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М.: Наука, 2018. 350 с.
26. Кокшаров В.А., Агарков Г.А., Сущенко А.Д. Прекаризация труда, как растущая форма занятости молодых специалистов в условиях пандемии // Экономика региона. 2020. Т. 16. Вып. 4. С. 1061–1071. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-4>
27. Голиусова Ю.В. Прекарная занятость молодежи как способ избегания безработицы и незанятости // Информационно-аналитический бюллетень. ИНАБ. 2019. № 4. Социальная адаптация молодежи на рынке труда. С. 73–82. DOI: 10.19181/inab.2019.4.6
28. Lewchuk W., Lafleche M., Dyson D., Goldring L., Meisner A., Procyk S., Rosen D., Shields J., Viducis P., Vrankulj S. *It's more than Poverty. Employment Precarity and Household Well-being*. Toronto: PEPSO, McMaster University, United Way Toronto, 2013. 115 p.
29. Lewchuk W., Lafleche M., Procyk S., Cook Ch., Dyson D., Goldring L., Lior K., Meisner A., Shields J., Tambureno A., Viducis P. The precarity penalty: How insecure employment disadvantages workers and their families. *Alternate Routes*, 2016, vol. 27, pp. 87–108.
30. Baldwin R., Weder di Mauro B. (eds.) *Mitigating the COVID Economic Crisis: Act Fast and Do Whatever It Takes*. London: CEPR Press, 2020. 219 p. Available at: <https://voxeu.org/content/mitigating-covid-economic-crisis-act-fast-and-do-whatever-it-takes> (accessed: April 20, 2021).

Сведения об авторах

Вячеслав Николаевич Бобков — доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией, Институт социально-экономических проблем народонаселения, ФНИСЦ РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: bobkovvn@mail.ru), директор, Научный центр экономики труда, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36)

Александр Владимирович Золотов — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (603140, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, пр. Ленина, д. 27; e-mail: zoav6@iee.unn.ru)

Елена Валерьевна Одинцова — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения, ФНИСЦ РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: odin_ev@mail.ru), Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36)

Bobkov V.N., Zolotov A.V., Odintsova E.V.

Transitional Forms of Universal Basic Income as a Real Prospect for Russia

Abstract. The article presents the research results aimed at developing the theoretical provisions of the universal basic income concept summarizing and systematizing the results of a survey of Russian experts conducted by the authors about its principles, the possibilities of introduction in Russia, priority population categories for testing it, assessing the reality of expanding the tools of universal basic income taking into account the development of transitional forms of its use during the COVID-19 pandemic. The work reveals the relevance of UBI concept development in the context of the need to overcome mass poverty in Russia. The result of the theoretical analysis shows that generally recognized UBI principles (universality, unconditionality, individual nature of monetary payments, their regularity) are justified by long-term trends in social policy evolution. The prospect of introducing universal basic income is presented as a qualitative transition (leap) in implementation of the latter. The social policy measures, closest to implementation of UBI principles, are characterized as its transitional forms including experiments on its introduction. To assess the practical feasibility of UBI transitional forms, the article uses the results of a survey of experts from different Russian regions conducted with the authors' participation and a pilot experiment and modeling of the results of UBI toolkit implementation. The paper proposes a possible scheme for implementing UBI tools in Russia, as well as pilot projects for low-income families with children, graduates of universities and secondary vocational educational institutions during the transition from study to the first place of work, the unstable employed (including the unemployed). The authors assess the paradox of activating the implementation of UBI principles in the context of the COVID-2019 pandemic under unfavorable financial conditions as confirming the reality of the prospects for its transitional forms for Russia. The results of the study can contribute to the development of discussions about the introduction of UBI tools in the Russian Federation, and to the promotion of its wide experimental testing for different population categories. It is advisable to continue research in the aspect of analyzing the experience of developing social support in the context of a pandemic and modeling the possible effects and costs of **introducing UBI**.

Key words: universal basic income, UBI principles, transitional forms of UBI, socio-economic inequality, effects of UBI implementation, pilot projects for UBI implementation.

Information about the Authors

Vyacheslav N. Bobkov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of Laboratory, Institute of Socio-Economic Studies of Population, FCTAS RAS (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: bobkovvn@mail.ru), Research Center of Labor Economics, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation)

Aleksandr V. Zolotov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of Department, National research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (27, Lenin Street, Nizhny Novgorod, 603140, Russian Federation; e-mail: zoav6@iee.unn.ru)

Elena V. Odintsova – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population, FCTAS RAS (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: odin_ev@mail.ru), Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation)

Статья поступила 21.06.2021.

Модели динамики демографических показателей в условиях адаптации населения к изменениям социально-экономической среды*

**Ольга Анатольевна
КОЗЛОВА**

Институт экономики Уральского отделения РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: kozlova.oa@uiec.ru
ORCID: 0000-0002-0448-3519; ResearcherID: M-4659-2016

**Мария Никитична
МАКАРОВА**

Институт экономики Уральского отделения РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: Makarova.mn@uiec.ru
ORCID: 0000-0001-6144-6178; ResearcherID: H-7717-2017

**Ольга Олеговна
СЕКИЦКИ-ПАВЛЕНКО**

Институт экономики Уральского отделения РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: sekitski.pavlenko.oo@uiec.ru
ORCID: 0000-0002-1370-8724

* Статья подготовлена в рамках выполнения НИР по госзаданию Института экономики Уральского отделения РАН на 2021–2023 гг.

Для цитирования: Козлова О.А., Макарова М.Н., Секицки-Павленко О.О. Модели динамики демографических показателей в условиях адаптации населения к изменениям социально-экономической среды // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 4. С. 48–58. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.3

For citation: Kozlova O.A., Makarova M.N., Sekitski-Pavlenko O.O. Models for the dynamics of demographic indicators in the conditions of population adaptation to changes in the socio-economic environment. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 4, pp. 48–58. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.3

Аннотация. Социально-экономическое развитие любой территории неотъемлемо связано с воспроизводством населения, которое предопределено демографическим поведением. В последнее время изменяются модели динамики демографических показателей России, что характеризуется снижением уровня рождаемости и смертности, а также относительной стабилизацией миграционной ситуации. Трансформация моделей демографической динамики является закономерным результатом адаптации общества к новой социально-экономической реальности. Особенно заметны изменения в поведении населения в условиях резких трансформаций внешней среды, наблюдающихся в переходные периоды функционирования социально-экономических систем. В связи с этим цель исследования заключалась в определении основных моделей динамики демографических показателей Российской Федерации на современном этапе развития, для которого характерна быстрая смена условий жизнедеятельности. На основе использования понятия адаптации в координатах «человек – среда» авторами показана двухаспектность адаптации населения к изменениям внешней среды, построена схема принятия решений об актах демографического поведения. В процессе выполнения эмпирической части исследования с помощью методов логического и статистического анализа изучена динамика показателей репродуктивного, самосохранительного и миграционного поведения населения в период 2000–2019 гг. с использованием, соответственно, набора показателей рождаемости, смертности, ожидаемой продолжительности жизни и миграционного прироста. На основе выделения специфических характеристик социально-экономического развития России в 2000–2006, 2007–2015, 2016–2019 гг. определены три этапа динамики демографических показателей, в соответствии с которыми предложены три модели динамики демографических показателей, для того чтобы расширить представление о данном феномене. Полученные результаты позволили авторам сформировать методологическую основу для будущих междисциплинарных исследований в области демографического поведения. Также они могут использоваться в качестве методической базы при разработке мер демографической политики.

Ключевые слова: демографическое поведение, модель, адаптация населения, изменения, среда.

Введение

Актуальность исследования адаптационных возможностей населения в контексте современных социально-экономических изменений продиктована несколькими причинами: во-первых, эффективность управленческих мероприятий и принятие решений органами государственной власти во многом полагаются на системность, при которой поиск закономерностей адаптационных механизмов может служить основой для выработки стратегии. Во-вторых, в новой социально-экономической реальности меняются способы и интенсивность взаимодействия между средой и обществом, что приводит к возникновению новых форм взаимосвязи. Это, с одной стороны, открывает широкие перспективы для повышения уровня благополучия и качества жизни населения, с другой стороны, способствует возникновению новых рисков и угроз. В-третьих, любые преобразования социально-го или экономического характера не принесут

положительных результатов, если будут основываться на системе моделей поведения и ценностях, не отвечающих запросам общества. По этим причинам рассмотрение вопросов, связанных с адаптацией демографического поведения населения, крайне актуально как в научном смысле, так и в смысле использования знаний о ее средствах и формах при решении практических задач, стоящих перед демографическим и социально-экономическим развитием государства. Таким образом, цель исследования заключается в определении основных моделей демографического поведения населения страны на современном этапе ее развития, для которого характерна быстрая смена условий жизнедеятельности.

Теоретический обзор

В научной литературе адаптация рассматривается как «двусторонний процесс практического взаимодействия социального субъекта с социальной средой, в ходе которого изменяется

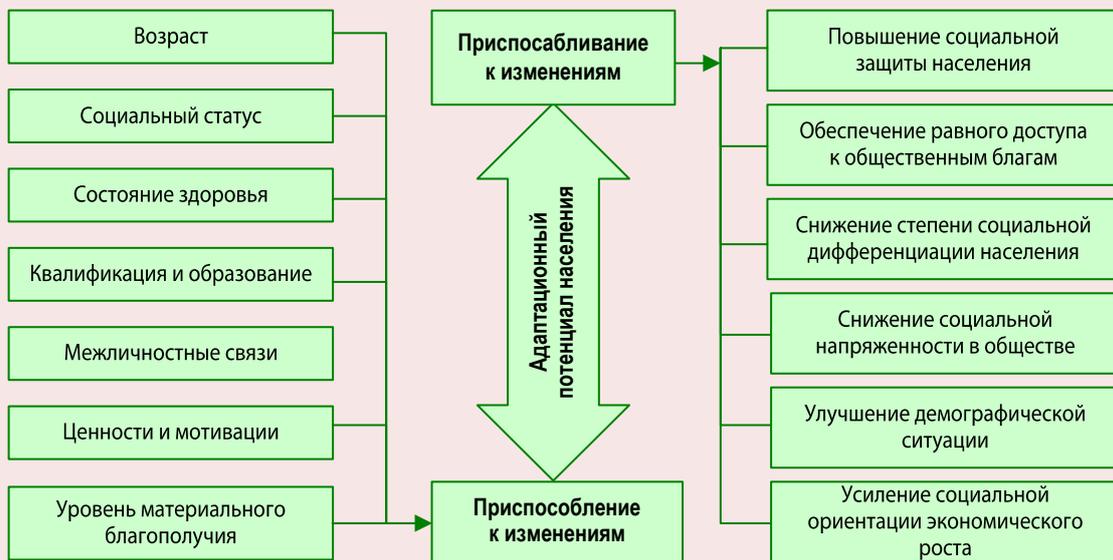
не только субъект, но и среда»¹, что обеспечивает самосохранение субъекта в его жизнедеятельности и развитии. Таким образом, процесс адаптации населения к изменениям необходимо рассматривать в двух контекстах взаимосвязи «индивид – среда» (рис. 1), а в адаптационном процессе можно выделить два аспекта взаимосвязи «индивид – среда». В первом случае человек выступает в качестве объекта, на который воздействует среда, а адаптация носит пассивный характер, получив название «приспособление» [1]. Во втором случае человек сам воздействует на среду, он проявляет активность и берет на себя роль субъекта воздействия, изменяя под себя условия жизнедеятельности, что получило название «приспособление» [2; 3].

Особенностью адаптационного процесса является наличие временного лага между началом адаптации и ее конечным результатом, т. е. ее эффект отложен во времени. Очевидно, что продолжительность временного лага зависит от адаптационных возможностей населения, обусловленных неравными стартовыми условиями адаптации.

При этом эффективность адаптации населения во многом зависит от скорости изменений социально-экономической среды, в связи с чем значительный исследовательский интерес представляет изучение моделей поведения населения в условиях революционного развития общества [4], поскольку данный процесс связан с их трансформацией из одного качественного состояния в другое (transitioneconomy). Изменения в переходном периоде затрагивают глубинные, цивилизационные аспекты развития общества, приводя к кардинальной смене моделей и регуляторов социально-экономической деятельности, в т. ч. демографического поведения населения [5].

Неустойчивость и вариативность социально-экономического развития в переходный период обусловлены, в первую очередь, противоречиями функционирования социально-экономических и социально-политических институтов, появлением новых институтов и разрушением традиционных, с отсутствием ценностной системы, признаваемой большинством населения в качестве нравственной

Рис. 1. Двухаспектность адаптации населения к изменениям внешней среды

Источник: составлено авторами.

¹ Капто А.С. Адаптация социальная // Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев; уч. секр. О.Е. Черношек. М.: Норма, 2008. 608 с.

основы жизнедеятельности и одновременно выступающей в качестве регулятора социального действия, а также размытостью социальной структуры в условиях роста противоречий между профессионально-квалификационным и образовательным уровнем людей, их местом в системе общественного воспроизводства, с одной стороны, размерами собственности и дохода, социальным престижем, с другой [1; 6]. Все эти моменты вызывают к действию сильный социальный стресс, который, как отмечает академик РАН Б.Т. Величковский, изменяет «фундаментальную биологическую закономерность – различие в устойчивости основных возрастных групп населения, так как возникающие под его влиянием отрицательные изменения в уровне смертности и продолжительности жизни в максимальной степени происходят не в наиболее ранимых детских и пожилых возрастных группах, а у лиц трудоспособного возраста» [6].

Что касается адаптационных стратегий российского населения, то в условиях стремительных трансформаций внешней среды, по словам Н.А. Коровниковой, речь идет, скорее, о процессе переадаптации (или «изменении изменений»), обусловленном непредсказуемостью будущего, поскольку традиционные адаптационные стратегии (стремление к безопасности, гомеостазу, стабильности) не отвечают скорости социально-экономических процессов, определяя характер и направленность трансформаций, которые были связаны с глубокими переменами в системе аксиологических ориентиров населения, включая «изменения в приоритетах по отношению к своим индивидуальным потребностям, интересам общества и государства» [7].

Таким образом, периоды интенсивных изменений всегда становятся этапом испытаний не только для отдельного человека, но и для всего общества, понуждая мобилизовать адаптационные возможности человека к изменениям. Появляются и реализуются новые стратегии выживания: от пассивных форм ухода, бегства от реальности до агрессивного выживания и ценностного упрощения [8]. Одновременно растет социальный стресс, который ослабляет эффективность адаптационных стратегий и увеличивает негативное факторное влияние.

При рассмотрении адаптационных механизмов в системе «человек – среда» демографическая адаптация представляет собой социально обусловленные формы и способы реализации потребностей индивида или семьи, влияющие на воспроизводство населения. Она выражается в изменении репродуктивного, самосохранительного и миграционного поведения.

Демографическое поведение тесно связано не столько непосредственно с социально-экономическими условиями жизни населения, сколько с их восприятием и последующей оценкой. Именно благодаря этой оценке происходит формирование поведенческих стереотипов различных социально-экономических групп. Таким образом, все перечисленные выше положения являются факторами, определяющими динамику демографических показателей. Показатели рождаемости, смертности и миграции формируются посредством репродуктивного, самосохранительного и миграционного поведения и реализуются через призму восприятия каждого из факторов по степени их значимости. Причем это восприятие может носить как прямой, так и опосредованный характер.

Решению вопросов, касающихся проблем рождаемости и репродуктивного поведения населения, посвящено значительное число научных работ как зарубежных, так и отечественных исследователей. Среди западных демографов большое внимание проблемам рождаемости и ее детерминации уделяли П. Макдональд и В. Кеннет [9; 10]. Существенный вклад в развитие представлений о процессе рождаемости и репродуктивном поведении внесли отечественные демографы, экономисты, социологи, такие как В.Н. Архангельский, О.Н. Калачикова, М.А. Груздева, Е. Митрофанова² и О.В. Семенова [11; 12; 13]. Тренды и факторы смертности и самосохранительного поведения населения рассмотрены в работах Э. Крагера и Д. Вестена [14]; М. Секлецка и др. [15], М.А. Миллера [16], Л.А. Лещенко [17], Е.А. Трушковой [18] и др. Анализ специфики миграционных процессов и миграционного поведения населения представлен в трудах С.В. Рязанцева [19; 20].

² Митрофанова Е. Браки, партнерства, рождаемость поколений россиян // ДемоскопWeekly. 2011. № 477–478. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0477/tema05.php> (дата обращения 09.11.2020).

Рис. 2. Схема принятия решения об акте демографического поведения

Источник: составлено авторами.

На наш взгляд, динамика демографических показателей определяется поведенческим механизмом в реализации репродуктивных, самосохранительных, миграционных планов и носит ярко выраженный адаптивный характер (рис. 2).

В случае репродуктивного поведения направленность действий в отношении рождения / нерождения ребенка и их числа основывается на принципе упорядочивания индивидуумом воспринимаемых им событий, которые связываются с перспективой устремления к лучшим для данного индивида (семьи) результатам. При самосохранительном поведении имеющиеся у индивида самосохранительные установки соотносятся с его текущей жизненной ситуацией. На базе этого соотношения производится оценка приоритетов, итогом которой является корректировка образа жизни в сторону улучшения (сохранения здоровья) или отказа, а порой и усугубления негативных компонентов образа жизни. Подобным способом принимается решение при миграционном поведении (сменить место жительства или нет). Наблюдаемым результатом адаптации демографического поведения становится динамика демографических показателей. Ее оценка и является целью нашего исследования.

Данные и методы

Методической основой исследования послужило положение о том, что демографическое поведение населения включает в себя три компонента (репродуктивное, самосохранительное, миграционное), а специфика моделей демографической динамики связана с адаптацией населения к изменяющимся условиям социально-экономической среды по каждому из указанных компонентов.

Обоснование и интерпретация моделей демографической динамики осуществляются с помощью анализа динамических рядов соответствующих показателей:

- показатели рождаемости включают общий коэффициент рождаемости, суммарный коэффициент рождаемости, возрастные коэффициенты рождаемости для женщин фертильного возраста;
- показатели смертности оцениваются по общему коэффициенту смертности, коэффициенту младенческой смертности, ожидаемой продолжительности жизни;
- динамика показателей миграции представлена коэффициентом миграционного прироста населения.

В исследовании использованы данные Федеральной службы государственной статистики России за 2000–2019 гг.³

Результаты и обсуждение

Адаптация демографического поведения населения анализируется на примере показателей демографической динамики России за 2000–2019 гг. Как видно на *рисунке 3*, динамика показателей естественного и механического движения населения в указанный период носила противоречивый характер – наблюдались как периоды улучшения, так и ухудшения.

Нами выделены следующие периоды в зависимости от состояния социально-экономической среды, в которую погружены индивиды, и действия тех факторов, под влиянием которых происходит адаптация демографической динамики:

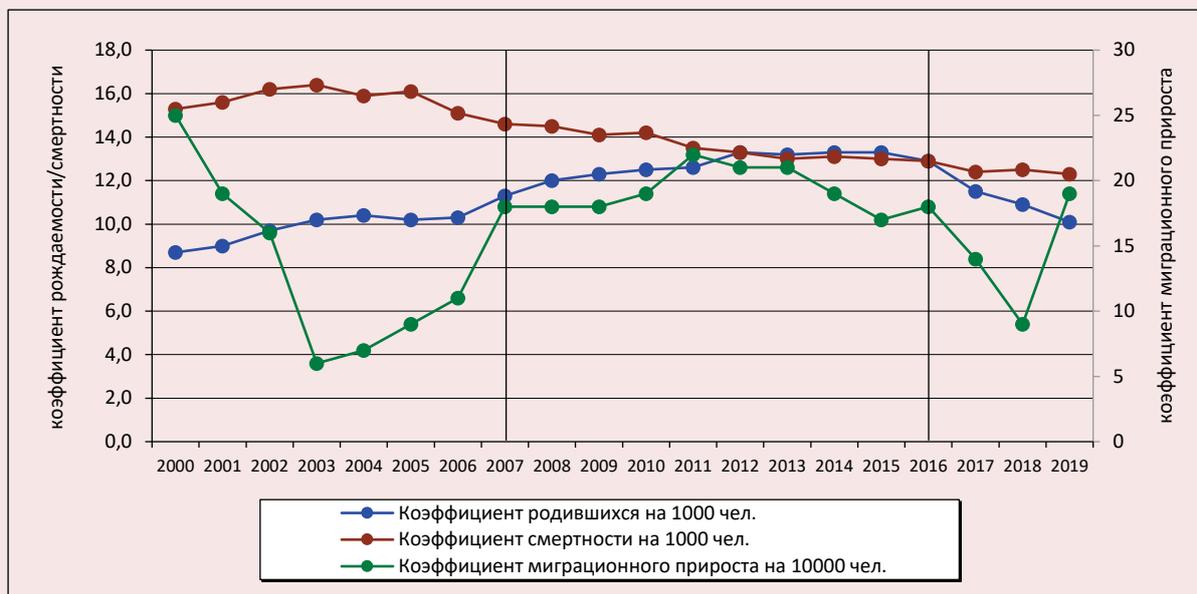
1) период 2000–2006 гг., связанный со стабильной экономической ситуацией, ростом благосостояния населения и покупательной способности доходов, а также благоприятным психологическим климатом в обществе, что нашло отражение в снижении показателей смерт-

ности, росте рождаемости; кроме того, с 2003 года наблюдается позитивная динамика миграционного прироста;

2) период 2007–2015 гг., связанный, с одной стороны, с ухудшением показателей экономического развития в результате серии кризисов, начиная с мирового финансового кризиса 2008 года, что выразилось в стабилизации показателя миграционного прироста и даже его снижении к концу периода; вместе с тем показатели рождаемости и смертности, являясь достаточно инертными, сохранили позитивную динамику, более того, в конце рассматриваемого периода наблюдался незначительный естественный прирост населения;

3) период 2016–2019 гг., связанный с дальнейшим осложнением экономической ситуации в результате реализации санкционной политики в отношении РФ, активным падением реальных доходов населения и ухудшением психологического климата в обществе; все это негативно отразилось на показателях рождаемости и миграционного прироста населения при стабилизации смертности.

Рис. 3. Показатели демографической динамики России в 2000–2019 гг.

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 25.03.2021).

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 25.03.2021).

Более глубокий анализ трендов и факторов демографической динамики на основе широкого набора статистических данных⁴ методами логического и математического анализа позволил выявить основные характеристики моделей динамики демографических показателей в разрезе основных компонентов⁵. Согласно *таблице*, за 2000–2019 гг. в демографической динамике произошли существенные изменения, которые тесно связаны с приспособлением населения к новым социально-экономическим вызовам и являются неотъемлемым элементом современного социально-экономического, исторического и культурного этапа развития Российской Федерации.

В частности, эволюция рождаемости выразилась в снижении таких показателей, как общий и суммарный коэффициенты рождаемости, что отражает ориентацию на малодетную семью в качестве ответа на высокий уровень нестабильности, поскольку индивиды при выборе исходят из рациональной возможности создания оптимальных условий содержания и воспитания для своего ребенка.

Кроме того, увеличение среднего возраста материнства и возрастных коэффициентов рождаемости в пользу женщин старших фертильных групп сопряжено с изменением ценностных установок и ориентацией женщин на

Модели динамики демографических показателей в условиях адаптации к изменениям среды

Этап	Показатели рождаемости	Показатели смертности	Показатели миграции
2000–2006	Рост СКР* с 1,19 до 1,29 рождений; высокая интенсивность рождений в группе женщин 15–19 лет (27,4‰); пик рождаемости в группе 20–24 года; резкое снижение рождаемости в старших возрастах: 35–39; 40–44; 45–49 лет	Коэффициент смертности сохранялся на уровне 15,3–16,4‰; коэффициент младенческой смертности снизился с 13,3 до 10,2‰; ожидаемая продолжительность жизни возросла с 65,3 до 66,6 года; ключевые факторы – доступность услуг системы здравоохранения и безопасность жизни	Коэффициент миграционного прироста существенно сократился: с 25 до 11 чел. на 10000 чел.; ключевые факторы – не только высокие показатели въезда населения, но и значительные показатели оттока населения с текущего места жительства
2007–2015	Значительный рост СКР с 1,29 до 1,7 рождений; снижение интенсивности рождений в группе 15–19 лет до 24‰; концентрация рождений в возрастных группах 20–24 и 25–29 лет; резкий рост рождаемости в старших возрастах 35–39; 40–44; 45–49 лет; ключевой фактор – введение материнского капитала	Коэффициент смертности снизился с 14,6 до 13,0‰; коэффициент младенческой смертности снизился с 9,4 до 6,5‰; ожидаемая продолжительность жизни возросла с 67,5 до 71,4 года; ключевые факторы – доступность услуг системы здравоохранения, высокое качество жизни и достойные условия труда	Коэффициент миграционного прироста стабилизировался на уровне 17–18 чел. на 10000 чел.; пиковое значение пришлось на 2011 год и составило 22 чел. на 10000 чел.; ключевые факторы – снижение экономической привлекательности России для въезда, с одной стороны, и отсутствие достаточных доходов для организации выезда у населения, с другой
2016–2019	Падение СКР до 1,58 рождений; снижение уровня рождаемости в возрастной группе 15–19 лет с 24 до 16,1‰; концентрация рождений приходится на три возрастные группы: 20–24, 25–29 и 30–34 года; высокий уровень рождаемости в старших репродуктивных возрастах; ключевой фактор – смена репродуктивных установок, откладывание рождений на более поздний срок	Коэффициент смертности стабилизировался на уровне 12,3–12,9‰; коэффициент младенческой смертности снизился с 6,0 до 4,9‰; ожидаемая продолжительность жизни возросла с 71,9 до 73,3 года; ключевые факторы – достойные условия труда и, в меньшей степени, доступность здравоохранения	Коэффициент миграционного прироста стабилизировался на уровне 18–19 чел. на 10000 чел.; при этом в 2018 году наблюдалось его резкое сокращение до 9 чел. на 10000 чел.; ключевые факторы – снижение экономической привлекательности России для въезда, с одной стороны, и отсутствие достаточных доходов для организации выезда у населения, с другой

* СКР – суммарный коэффициент рождаемости.
 Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 25.03.2021); [21; 22].

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 25.03.2021).

⁵ Указанные модели динамики демографических показателей сформулированы на основе исследований авторского коллектива, опубликованных на предыдущих этапах работы [21; 22].

Рис. 4. Модели динамики демографических показателей в условиях адаптации населения к изменениям социально-экономической среды

	Р	С	М
Модель 1	↑	↑	↓
Модель 2	↑	↑	▬
Модель 3	↓	↑	▬

(Р – рождаемость; С – смертность; М – миграция)

Источник: составлено авторами.

получение образования и достижение карьерных успехов. Также увеличение возрастных коэффициентов рождаемости в старших возрастах обусловлено стремлением приобрести финансовую независимость и экономическую состоятельность, развитием репродуктивных медицинских технологий.

Изменения в динамике показателей смертности населения связаны, во-первых, с развитием медицинских технологий оказания экстренной и высокотехнологичной помощи, ориентацией на профилактику заболеваемости и увеличение выявляемости болезней. Во-вторых, повышение уровня жизни и пропаганда здорового образа жизни, в т. ч. через СМИ, стимулируют изменение ценностных установок населения и повышают ориентацию на сохранение здоровья и продление жизни. Кроме того, структурная перестройка экономики и развитие сервисных отраслей привели к сокращению числа занятых во вредных и опасных условиях труда, что снижает риски травматизма и профзаболеваемости и положительно сказывается на показателях смертности населения.

Характер динамики показателей миграции населения в 2000–2019 гг. также претерпел изменения. Стабилизация объемов миграционных потоков связана с проводимой на протяжении последних лет государственной миграционной политикой, снижением экономических стимулов к миграции, а также исчерпанием миграционного потенциала населения.

Таким образом, мы можем констатировать наличие трех моделей динамики демографических показателей, сложившихся в результате

адаптации населения к изменениям социально-экономической среды (рис. 4).

Первая модель, сложившаяся в условиях стабильной макроэкономической ситуации и роста благосостояния населения, включает в себя улучшение показателей естественного движения населения (рождаемости и смертности) при снижении интенсивности механического движения.

Вторая модель характеризуется дальнейшим улучшением показателей естественного движения населения при стабилизации объемов миграционных потоков, что связано, в первую очередь, с ухудшением макроэкономической ситуации.

Третья модель определяется сохранением позитивного тренда снижения смертности и стабилизацией миграционных потоков, при этом наблюдается сокращение рождаемости на фоне снижения уровня жизни и отсутствия уверенности населения в завтрашнем дне.

Таким образом, подтвердилась гипотеза об адаптационном характере динамики демографических показателей в связи с изменением условий социально-экономической среды.

Заключение

Современный этап развития России характеризуется интенсивными изменениями социально-экономического состояния общества, связанными с неустойчивостью макроэкономической ситуации, а также трансформацией технологических и социальных основ общественного развития. Неопределенность дальнейшего пути развития и неуверенность в завтрашнем дне, высокий уровень стресса отражаются в де-

мографических показателях — снижается уровень рождаемости и растет уровень смертности, несмотря на все усилия органов власти по реализации активной демографической политики.

По результатам проведенного исследования нами определены три модели динамики демографических показателей России, связанные с особенностями социально-экономического развития страны в различные периоды и отли-

чающиеся характером репродуктивного, само-сохранительного и миграционного поведения, что и составляет научную новизну работы.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных знаний в практике государственного и регионального управления и стратегического планирования при обосновании эффективных мер демографической политики.

Литература

1. Аврамова Е.М., Логинов Д.М. Адаптационные ресурсы населения: попытка количественной оценки // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 3 (59). С. 13–17.
2. Пасовец Ю.М. Адаптированность населения к социальным изменениям и её показатели // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2015. № 1. С. 28–35.
3. Смолева Е.О. Критерии и ресурсы социальной адаптации населения России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 179–195. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.11
4. Nakamura T. Solow meets Stone-Geary: Technological progress and the demographic transition. *Metroeconomica*, 2018, vol. 69 (4), pp. 768–790. DOI: 10.1111/meca.12212
5. Гасанов А.С. Социальное развитие и адаптация поколений в переходный период // Вопросы структуризации экономики. 2007. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-razvitie-i-adaptatsiya-pokoleniy-v-perehodnyu-period> (дата обращения 10.03.2021).
6. Величковский Б.Т. Жизнеспособность нации. Роль социального стресса и генетических процессов в популяции в развитии демографического кризиса и изменения состояния здоровья населения России. М.: Тигле, 2009. 176 с.
7. Коровникова Н.А. Особенности социально-экономической адаптации современных россиян // ЭСПР. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotsialno-ekonomicheskoy-adaptatsii-sovremennyh-rossiyan> (дата обращения 07.03.2021).
8. Абилов М.С. Современное российское общество, социокультурные особенности в процессе трансформации социальной структуры в условиях реформ // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2014. № 4. С. 107–110.
9. McDonald P. Gender equity, social institutions and the future of fertility. *Journal of Population Research*, 2000, vol. 17 (1), pp. 1–16. DOI: 10.1007/BF03029445
10. Wachter K.W., Bulatao R.A. National Research Council. In: *Offspring: Human Fertility Behavior in Biodemographic Perspective. Panel for the Workshop on the Biodemography of Fertility and Family Behavior*. Eds. Committee on Population, Division of Behavioral and Social Sciences and Education. Washington, DC, 2003. 400 p.
11. Архангельский В.Н. Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 129–136.
12. Калачикова О.Н., Груздева М.А. Изменения репродуктивного и брачного поведения населения России (на основе анализа выборочных исследований Росстата) // Социальное пространство. 2018. № 2 (14). С. 1–12. DOI: 10.15838/sa.2018.2.14.1
13. Семенова О.В., Бутовская М.Л. Рождаемость в современном российском обществе: роль экономических и культурных факторов в условиях растущей урбанизации // Урбанистика. 2019. № 2. С. 49–63. DOI: 10/7256/2310-8673/2019/2/28966
14. Carger E., Westen D. *A New Way to Talk about the Social Determinants of Health*. 2010. Available at: <https://www.rwjf.org/en/library/research/2010/01/a-new-way-to-talk-about-the-social-determinants-of-health.html> (accessed April 09, 2019).
15. Seklecka M., Lazam N.M., Pantelous A.A., Ohare C. Mortality effects of economic fluctuations in selected Eurozone countries. *Journal of Forecasting*, 2018, no. 38 (1), pp. 39–62. DOI: 10.1002/for.2550

16. Миллер М.А. Самосохранительное поведение населения как элемент демографического развития // Актуальные вопросы экономических наук. 2009. № 8-1. С. 167–171.
17. Лещенко Л.А. Самосохранительное поведение и человеческий капитал как социальные составляющие здоровья индивида // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2. С. 176–180.
18. Трушкова Е.А. Методический подход к оценке экономико-экологического развития и дополнительных эффектов, ассоциированных с факторами риска от загрязнения окружающей среды // Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2017. № 3. С. 44–53.
19. Рязанцев С.В. Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 117–126. DOI: 10.31857/S013216250006666-5
20. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Международная трудовая миграция в Россию // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 4 (59). С. 65–83. DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.5
21. Козлова О.А., Секицки-Павленко О.О. Модели рождаемости и репродуктивного поведения женского населения России: современные тенденции // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 218–231. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.13
22. Makarova M., Kozlova O., Kozlov A. Methodological tools to assess an impact of habitat factors on population health in Russian regions. In: *The 13th International Days of Statistics and Economics in Prague, Czech Republic on September 5-7, 2019. Conference proceeding*. Prague: LibušeMacáková, MELANDRIUM, 2019. 1756 p. Pp. 1013–1021. Available at: https://msed.vse.cz/msed_2019/sbornik/toc.html (accessed October 23, 2019). DOI: 10.18267/pr.2019.los.186.101

Сведения об авторах

Ольга Анатольевна Козлова – доктор экономических наук, профессор, руководитель центра, Институт экономики Уральского отделения РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: kozlova.aa@uiec.ru)

Мария Никитична Макарова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: Makarova.mn@uiec.ru)

Ольга Олеговна Секицки-Павленко – ведущий экономист, Институт экономики Уральского отделения РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: sekitski.pavlenko.oo@uiec.ru)

Kozlova O.A., Makarova M.N., Sekitski-Pavlenko O.O.

Models for the Dynamics of Demographic Indicators in the Conditions of Population Adaptation to Changes in the Socio-Economic Environment

Abstract. Socio-economic development of any territory is inherently connected with population reproduction, which is predetermined by demographic behavior. Recently, the models for the dynamics of Russia's demographic indicators have been changing, which is characterized by a decrease in the birth and death rates, as well as a relative stabilization of the migration situation. The transformation of demographic dynamics models is a natural result of society's adaptation to the new socio-economic reality. The changes in the behavior of the population are particularly noticeable under the conditions of abrupt transformations of the external environment, observed in the transitional periods of socio-economic systems functioning. In this regard, the purpose of the study was to determine the main models of the dynamics of demographic indicators of the Russian Federation at the present stage of development, which is characterized by a rapid change in the conditions of life activity. Based on the use of the concept of adaptation in the "human-environment" coordinates, we showed the two-dimensional adaptation of

the population to changes in the external environment and constructed a decision-tree for the acts of demographic behavior. In empirical part of the study, using methods of logical and statistical analysis, we studied the dynamics of indicators of reproductive, self-preservation and migration behavior of the population in the period from 2000 to 2019, using, respectively, a set of indicators of birth rate, mortality, life expectancy and migration growth. Based on highlighting the specific characteristics of Russia's socio-economic development in 2000–2006, 2007–2015, and 2016–2019, we identified three stages of demographic indicators dynamics, in accordance with which we proposed three models of demographic indicators dynamics, in order to expand our understanding of this phenomenon. The results obtained allowed us to form a methodological basis for future interdisciplinary research in the field of demographic behavior. They can also be used as a methodological basis for the development of demographic policy measures.

Key words: demographic behavior, model, population adaptation, changes, environment.

Information about the Authors

Ol'ga A. Kozlova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Center, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: kozlova.aa@uiec.ru)

Mariya N. Makarova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: makarova.mn@uiec.ru)

Ol'ga O. Sekitski-Pavlenko – Leading Economist, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: sekitski.pavlenko.oo@uiec.ru)

Статья поступила 23.03.2021.

Здоровьесберегательные установки как фактор самосохранительного поведения: подходы к изучению и опыт типологии*

**Александра Владимировна
КОРОЛЕНКО**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: coretra@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7699-0181; ResearcherID: I-8201-2016

Аннотация. В условиях концептуального перехода политики здравоохранения от рассмотрения граждан как пассивных потребителей медицинских услуг к осознанию ими собственной активной позиции в сохранении здоровья принципиально важным становится понимание сложившихся у населения типов установок на заботу о здоровье. Цель исследования заключалась в типологии населения по характеру здоровьесберегательных установок и изучении ее влияния на распространение практик здорового образа жизни. Проанализированы и обобщены подходы к трактовке здоровьесберегательной мотивации и классификации мотивов заботы о здоровье. Рассмотрен опыт применения кластерного анализа в исследованиях поведения в отношении здоровья. Установлено, что в большинстве из них в качестве показателей для осуществления типологии используются непосредственно самосохранительные практики, тогда как не менее важная ценностно-мотивационная составляющая чаще всего остается вне поля зрения. Наше исследование призвано заполнить этот пробел. Информационной базой выступили результаты социологического мониторинга физического здоровья населения Вологодской области 2020 года. Мотивы заботы о здоровье рассматривались в неразрывной взаимосвязи со степенью заботы о здоровье и ответственностью за него. Для типологии населения использован метод кластерного анализа (иерархический и метод *k*-средних). В ходе кластеризации выявлены три группы

* Статья подготовлена в рамках темы государственного задания № 0168-2019-0011 «Демографическое развитие территорий».

Для цитирования: Короленко А.В. Здоровьесберегательные установки как фактор самосохранительного поведения: подходы к изучению и опыт типологии // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2021. Т. 14. № 4. С. 59–76. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.4

For citation: Korolenko A.V. Health-saving attitudes as a factor promoting self-preservation behavior: Approaches to the study and experience in typology. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 4, pp. 59–76. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.4

населения по характеру здоровьесберегательных установок: 1) ответственные, но немотивированные, мало заботящиеся или не заботящиеся о здоровье, 2) разделяющие ответственность, мотивированные и заботящиеся о здоровье, 3) ответственные, мотивированные и заботящиеся о здоровье. Определен социально-демографический портрет представителей каждого кластера. Представители третьего кластера ведут наиболее здоровый образ жизни, тогда как более половины респондентов первого кластера не предпринимают никаких мер в отношении здоровья. Результаты исследования имеют выраженное практическое значение в части управления самосохранительным поведением населения.

Ключевые слова: здоровьесберегательные установки, забота о здоровье, мотивация, ответственность за здоровье, практики здорового образа жизни, типология, социологический опрос, кластерный анализ.

Введение

В последние десятилетия в России наблюдается концептуальный переход политики здравоохранения от рассмотрения граждан как пассивных потребителей медицинских услуг к осознанию ими собственной активной позиции в сохранении здоровья [1]. В западных странах этот переход произошел заметно раньше — еще в 70-х гг. XX века в рамках политики обеспечения здоровья (health promotion) [2, с. 168]. Данный факт актуализирует более детальное изучение отношения населения к собственному здоровью, в том числе индивидуальных здоровьесберегательных установок. Как отмечает д.с.н. И.В. Журавлева, отношение к здоровью — одно из центральных понятий социологии здоровья, субъективную сторону которого характеризуют *мотивы деятельности в сфере здоровья* [3, с. 37, 40]. Чаще всего под ними подразумевается совокупность внешних и внутренних стимулов, побуждающих индивида к деятельности по сохранению здоровья и реализации здоровьесберегающего поведения [4, с. 23]. Мотивы заботы о здоровье связаны с осознанием важности удовлетворения потребности в самосохранении, обусловлены уровнем развития самосохранительных норм, культуры, сферы здравоохранения, общественного сознания. Они инициируют поведение личности для удовлетворения потребности в сохранении здоровья, способствуют выбору стратегии самосохранительного поведения, регулируют поведение на основе выстроенной мотивационной модели [5, с. 17]. Мотивация в сфере здоровья во многом предопределяет формирование соответствующих установок в отношении здоровья, интерес к нему, а также выбор форм и инструментов ведения здорового (или нездорового) образа жизни [6, с. 20].

Помимо мотивации *забота индивида о своем здоровье* во многом определяется *степенью ответственности за его состояние*, которая формируется под действием сложившейся социальной нормы [3, с. 72]. Именно поэтому в ряде зарубежных и отечественных исследований при изучении установок в отношении здоровья неразрывно с мотивацией рассматривается *личная ответственность за здоровье*. Проблема индивидуальной ответственности за здоровье как неотъемлемого элемента отношения к здоровью поднималась в работах В. Коккера и Т. Абея [7], Й. Иваневича и М. Матесона [8], И.В. Журавлевой, Л.С. Шиловой [3; 9], Н.Л. Русиновой и Дж.В. Браун [10] и др.

В ряде отечественных исследований доказано преобладание у россиян инструментального характера ценности здоровья [3; 11–13], то есть здоровье для населения чаще всего является не самоцелью (фундаментальной ценностью), а лишь инструментом достижения значимых целей в жизни. Структура мотивации в сфере здоровья складывается в течение жизни человека и отражает особенности его социализации: так, если для молодежи здоровье видится в основном как инструментальная ценность, то по мере взросления и ухудшения состояния организма, напротив, возрастает его фундаментальная значимость [3, с. 59]. Чаще всего здоровье становится главным жизненным приоритетом к пожилому возрасту, когда у человека уже имеются хронические болезни и недуги. Данный факт актуализирует необходимость повышения фундаментальной ценности здоровья, стимулирования мотивации к заботе о нем с раннего возраста. Мотивация к здоровому поведению должна стать устойчивым процессом —

одной из линий развития человека на протяжении всей жизни, а не состоянием в конкретном отрезке времени [14, с. 116].

Кроме того, выявленный в российских исследованиях разрыв между заявляемой людьми высокой ценностью здоровья и ее низкой практической реализацией [15, с. 223] обуславливает актуальность изучения индивидуальных особенностей здоровьесберегательных установок, в частности их различных типов среди населения.

Здоровьесберегательные установки, включая мотивацию к заботе о здоровье, выступают «спусковым» механизмом самосохранительного поведения, являются наиболее «гибким» его элементом, в большей степени подлежат регулированию и коррекции, поэтому их изучение может послужить основой для разработки управленческих инструментов в направлении формирования желаемых моделей поведения в сфере укрепления здоровья.

Цель нашей работы заключалась в типологии населения по характеру здоровьесберегательных установок и изучении ее влияния на распространение практик здорового образа жизни. Для достижения цели были реализованы следующие *задачи*: обобщены теоретико-методологические подходы к изучению установок на заботу о здоровье, в частности здоровьесберегательной мотивации; осуществлена типология населения по характеру здоровьесберегательных установок на данных социологического опроса населения Вологодской области; изучены социально-демографические параметры выявленных типов, а также распространенность среди них практик здорового образа жизни.

Теоретические аспекты исследования

Поскольку мотивация к здоровьесбережению является основополагающим компонентом заботы о здоровье и выступает внутренним субъективным механизмом регуляции самосохранительного поведения, то при обзоре научных подходов к изучению здоровьесберегательных установок внимание будет акцентировано именно на ней.

Мотивация к заботе о здоровье впервые выступила в качестве объекта исследования в рамках *социальной психологии*. Одной из самых распространенных за рубежом стала *концепция*

убеждения в пользе здоровья (И. Розенсток, М. Беккер) [16], согласно которой мотивы (или так называемые стимулы) являются движущей силой здравоохранительных действий (*табл. 1*). Именно мотивы определяют изменение поведения индивида в отношении собственного здоровья, исходя из того, принесет оно ему «выгоду» или нет.

В соответствии с *теорией обоснованных действий И. Айзена, М. Фишбейна* поведение в отношении здоровья прежде всего определяется установкой и субъективной нормой [17]. Если установка представляет собой мнение индивида о возможных последствиях его поведения, его результатах, то субъективная норма — не что иное, как оценка возможной реакции других людей на подобное поведение, выражающаяся, в том числе, в *личностной мотивации соответствия социальным ожиданиям*. Таким образом, здоровьесберегательная мотивация в данном случае является важным регулятором социальных норм поведения в отношении здоровья.

Мотивация к заботе о здоровье в рамках социальной психологии рассматривается в тесной взаимосвязи с категорией *«потребность в здоровье»*. Согласно *динамической концепции потребностей А. Маслоу* мотивы определяются потребностями, которые имеют несколько уровней: первый и низший уровень — физиологический (потребность в пище, воде, обеспечении гомеостаза); второй — потребность в свободе, безопасности; третий — потребность в любви и сопричастности; четвертый — потребность в уважении; пятый и высший уровень — потребность в самореализации [18]. Каждая новая потребность возникает лишь при удовлетворении нижележащей. Исходя из данной иерархии потребность в здоровье является компонентом высшего уровня. Потребность в здоровье реализуется в деятельности по заботе о здоровье, выбор которой человек осуществляет под влиянием сформировавшихся мотивов. Потребности и мотивы оказывают влияние друг на друга. Однако если потребности могут отражаться на разных уровнях — биологическом, физиологическом, психологическом, то мотивы возникают на высшем уровне отражения потребностей — их осознании [3, с. 72].

Таблица 1. Научные подходы к трактовке здоровьесберегательной мотивации

Научное направление/школа		Авторы	Трактовка мотивации
Психология здоровья	Концепция потребностей	А. Маслоу	Мотивы здоровьесбережения = потребности в самореализации (в реализации здоровья), самосохранении на всех уровнях: биологическом, психологическом, социальном
	Концепция убеждения в пользу здоровья	И. Розенсток, М. Беккер	Здравоохранительные действия рассматриваются с точки зрения системы «затраты – выгоды», при этом движущая сила действий – мотивы (стимулы). Изменение поведения происходит в результате следования мотивам, приносящим «выгоду» в ситуациях, когда человек стоит перед выбором из конфликтующих мотивов.
	Теория обоснованных действий	И. Айзен, М. Фишбейн	Поведение в отношении здоровья определяется установкой и субъективной нормой. Установка (отношение) представляет собой мнение индивида о возможных последствиях его поведения и оценку (позитивную или негативную) его результатов. Субъективная норма – мнение о возможной реакции других людей на подобное поведение и личностная мотивация соответствия таким ожиданиям. То есть мотивация является важным регулятором норм поведения в отношении здоровья.
	Концепция «психологии отношений»	В.Н. Мясищев, Р.А. Березовская	Здоровьесберегательная мотивация является неотъемлемой частью отношения к здоровью. Ценностно-мотивационный компонент играет роль связующего звена между когнитивным и поведенческим компонентами отношения к здоровью. Мотивация связана с внутренним принятием ценности здоровья и определением степени активности в сохранении и развитии собственного здоровья.
	Деятельностный подход	Н.В. Яковлева и др.	Мотивация на заботу о здоровье – один из компонентов поведения в сфере здоровьесбережения наряду с самооценкой здоровья, установками на здоровьесбережение, системой здоровьесберегающих действий
Социология здоровья	Концепция ССП. Ценностно-мотивационный подход	А.И. Антонов, М.С. Бедный, В.С. Зотин, В.М. Медков, И.В. Журавлева, Л.С. Шилова, Л.Ю. Иванова, Г.А. Ивахненко	Мотивы здоровьесбережения являются компонентом самосохранительного поведения и рассматриваются в неразрывной взаимосвязи с потребностями в сохранении жизни и здоровья на всех этапах жизненного цикла. Мотивы здоровьесбережения – это, прежде всего, мотивы длительности жизни.
Социальная демография		И.Б. Назарова, А.А. Шабунова, В.Р. Шухатович, О.Н. Калачикова, П.С. Корчагина, А.В. Короленко	Здоровьесберегательная мотивация – составляющая самосохранительного поведения. Мотивы заботы о здоровье указывают на истинные причины выбора здоровьесберегающего поведения.
Источник: составлено автором.			

Исходя из положений концепции «психологии отношений» (В.Н. Мясищев, Р.А. Березовская) здоровьесберегательная мотивация – неотъемлемая часть отношения к здоровью [15; 19]. При этом ценностно-мотивационный компонент, в который она входит, играет роль связующего звена между когнитивным и поведенческим компонентами отношения к здоровью. Мотивация здоровьесбережения связана с внутренним принятием ценности здоровья и определением степени активности в его сохранении и развитии [15, с. 223].

В отечественной социальной психологии при исследовании самосохранительного поведения также распространен *деятельностный подход*. Так, например, в работах Н.В. Яковлевой и ее соавторов мотивация на заботу о здоровье рассматривается как одна из составляющих поведения в сфере здоровьесбережения наряду с самооценкой здоровья, установками на здоровьесбережение, системой здоровьесберегающих действий [20–22].

В рамках *социологии здоровья* получила развитие *концепция самосохранительного поведения*

(А.И. Антонов, М.С. Бедный, В.С. Зотин, В.М. Медков, И.В. Журавлева, Л.С. Шилова, Л.Ю. Иванова, Г.А. Ивахненко и др.). Согласно ее положениям, мотивы здоровьесбережения выступают компонентом самосохранительного поведения и рассматриваются в неразрывной взаимосвязи с потребностями в сохранении и укреплении здоровья на всех этапах жизненного цикла человека. Таким образом, здоровьесберегательные мотивы, прежде всего, представляют собой мотивы длительности жизни. Заложенный в основу данной концепции ценностно-мотивационный подход во многом опирается на категории теории потребностей социальной психологии, но вместе с тем рассматривает здоровьесберегательную активность как разновидность непосредственно демографического поведения, а следовательно, признает ее вклад в детерминацию ключевых демографических параметров: смертности, продолжительности жизни и рождаемости населения [23, с. 253].

Исследование мотивации самосохранительного поведения развивается и в работах социально-демографической направленности (И.Б. Назаровой [24], А.А. Шабуневой, В.Р. Шухатович [25; 26], О.Н. Калачиковой, П.С. Корчагиной [27], А.В. Короленко [23] и др.). В их рамках здоровьесберегательные мотивы трактуются шире, отражая не только мотивы дожития, но и большой спектр причин выбора мер, предпринимаемых в отношении собственного здоровья.

В научной литературе встречаются разные подходы к классификации здоровьесберегательных мотивов (табл. 2). Так, например, д.ф.н. А.И. Антонов подразделяет их на экономические, социальные и психологические¹. При этом, как уже отмечалось ранее, самосохранительные мотивы отождествляются с потребностью в определенных сроках жизни (потребность в долголетьи). Экономические мотивы связаны с достижением определенных экономических целей, а именно с повышением или

Таблица 2. Подходы к классификации здоровьесберегательных мотивов

Авторы	Типы мотивов
А.И. Антонов, Т.Н. Шушунова, Е.С. Ревякин	<ul style="list-style-type: none"> - экономические (связаны с достижением определенных экономических целей), - социальные (связаны с достижением целей, заключающихся в повышении или сохранении человеком определенного социального статуса), - психологические (определяют достижение сугубо личных, внутренних целей личности)
Т.В. Карасева, Е.В. Руженская	<ul style="list-style-type: none"> - мотивы образа жизни (гуманистические, реабилитации и рекреации, личного престижа и достижения), - личностно-профессионального развития (познавательные, саморазвития, профессионального самосовершенствования), - социального окружения (идентификации, социализации, самоутверждения, связанные с чувством долга), - прагматические (конкурентоспособность, соответствие профессионально значимым качествам, учебные, негативная мотивация), - гедонические (эмоциональные, психофизиологические, рефлексивно-волевые)
И.В. Журавлева, Н.В. Лаконова	<ul style="list-style-type: none"> - ухудшение состояния здоровья, - страх перед возможным заболеванием, - желание быть сильнее и здоровее, - влияние информации от медицинских работников, - воздействие информации из СМИ, - поведение и пример окружающих, школьное образование, семейные традиции (воспитание)
Н.С. Григорьева, Т.В. Чубарова	<ul style="list-style-type: none"> - мотив сохранения здоровья (когда важно просто сохранить то, что есть, и не совершать действий, которые могут причинить вред здоровью), - мотив предотвращения болезни (который может исходить из простого нежелания болеть, ходить в поликлинику, тратить деньги на лекарства и время на процедуры и т. д.), - мотив потери трудоспособности (может быть препятствием для учебы или развития карьеры), - мотив получения удовлетворения от состояния своего здоровья, способности физически совершенствоваться, заниматься спортом, танцами и др.
Источник: составлено автором.	

¹ Антонов А.И. Микросоциология семьи: учебник. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 330.

сохранением индивидом его экономического положения, получением материальных выгод. Здоровье в данном случае рассматривается индивидом как экономическая категория, требующая значительных инвестиций, и ассоциируется с набором возможностей, связанных с трудовой деятельностью и получением дохода [5, с. 18]. *Социальные мотивы* связаны с достижением целей, заключающихся в повышении или сохранении человеком определенного социального статуса. Они во многом определяются сложившимися в обществе социокультурными нормами. *Психологические мотивы* определяют достижение сугубо личных, внутренних целей личности (личная заинтересованность прожить до определенного возраста) [28]. Этой же классификации придерживаются Т.Н. Шушунова [5], Е.С. Ревякин [28] и др.

Исследователи Т.В. Карасева и Е.В. Руженская выделяют следующие типы мотивов заботы о здоровье: мотивы *образа жизни* (гуманистические, реабилитации и рекреации, личного престижа и достижения), *личностно-профессионального развития* (познавательные, саморазвития, профессионального самосовершенствования), *социального окружения* (идентификации, социализации, самоутверждения, связанные с чувством долга), *прагматические* (конкурентоспособность, соответствие профессионально значимым качествам, учебные, негативная мотивация) и *гедонические* (эмоциональные, психофизиологические, рефлексивно-волевые) [4].

В работах д.с.н. И.В. Журавлевой и ее соавторов встречается другая классификация, в которой здоровьесберегательные мотивы рассматриваются как факторы-стимулы самосохранительного поведения и подразделяются на такие типы, как *ухудшение состояния здоровья, страх перед возможным заболеванием, желание быть сильнее и здоровее, влияние информации от медицинских работников, воздействие информации из СМИ, поведение и пример окружающих, школьное образование, семейные традиции (воспитание)* [3; 29].

Д.полит.н. Н.С. Григорьева и д.э.н. Т.В. Чубарова классифицируют здоровьесберегательные мотивы на *мотивы сохранения здоровья, предотвращения болезни, потери трудоспособности и получения удовлетворения от состояния своего*

здоровья, способности физически совершенствоваться, заниматься спортом, танцами и др. [30, с. 205].

В данной работе для типологизации населения по характеру здоровьесберегательных установок были отобраны следующие показатели: спектр мотивов, побуждающих заботиться о здоровье, степень выраженности заботы о здоровье (степень мотивации), признание ответственности за собственное здоровье (уровень самодетерминации личности).

Методологические аспекты исследования

Типология населения по отдельным параметрам здоровьесберегательного поведения посредством статистических методов, в частности кластерного анализа, уже осуществлялась в множестве работ. Так, например, на материалах волны голландского когортного исследования SMILE посредством кластерного анализа были определены три группы населения по пяти аспектам образа жизни (отказ от курения, употребление алкоголя, потребление фруктов, потребление овощей и физические упражнения): нездоровые (низкая вероятность физической активности, потребления овощей и фруктов, умеренная вероятность соблюдения нормы потребления алкоголя и курения), здоровые (высокая вероятность соблюдения нормы физической активности и потребления алкоголя, умеренная вероятность соблюдения нормы курения, потребления овощей и фруктов) и плохо питающиеся (низкая вероятность соблюдения нормы по физическим нагрузкам и потребления овощей и фруктов, высокая вероятность соблюдения нормы курения и употребления алкоголя) [31]. Ч. Чан и С. Леунг с помощью кластерного анализа данных опроса жителей Гонконга выявили две модели населения в отношении занятий физкультурой и правильного питания — «здоровый» и «менее здоровый» [32].

В отечественном исследовании А.В. Зелионко и его соавторы посредством кластерного анализа выделили три группы риска населения по уровню медицинской информированности и мотивированности к здоровьесберегающему поведению (благополучия, относительного и абсолютного риска) [33]. В работе Е.П. Аммосовой и ее соавторов кластерный анализ методом k-средних позволил подразделить совокупность респондентов на две группы в зависимости от

установок в отношении собственного здоровья (пассивная позиция, активная позиция) [34]. В исследовании Н.М. Васильевой и М.Д. Петраш с помощью кластеризации проведена типология медицинского персонала в зависимости от конкретных самосохранительных практик и самооценок здоровья (некурящие и не занимающиеся спортом с высокими и средними самооценками здоровья; курящие, но занимающиеся спортом и оценивающие здоровье как среднее; некурящие, занимающиеся спортом и оценивающие состояние здоровья как хорошее) [35]. На данных социологического опроса работников предприятий с применением кластерного анализа Е.А. Рязанова определила три типа рискогенного поведения: «низкий уровень рискогенности, пассивный», «средний уровень рискогенности, активный» и «высокий уровень рискогенности» [36]. Я.М. Рощиной на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, отражающих практики стиля жизни в отношении здоровья, методом кластерного анализа к-средних были выделены восемь типов стиля жизни, различающихся степенью негативных воздействий на здоровье, а также выраженностью различных его факторов [37].

Несмотря на большое количество исследований в направлении типологии населения по характеру здоровьесберегательного поведения, в большинстве из них в качестве показателей для ее осуществления используются непосредственно самосохранительные практики, тогда как не менее важная ценностно-мотивационная составляющая, от которой непосредственно зависит принятие решения об осуществлении тех или иных действий в отношении здоровья, чаще всего остается вне поля зрения. Наше исследование призвано заполнить этот пробел и расширить представления о сложившихся у населения типах здоровьесберегательных установок. Учет при осуществлении типологии населения таких аспектов, как характер мотивации к заботе о здоровье, степень ее выраженности и ответственность за состояние здоровья, представляет собой выраженную научную новизну.

Информационной базой исследования выступили результаты очередного этапа социологического мониторинга физического здоровья населения Вологодской области, проведенного

Вологодским научным центром РАН в 2020 году в форме раздаточного анкетирования. Опросом было охвачено население в возрасте 18 лет и старше, проживающее на территории двух крупных городов – Вологды и Череповца, а также 8 муниципальных районов области. Объем выборки составил 1500 человек. Ошибка выборки не превышает 5% (выборка квотная по полу и возрасту).

С целью типологизации населения по характеру здоровьесберегательных установок был использован *метод кластерного анализа*, который позволяет выделить в массиве данных наиболее схожие между собой объекты и объединить их в группы. В нашем исследовании *мотивы заботы о здоровье* рассматривались в неразрывной взаимосвязи со *степенью заботы о здоровье и ответственностью за него* и оценивались с помощью соответствующих вопросов анкеты и закодированных переменных (*табл. 3*). На первом этапе отбирались переменные для кластеризации, они приводились к единому виду (стандартизация). На втором шаге на случайной выборке (30 наблюдений) осуществлялся иерархический кластерный анализ (для определения количества кластеров), после чего на третьем этапе – итеративный кластерный анализ методом к-средних (для типологии всей совокупности респондентов). Вычислительные меры сходства объектов по выделенным признакам производилось с помощью метода Варда. В качестве меры расстояния использовался квадрат Евклидова расстояния. Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью пакета прикладных программ IBM SPSS STATISTICS 22.

Основные результаты

Типология населения по характеру здоровьесберегательных установок. По результатам проведенного кластерного анализа респонденты были разделены на три группы (*табл. 4*). В *первую* попали опрошенные, не мотивированные на заботу о здоровье, как следствие, мало заботящиеся или вовсе не заботящиеся о нем, но, тем не менее, признающие личную ответственность за собственное здоровье (*ответственные, но немотивированные, мало заботящиеся или не заботящиеся о здоровье – 41%*). Данный тип населения представляется наиболее уязвимым в части сохранения здоровья, поскольку слабая

Таблица 3. Показатели, отражающие здоровьесберегательные установки респондентов

Элемент анкеты	Степень заботы о здоровье	Характер мотивации	Ответственность за здоровье
Вопрос анкеты	В какой мере Вы заботитесь о своем здоровье?	Если Вы заботитесь о своем здоровье, то что побуждает Вас это делать?	Кого Вы считаете ответственным за Ваше здоровье?
Характеристики (варианты ответа)	- Очень забочусь - В основном забочусь - Мало забочусь - Совсем не забочусь (не мотивированы)*	- Желание иметь здоровых детей - Желание повысить (сохранить) работоспособность - Нежелание доставлять хлопоты, быть обузой близким - Нежелание сталкиваться с медициной - Потребность в хорошем самочувствии - Страх заболеть - Стремление быть примером для своих детей, близких - Стремление достичь значимых целей в жизни (в работе, учебе) - Стремление к долголетию - Стремление хорошо выглядеть, нравиться - Ухудшение здоровья, болезнь	- Считаю себя ответственным за свое здоровье - Семью, родственников - Государство - Медицинским работникам - Работодателя
*Выбирающие данный вариант не отвечали на вопрос о мотивах заботы о здоровье. Источник: составлено автором по анкете мониторинга физического здоровья населения Вологодской области 2020 г.			

Таблица 4. Характеристики и наполнение кластеров населения в зависимости от здоровьесберегательных установок

№ кластера	Характеристики здоровьесберегательных установок			Наполнение кластера	
	Степень заботы о здоровье	Характер мотивации	Ответственность за здоровье	Абс.	%
1	Мало заботятся о здоровье или не заботятся вовсе	-	Признают личную ответственность за здоровье	610	40,7
2	В основном или очень заботятся о здоровье	Потребность в хорошем самочувствии	Ответственность за здоровье возлагают как на себя, так и на мед. работников	667	44,5
3	В основном или очень заботятся о здоровье	Желание повысить (сохранить) работоспособность; нежелание доставлять хлопоты, быть обузой близким; потребность в хорошем самочувствии; нежелание сталкиваться с медициной; страх заболеть	Признают личную ответственность за здоровье	223	14,8
Источник: составлено автором.					

здоровьесберегательная мотивация или ее полное отсутствие даже при осознании личной ответственности за состояние здоровья не могут обеспечить эффективное выполнение практик здорового образа жизни.

Во второй группе оказались те, кто преимущественно заботится о своем здоровье, руководствуясь, главным образом, потребностью в хорошем самочувствии, и возлагает ответствен-

ность за его состояние не только на себя, но и на медицинских работников (*разделяющие ответственность, мотивированные и заботящиеся о здоровье — 45%*). По всей видимости, для данной категории населения здоровье является инструментальной ценностью, средством для достижения целей, о чем свидетельствует опора при заботе о здоровье исключительно на потребность в хорошем самочувствии.

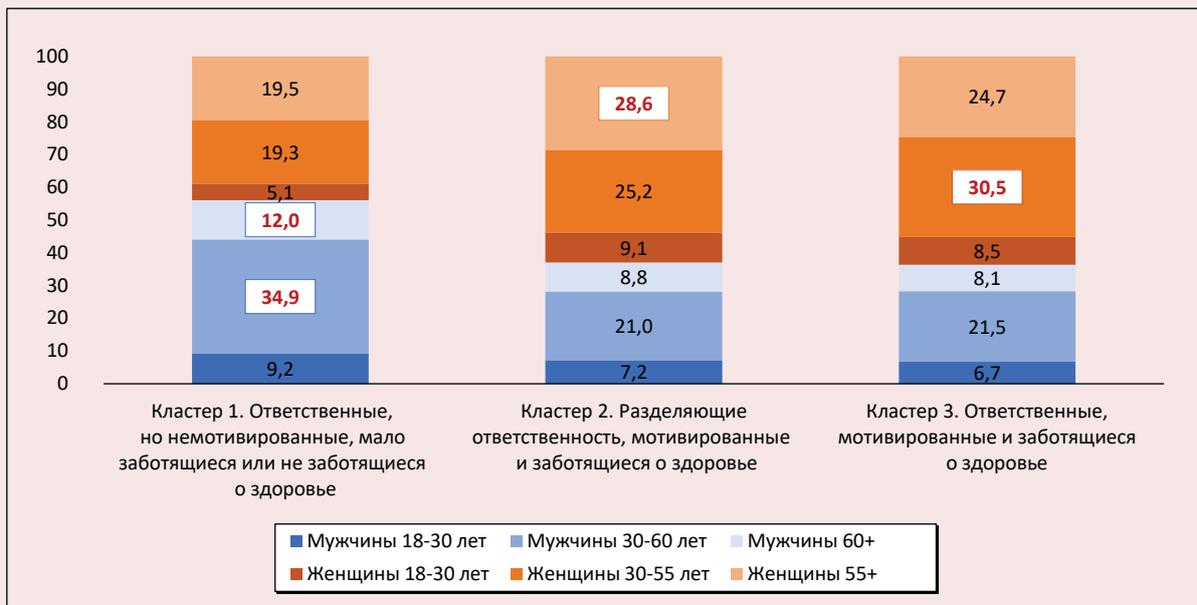
Третью группу составили те, кто считает ответственным за собственное здоровье только себя, заботится о здоровье в полной мере, ориентируясь на широкий спектр мотивов: желание повысить (сохранить) работоспособность, потребность в хорошем самочувствии, нежелание доставлять хлопоты близким, сталкиваться с медициной, страх болезни (*ответственные, мотивированные и заботящиеся о здоровье* – 15%). Этот тип населения представляется наиболее благополучным в плане поддержания собственного здоровья, поскольку располагает всеми необходимыми здоровьесберегательными установками: личной ответственностью за состояние здоровья, выраженной мотивацией, опирающейся на комплекс мотивов экономической, социальной, психологической направленности.

Социально-демографические характеристики выделенных типов. При изучении выявленных типов населения по характеру здоровьесберегательных установок представляется важным

рассмотреть их социально-демографический профиль в разрезе половозрастных характеристик, образовательного и семейного статуса, уровня доходов, территории проживания.

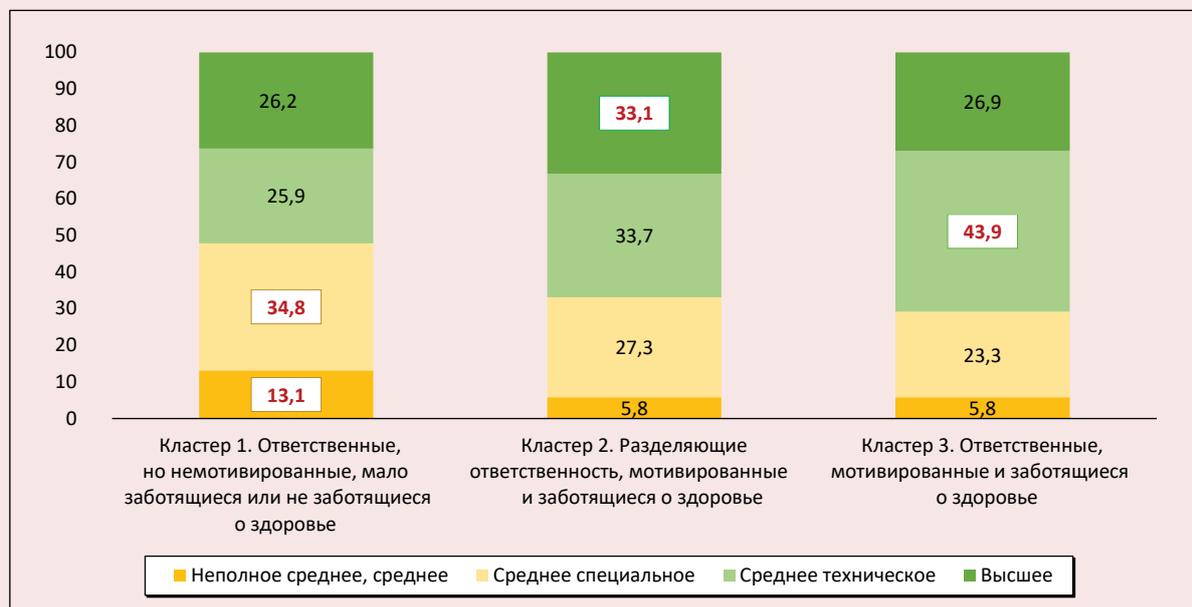
Проанализируем половозрастные особенности выявленных типов респондентов. Так, среди представителей первого кластера оказалось заметно больше мужчин (56% против 37 во втором кластере и 36 в третьем), тогда как во втором и третьем кластерах, напротив, – женщин (63 и 64% соответственно; *рис. 1*). При этом в составе первого кластера чаще встречались мужчины возрастной группы 30–60 лет (35% против 21 во втором кластере и 22 в третьем), а также 60 лет и старше (12% против 9 во втором кластере и 8 в третьем). В свою очередь среди представителей второго кластера больше женщин в возрасте 55 лет и старше (29% против 20 в первом кластере и 25 в третьем). К третьему кластеру чаще относились женщины среднего возраста – 30–55 лет (31% против 19 в первом кластере и 25 во втором).

Рис. 1. Кластеры населения по характеру здоровьесберегательных установок в разрезе половозрастных групп, %

Источник: расчеты автора.

Рис. 2. Кластеры населения по характеру здоровьесберегательных установок в разрезе уровня образования, %

Источник: расчеты автора.

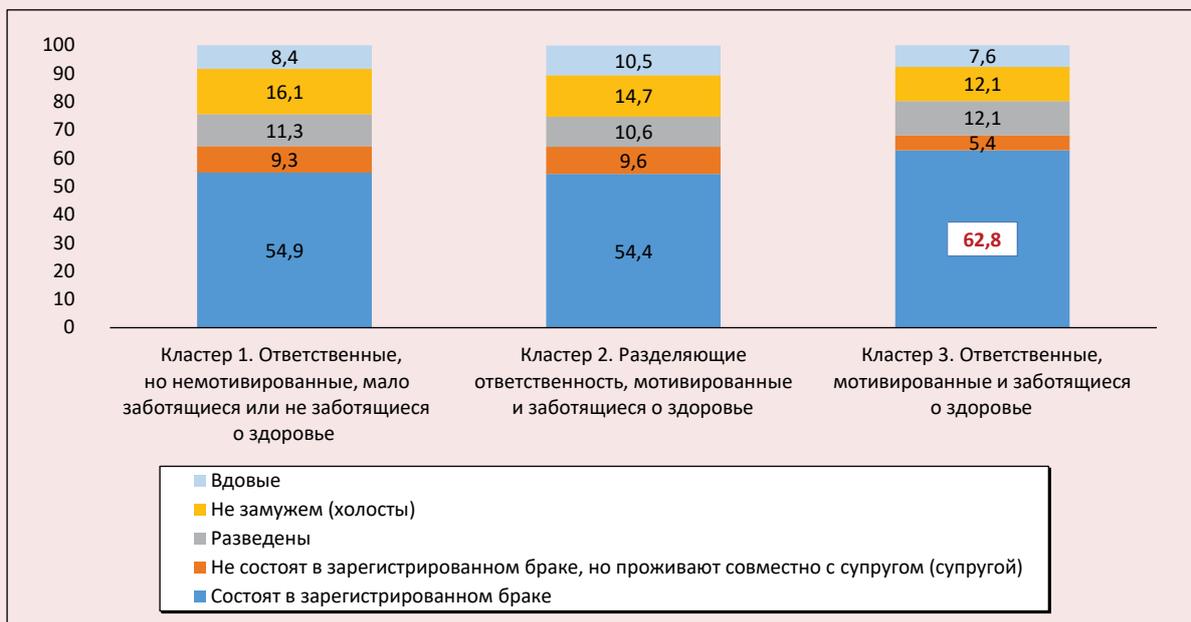
Что касается различий в образовательном статусе, то в первом кластере чаще встречались люди с неполным средним и средним образованием (13% против 6 во втором и третьем кластерах), а также средним специальным (35% против 27 во втором кластере и 23 в третьем; *рис. 2*). Среди представителей второго кластера заметно больше лиц, получивших высшее образование (33% против 26 в первом кластере и 27 в третьем). Для респондентов третьего кластера в большей степени свойственно наличие среднего технического образования (44% против 26 в первом кластере и 34 во втором).

Анализ дифференциации кластеров по брачно-семейному статусу респондентов не обнаружил статистически значимых различий ($\chi^2 = 13,310$, $p = 0,347$). Тем не менее обращает на себя внимание факт преобладания состоящих в официальном браке среди представителей третьего кластера (63% против 55 в первом кластере и 54 во втором; *рис. 3*). Во многом наблюдаемая картина объясняется возрастной спецификой его контингента: почти на треть он состоит из женщин средней возрастной группы

(30–55 лет), подавляющее большинство которых проживает в официальном брачном союзе (65%).

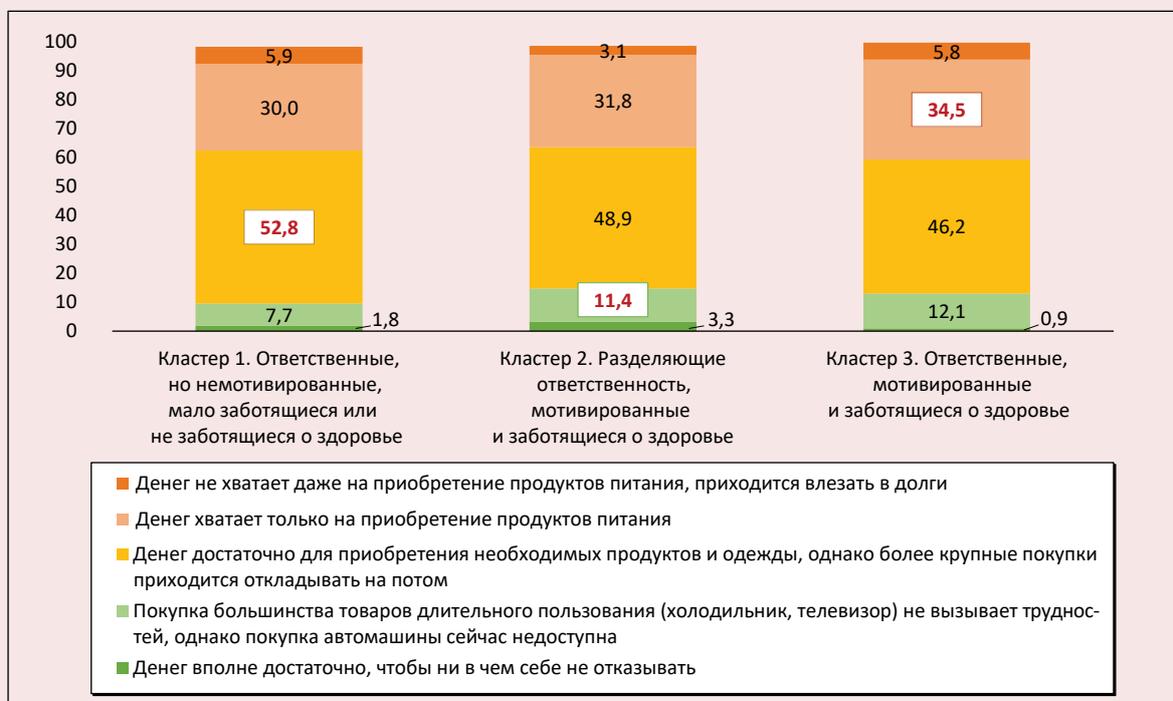
Рассматривая различия кластеров по уровню покупательной способности доходов, стоит отметить следующее. В первом кластере респонденты чаще говорили о том, что располагаемых денежных средств им достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом (53% против 49 во втором кластере и 46 в третьем; *рис. 4*). Более трети представителей третьего кластера находятся в затруднительном материальном положении, когда денег хватает только на приобретение продуктов питания (35% против 32 во втором и 30 в первом). Во втором кластере оказалось больше респондентов, наиболее положительно характеризующих уровень своего благосостояния – для них покупка большинства товаров длительного пользования не вызывает трудностей или же они вовсе ни в чем себе не отказывают (15% против 10 в первом кластере и 13 в третьем).

Рис. 3. Кластеры населения по характеру здоровьесберегательных установок в разрезе брачно-семейного статуса, %

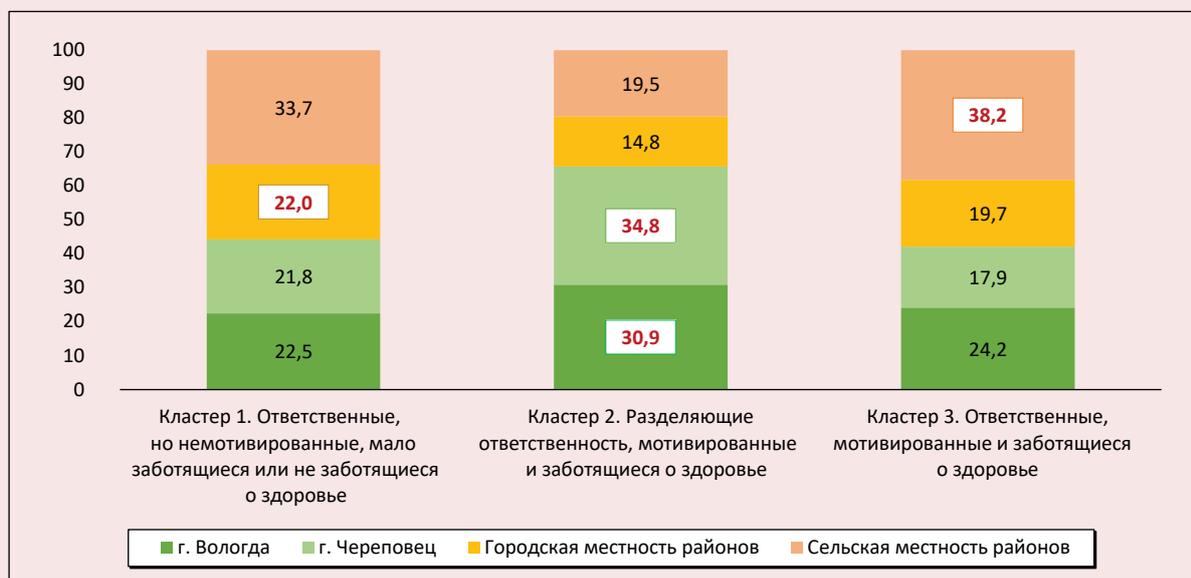
Источник: расчеты автора.

Рис. 4. Кластеры населения по характеру здоровьесберегательных установок в разрезе покупательной способности доходов, %

Источник: расчеты автора.

Рис. 5. Кластеры населения по характеру здоровьесберегательных установок в разрезе территории проживания респондентов, %

Источник: расчеты автора.

Кроме того, обнаружена выраженная дифференциация кластеров по территории проживания входящих в их состав респондентов. Так, среди представителей первого кластера оказалось больше жителей районных городов области (22% против 15 во втором кластере и 20 в третьем; рис. 5). Большинство респондентов второго кластера – население крупных городов (66% против 44 в первом кластере и 42 в третьем), в частности областного центра – г. Вологды (31% против 22 в первом и 23 в третьем) и промышленного центра – г. Череповца (35% против 22 и 18). В состав третьего кластера заметно чаще попадали респонденты из сельской местности муниципальных районов области (38% против 34 в первом кластере и 20 во втором). Перенос ответственности за здоровье на медицинских работников представителями второго кластера, большинство из которых составляет население крупных городов, может быть обусловлен более высокими запросами горожан к системе здравоохранения [3, с. 138].

Установки в отношении заботы о здоровье являются важной движущей силой реализации здоровьесберегательных практик. Как показал проведенный анализ, наибольшую активность

в части всех практик здорового образа жизни проявляют представители третьего кластера: они значительно чаще отказываются от курения (57% против 44 во втором и 22 в первом кластерах), посещают баню, сауну (51% против 26 и 16), своевременно обращаются за медицинской помощью (47% против 44 и 15), ходят пешком (46% против 24 и 13), заботятся о качестве питьевой воды (41% против 27 и 11), соблюдают режим и рацион питания (34% против 28 и 10) и т. д. (табл. 5). В свою очередь все здоровьесберегательные меры оказались наименее популярны у респондентов первого кластера, среди которых наибольшим оказался удельный вес ничего не предпринимающих для сохранения и укрепления собственного здоровья (54% против 18 во втором и 12 в первом кластерах). Во многом наблюдаемая картина объясняется гендерными различиями в установках по отношению к здоровью: среди мужского населения региона по сравнению с женским значительно выше доля тех, кто отказывается от каких-либо мер по его сохранению и укреплению (37% против 25). А более половины представителей первого кластера – как раз мужчины (56%).

Таблица 5. Распространенность практик здорового образа жизни в кластерах по характеру здоровьесберегательных установок, %

Практики ЗОЖ*	Кластер 1. Ответственные, но немотивированные, мало заботящиеся или не заботящиеся о здоровье	Кластер 2. Разделяющие ответственность, мотивированные и заботящиеся о здоровье	Кластер 3. Ответственные, мотивированные и заботящиеся о здоровье
Не курят	21,8	44,2	57,4
Обращаются к врачу при первых признаках болезни, регулярно проходят медицинский осмотр	14,6	43,9	47,1
Посещают баню, сауну	15,9	25,9	50,7
Стараются больше ходить пешком, совершают прогулки в местах отдыха	13,1	24,0	46,2
Используют бытовые приборы для очистки питьевой воды, покупают бутилированную воду, пользуются водой из специальных источников (родников, колодцев)	10,8	27,0	40,8
Соблюдают режим питания, стараются, чтобы рацион был сбалансированным	9,7	27,9	34,1
Соблюдают умеренность в потреблении алкоголя	12,5	16,9	33,6
Стараются организовать свободное время с пользой для здоровья, саморазвития, самореализации	8,5	19,0	37,2
Стараются оптимально сочетать трудовые нагрузки и отдых	8,5	14,7	36,3
Стараются контролировать свое психическое состояние	5,4	14,2	35,0
По возможности проходят курс лечения в санатории, на курорте и т. п.	2,5	13,3	14,8
Активно занимаются физической культурой, закаливанием организма	3,9	18,4	16,6
Ничего специально не предпринимают	53,8	12,3	18,4

* Ответы на вопрос «Что Вы лично предпринимаете для сохранения и укрепления своего здоровья?». Сумма ответов не равна 100%, т. к. при ответе предлагался выбор всех подходящих вариантов.
Источник: расчеты автора.

Обсуждение результатов

Полученные результаты исследования, в частности социально-демографические особенности здоровьесберегательных установок населения, во многом перекликаются с данными других отечественных исследований. Так, более низкая мотивация на заботу о здоровье у мужчин по сравнению с женщинами ранее подтверждалась в работах И.Б. Назаровой [38], Л.Ю. Ивановой [39], И.П. Поповой [40], С.С. Гордеевой [41], Н.И. Паутовой и И.С. Паутова [42]. Факт улучшения характеристик заботы о собственном здоровье по мере повышения уровня образования был доказан в трудах А.А. Ковалевой [12], А.А. Вяльшиной [43], С.А. Вангородской [6] и др. Взаимосвязь уровня жизни с установками в отношении здоровья обосновывалась во многих работах. Так, например, как показало исследование С.А. Вангородской, по мере увеличения благосостояния

возрастает интерес респондентов к своему здоровью, происходит рост его значения в рейтинге ценностных диспозиций [6].

Однако некоторые выявленные закономерности не соотносятся с ранее полученными выводами. Например, в работах И.Б. Назаровой [38], И.С. Паутова [44] доказана менее активная позиция сельского населения по отношению к своему здоровью по сравнению с городскими жителями, что связывается с более низкой доступностью в сельской местности медицинских услуг, объектов физкультуры и спорта. Тогда как наиболее ответственную позицию в отношении собственного здоровья в нашем исследовании продемонстрировали, напротив, не городские, а сельские жители.

Несмотря на то что отечественными учеными А.И. Антоновым и В.М. Медковым [45], А.И. Кузьминым [46], А.Б. Синельниковым [47], П.М. Козыревой и А.И. Смирновым [48]

было подтверждено позитивное влияние семейного статуса (официального брака) на установки в отношении здоровья, в нашем случае данная закономерность не обнаружена. Наблюдаемые расхождения свидетельствуют как о региональной специфике самосохранительных установок населения, так и о необходимости более детального изучения их различий на уровне индивида.

Проведенное исследование вносит вклад в развитие как фундаментальной, так и прикладной науки. Его теоретическая значимость заключается в обобщении подходов к трактовке здоровьесберегательной мотивации и ее наполнению, к выделению ее структурных компонентов (степень заботы о здоровье, характер мотивации, ответственность за здоровье). Практическая значимость и научная новизна сосредоточены в типологии населения по характеристикам здоровьесберегательной мотивации, что особенно важно для понимания поведенческих паттернов населения в отношении собственного здоровья и, как следствие, для поиска инструментов управления ими.

Заключение

Кластерный анализ, проведенный на данных социологического опроса жителей Вологодской области, позволил выявить три типа населения по характеру здоровьесберегательных установок: ответственные, но немотивированные, мало заботящиеся или не заботящиеся о здоровье; разделяющие ответственность, мотивированные и заботящиеся о здоровье и ответственные, мотивированные и заботящиеся о здоровье. По итогам рассмотрения половозрастных, образовательных, территориальных и иных параметров кластеров для каждого из них определен *социально-демографический портрет*:

1 кластер «Ответственные, но немотивированные, мало заботящиеся или не заботящиеся о здоровье» — преимущественно мужчины среднего или старшего возраста, проживающие в районах области (чаще в районных городах), имеющие неполное среднее, среднее или среднее специальное образование, чаще характеризующие свое благосостояние как «располагаемых денежных средств достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом».

2 кластер «Разделяющие ответственность, мотивированные и заботящиеся о здоровье» — преимущественно женщины 55 лет и старше, жители крупных городов (Вологды и Череповца), с высшим образованием, чаще высоко оценивающие свой уровень благосостояния.

3 кластер «Ответственные, мотивированные и заботящиеся о здоровье» — преимущественно женщины среднего возраста (30–55 лет), проживающие в сельской местности районов области, со средним техническим образованием, чаще отмечающие, что денежных средств им хватает только на приобретение продуктов питания.

Кроме того, исследование позволило установить, что представители третьего кластера в большей степени привержены здоровому образу жизни — среди них наибольшее распространение получили все самосохранительные практики (отказ от вредных привычек, правильное питание, физическая и медицинская активность и др.), тогда как более половины респондентов первого кластера не предпринимают никаких мер в отношении собственного здоровья. Исходя из этого, можно заключить, что личная ответственность за собственное здоровье, выраженная забота о его состоянии, ориентация на широкий спектр здоровьесберегательных мотивов способствуют наибольшему вовлечению населения в практики здорового образа жизни, тогда как низкая мотивация к заботе о здоровье или ее отсутствие, напротив, с большей вероятностью способствуют отказу от любых самосохранительных мер.

Результаты проведенного исследования помогают лучше понять сложившиеся у населения типы здоровьесберегательных установок, оценить их влияние на приверженность здоровому образу жизни, что имеет большое практическое значение для управления самосохранительным поведением, в частности для определения поведенческих групп риска населения, а также корректировки установок в отношении здоровья. Так, например, для представителей первого кластера (ответственные, но немотивированные, мало заботящиеся или не заботящиеся о здоровье) принципиально важным становится целенаправленное стимулирование мотивации к ведению здорового образа жизни, повышение информированности

по разным направлениям знания о здоровьесбережении (о поведенческих факторах риска, в т. ч. вредных привычках, и их влиянии на здоровье; о способах преодоления факторов риска и «оздоровления» образа жизни; о разнообразии здоровьесберегательных практик). Работа с представителями второго кластера (разделяющие ответственность, мотивированные и заботящиеся о здоровье) должна быть ориентирована на повышение личной ответственности за здоровье и фундаментальной значимости здоровья посредством информирования о комплексном характере влияния его состояния на все аспекты человеческой жизни. Для представителей третьего кластера (ответственные, мотивированные и заботящиеся о здоровье) важно поддержание высокого уровня мотивированности к заботе о здоровье. Однако их более уязвимое материальное положение по сравнению с остальными создает угрозу для сохранения позитивных здоровьесберегательных установок.

Несмотря на возросшее внимание государства к вопросу стимулирования населения к ведению здорового образа жизни, сложившийся в государственной политике подход акцентирует внимание преимущественно на личном поведении человека, зачастую не учитывая его социальный контекст (уровень и условия жизни). В результате, как отмечают Н.С. Григорьева и Т.В. Чубарова, возникает дисбаланс в политических стратегиях государства и личных стратегиях граждан. Даже если человек осознает необходимость изменения поведения в отношении здоровья, он может не иметь институциональных возможностей это сделать. Например, низкие доходы не позволят пользоваться услугами платных спортивных комплексов или покупать продукты высшего качества и т. д. [30, с. 203]. Таким образом, важным условием для успешной реализации политики мотивации к здоровому образу жизни должно стать решение проблемы недостаточного уровня и качества жизни граждан.

Литература

1. Сабгайда Т.П., Сергиевская А.Л. Детерминанты отношения успешных студентов к сохранению своего здоровья // Социальные аспекты здоровья населения. 2011. № 4 (20). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/331/30/>
2. Журавлева И.В. Почему не улучшается здоровье россиян? // Вестник Института социологии РАН. 2012. № 6. С. 163–176.
3. Журавлева И.В. Отношение к здоровью индивида и общества. М.: Наука, 2006. 238 с.
4. Карасева Т.В., Руженская Е.В. Особенности мотивации ведения здорового образа жизни // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2013. № 5. С. 23–24.
5. Шушунова Т.Н. Самосохранительное поведение студенческой молодежи: социологический анализ (на примере минских вузов). Минск: Право и экономика, 2010. 114 с.
6. Вангородская С.А. Факторы самосохранительного поведения населения региона (по результатам эмпирических исследований) // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 2. С. 13–26. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-2-0-2
7. Cockerham W., Abel T., Lüschen G. Max Weber, formal rationality and health lifestyles. *The Sociological Quarterly*, 1993, vol. 34 (3), pp. 413–428.
8. Ivanovich Y., Matteson M. Promoting the individual's health and well being. In: *Causes, Coping and Consequences of Street at Work*. Chichester etc.: Wiley, 1989. Pp. 267–299.
9. Отношение населения к здоровью: монография / И.В. Журавлева, Л.С. Шилова, В.З. Коган, О.С. Копина. М.: Институт социологии РАН, 1993. 178 с.
10. Русинова Н.Л., Браун Дж.В. Социальное неравенство и здоровье в Санкт-Петербурге: Ответственность и контроль над здоровьем // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. № 1. С. 103–114.
11. Максимова Т.М. Социальный градиент в формировании здоровья населения. М.: ПЕР СЭ, 2005. 240 с.
12. Ковалева А.А. Самосохранительное поведение в системе факторов, оказывающих влияние на состояние здоровья // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. № 2. С. 179–191.
13. Журавлева И.В., Иванова Л.Ю., Ивахненко Г.А. Студенты: поведенческие риски и ценностные ориентации в отношении здоровья // Вестник Института социологии РАН. 2012. № 6. С. 112–129.

14. Субъект труда и организационная среда: проблемы взаимодействия в условиях глобализации: монография / под ред. А.Л. Журавлева, Т.А. Жалагиной, Е.А. Журавлевой, Е.Д. Короткиной. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2019. 340 с.
15. Березовская Р.А. Исследования отношения к здоровью: современное состояние проблемы в отечественной психологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Психология. Социология, Педагогика. 2011. № 1. С. 221–226.
16. Becker A., Rosenstock I. Compliance with medical advice. *Health Care and Human Behavior*, 1984, pp. 175–208.
17. Ajzen I., Fishbein M. *Understanding Attitudes and Predicting Social Behavior*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1980. 278 p.
18. Маслоу А.Г. По направлению к психологии бытия. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 270 с.
19. Мясищев В.Н. Психологические отношения: избранные психологические труды / под ред. А.А. Бодалева. М.; Воронеж, 1995. 356 с.
20. Яковлева Н.В. Исследование индивидуальных различий здоровьесберегающей деятельности личности // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 3. С. 202–214.
21. Яковлева Н.В. Здоровьесберегающее поведение человека: социально-психологический дискурс // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие: электронный научный журнал. 2013. № 3. URL: <http://humjournal.rzgmu.ru/en/art?id=50>
22. Яковлева Н.В., Фаустова А.Г., Фролов А.И. Психологические подходы к исследованию мотивации здорового образа жизни // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие: электронный научный журнал. 2014. № 2 (5). URL: <http://humjournal.rzgmu.ru/art&id=77>
23. Короленко А.В. Модели самосохранительного поведения населения: подходы к изучению и опыт построения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 248–263. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.16
24. Назарова И.Б. Здоровье занятого населения. М.: МАКС Пресс, 2007. 526 с.
25. Шабунова А.А. Здоровье населения в России: состояние и динамика: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 408 с.
26. Шабунова А.А., Шухатович В.Р., Корчагина П.С. Здоровьесберегательная активность как фактор здоровья: гендерный аспект // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 3 (27). С. 123–132.
27. Калачикова О.Н., Корчагина П.С. Основные тенденции самосохранительного поведения населения региона // Проблемы развития территории. 2012. № 5 (61). С. 72–82.
28. Ревякин Е.С. Самосохранительное поведение: понятие и сущность // Вестник ИГЭУ. 2006. Вып. 1. С. 1–4.
29. Журавлева И.В., Лакомова Н.В. Социальная обусловленность здоровья подростков во временном аспекте // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 2 (26). С. 133–152. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.2.6414
30. Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. Мотивация в системе государственного регулирования (на примере формирования здорового образа жизни) // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 70. С. 194–219.
31. De Vries H., Van't Riet J., Spigt M., Metsemakers J., Van den Akker M., Vermunt J.K., Kremers S. Clusters of lifestyle behaviors: Results from the Dutch SMILE study. *Preventive Medicine*, 2008, vol. 46 (3), pp. 203–208. DOI: 10.1016/j.ypmed.2007.08.005
32. Chan C.W., Leung S.F. Lifestyle health behavior of Hong Kong Chinese: Results of a cluster analysis. *Asia-Pacific Journal of Public Health*, 2015, vol. 27 (3), pp. 293–302. DOI: 10.1177/1010539514555214
33. Формирование групп риска населения по уровню гигиенической информированности и мотивированности к здоровьесберегающему поведению / А.В. Зелионко, В.С. Лучкевич, В.Н. Филатов, И.А. Мишкич // Гигиена и санитария. 2017. Т. 96. № 4. С. 313–319. DOI: 10.47470/0016-9900-2017-96-4-313-319
34. Социальные факторы и ценностно-мотивационные ориентиры здоровьесберегающего поведения сельских жителей Якутии / Е.П. Аммосова, Т.М. Климова, Р.Н. Захарова, А.И. Федоров, М.Е. Балтахинова, Л.А. Гаврильева // Сибирский медицинский журнал. 2019. Т. 157. №. 2. С. 50–54.

35. Васильева Н.М., Петраш М.Д. Социально-психологические детерминанты самосохранительного поведения медицинского персонала на начальных этапах профессиональной деятельности // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. 2013. № 1 (1). С. 48–55.
36. Рязанова Е.А. К проблеме типологии рискогенного поведения (анализ на примере промышленного предприятия Пермского края) // Анализ риска здоровью. 2016. № 2. С. 68–75.
37. Рощина Я.М. Стиль жизни в отношении здоровья: имеет ли значение социальное неравенство? // Экономическая социология. 2016. Т. 17. № 3. С. 13–36.
38. Назарова И.Б. Здоровье российского населения: факторы и характеристики (90-е годы) // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 57–69.
39. Иванова Л.Ю. Самосохранительное поведение и его гендерные особенности // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2005 / Отв. ред. Л.М. Дробизева. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 110–133.
40. Попова И.П. Поведение в отношении здоровья и материальное положение: гендерные аспекты (на данных лонгитюдного опроса) // Здравоохранение Российской Федерации. 2007. № 1. С. 47–49.
41. Гордеева С.С. Гендерные различия в отношении к здоровью: социологический аспект. 2010. Вып. 2 (2). С. 113–120.
42. Паутова Н.И., Паутов И.С. Гендерные особенности самооценки здоровья и его восприятия как социокультурной ценности (по данным 21-й волны RLMS-HSE) // Женщина в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 60–75.
43. Вяльшина А.А. Влияние уровня образования на состояние здоровья сельского населения // Социальные аспекты здоровья населения. 2020. № 1 (66). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1133/30/lang,ru/> DOI: 10.21045/2071-5021-2020-66-1-6
44. Паутов И.С. Анализ взаимосвязей между самооценкой здоровья, социальными практиками, влияющими на здоровье, и типом поселения на примере современной России // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2015. Т. 10. № 1. С. 93–99.
45. Антонов А.И., Медков В.М. Второй ребенок. М.: Мысль, 1987. 299 с.
46. Кузьмин А.И. Семья на Урале (демографические аспекты выбора жизненного пути). Екатеринбург: Наука: Урал. изд. фирма, 1993. 235 с.
47. Синельников А.Б. Влияние семейного и демографического статуса на состояние здоровья и его самооценку // Социальные аспекты здоровья населения. 2012. № 6 (28). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/443/30/lang,ru/>
48. Козырева П.М., Смирнов А.И. Динамика самооценок здоровья россиян: актуальные тренды постсоветского периода // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 70–81. DOI: 10.31857/S013216250009116-0

Сведения об авторе

Александра Владимировна Короленко – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: coretra@yandex.ru)

Korolenko A.V.

Health-Saving Attitudes as a Factor Promoting Self-Preservation Behavior: Approaches to the Study and Experience in Typology

Abstract. Under the conditions of conceptual transition of public health policy from considering citizens as passive consumers of medical services to their awareness of their own active position in health preservation, it becomes fundamentally important to understand the types of health care attitudes of the population. The aim of the study was to make a typology of the population according to the nature of health-saving attitudes and to study its influence on the dissemination of healthy lifestyle practices. We have analyzed and summarized approaches to the interpretation of health-saving motivation and

classification of health care motives. We reviewed the experience of applying cluster analysis in studies of health behavior. We found that most of them use self-preservation practices as indicators for typology, while the equally important value-motivational component is most often left out of sight. Our study is designed to fill this gap. The results of the sociological monitoring of the physical health of the Vologda Oblast population in 2020 served as the information base. The motives of health care were considered in inseparable interrelation with the degree of health care and responsibility for it. We used the cluster analysis method (hierarchical and k-means method) to make a typology of the population. In the course of clustering we identified three groups of population according to the nature of health saving attitudes: 1) responsible, but unmotivated, caring little or no concern for health, 2) sharing responsibility, motivated and caring for health, 3) responsible, motivated and caring for health. We defined a socio-demographic portrait of representatives of each cluster. Representatives of the third cluster lead the healthiest way of life, while more than half of the respondents of the first cluster do not take any measures in relation to health. The results of the study have an explicit practical value in terms of managing self-preservation behavior.

Key words: health-saving attitudes, health care, motivation, responsibility for health, healthy lifestyle practices, typology, sociological survey, cluster analysis.

Information about the Author

Aleksandra V. Korolenko – Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: coretra@yandex.ru)

Статья поступила 09.03.2021.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.5

УДК 314.8+711.13 (470+571-17), ББК 60.7

© Фаузер В.В., Смирнов А.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н.

Городские агломерации в системе расселения Севера России*

**Виктор Вильгельмович
ФАУЗЕР**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкар, Российская Федерация
e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8901-4817; ResearcherID: N-9048-2017

**Андрей Владимирович
СМИРНОВ**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкар, Российская Федерация
e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6952-6834; ResearcherID: N-8102-2017

**Татьяна Степановна
ЛЫТКИНА**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкар, Российская Федерация
e-mail: tlytkina@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1972-9080; ResearcherID: N-9076-2017

**Галина Николаевна
ФАУЗЕР**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкар, Российская Федерация
e-mail: gfauzer@iespn.komisc.ru
ResearcherID: N-5021-2018

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-510-00007.

Авторы выражают признательность Е. Клинцовой и Н. Журавлеву за помощь в подготовке рукописи к печати.

Для цитирования: Городские агломерации в системе расселения Севера России / В.В. Фаузер, А.В. Смирнов, Т.С. Лыткина, Г.Н. Фаузер // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 4. С. 77–96. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.5

For citation: Fauzer V.V., Smirnov A.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N. Urban agglomerations in the settlement system of the north of Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 4, pp. 77–96. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.5

Аннотация. Рассматривается эволюция образования городов и городских агломераций на Севере России. Поставлена цель выделить из состава крупных и больших городов Севера России города, отвечающие критериям «северной городской агломерации». Предлагаются критерии и показатели, позволяющие в городском пространстве выделять городские агломерации; отмечено, что для северных городских агломераций оценочные критерии могут применяться не так жестко, а показатели иметь меньшее значение. Анализируется городское расселение Севера России, значительное внимание уделено северным городам, их структуре и средней плотности; отдельно рассмотрены поселки городского типа, способствующие заселенности северных территорий, повышающие плотность поселений. В центре внимания находятся 18 городов с численностью населения свыше 100 тыс. человек и четыре города, в разные годы имевшие стотысячное население. Города-ядра имеют минимум два поселения-спутника, по предложенным критериям соответствуют понятию город-ядро городской агломерации. Выделенные городские агломерации рассматриваются и группируются по структуре поселений-спутников и численности населения, проживающего в трех зонах доступности от ядра – 50, 100 и 150 км. С помощью обзора отечественной и зарубежной литературы раскрыты сущность и содержание категории «агломерационный эффект». Выделяется три вида агломерационного эффекта: совместное использование локальных объектов; снижение издержек; объединение рабочей силы. Эффекты бывают двух типов: эффекты локализации (кластеризации) и эффекты урбанизации. Эффект локализации – результат совместной деятельности предприятий в общей сфере, эффект урбанизации – концентрация на одной территории организаций, независимо от того, существует ли между ними тематическая близость. Наряду с плюсами городские агломерации порождают экологические, экономические, политические и социальные проблемы, создают угрозы стабильности для малых и средних городов; усиливают ущербность сельской местности, что вызовет дальнейшее обезлюдение значительной части территорий, поставит под сомнение безопасность и целостность страны.

Ключевые слова: Север России, население, система расселения, города, поселки городского типа, критерии и показатели, городские агломерации, агломерационный эффект.

Введение

Колонизация и заселение Европейского Севера начались в X–XII вв., Сибирь и Дальний Восток присоединены позже (с конца XVI – начала XVII вв. до середины XIX века). Пришлое население, осваивая новые, окраинные территории, строило остроги/крепости, где формировалось постоянное население. Образованные поселения по статусу считались городами, независимо от численности жителей. В числе первых образованных на Севере России городов можно выделить Архангельск – 1584 г., Якутск – 1643 г., Енисейск – 1676 г., Киренск – 1775 г., Петрозаводск – 1777 г. и Сыктывкар – 1780 г. Всего до периода новой истории России (до 1917 г.) образовано 26 городов [1, с. 113–116]. Из них сегодня пять являются крупными, три – большими, один – средним и 17 – малыми. Город Архангельск стал самым многолюдным не только на Севере России, но и в Мировой Ар-

ктике – 346 979 человек (2020 г.). Зарубежный Север и Мировая Арктика существенно уступают северным и арктическим регионам России по количеству городских поселений и средней плотности [2, с. 10–14].

Индустриализация страны, экстенсивное освоение природных ресурсов окраинных территорий и, как следствие, формирование разветвленной сети городских поселений к концу XX века превратили Север России в высокоурбанизированный регион [3]. Несмотря на успехи проведенной индустриализации, он оставался в 1939 году аграрным, доля сельских жителей составляла 65,9%, на горожан приходилось 34,1%. В последующие годы доля городского населения стремительно увеличивалась: 1959 г. – 61,0%, 1970 – 67,1%, 1989 – 77,1%, 2020 – 79,2%. В настоящее время по уровню урбанизации Север России немного уступает

северным странам: Дания — 88%, Швеция — 88%, Норвегия — 82%, Канада — 81%¹.

На Севере России с 1939 по 2020 год число городов увеличилось с 40 до 141, а средняя людность — с 27,5 до 48,7 тыс. человек. Количество больших и крупных городов выросло с 2 до 18, однако их людность оставалась практически неизменной: 1939 г. — 200,8, 2020 г. — 218,3 тыс. человек.

Нами поставлена цель выделить из состава крупных и больших городов Севера России города, отвечающие критериям «северной городской агломерации». Для этого необходимо решить ряд задач: определить критерии и показатели, позволяющие из состава городов выделять городские агломерации; сравнить основные характеристики северных городских агломераций, кратко представить отрасли их специализации.

Объектом исследования выступают городские поселения 13 регионов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, и 11 регионов, территории которых частично относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям². Предметом исследования являются северные городские агломерации и агломерационный эффект, оказываемый на поселения-спутники, расположенные во временной и транспортной доступности от ядра.

Актуальность исследования состоит в том, что при сокращении численности городского населения, количества крупных и малых городов, поселков городского типа (пгт) Северу как никогда нужны центры концентрации социально-экономических ресурсов и инноваций. Выполнить эту роль могут «северные городские агломерации», формирующиеся не за счет поглощения прилегающих поселений, а, наоборот, способствующие их развитию. К элементам новизны работы можно отнести обоснование критериев и показателей определения «северных городских агломераций»; выделение 19 агломераций и их классификацию

по весу ядра, количеству прилегающих поселений, отраслевой специализации; дана оценка демографической динамике ядер агломераций в условиях высокого миграционного оттока населения из северных территорий.

Городские агломерации: определение, критерии, показатели

Термин «агломерация» происходит от латинского *agglomerare* — «присоединяю, накапливаю, нагромождаю». В научный оборот его ввел в 1909 году А. Вебер, определивший агломерацию как «сосредоточение промышленного производства в каком-либо месте» [4]. Значительный вклад в развитие теории агломерации внес А. Маршалл, отождествляя ее с «локализованной отраслью» и доказывая наличие агломерационного эффекта, возникающего в связи с экономией от локализации, масштаба, урбанизации [5]. Потребность в развитии городских агломераций отвечает стратегическим интересам государства, способствует развитию всех территорий агломерационного ареала, транспортной инфраструктуры, созданию опорного каркаса [6, с. 13].

В литературе присутствует множество определений понятия «городская агломерация». По мнению А.Н. Кларка, «агломерация — это урбанизированный район без четких границ, состоящий из нескольких населенных пунктов и их пригородов, объединившихся в процессе расширения отдельных городов»³. ООН рассматривает агломерацию как урбанизированный район, включающий в себя крупный город в центре и комплекс населенных пунктов вокруг него⁴. Агломерация — это «территориально компактное размещение различных поселений, фактически срастающихся и объединенных в сложную, многокомпонентную социально-экономическую систему с активными внутренними производственно-кооперационными, транспортными и социально-культурными связями» [7, с. 11]. Агломерация представляет собой процесс концентрации вокруг отдельных городов новых поселений и старых моногородов и

¹ Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/app/world2020_0.php. 2020. № 879-880 (дата обращения 10.12.2020).

² Авторы используют словосочетание «российский Север», когда речь идет о 13 регионах и «Север России», когда рассматриваются все 24 субъекта.

³ Clark A.N. *The Penguin Dictionary of Geography*. L., 1998. P. 19.

⁴ *World Urbanization Prospects: The 2007 Revision. Highlights*. New York: United Nations, 2008. P. 11. URL: http://www.un.org/esa/population/publications/wup2007/2007_WUP_Highlights_web.pdf (дата обращения 10.03.2021).

вовлечение в функционирование города-ядра пригородов, близлежащих малых городов и городских поселений [8, с. 134; 9, с. 299]. Выделяют крупные (от 500 тыс. до 1 млн человек) и крупнейшие (более 1 млн человек) городские агломерации⁵. Эта классификация не совпадает с классификацией городов: крупные – от 250 тыс. до 1 млн человек, крупнейшие – с населением свыше 1 млн человек⁶. Но это численность городов без прилегающих поселений. Предлагаем считать городские агломерации малыми – с численностью населения до 250 тыс. человек, средними – от 250 до 500 тыс. человек и крупными – от 500 тыс. до 1 млн человек.

Существуют моноцентрические (одноцентровые) городские агломерации с одним городом-ядром, который подчиняет все остальные поселения, расположенные в его пригородной зоне и намного превосходит их по своему размеру и экономическому потенциалу, и полицентрические (многоцентровые) городские агломерации, имеющие несколько взаимосвязанных городов-центров⁷.

Образование агломераций – это закономерный, объективный процесс концентрации человеческих, материально-финансовых ресурсов для рационального использования потенциала не только территории, но и городской производственной инфраструктуры, инженерных сетей, знаний и технологий [8, с. 135].

Городские агломерации являются «важнейшими узлами опорного каркаса расселения, их территории представляют собой наиболее ценные, значимые пространства страны, концентрирующие ее социально-экономический, научно-образовательный, демографический потенциал» [10, с. 28].

Практически всякий «крупный город с населением свыше 100 тыс. человек имеет реальную предпосылку создавать вокруг себя связан-

ные с ним города-спутники для формирования большой городской агломерации (ГА). Процессы урбанизации могут протекать как *экстенсивно*, так и *интенсивно*» [11, с. 136]. ГА – это прежде всего «сложно устроенная расселенческая структура, для выявления которой используется своеобразный набор методов, в основном из экономической географии, сферы территориального планирования и градостроительства» [12, с. 182]. В зарубежных странах при выделении городских агломераций нашел широкое применение «экономический подход» за счет активного развития теоретических основ в рамках концепций пространственной экономики [13] и новой экономической географии [14].

Образование мегаполисов или городских агломераций наряду с положительными моментами (растет спрос на трудовые ресурсы, увеличивается производительность труда) имеет ряд отрицательных: ухудшается экология, растут психические заболевания и криминализация общества [15, с. 82]. Плюсы и минусы городских агломераций отмечают О.А. Козлова и О.Н. Соськова, к положительным сторонам они относят «изменения в образе жизни населения, значительное увеличение ее продолжительности, распространение грамотности, рост образования населения и его культуры». В то же время ГА «порождает экологические, экономические, политические и социальные проблемы, создает проблемы стабильности малым и средним городам» [16, с. 66].

«Агломерации, сами не способные к нормальному воспроизводству, втягивают в себя население окружающих территорий, прежде всего молодежь в активных репродуктивных возрастах, в результате углубляя депрессивное состояние окружающих территорий» [17, с. 57, 59]. Делать упор на «развитие крупных городских агломераций – это путь к ликвидации малых и средних городов, усилению ущерба сельской местности; это вызовет дальнейшее обезлюдение значительной части территорий, поставит под сомнение безопасность и целостность страны» [18, с. 6]. Отрицательные последствия разрастания агломераций Э.И. Вайнберг видит в том, что внутри них «возрастает нагрузка на территорию, появляется множество экологических проблем. Их развитие повышает временные затраты на дорогу, растет транспорт-

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г.».

⁶ Свод правил «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений». СП 42.13330.2016. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89. URL: <http://docs.cntd.ru/document/456054209> (дата обращения 01.12.2020).

⁷ Демографический энциклопедический словарь / под ред. Д.И. Валентя. М: Советская энциклопедия, 1985. С. 98.

ная усталость, происходит концентрация населения в ограниченном числе ареалов, усиливающая поляризацию пространства, идет сокращение осваиваемого пространства» [19, с. 32–33]. Последствия «сжатия» городов на современном этапе рассмотрены в [20].

При создании агломераций необходимо выполнить ряд условий: центр агломерации не должен увеличиваться административным путем; присоединяемые пригороды остаются юридически и административно вне городского ядра; присоединение идет физически – за счет застройки пространств между поселениями и ядром, транспортных путей сообщения [21, с. 88]. Агломерационным процессам мешает ряд факторов: «пространственная изолированность городских населенных пунктов, наличие значительных безлюдных пространств в зоне их влияния; опасения муниципалитетов потерять самостоятельность; возможный конфликт интересов центра и периферии; повышение нагрузки на транспортную и инженерную инфраструктуру территории» [22, с. 419].

Городские агломерации могут создаваться как естественным путем (поглощение и слияние), так и искусственным, когда слабые муниципалитеты входят в состав сильных. В любом случае консолидация усилий будет «способствовать решению проблем создания новых рабочих мест, эффективному использованию всех ресурсов, что позволит избежать кризисных процессов, которые на низовом уровне начинают ощущаться раньше, чем в больших крупных городах, а тем более в агломерациях» [8, с. 136].

Западные исследователи Ж. Дурантон и Д. Пуга пишут о том, что соотношение городских систем (их размеры) в значительной мере определяется историей освоения территорий, их отраслевой специализацией и сетью транспортной инфраструктуры. Но существует и обратная связь: городская структура задает пространственный каркас, резервы и ограничения развития. Крупные города располагают ресурсами агломерационной экономики и выгодами экономики масштаба [23]. Городские агломерации устойчивее других городов по той причине, что в них идет равномерное развитие всех процессов: экономических, социально-демографических и экологических [24, с. 112].

Критерии и показатели выделения городских агломераций. Для того чтобы включить город или городские поселения в состав городской агломерации, необходимо руководствоваться определенными критериями и показателями. Ф.М. Листенгурт предложил следующие критерии выделения и классификации городских агломераций: 1) численность городского населения – свыше 110 тыс. человек при минимальной величине центрального города 100 тыс. человек; 2) затраты времени на регулярную доступность центра (вокзалов) главного города – 2 часа брутто; 3) доля населения городских поселений внешней зоны в общей численности городского населения агломерации (индекс агломеративности) минимально – 10%; 4) число городских поселений во внешней зоне агломерации минимально три; 5) отвлеченный показатель степени и характера концентрации городских поселений во внешней зоне агломерации (коэффициент агломеративности – отношение плотности городских поселений к среднему кратчайшему расстоянию между ними) минимально – 0,1 [25, с. 45].

Для определения агломераций наиболее часто используют следующие показатели: пороговая численность населения ядра 50–250 тыс. человек, в прилегающих поселениях (спутниках) – не менее 50 тыс. человек, расположенных в 1,5–2-часовой транспортной доступности [12, с. 185–186, 189] или находящихся от крупного города на расстоянии 50, 100 и 150 км [9, с. 299]. «Коридор роста» – удаление города-спутника от ядра – может составлять от 50 до 200 км [26, с. 183].

При выделении городских агломераций необходимо учитывать, что в настоящее время они переходят на новый уровень, от скалярной формы (точечных агломераций) к векторной форме – формированию и развитию агломеративных коридоров [16, с. 67].

Таким образом, для отбора и анализа городских агломераций нами предварительно рассматривались города и пгт во всех 294 городских округах и муниципальных районах, относящихся к Северу России. Данные о численности поселений получены из переписей населения 1939–2010 гг.⁸, а также текущего

⁸ Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php>

статистического учета на начало 2020 года⁹. Информация об изменениях категорий населенных пунктов и их экономической специализации взята из энциклопедии «Вся Россия. Города и населенные пункты»¹⁰, с официальных сайтов регионов и муниципальных образований. Данные о географических координатах поселений получены из географической базы данных GeoNames¹¹.

В качестве ядер северных агломераций отобраны города с максимальным населением свыше 100 тыс. жителей, являющиеся крупнейшими поселениями в своих 150-километровых окрестностях, одновременно с этим не являющиеся в них единственными поселениями. Затем сформирован список городских поселений-спутников по зонам доступности (50, 100 и 150 км). Населенные пункты, попадающие в зону доступности сразу двух агломераций, относились к одной из них исходя из экономической специализации и пространственной близости. Расчеты выполнены с помощью алгоритма, реализованного на языке программирования Julia с использованием пакетов Geodesy.jl (для оценки расстояний между поселениями) и VegaLite.jl (для создания карт-схем).

Для северных агломераций характерен ряд особенностей: 1) меньшая численность населения как ядра, так и спутников; 2) число спутников жестко не лимитируется; 3) выступают опорными поселениями для обширных территорий; 4) не только играют большую роль в масштабе северного региона, но и имеют общероссийское значение в разделении труда, отраслевой специализации [27, с. 11].

Агломерационный эффект как фактор трансформации системы расселения: от простых форм к агломерациям. Агломерационный эффект (agglomeration economies) — экономическая выгода от территориальной концентрации производств и других экономических объектов в городах и агломерациях, в относительно близ-

ких друг от друга пунктах. В агломерационном эффекте проявляются совокупность и взаимодействие факторов внешней экономики для различных объектов, входящих в агломерацию¹². Создание городских агломераций предполагает получение «синергетического эффекта, существенно повышающего эффективность хозяйственных процессов и социального развития составляющих агломерацию территорий» [7, с. 10].

Агломерационные эффекты бывают двух типов: эффекты локализации (кластеризации) и эффекты урбанизации; эффект локализации — результат совместной деятельности предприятий в общей сфере, эффект урбанизации — концентрация на одной территории организаций, независимо от того, существует ли между ними тематическая близость. Для оценки влияния эффектов локализации и урбанизации используют следующие показатели: производительность труда, добавленная стоимость, занятость, уровень заработных плат, количество выданных патентов [28, с. 318, 323].

Ключевое преимущество концентрации в городской среде состоит в близости, которая позволяет легко взаимодействовать субъектам, между фирмами, индивидами, учреждениями и т. д. Это взаимодействие, в свою очередь, позволяет экономике и объему производства превышать сумму частей, по причинам, среди которых находятся специализация, общие ценности и практики, контакты лицом к лицу (face-to-face). Кроме того, городское взаимодействие стимулирует динамические силы решения проблем, сотрудничества, обучения, конкуренции и технических инноваций [29; 30]. Преимущества городов для развития экономики и с точки зрения качества жизни являются следствием более компактного размещения экономических агентов [31]. Это дает возможность экономить на транспортных издержках, более активно обмениваться информацией и практиками, легче находить работников [32].

Экономические выгоды угасают по мере удаления от центра агломерации [33]. Этот факт подтверждается и в отечественных исследова-

⁹ Бюллетень «Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям». URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282>

¹⁰ Вся Россия. Города и населенные пункты. Энциклопедия. М.: Институт экономики и управления в промышленности, 2001. 575 с.

¹¹ The GeoNames geographical database. URL: <https://www.geonames.org>

¹² Лопатников Л.И. Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Дело, 2003. 520 с.

ниях, где указано, что на расстояниях более 60 км от центра эффекты ослабляются. В то же время при удвоении численности населения агломерации производительность факторов в различных отраслях экономической деятельности увеличивается на 2–10%. Территории, на которых в радиусе полуторачасовой доступности проживает 100 тыс. человек, демонстрируют локальный максимум производительности труда в промышленности и существенно меньший – в сфере услуг [32, с. 52, 56, 57].

Современные агломерации более устойчивы в своем развитии за счет более эффективного использования концентрации людских, материальных и финансовых ресурсов, а также получения эффекта синергии от рационального использования ресурсов не только территории, но и производственной городской инфраструктуры, сетей инженерно-технического обеспечения, знаний и технологий [9, с. 299]. Устойчивое развитие северных агломераций возможно только при условии рационального формирования системы расселения с учетом демографического потенциала, экономической специализации поселений [34] и природных особенностей территорий.

Агломерационная экономика предоставляет входящим в нее агентам ряд преимуществ: «снижение издержек доступа к рынку товаров и сырья, развитие инфраструктуры, согласование спроса и предложения на труд, которое стимулируется высокой заработной платой; концентрация и диверсификация ресурсов позволяют экономить на масштабе и комбинировать факторы производства» [35, с. 92]. Агломерационный эффект проявляется в виде концентрации производителей конечных товаров и услуг, роста реального дохода. Выделяют три вида агломерационного эффекта: совместное использование локальных объектов; снижение издержек; объединение рабочей силы [36, с. 423].

Города и агломерации в системе расселения Севера России. Прежде чем приступить к рассмотрению городских агломераций, поясним, что под «северной городской агломерацией» мы будем понимать концентрацию городского

населения вокруг города-ядра, имеющего численность населения свыше 100 тыс. человек, и не менее двух городских поселений в радиусе 150 км. В виде исключения отнесем к северным городским агломерациям агломерации с городами-ядрами, в разные годы имевшими стотысячное население. Северная городская агломерация обеспечивает прилегающим территориям «агломерационный эффект» за счет передачи инноваций и новейших технологий, предоставляя им широкий спектр социально-культурных и образовательных услуг. С учетом неразвитой сети дорог, разбросанности и удаленности поселений только город-ядро может предоставить спектр экстренных медицинских услуг – услуг авиации.

На Севере России расположен 141 город, из них шесть крупных (Сургут, Архангельск, Якутск, Мурманск, Петрозаводск и Нижневартовск), по 12 больших и средних, 111 малых, 234 пгт. В структуре городов преобладают малые и средние города – 123 (87,2%). Доля больших и крупных городов составляет 12,8%, в них проживает почти половина населения – 39,8%. Численность населения всех групп росла до 1989 года, затем последовало ее снижение, это же можно сказать и про среднюю людность поселений (*табл. 1*).

Пик образования городов на Севере России пришелся на 1939–1959 гг. (45 городов). Формирование городов происходило и после распада СССР. С 1989 по 2002 год возникло 18 городов. Однако в последующие десятилетия появился всего один новый город – Тарко-Сале в Ямало-Ненецком АО. Восемь поселений лишились статуса города. Талнах и Кайеркан включены в состав Норильска в 2004 году. Города Лесогорск, Красногорск, Горнозаводск, Чехов (Сахалинская обл.) и Ключи (Камчатский край) в 1993–2004 гг. стали сельскими населенными пунктами. Город Шахтерск Сахалинской области получил статус пгт в 2017 году (*табл. 2*). Данные показывают, что города на Севере представляют собой более устойчивую форму расселения, чем пгт. Средняя людность в них повышается с 47,7 тыс. человек в 2002 году до 48,7 – в 2020 году.

Таблица 1. Население и показатели расселения Севера России, 1939–2020 гг.*

Показатель	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2020 г.
Численность населения, тыс. чел., в том числе:	4 232,0	6 907,3	8 417,1	10 181,0	12 807,8	10 818,9	10 158,4	9 858,5
города	1 100,7	2 651,1	3 834,5	5 279,6	7 482,6	7 005,3	6 830,5	6 861,9
пгт	342,0	1 563,1	1 809,2	2 138,1	2 392,4	1 385,6	1 077,1	950,3
сельские населенные пункты	2 789,3	2 693,1	2 773,4	2 763,3	2 932,8	2 428,0	2 250,8	2 046,3
Городские населенные пункты, ед.	104	411	487	544	588	494	404	375
города, в т. ч.	40	85	99	110	130	147	142	141
крупные (более 250 тыс. чел.)	1	1	2	3	8	6	7	6
большие (100–250 тыс. чел.)	1	4	9	12	9	11	10	12
средние (50–100 тыс. чел.)	3	9	6	10	21	14	12	12
малые (менее 50 тыс. чел.)	35	71	82	85	92	116	113	111
пгт	64	326	388	434	458	347	262	234
Средняя людность, чел.								
города	27 519	31 189	38 733	47 996	57 558	47 655	48 103	48 666
пгт	5 343	4 795	4 663	4 927	5 224	3 993	4 111	4 061

* Переписи населения 1939–1979 гг. – наличное население; переписи населения 1989–2010 гг., текущий учет 2020 г. – постоянное население.
Источники: Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php>; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям: бюллетень. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282>

Таблица 2. Динамика количества городов на Севере России, 1939–2020 гг., ед.

Административно-территориальное преобразование	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2020 г.	Всего
Всего городов	40	85	99	110	130	147	142	141	149
Изменение числа городов с предыдущей переписи населения									
Сохранили статус города (без преобразований)	-	40	85	99	110	129	141	141	141
Образованы города (новые)	-	45	14	11	20	18	1	0	149
Лишились статуса города, из них:	-	0	0	0	0	1	6	1	8
- включены в черту других городов	-	0	0	0	0	0	2	0	2
- преобразованы в пгт	-	0	0	0	0	0	0	1	1
- преобразованы в сельские населенные пункты	-	0	0	0	0	1	4	0	5

Источники: Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php>; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям: бюллетень. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282>

Наряду с малыми и средними городами связанности и заселенности северных территорий способствуют пгт. В ряде городских ареалов система расселения представляет собой один опорный город и сеть небольших связанных с ним городских поселков. В некоторых северных и арктических территориях города отсутствуют, а роль опорных поселений для освоения Севера и обеспечения жизнедеятельности людей выполняют поселки городского типа. К таким поселениям можно отне-

сти Анадырь, Игарку, Певек и Тикси [37, с. 37]. На Севере России пик создания пгт пришелся на период с 1939 по 1959 год (279 городских поселений). Затем этот процесс постепенно замедлялся. В Новой России образовано всего 10 пгт.

Предполагалось, что поселки городского типа со временем по мере роста численности населения будут преобразованы в города. Однако на Севере только 54 из 581 пгт (9,3%) стали городами. Еще 29 пгт (5,0%) были включены в

Таблица 3. Динамика количества поселков городского типа на Севере России, 1939–2020 гг., ед.

Административно-территориальное преобразование	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2020 г.	Всего
Всего пгт	64	326	388	434	458	347	262	234	581
- из них без населения	0	0	0	0	1	2	8	10	-
Изменения числа пгт с предыдущей переписи населения									
Сохранили статус пгт (без преобразований)	-	47	286	358	408	339	261	233	234
Образованы пгт (новые)	-	279	102	76	50	8	1	1	581
Лишились статуса пгт, из них:	-	17	40	30	26	119	86	29	347
- отнесены к категории городов	-	6	11	9	16	11	1	0	54
- включены в черту других пгт или городов	-	3	6	2	2	8	7	1	29
- преобразованы в сельские населенные пункты	-	2	18	15	6	89	64	25	219
- упразднены	-	6	4	5	2	11	14	3	45
Источники: Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php ; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям: бюллетень. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282									

черту других городов или поселков. Сохранили статус пгт к 2020 году 234 поселения (40,3%), большинство же лишилось этого статуса. Преобразованы в сельские населенные пункты 37,7% пгт, упразднены – 7,7% (более половины упразднены в 1989–2010 гг.). С 1989 года статистика начала фиксировать пгт без населения, которые, тем не менее, не были официально упразднены. В 2020 году на Севере насчитывалось 10 пгт без населения (табл. 3).

От городов и пгт к северным городским агломерациям. Из всех городов Севера России 18 городов имеют численность населения свыше 100 тыс. человек (на начало 2020 г.). Четыре города в разные годы имели стотысячное население, поэтому по основному/первому критерию («численность населения») они могут претендовать на роль агломерационных ядер. Отобранные 22 города были образованы в разные исторические периоды: 8 – в царский и 14 – в советский период. Доля населения городов, образованных в царский период (колонизация Севера, 1584–1917 гг.), уменьшилась с 40,5 до 25,4% (1939–2020 гг.), однако они сохранили за собой первое место. Доля жителей городов, образованных в период индустриализации и урба-

низации северных территорий (гулаговский период, 1918–1959 гг.), увеличилась с 8,3 до 15,0%. В период смены политики от принуждения к поощрению (период «северной романтики», 1960–1989 гг.) доля населения городов увеличилась с 1,0 до 14,0%. В целом можно отметить, что доля крупных городов в численности городского населения увеличилась с 19,7 (1939 г.) до 24,3% (2020 г.), больших – возросла с 8,1 до 26,0%, доля «потерянного» большими городами населения увеличилась с 1,9 до 4,1% соответственно. Изменение доли населения крупных городов обусловлено тем, что эту группу покинули Братск, Северодвинск и Петропавловск-Камчатский (табл. 4).

После того как 22 города были проанализированы по второму критерию (наличие у города-ядра спутников-городов или пгт), из выборки исключен Ханты-Мансийск как не соответствующий критерию отбора. Два города – Северодвинск и Нефтеюганск – вошли в состав Архангельской и Сургутской городских агломераций. Таким образом, на роль ядер городских агломераций претендуют 19 городов, шесть на европейской, 13 на азиатской части Севера России. В состав северных городских агло-

Таблица 4. Динамика численности населения больших и крупных городов Севера России, 1939–2020 гг., чел.*

№	Город	Год образования	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2020 г.
1	Архангельск	1584	284 570	256 309	342 590	385 028	416 812	356 051	348 783	346 979
2	Якутск	1643	52 882	74 330	107 617	152 368	187 661	210 642	269 601	322 987
3	Петрозаводск	1777	69 723	135 256	184 481	234 103	269 581	266 160	261 987	281 023
4	Сыктывкар	1780	25 281	64 461	125 088	170 980	231 673	230 011	235 006	244 403
5	Петропавловск-Камчатский	1812	35 373	85 582	153 885	214 977	273 368	198 028	179 780	179 586
6	Южно-Сахалинск	1905	–	85 510	105 840	139 861	156 347	175 085	181 728	200 636
7	Кызыл	1914	–	34 462	51 683	66 027	83 822	104 105	109 918	119 438
8	Мурманск	1916	117 069	221 874	308 642	380 817	472 274	336 137	307 257	287 847
9	Комсомольск-на-Амуре	1932	70 808	177 278	218 127	263 950	316 224	281 035	263 906	244 768
10	Северодвинск	1938	21 304	78 657	144 672	197 232	253 864	201 551	192 353	181 990
11	Ханты-Мансийск	1950	–	20 677	24 754	28 266	35 494	53 953	80 151	101 466
12	Норильск	1953	–	109 442	135 487	180 358	179 757	134 832	175 365	181 830
13	Братск	1955	–	51 455	155 362	213 725	257 587	259 335	246 319	226 269
14	Сургут	1965	–	–	34 011	107 343	250 198	285 027	306 675	380 632
15	Нефтеюганск	1967	–	–	19 675	52 393	94 578	107 830	122 855	127 255
16	Нижневартовск	1972	–	–	–	108 740	244 752	239 044	251 694	277 668
17	Новый Уренгой	1980	–	–	–	–	95 254	94 456	104 107	118 033
18	Ноябрьск	1982	–	–	–	–	87 144	96 440	110 620	106 911
Были большими городами ранее										
1	Магадан	1939	27 313	62 225	92 105	121 250	151 520	99 399	95 982	92 052
2	Ухта	1943	–	36 154	62 923	87 467	112 876	103 340	99 591	93 716
3	Воркута	1943	–	55 668	89 742	100 210	115 329	84 917	70 548	52 776
4	Усть-Илимск	1973	–	–	–	68 641	110 335	100 592	86 610	80 419

* Переписи населения 1939–1979 гг. – наличное население, переписи населения 1989–2010 гг., текущий учет 2020 г. – постоянное население. Ранжировано по году основания.
Источники: Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php>; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям: бюллетень. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282>

мераций вошли 105 городских поселений (без городов-ядер), в том числе 46 городов и 59 пгт. Причем на 1939 год критериям соответствовали всего два города в европейской части Севера России: Архангельск и Мурманск. К 1959 году к ним добавились Петрозаводск, Норильск и Комсомольск-на-Амуре (рис. 1).

На период с 1959 по 1989 год приходится формирование большинства северных агломераций (11 из 19). Больше всего (3) – в Республике Коми. Последними тремя городами-

ядрами, преодолевшими 100-тысячный рубеж, стали Новый Уренгой, Ноябрьск и Кызыл – все в азиатской части Севера. Усилилась концентрация агломераций в нефтегазовых регионах Западной Сибири (рис. 2).

Сравним городские агломерации по следующим показателям: численность населения, в том числе по зонам тяготения; доля города-ядра в общей численности населения; количество городов и пгт у города-ядра; основные отрасли специализации.

Рис. 1. Городские агломерации в системе расселения Севера России, 1939 и 1959 гг.

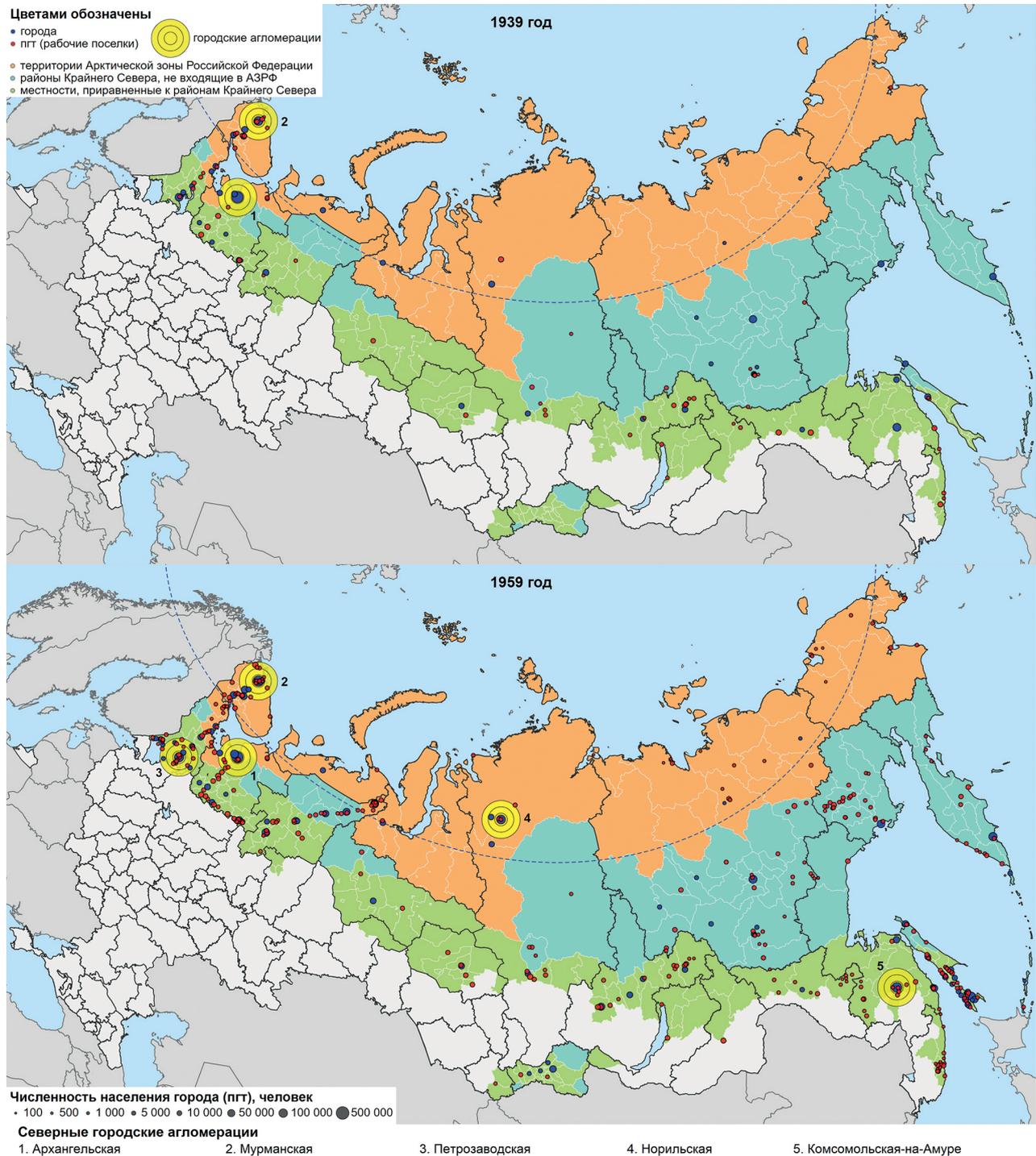
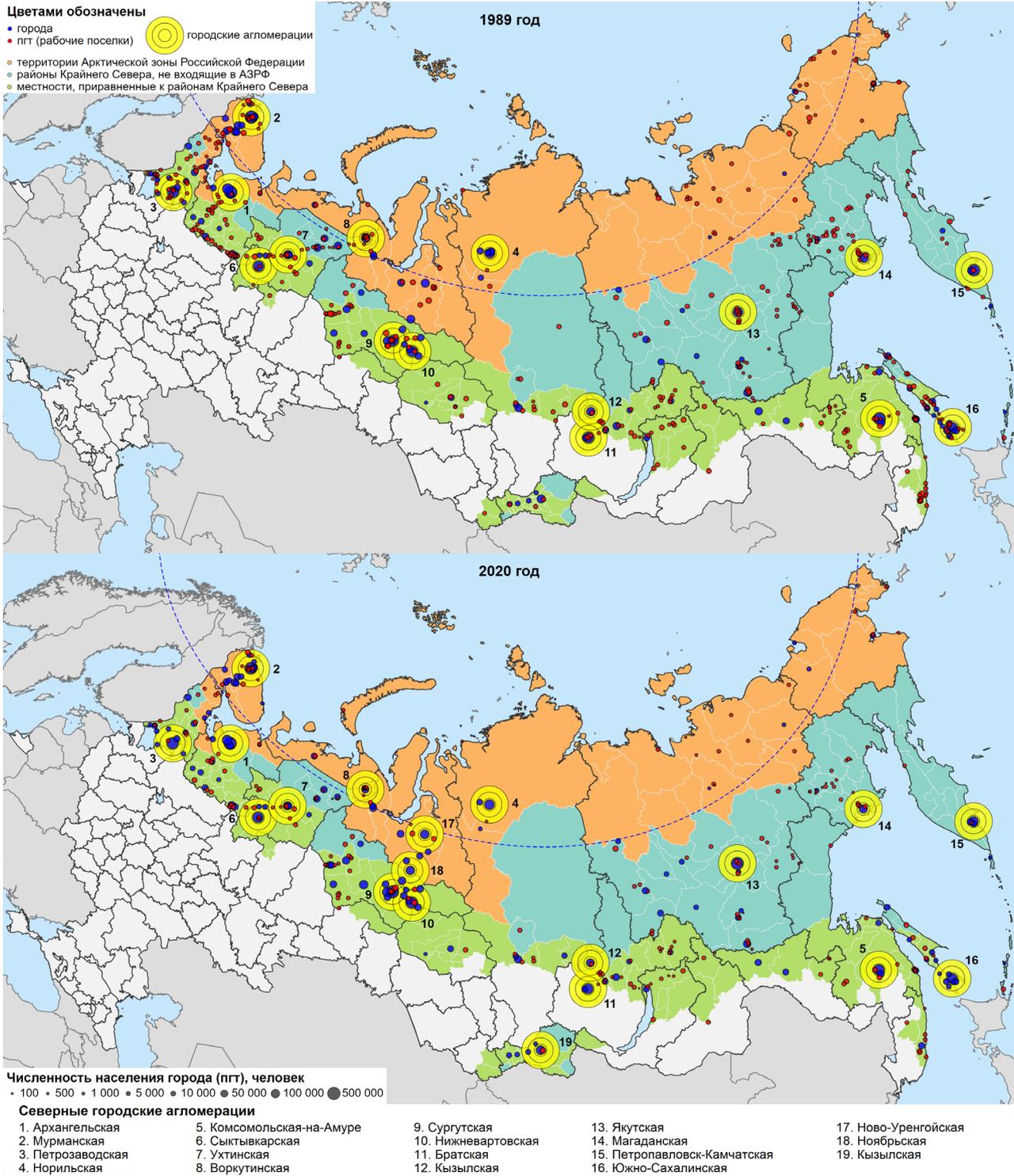

Рис. 2. Городские агломерации в системе расселения Севера России, 1989 и 2020 гг.

Европейский Север России включает шесть городских агломераций, в них входят 26 городов и 30 пгт (табл. 5). По удаленности от города-ядра население распределилось следующим образом: в ядре – 65,5, в 1 зоне – 23,2, во 2 зоне – 3,2 и в 3 зоне – 8,1%. Три городские агломерации относятся к АЗРФ. Все шесть агломераций соответствуют критериям агломерации даже в радиусе до 50 км.

По численности населения выделяется *Архангельская арктическая городская агломерация*, в ее составе три города и один пгт (город Северодвинск по первому критерию мог бы сам претендовать на роль города-ядра). Экономически – один из наиболее диверсифицированных центров на Севере: развиты судостроение и судоремонт, образование, лесная промышленность, транспорт. Доля населения города-ядра составляет 59,0%.

Таблица 5. Городские агломерации европейской части Севера России, 2020 г.

Ядро и численность населения	Городские населенные пункты по удаленности от ядра и численность их населения		
	1 зона, до 50 км	2 зона, 51–100 км	3 зона, 101–150 км
Крупные северные агломерации			
г. Архангельск 588210 человек, в т. ч. 346979 – ядро	219689 человек, в т. ч.: 181990 – г. Северодвинск (34 км) 37699 – г. Новодвинск (19 км)	–	21542 человек, в т. ч.: 18493 – г. Онега (138 км), 3049 – пгт Обозерский (122 км)
г. Мурманск 530495 человек, в т. ч. 287847 – ядро	133012 человек, в т. ч.: 53525 – г. Североморск (16 км) 17494 – г. Полярный (28 км) 13726 – пгт Мурмаши (21 км) 13157 – г. Гаджиево (32 км) 12826 – г. Снежногорск (25 км) 9690 – г. Кола (11 км) 5726 – пгт Сафоново (12 км) 4927 – пгт Молочный (14 км) 1941 – пгт Кильдинстрой (20 км)	34304 человек, в т. ч.: 20364 – г. Оленегорск (93 км) 9246 – г. Заозерск (54 км) 3480 – пгт Печенга (97 км) 1214 – пгт Верхнетуломский (67 км)	75332 человек, в т. ч.: 41145 – г. Мончегорск (116 км) 14706 – г. Заполярный (103 км) 11012 – пгт Никель (124 км) 8002 – пгт Ревда (131 км) 467 – пгт Туманный (105 км)
Средние северные агломерации			
г. Петрозаводск 359120 человек, в т. ч. 281023 – ядро	32670 человек, в т. ч.: 29218 – г. Кондопога (47 км) 3452 – пгт Пряжа (40 км)	–	45427 человек, в т. ч.: 14091 – г. Медвежьегорск (126 км) 8678 – г. Суоярви (115 км) 8606 – г. Пудож (115 км) 8026 – г. Олонец (116 км) 4276 – пгт Пиндуши (127 км) 1750 – пгт Повенец (121 км)
г. Сыктывкар 292082 человек, в т. ч. 244403 – ядро	14482 человек, в т. ч.: 8471 – пгт Краснозатонский (9 км) 4196 – пгт Верхняя Максаковка (9 км) 1815 – пгт Седкыркещ (10 км)	16702 человек, в т. ч.: 9558 – г. Микунь (86 км) 7144 – пгт Жешарт (80 км)	16495 человек, в т. ч.: 12379 – г. Емва (103 км) 4116 – пгт Урдома (121 км)
Малые северные агломерации			
г. Ухта 151033 человек, в т. ч. 93716 – ядро	42469 человек, в т. ч.: 26004 – г. Сосногорск (11 км) 7321 – пгт Ярега (16 км) 5813 – пгт Водный (15 км) 3331 – пгт Шудаяг (6 км)	12742 человек, в т. ч.: 8998 – пгт Нижний Одес (59 км) 2730 – пгт Войвож (99 км) 1014 – пгт Боровой (55 км)	2106 человек, в т. ч.: 2106 – пгт Синдор (120 км)
г. Воркута 72681 человек, в т. ч. 52776 – ядро	19389 человек, в т. ч.: 9442 – пгт Воргашор (15 км) 8025 – пгт Северный (15 км) 1362 – пгт Заполярный (14 км) 560 – пгт Комсомольский (13 км)	516 человек, в т. ч.: 516 – пгт Елецкий (51 км)	–
Источники: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям: бюллетень. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282 ; The GeoNames geographical database. URL: https://www.geonames.org			

По количеству городских поселений спутниковой зоны на первом месте находится *Мурманская арктическая городская агломерация*, она насчитывает девять городов и девять пгт. Этим можно объяснить то, что в ней самая низкая доля населения города-ядра — 54,2%. Специализируется главным образом на морском транспорте, рыболовстве и рыбопереработке, судоремонте.

Петрозаводская городская агломерация включает пять городов и три пгт. Выделяется тем, что в нее входит больше всего поселений, расположенных в третьей зоне, — четыре города и два пгт. По доле населения города-ядра занимает второе место — 78,3%. Развиты машиностроение, металлообработка, лесная, пищевая, легкая промышленность; транспортный узел.

Сыктывкарская городская агломерация имеет самую высокую долю населения города-ядра — 83,7%. Это вызвано тем, что в зоне тяготения находятся два малых города и пять небольших пгт. Специализируется на лесной и целлюлозно-бумажной промышленности, производстве нетканых материалов, пищевой промышленности.

Ухтинская городская агломерация имеет близко расположенный город-спутник — Сосногорск и семь пгт, доля города-ядра — 62,1%. Центр нефтяной и газовой промышленности.

Воркутинская городская агломерация входит в АЗРФ, в зоне влияния находятся пять пгт, доля города-ядра составляет 72,6%. В 1989 году агломерация включала 12 пгт, а численность ее населения достигала 216,8 тыс. человек. Специализируется на угледобывающей промышленности.

В азиатской части Севера 13 городских агломераций, в их составе 39 городов и 29 пгт, три агломерации полностью относятся к АЗРФ (табл. 6). По удаленности от города-ядра население распределилось следующим образом: в ядре — 70,7, в первой зоне — 14,4, во второй зоне — 8,5 и в третьей зоне — 6,4%. Из 13 агломераций соответствуют критериям в радиусе до 50 км — семь, с увеличением радиуса до 100 км — 10.

Сургутская городская агломерация самая большая по численности населения — 729,7 тыс. человек, в ее состав входят четыре города и четыре пгт. Город Нефтеюганск по численности

населения соответствует статусу города-ядра. Доля города-ядра самая низкая среди северных агломераций — 52,1%. Сургутская агломерация имеет высокую связанность поселений: в первой зоне проживает — 27,5, во второй — 11,1 и в третьей — 9,3% городского населения. Специализируется на добыче и переработке нефти и попутного газа.

Нижневартовская городская агломерация включает пять городов и три пгт, имеет равномерное распределение населения по зонам удаленности, 14,5, 16,8 и 14,0% соответственно, на город-ядро приходится 54,7% городского населения. Является центром нефтегазовой промышленности.

Якутская городская агломерация имеет самую высокую долю населения города-ядра — 91,5%, в ее составе три пгт и один малый город Покровск. Агломерация не обладает ярко выраженной экономической специализацией. Развиты энергетика, торговля, социальная сфера.

Комсомольская-на-Амуре городская агломерация включает один малый город Амурск и два пгт, расположенные в первой и второй зонах. Центр военно-промышленного комплекса (авиастроение, судостроение), металлургии.

Южно-Сахалинская городская агломерация — единственная агломерация, не имеющая пгт, содержит шесть малых городов. На город-ядро приходится 67,6% городского населения. Многофункциональный центр с преобладанием электроэнергетики, пищевой промышленности, транспорта.

Братская городская агломерация — вторая по величине города-ядра (91,2% от городского населения), имеет минимум поселений-спутников (город Вихоревка и пгт Видим). Специализируется на гидроэнергетике, лесной и целлюлозно-бумажной промышленности, производстве алюминия.

Петропавловск-Камчатская городская агломерация расположена на северо-востоке страны, специализируется на рыбоперерабатывающей, судоремонтной, горнодобывающей отраслях. Включает два города и один пгт, расположенные в первой зоне, в радиусе до 25 км. На город-ядро приходится 74,0% городского населения.

Таблица 6. Городские агломерации азиатской части Севера России, 2020 г.

Ядро и численность населения	Городские населенные пункты по удаленности от ядра и их численность населения		
	1 зона, до 50 км	2 зона, 51–100 км	3 зона, 101–150 км
Крупные северные агломерации			
г. Сургут 729715 человек, в т. ч. 380632 – ядро	200587 человек, в т. ч.: 127255 – г. Нефтеюганск (47 км) 26328 – пгт Пойковский (5 км) 23342 – пгт Федоровский (43 км) 17774 – пгт Белый Яр (9 км) 5888 – пгт Барсово (12 км)	80768 человек, в т. ч.: 41199 – г. Лянтор (79 км) 39570 – г. Пыть-Ях (63 км)	67727 человек, в т. ч.: 67727 – г. Когалым (126 км)
г. Нижневартовск 507739 человек, в т. ч. 277668 – ядро	73354 человек, в т. ч.: 46643 – г. Мегион (26 км) 19904 – пгт Излучинск (21 км) 6807 – пгт Высокий (40 км)	85476 человек, в т. ч.: 44646 – г. Лангепас (81 км) 40830 – г. Стрежевой (61 км)	71241 человек, в т. ч.: 43666 – г. Радужный (138 км) 18074 – г. Покачи (108 км) 9501 – пгт Новоаганск (113 км)
Средние северные агломерации			
г. Якутск 352926 человек, в т. ч. 322987 – ядро	14431 человек, в т. ч.: 10352 – пгт Жатай (15 км) 4079 – пгт Нижний Бестях (12 км)	15508 человек, в т. ч.: 9385 – г. Покровск (70 км) 6123 – пгт Мохсоголлох (83 км)	–
г. Комсомольск-на-Амуре 306155 человек, в т. ч. 244768 – ядро	50514 человек, в т. ч.: 38913 – г. Амурск (36 км) 11601 – пгт Солнечный (32 км)	10873 человек, в т. ч.: 10873 – пгт Эльбан (62 км)	–
г. Южно-Сахалинск 296622 человек, в т. ч. 200636 – ядро	55252 человек, в т. ч.: 34023 – г. Корсаков (36 км) 11851 – г. Долинск (42 км) 9378 – г. Анива (31 км)	36963 человек, в т. ч.: 27148 – г. Холмск (53 км) 9815 – г. Невельск (74 км)	3771 человек, в т. ч.: 3771 – г. Томари (103 км)
Малые северные агломерации			
г. Братск 248129 человек, в т. ч. 226269 – ядро	20833 человек, в т. ч.: 20833 – г. Вихоревка (27 км)	1027 человек, в т. ч.: 1027 – пгт Видим (98 км)	–
г. Петропавловск-Камчатский 242692 человек, в т. ч. 179586 – ядро	63106 человек, в т. ч.: 39345 – г. Елизово (24 км) 22223 – г. Вилючинск (21 км) 1538 – пгт Вулканный (21 км)	–	–
г. Норильск 203300 человек, в т. ч. 181830 – ядро	–	20804 человек, в т. ч.: 20804 – г. Дудинка (80 км)	666 человек, в т. ч.: 666 – пгт Снежногорск (142 км)
г. Ноябрьск 167633 человек, в т. ч. 106911 – ядро	–	31561 человек, в т. ч.: 31561 – г. Муравленко (81 км)	29161 человек, в т. ч.: 29161 – г. Губкинский (148 км)
г. Новый Уренгой 161495 человек, в т. ч. 118033 – ядро	–	9997 человек, в т. ч.: 9997 – пгт Уренгой (80 км)	33465 человек, в т. ч.: 21501 – г. Тарко-Сале (140 км) 11140 – пгт Пангоды (101 км) 824 – пгт Заполярный (132 км)
г. Кызыл 154805 человек, в т. ч. 119438 – ядро	19282 человек, в т. ч.: 19282 – пгт Каа-Хем (20 км)	4903 человек, в т. ч.: 4903 – г. Туран (61 км)	11182 человек, в т. ч.: 11182 – г. Шагонар (107 км)
г. Магадан 110237 человек, в т. ч. 92052 – ядро	12931 человек, в т. ч.: 6070 – пгт Ола (28 км) 4811 – пгт Сокол (40 км) 2050 – пгт Уптар (38 км)	5254 человек, в т. ч.: 3555 – пгт Палатка (60 км) 1699 – пгт Стекольный (54 км)	–
г. Усть-Илимск 100628 человек, в т. ч. 80419 – ядро	6319 человек, в т. ч.: 6319 – пгт Железнодорожный (13 км)	883 человек, в т. ч.: 883 – пгт Радищев (99 км)	13007 человек, в т. ч.: 9112 – пгт Новая Игирма (122 км) 2983 – пгт Рудногорск (105 км) 912 – пгт Янгель (121 км)
Источники: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям: бюллетень. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282 ; The GeoNames geographical database. URL: https://www.geonames.org			

Норильская арктическая городская агломерация включает один город (Дудинка) и один пгт (Снежногорск). Города первой зоны Талнах и Кайеркан в 2004 году были включены в состав Норильска, поэтому доля города-ядра достаточно высокая – 89,5%. Градообразующее предприятие – Горно-металлургическая компания «Норильский никель», ее основная продукция никель, кобальт, медь, металлы платиновой группы, золото, серебро. На предприятиях занято более 50% населения, бюджет города зависит от налоговых поступлений «Норильского никеля» более чем на 90%.

Ноябрьская арктическая городская агломерация имеет два городских поселения: г. Муравленко и г. Губкинский, расположенных во второй и третьей зонах соответственно. Специализируется на нефтегазовой промышленности.

Ново-Уренгойская арктическая городская агломерация включает один город (Тарко-Сале) и три пгт, расположенных во второй и третьей зонах, примыкающих к городу-ядру поселений нет, на него приходится 73,1% городского населения. Центр газодобычи.

Кызылская городская агломерация объединяет расположенный рядом пгт Каа-Хем и два города: Туран и Шагонар. Доля города-ядра составляет 77,1%. Промышленность Кызыла представлена небольшими предприятиями обрабатывающей, добывающей и энергетической отраслей.

Магаданская городская агломерация не имеет городов-спутников, в первой и второй зонах расположены пять небольших пгт, доля города-ядра по численности населения – 83,5%. Основу экономики составляют горнодобывающая промышленность и энергетика. На эти отрасли приходится около 95% ежегодного объема производства, в них занято более 20% населения.

Усть-Илимская городская агломерация включает пять пгт, на город-ядро приходится 79,9% городского населения. Основу экономики составляют организации обрабатывающего производства, в первую очередь «Группа «Илим».

Заключение

Используя значение основного показателя «численность населения» для города-ядра более 100 тыс. человек и критерий наличия в агло-

мерационном коридоре не менее двух поселений, мы выделили 19 «северных городских агломераций», из которых шесть полностью входят в российскую Арктику. По численности населения 10 агломераций являются малыми, 5 – средними и 4 – крупными (Сургутская – 729,7, Архангельская – 588,2, Мурманская – 530,3 и Нижневартовская – 507,7 тыс. человек). В крупных агломерациях доля города-ядра в численности населения самая низкая – 54,9%, в средних – 80,5%, малых – 77,6%. Проявляется закономерность в средней людности поселений-спутников: в крупных агломерациях она составляет 27 975 человек, в средних – 11 182, малых – 9272 человека. Эту закономерность можно считать проявлением «агломерационного эффекта».

Общая площадь территорий Севера России составляет 11 млн 810,9 тыс. кв. км. На 19 северных городских агломераций, расположенных в радиусе 150 км, приходится 1 млн 343,0 тыс. кв. км без учета пересечений территорий, или 11,4% общей площади. Из этого следует, что освоенная площадь невелика, а процесс формирования северных городских агломераций не завершен. Из 375 городов и пгт только 124 (33,1%) входят в агломерации, из 141 города – 65 (46,1%), из 234 пгт – 59 (25,2%). Большая часть городских поселений расположена в первой и второй зонах (75,8%), то есть в радиусе доступности 100 км.

При использовании картографического метода видно, что лишь незначительная часть территорий Севера России покрыта городскими агломерациями, наиболее заселенной является европейская, менее заселенной – азиатская часть Севера России. На карте хорошо отражена близость расположения Сыктывкарской и Ухтинской, Ново-Уренгойской, Ноябрьской, Сургутской и Нижневартовской, Братской и Усть-Илимской городских агломераций. При улучшении транспортных коммуникаций и уменьшении времени на перемещение между их ядрами они могли бы образовать новые, большие по размеру агломерации.

Результаты анализа работ по оценке агломерационного эффекта показали, что для его расчета необходимы: 1) проведение трудоемкой работы по сбору и анализу социально-эконо-

мической информации, 2) наличие заинтересованного заказчика, обладающего информационным ресурсом или имеющего доступ к нему, 3) средства и человеческие ресурсы для осуществления социологического опроса по изучению маятниковой миграции внутри агломе-

рационной зоны. Опыт такой работы по Свердловской области представлен в [38, с. 47–50]. В перспективе предстоит по предложенным показателям оценки агломерационного эффекта рассчитать его для северных городских агломераций.

Литература

1. Фаузер В.В., Смирнов А.В. Российская Арктика: от острогов к городским агломерациям // ЭКО. 2018. № 7. С. 112–130. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2018-7-112-130
2. Фаузер В.В., Смирнов А.В. Мировая Арктика: природные ресурсы, расселение населения, экономика // Арктика: экология и экономика. 2018. № 3 (31). С. 6–22. DOI: 10.25283/2223-4594-2018-3-6-22
3. Fauzer V., Lytkina T., Smirnov A. Impact of migrations on the demographic structures transformation in the Russian North, 1939–2019. *Regional Science Policy and Practice*, 2020, vol. 12, iss. 6. DOI: 10.1111/rsp3.12357
4. Weber A., Friedrich C. *Theory of the Location of Industries*. Chicago: University of Chicago Press, 1929. 256 p.
5. Marshall A. *Principles of Economics*. New York: Palgrave Macmillan, 2013. 731 p.
6. Ильин В.А., Ускова Т.В. Методы преодоления пространственной социально-экономической дифференциации // Федерализм. 2012. № 3 (67). С. 7–18.
7. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Мегалополисы и агломерации в системе управления и стратегирования развития территорий // Актуальные вопросы экономики. 2020. № 6. С. 7–25.
8. Прокофьев С.Е., Попадюк Н.К., Семкина О.С. Новые подходы к развитию городов и агломераций // Управление устойчивым развитием. 2015. С. 133–143.
9. Никоноров С.М., Папенков К.В. Стратегии устойчивого развития городов России // Экономика устойчивого развития. 2016. № 3 (27). С. 296–300.
10. Плезер О.Б., Вайнберг Э.И. Пространство жизнедеятельности населения и расселение как факторы и условия модернизации России // Регион: экономика и социология. 2013. № 3 (79). С. 21–38.
11. Покшишевский В.В. Население и география. Теоретические очерки. М.: Мысль, 1978. 315 с.
12. Антонов Е.В. Городские агломерации: подходы к выделению и делимитации // Контуры глобальных трансформаций. 2020. Т. 13. № 1. С. 180–196.
13. Fujita M., Krugman P., Venables A. *The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1999.
14. Fujita M., Krugman P. The New Economic Geography. Past, Present and the Future. In: *Fifty Years of Regional Science. Advances in Spatial Science* (eds. Florax R.J.G.M., Plane D.A.), Berlin, Heidelberg: Springer, 2004. Pp. 139–164.
15. Русановский В.А., Марков В.А., Петров А.М. Влияние агломераций на асимметрию социально-демографического развития муниципалитетов России // Вестник СГСЭУ. 2019. № 4 (78). С. 81–85.
16. Козлова О.А., Соськова О.Н. Факторы пространственной дифференциации городского расселения промышленных регионов Урала и Зауралья // *Arg Administrandi* (Искусство управления). 2018. Т. 10. № 1. С. 64–79.
17. Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Демографические проблемы Сибири в контексте пространственного развития // ЭКО. 2020. № 8. С. 48–65.
18. Любовный В.Я. Курс «на сжатие пространства»? // Теория градостроительства. 2012. № 4. С. 4–13.
19. Вайнберг Э.И. Пространство, расселение и модернизация экономики России // Федерализм. 2013. № 1 (69). С. 25–38.
20. Shiklomanov N., Streletskiy D., Suter L., Orttung R., Zamyatina N. Dealing with the bust in Vorkuta, Russia. *Land Use Policy*, 2020, no. 103908. DOI: 10.1016/j.landusepol.2019.03.021
21. Бекболов А.А., Абилов А.Ж. Малые города как фактор устойчивого развития // Наука и образование сегодня. 2020. № 6-1 (53). С. 88–91.

22. Структурная модернизация как фактор повышения конкурентоспособности региона (на примере Красноярского края) / под ред. Н.Г. Шишацкого. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2020. 510 с.
23. Duranton G., Puga D. Micro-foundations of Urban Agglomeration Economies. In: Henderson J.H., Thisse J.F. (ed.) *Handbook of Regional and Urban Economics*, 2004, vol. 4, pp. 2063–2117.
24. Белкина Т.Д., Щербакова Е.М., Протокалистова Л.В. Дисбалансы социальных и экономических функций городов и регионов // Проблемы прогнозирования. 2019. № 6. С. 110–122.
25. Листенгурт Ф.М. Критерии выделения крупномасштабных агломераций в СССР // Известия АН СССР. Серия географическая. 1975. № 1. С. 41–49.
26. Матовых Е.А. Современные тенденции в развитии городов и городских систем // ЭКО. 2012. № 2. С. 182–189.
27. Игловская Н.С. Особенности урбанизации и формирование городских агломераций на Севере России // Вестник Поморского университета. Серия: Естественные науки. 2011. № 1. С. 5–12.
28. Куценко Е.С. Зависимость от предшествующего развития пространственного размещения экономических агентов и практика оценки агломерационных эффектов // Материалы XIII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. В 4 кн. Кн. 3. М.: Издательский Дом НИУ ВШЭ, 2012. С. 317–329.
29. Storper M. *The Keys to the City: How Economics, Institutions, Social Interaction, and Politics Shape Development*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2013. 276 p.
30. Walker R. Why cities? A response. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2016, vol. 40 (1), pp. 164–180. DOI: 10.1111/1468-2427.12335
31. Scott A., Storper M. The nature of cities: The scope and limits of urban theory. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2014, vol. 39 (1), pp. 1–15. DOI: 10.1111/1468-2427.12134
32. Агломерационные эффекты как инструмент регионального развития / П.А. Лавриненко [и др.] // Проблемы прогнозирования. 2019. № 3. С. 50–59.
33. Rosenthal S.S., Strange W.C. Evidence on the nature and sources of agglomeration economies. In: *Handbook of Regional and Urban Economics*. Ed. by Henderson V., Thisse J.F. Amsterdam: North-Holland, 2004. Pp. 2119–2171.
34. Teras J., Salenius V., Fagerlund L., Stanionyte L. *Smart Specialisation in Sparsely Populated European Arctic Regions*. Luxembourg: Joint Research Centre, 2018. 50 p. DOI: 10.2760/960929
35. Коломак Е. Развитие городской системы России: тенденции и факторы // Вопросы экономики. 2014. № 10. С. 82–96.
36. Киселева Н.Н., Бавина К.В., Каратунов А.В. Методологические подходы к исследованию природы агломерационных процессов // Фундаментальные исследования. 2016. № 12-2. С. 422–426.
37. Методика определения опорных поселений российской Арктики / В.В. Фаузер [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 25–43. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.2
38. Толмачев Д.Е., Кузнецов П.Д., Ермак С.В. Методика выделения границ агломераций на основе статистических данных // Экономика региона. 2021. Т. 17. Вып. 1. С. 44–58. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-4>

Сведения об авторах

Виктор Вильгельмович Фаузер — доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, ФИЦ Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru)

Андрей Владимирович Смирнов — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, ФИЦ Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com)

Татьяна Степановна Лыткина – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, ФИЦ Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: tlytkina@yandex.ru)

Галина Николаевна Фаузер – научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, ФИЦ Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: gfauzer@iespn.komisc.ru)

© Fauzer V.V., Smirnov A.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N.

Urban Agglomerations in the Settlement System of the North of Russia

Abstract. The article examines the evolution of the formation of cities and urban agglomerations in the North of Russia. The aim is to identify cities that meet the criteria of “northern urban agglomeration” from the large cities in the North of Russia. We propose criteria and indicators that make it possible to distinguish urban agglomerations in the urban space; it is noted that for northern urban agglomerations the evaluation criteria can be applied less strictly and indicators less important. We analyze the urban settlement of northern Russia, focusing on northern cities, their structure and the average density of settlements; we consider separately urban-type settlements that contribute to the population density of northern territories, increasing the density of settlements. The focus is on 18 cities with more than 100,000 inhabitants and four cities with a population of a hundred thousand in different years, the core cities have at least two satellite settlements, according to the criteria proposed, they correspond to the concept of an urban agglomeration core city. We consider and group the selected urban agglomerations according to the structure of satellite settlements and the population living in the zones located within 50, 100 and 150 km from the core. With the help of a review of domestic and foreign literature, we have revealed the essence and content of the category “agglomeration effect”. The article identifies three types of agglomeration effects: local objects sharing; cost reduction; and labor pooling. There are two types of effects: localization (clustering) and urbanization effects; the localization effect is the result of enterprises working together in a common area, the urbanization effect is the concentration of organizations in one area, regardless of whether there is thematic proximity between them. Along with the advantages, urban agglomerations cause environmental, economic, political and social problems and pose threats to the stability of small and medium-sized cities; increasing rural deprivation; which will cause further depopulation of large parts of the country, putting the security and integrity of the country at risk.

Key words: the North of Russia, population, settlement system, cities, urban settlements, criteria and indicators, urban agglomerations, agglomeration effect.

Information about the Authors

Viktor V. Fauzer – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of Laboratory, Chief Researcher, Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru)

Andrei V. Smirnov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com)

Tat'yana S. Lytkina – Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: tlytkina@yandex.ru)

Galina N. Fauzer – Researcher, Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: gfauzer@iespn.komisc.ru)

Статья поступила 15.04.2021.

Стратегические приоритеты развития структуры грузооборота морских портов России*

**Мурад Камилович
АЛИМУРАДОВ**
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
e-mail: amkpro5@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6512-2613

**Анастасия Сергеевна
ГОРЯЧЕВА**
ТК «Мираторг»
Москва, Российская Федерация
e-mail: Nastya4985@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9061-8805

**Алексей Николаевич
КУРБАЦКИЙ**
Московская школа экономики
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
e-mail: akurbatskiy@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6478-8034; ResearcherID: K-4309-2013

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-68-47030 «Эконометрические и вероятностные методы для анализа финансовых рынков сложной структуры».

Для цитирования: Алимуратов М.К., Горячева А.С., Курбацкий А.Н. Стратегические приоритеты развития структуры грузооборота морских портов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 4. С. 97–112. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.6

For citation: Alimuradov M.K., Goryacheva A.S., Kurbatskiy A.N. Strategic priorities for the Russian seaports cargo turnover structure development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 4, pp. 97–112. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.6

Аннотация. Тенденции мировой экономики и торговли, а также процесс глобализации способствуют развитию морских портов как стратегического драйвера экономического роста многих стран. Морские порты играют ключевую роль в оптимизации торговых отношений, выступая в качестве ключевых узлов глобальных транспортных цепочек, а также одного из связующих элементов социально-экономических систем многих государств. В работе выявлены глобальные, национальные и региональные тенденции развития портового хозяйства, проведен анализ перевалки грузов в морских портах, выступающих стратегическими объектами государства, что определяет необходимость совершенствования методов и форм управления их развитием на основе передовых технологий. Развитие портовой инфраструктуры обеспечит экономический рост как в региональной локации, так и стране в целом. Именно в регионах необходимо формировать конкурентную среду для хозяйствующих субъектов, в частности морских портов. Их развитие должно положительно воздействовать на экономические и социальные аспекты: экономический рост территориальных образований, конкуренцию на рынке, развитие инновационных технологий и приток инвестиций. Эмпирические оценки связей экономического роста регионов-соседей получены на основе индексов Морана, а также исследований зависимости экспортных грузопотоков России через морские порты от ВВП и индекса промышленного производства в период с 2006 по 2018 год. Проанализирована взаимосвязь грузооборота с такими потрясениями, как финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. и введение санкций, которые по очевидным причинам усиливают наблюдаемую волатильность международной торговли и, в частности, объемов грузов в портах. Сформулированы стратегические приоритеты развития структуры грузооборота морских портов на основе выявленных возможностей и полученных прогнозов.

Ключевые слова: морские порты, морской транспорт, грузопотоки, структура грузооборота, стратегические приоритеты, портовая инфраструктура, индекс Морана, авторегрессионная модель с распределенным лагом, ex-post-анализ, OTSW-анализ, стратегирование.

Постановка задачи и обзор исследований

Россия имеет длинную береговую линию, а также выгодное геостратегическое расположение между Европой и Азией, поэтому ее морские порты занимают важное место в системе факторов развития народнохозяйственного комплекса и обслуживания внешнего товарооборота [1; 2]. Последовательная реализация экономически обоснованной и эффективной стратегии развития структуры грузооборота морских портов обеспечит экономический рост как в регионах, так и стране в целом. В связи с этим крайне актуальным становится вопрос о необходимости исследовать процессы перевалки грузов в морских портах России: причины динамики объемов, товарной структуры и наиболее устойчивые наблюдаемые тенденции [3]. Одна из актуальных задач заключается в выборе и обосновании стратегических приоритетов развития структуры грузооборота морских портов, реализация которых обеспечена имеющимися ресурсами и конкурентными преимуществами. Отсутствие подобных приоритетов приводит к тому, что управление портовым

хозяйством страны ориентируется на решение накопившихся проблем, а не определение долгосрочных перспектив развития.

Теоретическую и методологическую основу работы составили труды ученых, посвященные анализу мировой торговли и ее перспектив, исследованию морских перевозок и грузов, теории и методологии стратегирования: В.Л. Квинт [4; 5], Ю.А. Щербанин [6], В.И. Русаков [7], Д.Ю. Голыжникова [8], Е.Н. Смирнов [9], Р.Е. Achurra-Gonzalez, P. Angeloudis, N. Goldbeck [10], Т. Lakshmanan [11], Z.H. Munim, H. Schramm [12], Т.В. Bjorner [13], М. Kulshreshtha и В. Nag [14], D.J. House [15].

Экономическая важность и возможности современных портов, в том числе с учетом пандемии COVID-19, подробно рассматриваются в статье [16]. Ввиду стремительных изменений, происходящих в экономиках стран мира, современный морской порт все больше становится логистическим и промышленным узлом в сложных переплетающихся глобальных цепочках. Современные порты должны, таким

образом, формировать конкурентные преимущества, обеспечивающие их привлекательность для грузоперевозчиков. Обоснование соответствующих стратегических приоритетов сделает такие порты инвестиционно привлекательными и позволит сформировать условия для модернизации их инфраструктуры.

В статье [17] изучаются факторы, способствующие тому, чтобы порты стали более устойчивыми. Один из фундаментальных вопросов в исследованиях заключается в том, как количественно оценивать нематериальные показатели эффективности работы портов. Безусловно, существуют входы и выходы, которые могут быть измерены и оценены с помощью обычных инструментов, однако многие из них ограничены «измеримыми» данными об управлении портами и их операциях. В работе [18] эти общие проблемы рассматриваются в рамках данной области, на основе обобщения различных точек зрения создается комплексная схема оценки эффективности работы портов.

В статье [19] обсуждаются эволюция понятия «морской порт», характеристики услуг, социально-экономические изменения.

Для целостного понимания проблематики морских портов и их развития необходимо учитывать правовые особенности регулирования данной сферы. Проблемы согласования национальных и международных правовых норм, отсутствие единообразия в источниках международного частного морского права обсуждаются в статье [20]. Они очевидно создают дополнительный барьер для увеличения грузопотоков через морские порты. При этом автор делает вывод о том, что отказаться от Гаага-Висбийских правил для многих перевозчиков очень затруднительно, несмотря на их несвоевременность, т. к. механизмы отношений с клиентурой уже налажены.

Одной из первых работ по России со схожей проблематикой стала статья [21], в которой на основе панельных данных исследуется зависимость между уровнем развития транспортной инфраструктуры и макроэкономическими показателями.

Зависимость морского транспорта России от темпов роста мировой экономики и международной торговли обсуждается в статье [22]. Рассмотрение тенденций развития междуна-

родных морских перевозок необходимо для прогнозирования грузооборота и объема портовых мощностей РФ. Например, в 2015 году темпы роста мировой торговли оказались ниже темпов роста мировой экономики, что снизило темпы роста международных морских перевозок. Отмечается, что темпы роста грузооборота морских портов России выше среднемировых показателей, а девальвация национальной валюты, санкции и импортозамещение меняют структуру грузооборота российских портов. Значительная роль стран Азии в мировой торговле, по мнению автора, способствует реализации инновационного сценария Стратегии развития морской портовой инфраструктуры России до 2030 года.

В статье [23] особое внимание уделяется эконометрическому анализу грузоперевозок с использованием авторегрессионной модели с распределенным лагом и векторной модели авторегрессии. Исследована взаимосвязь спроса на грузопотоки от макроэкономической конъюнктуры, получены оценки долгосрочной эластичности спроса на грузоперевозки. В работе [24] авторы оценивают взаимосвязь экспортных грузопотоков РФ с макроэкономическими индикаторами, а также уделяют особое внимание перевалке грузов в отечественных портах и портах ближнего зарубежья. Приведена детальная статистика по перенаправлению грузов из портов Украины и Балтии в российские порты. А в таких источниках, как «Обзор морского транспорта ЮНКТАД»¹ и «Состояние морских бассейнов России»² в журнале «Морские порты» рассматривается вся деятельность российского портового комплекса.

Изучение глобальных и национальных стратегических тенденций в сфере развития морских портов, а также анализ научной литературы определили *актуальность* разработки подхода к выявлению и формулированию стратегических приоритетов в развитии структуры грузооборота морских портов России, оценке факторов, как стимулирующих реализацию выявленных возможностей, так и ограничивающих их потенциал. Реализация стратегического

¹ ЮНКТАД. Обзор морского транспорта. URL: <http://unctad.org>

² Морские порты. № 1 (42) 2006 – № 10 (182) 2019, информация предоставлена ЗАО «Морцентр-ТЭК».

потенциала морских портов России обеспечит решение важнейших задач национальной экономики: организация морских грузоперевозок в соответствии с требованиями современной экономики, внедрение эффективных механизмов организации деятельности морских портов, интегрированных в международные транспортные отношения, создание новых высокотехнологичных рабочих мест, рост доходов, налоговых поступлений и пр.

Цель данной работы заключается в обосновании стратегических приоритетов развития структуры грузооборота морских портов России. Для ее достижения в соответствии с логикой исследования решались следующие **задачи**:

- выявить стратегическую роль морских портов;
- проанализировать глобальные стратегические тенденции развития структуры грузооборота морских перевозок и портовой инфраструктуры;
- проанализировать состояние морской инфраструктуры России и динамику структуры грузооборота морских перевозок по бассейнам;
- выполнить эконометрический анализ взаимосвязи объемов грузопотоков России и национальных макроэкономических показателей;

- обосновать стратегические приоритеты развития структуры грузооборота морских портов в России, обеспеченные ресурсами и конкурентными преимуществами.

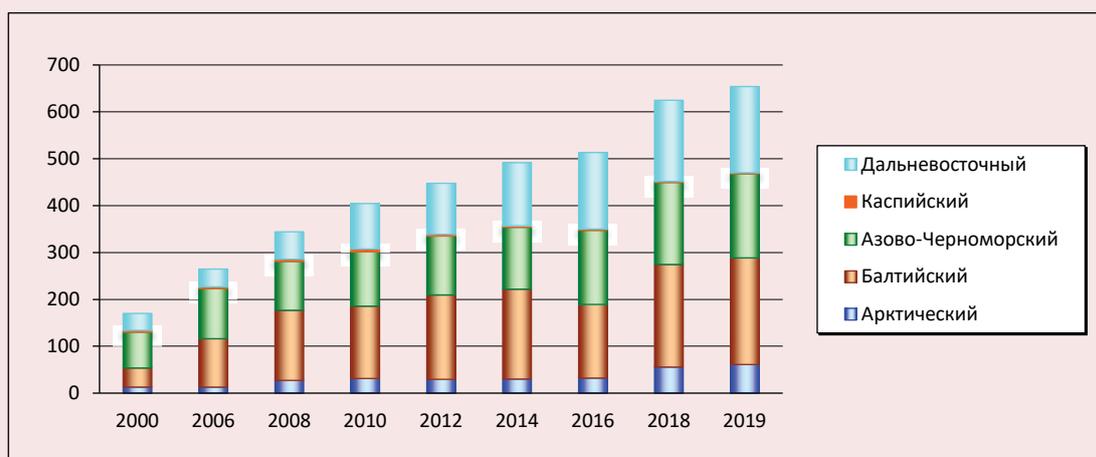
Информационно-эмпирическая база исследования включает в себя данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат), Всемирного банка, ЗАО «Морцентр-ТЭК», конференции ЮНКТАД и статистические данные Ассоциации морских торговых портов (АСОП).

Анализ динамики морских перевозок

С каждым годом объем грузоперевозок через морские порты увеличивается, и такая положительная динамика во многом обеспечивается устойчивым развитием портовой транспортной инфраструктуры. Основной тенденцией развития инфраструктуры морских портов является прирост портовых мощностей и инвестиций в отрасли [25]. Реализуется целый ряд ключевых инвестиционных проектов для увеличения пропускной способности морских портов, которые планируется завершить к 2030 году [26].

Начнем с рассмотрения экспортного грузопотока, так как экспорт всегда считался самым востребованным видом перевозки. На *рисунке 1* представлен график изменения грузооборота в морских бассейнах России в период с 2000 по 2019 год.

Рис. 1. Объем перевалки экспортных грузов в морских бассейнах России в период с 2000 по 2019 год, млн тонн

Составлено по: данные журнала «Морские порты». 2000–2018 гг., информация предоставлена ЗАО «Морцентр-ТЭК».

Эти данные демонстрируют последовательный рост грузооборота во всех бассейнах России за последние 19 лет. В основном он был обеспечен увеличением объемов перевалки угля, руды, нефти и нефтепродуктов, сжиженного газа, древесины, грузов в контейнерах и зерна. Особое внимание необходимо обратить на положительную динамику деятельности компаний, осуществляющих погрузку и разгрузку судов. После распада СССР стивидорная отрасль стала толчком для роста перевалки грузов в морских портах России. Эта деятельность привела к увеличению грузооборота с 1990 по 2014 год на 28%³.

Государственное регулирование развития морских портов России с 1990 по 2020 год

Положительное влияние на рост перевалки грузов оказывали различные государственные программы, предусматривающие улучшение портовой инфраструктуры, в том числе увеличение портовых мощностей, автоматизацию процессов портовой деятельности, переквалификацию кадров морского флота, улучшение припортовых зон и общей транспортной инфраструктуры. Естественно, что последняя выступает ключевым драйвером роста перевалки грузов, так как в 2018 году 83% грузов было доставлено трубопроводным и железнодорожным транспортом.

Важнейшим элементом государственного регулирования является факт включения данной проблематики в Стратегию развития России до 2030 года⁴. В ней представлена информация о том, что переработка грузов в морских портах будет расти, а транспортная инфраструктура — улучшаться, что связано в большей степени с развитием торгово-экономических отношений России с дальним зарубежьем. При этом проект Стратегии предполагает, что грузовая база северо-западного и южного направлений, которая обрабатывается в портах Балтии и Украины, будет переориентирована на российские морские порты. Это повлечет за собой переориентировку портовых мощностей и улучшение портовой инфраструктуры.

³ Статистика // Ассоциация морских торговых портов. URL: <http://www.morport.com/rus/content/statistika>

⁴ Федеральная целевая программа «Развитие транспортной системы России до 2030 года».

Вопрос о развитии морских портов ставился уже давно. В рамках реализации Федеральной целевой программы «Возрождение торгового флота России на 1993–2000 годы» объем перевалки российских грузов в морских портах увеличился на 56% (со 176,1 млн тонн в 1993 году до 275,1 млн тонн в 2001 году), в том числе в портах России на 82% (с 113,0 до 205,6 млн тонн).

В подпрограмме «Морской транспорт» Федеральной целевой программы «Модернизация транспортной системы России (2002–2010 годы)» ставилась задача обеспечения потребностей российской экономики и внешней торговли в перевалке экспортно-импортных, транзитных и каботажных грузов на высоком техническом, технологическом и организационном уровнях при тесном взаимодействии со смежными видами транспорта и грузовладельцами. В результате выполнения мероприятий указанной программы в 2002–2009 гг. введены современные высокотехнологичные механизированные перегрузочные комплексы мощностью 317 млн тонн.

Далее, в 2011–2018 гг., в рамках подпрограммы «Морской транспорт» Федеральной целевой программы «Развитие транспортной системы России на 2010–2020 годы» было реализовано развитие портовой инфраструктуры. Для полноты картины уместно указать распределение по доставке грузов для отправления в морские порты России (рис. 2).

Федеральный проект включает в себя комплексный план по модернизации магистральной инфраструктуры до 2024 года, который предполагает увеличение мощностей морских портов Российской Федерации по всем бассейнам в совокупности до 1,3 млрд тонн.

Из рисунка 3 видно, что ряд программных мероприятий привел к масштабному увеличению портовых мощностей: в период с 2008 по 2019 год прирост составил 548,8 млн тонн.

Однако, несмотря на положительную динамику, уровень загруженности морских портов по-прежнему остается низким. Согласно результатам аудиторской проверки Счетной палаты, уровень загруженности морских портов России не превышает 76% от проектной

Рис. 2. Доставка грузов (для отправления морем) в морские порты России разными видами транспорта, 2019 год, млн тонн

Составлено по: данные журнала «Морские порты» 2020 г., информация предоставлена ЗАО «Морцентр-ТЭК».

Рис. 3. Мощность морских портов России в период с 2008 по 2019 год, млн тонн

Составлено по: данные журнала «Морские порты» 2009–2020 гг., информация предоставлена ЗАО «Морцентр-ТЭК».

мощности⁵. На этом фоне реализация стратегических приоритетов, направленных на увеличение мощностей морских портов, может оказаться неэффективной, в связи с чем требуется решение комплексных задач, заключа-

⁵ Отчет о результатах контрольного мероприятия «Проверка результативности использования бюджетных ассигнований, направленных на реализацию инвестиционных проектов, и иных мер, принимаемых в целях увеличения производственных мощностей морских портов в 2016–2018 годах и истекшем периоде 2019 года»

ющихся в необходимости формирования как непосредственной портовой инфраструктуры, способной обслуживать растущие потребности национальной экономики в грузооборотах, так и реализации проектов по обеспечению развития припортовой инфраструктуры, строительству подходов каналов, акватории и причалов. Все это требует обеспечения согласованности национальной стратегии развития морских портов России со стратегиями частных инвесторов. Пока же, за 2016–2019 гг.,

из запланированных 36 объектов государственности припортовой инфраструктуры в эксплуатацию были введены только 13.

Развитие процессов цифровизации в морских портах является одним из наиболее актуальных и существенных трендов последних десятилетий. Первые цифровые технологии применялись в порту Роттердама еще в 1993 году, когда стали использоваться различные беспилотные средства для обработки и горизонтальной перегрузки контейнеров. Этот тренд оказывает влияние и на формулировки, принимаемые в российских стратегических документах различного уровня, регулирующих развитие портового хозяйства страны. Необходимость принятия стратегических приоритетов по цифровизации портового хозяйства отмечается как в Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», так и в ряде стратегических документов, регулирующих непосредственно развитие транспортной сферы (например, в ведомственной целевой программе «Цифровая платформа транспортного комплекса Российской Федерации»). Анализ стратегических документов, формирующих законодательную и нормативную основу цифровизации портового хозяйства России, приведен в статье [27].

Цифровизация морских портов – масштабный проект, требующий формирования принципиально новых стратегических конкурентных преимуществ и внедрения технологий, позволяющих создавать цифровые двойники портов, «умные порты», что предоставит возможность непрерывно отслеживать движение морских судов, следить за состоянием портовой инфраструктуры, учитывать изменения погодных условий и пр. Цифровизация портовых хозяйств позволяет в автоматическом режиме управлять процессами погрузки и разгрузки, координировать трафик судов, анализировать и учитывать при выборе маршрутов наиболее загруженные точки на портовой железной дороге и т. д. Ряд цифровых технологий, таких как электронный документооборот, принципы и механизмы «единого окна», системы распознавания номеров контейнеров, цифровые охранные системы и др., уже применяется в морских портах России. Однако процесс цифровизации все еще носит фраг-

ментарный характер и требует дальнейшей проработки и развития.

Эмпирический анализ грузооборота морских портов

Экспортные грузопотоки России через морские порты очевидно связаны с макроэкономической конъюнктурой. Для выявления соответствующих взаимосвязей будем использовать такие показатели, как экспортные грузопотоки России через морские порты, ВВП и индекс промышленного производства, взятый в процентном выражении к предыдущему году, в период с 2006 по 2019 год. Рост индекса промышленного производства должен быть связан с объемом экспортных грузоперевозок, которые, в свою очередь, напрямую влияют на увеличение роста показателя экономического развития страны. Нельзя при этом не учитывать воздействие на экономические показатели таких событий, как финансовый кризис 2008–2009 гг., санкционная политика после вхождения Крыма в состав РФ в 2014 году, пандемия COVID-19.

В качестве программного обеспечения использовались MS Excel, R и IDE RStudio (пакеты *dynlm*, *plm* и *splm*). По данным, приведенным в *таблице 1*, построена линейная регрессионная модель.

Переменная *ВВП* – это логарифм прироста ВВП в текущих ценах, *ИПП* – логарифм прироста ИПП, *ВВП(-1)* и *ИПП(-1)* – соответствующие лаговые значения, а зависимая переменная – логарифм прироста объема перевалки грузов в бассейнах России. Также введены бинарные переменные *Кризис_08-09* и *Крым*. Ряды проверены на стационарность.

Значения корреляций по приростам получились следующими: $ВВП \sim ИПП = 0,320$; $ИИП \sim \text{Объем грузооборота} = -0,255$; $ВВП \sim \text{Объем грузооборота} = 0,176$.

Изменение показателя ВВП положительно влияет на объем перевалки грузов в тот же период, а зависимая переменная с ИПП имеют отрицательную корреляцию. Следовательно, показатели на наблюдаемом этапе меняются в противофазе. Неудивительно, что в модели некоторые факторы входят с отрицательным знаком.

Наилучшая модель с включением бинарных переменных была отобрана по информационным критериям.

Таблица 1. Статистические данные приростов за период с 2007 по 2019 год

Год	Грузооборот морских портов РФ	ВВП	ИПП
2007	-0,133837429	0,235176764	0,004703669
2008	0,984286338	0,241500865	-0,058052434
2009	0,091948966	-0,059830219	-0,112326044
2010	0,059629331	0,193296605	0,201567749
2011	0,018250951	0,301758856	-0,021435228
2012	0,05862584	0,130741094	-0,015238095
2013	0,040564374	0,072912495	-0,02901354
2014	0,085254237	0,082941016	0,012948207
2015	0,057160706	0,050920647	-0,014749263
2016	0,066627271	0,03337154	0,015968064
2017	0,089196676	0,070678826	0,018664047
2018	0,03853001	0,125283828	-0,00192864
2019	0,028651892	0,06194838	-0,001932367

Источники: данные Федеральной службы государственной статистики и ЗАО «Морцентр-ТЭК». URL: <https://www.gks.ru/accounts/>; журнал Морские порты за 2006 – 2020 гг. URL: <http://www.morflot.ru>

Объем перевалки грузов в бассейнах России = $-0.2739 + 2.3446 \times (ВВП) - 1.75269 \times (ИПП(-1)) - 1.44482 \times (ИПП) + 0.18027 \times (Крым) + 0.30167 \times (Кризис\_08-09)$

Положительные значения коэффициентов при бинарных переменных объясняются тем, что в соответствующие годы рост грузооборота продолжался, хотя и было заметно падение его темпов.

Итоговая модель со всеми значимыми коэффициентами приняла вид:

Объем перевалки грузов в бассейнах России = $-0.04331 + 3.10847 \times (ВВП) - 1.58216 \times (ВВП(-1)) - 2.87851 \times (ИПП(-1)) - 4.63506 \times (ИПП)$

В текущей ситуации с учетом специфики 2020 года коэффициент детерминации и внутривыборочный прогноз не могут являться мерами качества модели. Прогноз на 2021 год должен учитывать прогнозные оценки соответствующих показателей, поэтому был построен вневыборочный прогноз с учетом не самых оптимистичных прогнозных значений ВВП в 1–2%⁶ и ИПП на уровне 2,5–3%. Рост грузооборота в 2021 году согласно модели должен составлять 1,5–6,9%.

Исследователи достаточно давно пытаются понять и оценить взаимосвязь экономического роста и развития транспорта. Ю.А. Щербанин отмечает, что одни исследователи не видят их прямой связи, а другие придерживаются мнения о том, что развитие транспорта благоприятству-

ет экономическому росту [28]. В работах [28; 29] указано на необходимость учитывать внутриотраслевой и внеотраслевой эффекты при определении влияния транспорта на экономику региона, при этом подчеркиваются две проблемы: трудности при определении последнего и агрегирование показателей. В статье [30] также упоминаются сложности оценки вклада морских портов в экономику региона, предлагается рассматривать морской порт как «стимулятор экономического роста региона». Из вышесказанного следует, что оценка взаимосвязи экономического роста регионов является следующей задачей.

Для измерения экономического развития соседних регионов рассмотрим логарифм скорректированного с учетом покупательной способности валового регионального продукта. Регионы неоднородны по различным показателям, но по естественным причинам развитие региона должно положительно сказываться на соседях, тем самым способствуя целостному развитию страны. Чтобы убедиться в этом, обычно прибегают к вычислению индекса Морана, выступающего пространственным аналогом коэффициента корреляции. По данным Федеральной службы государственной статистики РФ, касающимся социально-экономических показателей 79 регионов России, для выявления пространственных зависимостей был вычислен индекс и проведен тест Морана. При этом использовалась нормированная граничная матрица весов. Ниже приведены значения

⁶ Использованы прогнозы ЦБ, МЭР РФ, МВФ, ОЭСР, ЦЭИ.

Таблица 2. Индекс Морана и Р-значение теста Морана

Год	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Индекс	0,026	0,166	0,077	-0,021	0,030	0,172	0,134	0,034	0,183	-0,004	0,033	-0,076

Источник: расчеты авторов на основе данных Федеральной службы государственной статистики и социально-экономических показателей регионов России. URL: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics

индекса Морана для первых разностей переменной для каждого года вплоть до 2018 (табл. 2), оказавшиеся в большинстве ситуаций положительными.

Также с помощью рандомизированного теста на кросс-зависимость [31] выявлено наличие пространственных зависимостей, что, в частности, указывает на необходимость учета пространственных лагов при моделировании и прогнозировании экономического роста регионов. Этот вывод согласуется с предположением о том, что развитие региона влечет за собой и развитие его соседей.

Здесь стоит обратить внимание на выводы, полученные в работе [32], где отмечается, что первоочередным вопросом развития угольных портов Дальневосточного региона в среднесрочной перспективе является создание современных специализированных терминалов с надежной защитой окружающей среды. Пока же ухудшение экологии прилегающих территорий из-за роста угольной пыли и образование транспортных заторов делают эти регионы непривлекательными.

Более конкретные методы и инструменты для развития инфраструктуры портов уже предлагаются учеными, в частности, в статье Е.С. Шмелевой [33]. Одним из инструментов, обеспечивающим рост пропускной способности морских портов, должна стать упомянутая выше цифровизация, т. к. в настоящее время очень многое зависит от внедрения ИТ-систем и их использования в стратегическом и оперативном планировании персоналом, а также от совершенствования нормативно-правовой базы. Ситуация 2020 года, вызванная эпидемией COVID-19, выявила необходимость использования цифровых технологий по большинству позиций функционирования портов и показала, кто уже успел перевести бизнес-процессы на цифровые рельсы. Впрочем, помимо цифровизации, должны помочь такие изменения инфраструктуры, как транспортное сообщение с портом и терминалом.

Подводя итог, можно с большой долей уверенности заключить, что, несмотря на вышеуказанные проблемы, развитие портовой инфраструктуры может выступать одним из драйверов развития экономики страны, а увеличение грузооборота должно повлечь частичное восстановление экономики.

OTSW-анализ

Для разработки стратегии развития инфраструктуры морских портов России проведем OTSW-анализ (Opportunities, Threats, Strengths и Weaknesses)⁷, позволяющий выявить стратегические возможности и угрозы, а также сильные и слабые стороны развития объекта стратегирования [34]. Стратегические приоритеты формулируются для реализации тех выявленных в процессе анализа возможностей, которые обеспечены ресурсами и конкурентными преимуществами. Именно этому посвящен дальнейший анализ в нашей работе.

1. Выгодное геостратегическое расположение.

Одна из базовых стратегических *возможностей* развития портовой инфраструктуры в России определена выгодным геостратегическим расположением, обеспечивающим пересечение международных транспортных коридоров. В то же время санкции, введенные рядом государств, начиная с 2014 года и по настоящее время, влекут серьезные *угрозы* для развития экспортно-импортных отношений между Россией, США и странами Европейского союза.

Сильной стороной является длинная береговая линия, обеспечивающая выходы к 13 морям и трем океанам, доступность к логистическим коридорам, а также удобную переориентацию грузов. Барьеры, установленные между Россией, странами Европейского союза и США, привели к необходимости пересмотра экономических отношений между Россией и странами Азиатско-Тихоокеанского региона и обоснования приоритетов данного направления грузо-

⁷ Аббревиатура используется в соответствии с методологией В.Л. Квинта.

потоков. Например, развитие отечественного ледового флота позволит России пользоваться Северным морским путем круглогодично и предоставит возможность совершать быстрые грузоперевозки между странами. **Слабая сторона** — не все порты имеют выгодное расположение на береговой линии, а в некоторых следует проводить дноуглубительные работы акваторий из-за наличия препятствий для принятия многотоннажных судов.

2. Высокий транзитный потенциал.

Вторая **возможность**, которая открывается при выявлении приоритетов, это высокий транзитный потенциал, однако внешнеполитическая обстановка с Европейским союзом, неразвитая инфраструктура портов, расположенных на основных транспортных коридорах, приводят к **угрозам**, существенно его снижающим (он реализуется всего на 8–12%)⁸. При этом потенциал России по формированию транспортных коридоров уникален в глобальном масштабе, что формирует **сильные стороны** страны в развитии транзитных грузоперевозок. Однако из-за нехватки объектов современной морской транспортной инфраструктуры необходимы существенные инвестиции.

3. Высокий потенциал Северного морского пути.

Северный морской путь протяженностью около 5600 километров от Карских Ворот до бухты Провидения является примером коридора, который имеет ряд преимуществ как для России, так и для Европейского союза и стран Азиатско-Тихоокеанского региона. В свою очередь развитие портовой инфраструктуры Северного морского пути с учетом его будущей интеграции в мировую транспортную систему требует улучшения транспортной инфраструктуры внутри страны, а также совершенствования таможенных процедур.

Использование этого потенциала является третьей **возможностью**. При правильном подходе оно позволит сократить транспортные расходы и время доставки грузов, что повлечет рост конкурентоспособности на международной арене. В работе [35] отмечен ряд конкурентных преимуществ Северного морского пути относительно Суэцкого канала.

⁸ Транзитный потенциал России — новые решения для развивающихся рынков // ТАСС. Россия. 2019. URL: <https://tass.ru/pmef-2017/articles/4291776>

Угрозой для реализации данной стратегической возможности являются негативные климатические и экологические изменения. Смена климатических поясов и загрязнение окружающей среды могут сильно влиять на состояние льдов, которое не всегда обеспечивает судам быстрое и беспрепятственное прохождение.

Сильная сторона заключается в осуществлении активного финансирования Северного морского пути⁹, поскольку данный коридор вызывает повышенный интерес со стороны как отечественных, так и иностранных компаний. Использование потенциала СМП позволит России повысить конкурентоспособность и создаст новые рабочие места [36]. **Слабой стороной** является неразвитое отечественное строительство новых судов ледокольного класса.

4. Развитие морских терминалов по перевалке угля.

Ещё одна стратегическая **возможность** заключается в строительстве новых угольных терминалов по перевалке угля, росте экспорта, а также высокой востребованности уже существующих угольных терминалов [37]. Россия является третьим в мире экспортером угля. На его экспорт приходится около 210 млн тонн, доля в мировом экспорте составляет 14%¹⁰. Основным импортером угля выступает Китай, большой объем экспорта приходится и на Европейский союз. За последние 10 лет наблюдается устойчивый рост добычи и экспорта российского угля, причем темпы экспорта превышают темпы добычи.

Однако в конце 2018 — начале 2019 года спрос на импортный уголь в странах Атлантического региона снизился. **Угрозой** служит и понижение спроса в странах Европейского союза, который с недавнего времени начал сокращать размеры угольной генерации и следовать национальным ограничениям на объемы выбросов вредных веществ.

Анализируя внутреннюю среду, можно выделить одну из **сильных сторон, которой обладает Россия для реализации** данной стратегической возможности. Переориентация грузовых потоков на растущие рынки Азиатско-Тихоокеанского региона на фоне реализации про-

⁹ Емельяненко А. Лед тронулся. Северный морской путь ждет грузов // Российская газета. 2019. № 266 (8024).

¹⁰ BP Statistical Review of World Energy 2019.

граммы развития Восточного полигона, а также строительство новых угольных терминалов на Дальнем Востоке в среднесрочной перспективе приведут к положительному результату, а именно ожидается дальнейший рост транспортировки и перевалки угля [38]. **Слабой стороной** является нехватка свободных производственных мощностей в портах. Недостаточное финансирование постройки новых угольных терминалов влечет за собой замедление темпов перевалки угля.

5. Профицит терминальных мощностей в портах Балтийского бассейна.

Профицит терминальных мощностей в портах Балтийского бассейна становится новой **возможностью** для увеличения контейнерооборота морских портов России. В 2018 году наблюдался рост контейнерных грузов как экспортного направления, так и импортного. Рост экспорта составил 9,3% и достиг отметки в 5,1 млн TEU, а импорт – 9,4%. Косвенной **угрозой** для использования данной возможности является переориентация грузовых потоков на Дальний Восток, которая влечет за собой наибольший рост контейнерооборота в портах Дальневосточного бассейна. Это подтверждается ростом импорта из стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Анализ внутренней среды позволяет утверждать, что **сильная сторона** заключается в возможности максимальной загрузки свободных портовых производственных мощностей, что положительно отразится на общей экономической ситуации в стране. **Слабая сторона** состоит в невозможности перенаправить свободные производственные мощности Балтийского бассейна в порты Дальневосточного бассейна в силу разногласия технологических карт оборудования.

6. Рост глобального спроса на зерно.

Рост мирового потребления зерна является стратегической **возможностью** для увеличения перевалки данного груза в морских портах России, а также толчком для прироста производственных портовых мощностей по перевалке зерна. В России с 2014 года урожай зерновых составляет более 100 млн тонн¹¹.

¹¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b15_11/IssWWW.exe/Stg/d02/16-15.htm

В 2017–2018 гг. РФ занимала пятое место по производству зерна, а доля его экспорта при этом равнялась 13%.

Главная **угроза** состоит в уменьшении объемов экспорта зерновых из России, о чем говорится в отчете, подготовленном Международным советом по зерну¹². Сокращение производства зерна напрямую зависит от погодных условий, и негативные климатические изменения приведут к снижению запасов зерна [39].

Сильной стороной является то, что Россия, согласно федеральному проекту «Экспорт продукции АПК»¹³, должна к 2024 году нарастить продажу зерновых до 11,4 млрд \$, т. е. в 1,5 раза больше, чем в 2017 году. **Слабую сторону** для достижения данной возможности формирует малый запас зерна, с помощью которого можно было бы регулировать спрос на зерновые культуры.

Стратегические приоритеты

Формирование стратегических приоритетов необходимо для дальнейшей разработки отраслевой стратегии и ее успешной реализации. Они должны быть обеспечены конкурентными преимуществами, которые можно разделить на три вида:

- 1) имеющиеся конкурентные преимущества;
- 2) конкурентные преимущества, которые можно создать с учетом доступных инвестиционных ресурсов и необходимого для этого времени;
- 3) конкурентные преимущества, которые были утрачены, но обладают потенциалом возможного восстановления.

Первой **возможностью** развития морской портовой инфраструктуры является выгодное геостратегическое расположение России, что позволяет обосновать **стратегический приоритет** увеличения портовых мощностей и обеспечения эффективного развития портовой инфраструктуры. Отметим конкурентные преимущества для реализации данного приоритета.

1. **Имеющиеся конкурентные преимущества.** Россия является привлекательной для транзит-

¹² International Grains Council. URL: <https://www.igc.int/en/default.aspx>

¹³ Федеральный проект «Экспорт продукции АПК» от 14 декабря 2018 г.

ных судов благодаря длинной береговой линии и выгодному стратегическому расположению, позволяющему стране соединить Европейский союз и Азию.

2. *Конкурентные преимущества, которые можно создать* для реализации данного приоритета, — это развитие транспортной инфраструктуры в России. Развитие только портов и припортовых зон, включая увеличение портовых мощностей, не окажет сильного воздействия на эффективное развитие портовой инфраструктуры. Необходимо, чтобы вся транспортная система работала на должном уровне, для чего следует иметь развитую железную дорогу и другие виды транспорта, обеспеченные современными технологиями.

3. Эффективное развитие портовой инфраструктуры будет достигнуто, в том числе, и на основе *конкурентных преимуществ, которые были утрачены, но на данный момент их возможно восстановить*. После распада СССР большая часть портов осталась в негодном состоянии из-за отсутствия ресурсов на восстановление, однако сейчас развитие инфраструктуры ежегодно финансируется и временные рамки позволяют реализовывать указанный приоритет. Начинать нужно с обоснования возможности развития существующего порта или строительства нового.

Стратегическим приоритетом для реализации возможности использовать потенциал Северного морского пути является *обеспечение безопасного мореплавания, функционирования морской портовой инфраструктуры и морского транспорта*. Он становится ключевым, поскольку повышенный интерес многих стран к Северному морскому пути требует повышенной безопасности как портов, так и морского транспорта.

Указанный стратегический приоритет обладает следующими конкурентными преимуществами:

1. *Имеющиеся конкурентные преимущества*. Северный морской путь является российской национальной транспортной артерией, которой уделяется большое внимание. Значительное финансирование направлено на развитие инфраструктуры СМП, а также обе-

спечение безопасности судоходства и максимально бережного отношения к хрупкой экосистеме региона.

2. *Конкурентные преимущества, которые можно создать* для данного приоритета, состоят в необходимости повысить контроль и безопасность судов, использующих СМП для транзита.

3. *Утерянное конкурентное преимущество* заключается в том, что после распада СССР многие порты отошли странам ближнего зарубежья, произошла большая утечка кадров. Особое внимание специальной подготовке кадров для морского флота стало уделяться только начиная с 2012 года.

Третьей стратегической *возможностью* является строительство новых терминалов по перевалке угля. На данный момент наблюдается рост экспорта, а также высокая востребованность уже существующих угольных терминалов России. *Возникает необходимость принятия следующего стратегического приоритета — модернизация и строительство новых угольных терминалов*. Последние несколько лет отмечается положительная динамика роста производства и потребления угля, например, в 2018 году рост объемов его экспорта составил 10%¹⁴.

Более подробно рассмотрим конкурентные преимущества для реализации указанного стратегического приоритета:

1. Совокупный объем перевалки угля в морских портах Российской Федерации вырос с 154,6 млн тонн в 2017 году до 161,4 млн тонн в 2018 году¹⁵. Основными драйверами роста стали экспортоориентированность отечественной угольной промышленности и стабильное увеличение объемов производства в последние годы. Основной объем экспорта уходит в Китай и Мексику, остальная часть — в США и страны Европейского союза.

2. *Существуют конкурентные преимущества, которые возможно создать* для данного

¹⁴ Обзор отрасли грузоперевозок в России. E&Y. 2019. URL: [https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-transportation-services-2019-rus/\\$FILE/ey-transportation-services-2019-rus.pdf](https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-transportation-services-2019-rus/$FILE/ey-transportation-services-2019-rus.pdf)

¹⁵ Морские порты. 2019. № 6 (178). Информация предоставлена ЗАО «Морцентр-ТЭК».

стратегического приоритета. Доля объема перевалки угля в морских портах в 2018 году составила 42%. Рост показателя был зафиксирован впервые, свидетельствуя о том, что производственные мощности переполнены, а существующие угольные терминалы полностью востребованы. В период до 2030 года ожидается строительство новых терминалов по перевалке угля в Дальневосточном бассейне, поскольку основной объем экспорта осуществляется через его порты. Для создания данного конкурентного преимущества принят к реализации ряд инвестиционных проектов.

3. *Утерянных конкурентных преимуществ* по этому стратегическому приоритету не наблюдается, поскольку в период с 2012 по 2016 год были восстановлены все портовые терминалы.

Рост мирового потребления зерна является стратегической *возможностью* для увеличения перевалки данного груза в морских портах России. *Стратегический приоритет* составляют модернизация и увеличение портовых мощностей в портовых терминалах по перевалке и переработке зерна.

Конкурентные преимущества для реализации данного стратегического приоритета:

1. *Имеющиеся конкурентные преимущества* модернизации и увеличения портовых мощностей заключаются в высоких темпах роста урожая зерна в России. Совокупный объем перевалки зерна существенно увеличился: с 47,9 млн тонн в 2017 году до 55,7 млн тонн в 2018 году. Рост показателя на 16,3% свидетельствует о том, что от данного стратегического приоритета нельзя отказываться, поскольку улучшение портовой инфраструктуры, среди прочего, приведет к совокупному росту экспорта.

2. Развитие экспорта зерновых культур происходит гораздо быстрее, чем расширение мощностей по их перевалке, поэтому принят ряд инвестиционных проектов, касающихся строительства новых терминалов по перевалке зерна. Основное строительство будет происходить в Азово-Черноморском бассейне, где осуществляется основная часть перевалки зерновых грузов. Данный стратегический приоритет подкреплен *конкурентными преимуществами, которые возможно создать*.

3. В разрезе морских бассейнов более 95% объемов погрузки зерновых осуществляется через морские порты Азово-Черноморского бассейна, среди которых крупнейшим по объемам является порт Новороссийск. Туда неизбежно будут направлены основные инвестиционные ресурсы, несмотря на то что производственные мощности уже устарели и подлежат модернизации. В связи с этим у данного стратегического приоритета существуют *конкурентные преимущества, которые возможно восстановить*.

Заключение

Анализ перевалки грузопотоков по бассейнам явно указывает на тенденцию изменения их направления. В частности, начато масштабное развитие транспортной инфраструктуры в направлении портов и пограничных переходов Дальнего Востока, связанное с тем, что выдвинутые в отношении России Европейским союзом и США экономические санкции приводят к необходимости переориентировать грузовую базу на другие страны.

Финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., санкционная политика, пандемия COVID-19 в сочетании с растущими международными торговыми спорами увеличивают неопределенность и отрицательно сказываются, в том числе, на портовых грузопотоках. Страны выходят из экономических кризисов с настороженностью к предполагаемым выгодам свободной торговли и глобализации.

На момент написания статьи пандемия COVID-19 оказывала серьезное влияние на экономическую активность и в мире в целом, и в морских портах, причем по всему миру происходит умеренное или сильное снижение объемов грузов и заходов судов в порты, а также общее снижение уровня активности в логистических и промышленных кластерах в портах и вокруг них. Несмотря на это, для России падение грузооборота в морских портах в 2020 году должно смениться ростом в 2021 на 1,5–6,9%. Прогноз был построен на основе модели с распределенным лагом и учетом различных прогнозных значений прироста ВВП и ИПП. Восстановление экономики страны и ее регионов может быть существенно подкреплено развитием морских портов, потому что пространственная связь экономического развития

регионов подтверждается, в частности, индексами Морана. Детальный анализ грузооборота в каждом из бассейнов позволил выявить конкурентные преимущества для стратегических приоритетов.

1. Наличие потенциала для увеличения портовых мощностей и обеспечения эффективного развития портовой инфраструктуры.

2. Обеспечение безопасного мореплавания, функционирования морской портовой инфраструктуры и морского транспорта.

3. Модернизация и строительство новых угольных терминалов.

4. Модернизация и увеличение портовых мощностей в портовых терминалах по перевалке и переработке зерна.

Литература

1. Кондратьев С.И., Бабурин О.Н. Морские порты мира и России: динамика грузооборота и перспективы развития // Транспортное дело России. 2016. № 6. С. 141–145.
2. Шевченко И.В., Крюченко Н.Н. Сравнительная характеристика современного состояния морского транспорта и портового хозяйства России и ее зарубежных партнеров // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 48 (237). С. 10–17.
3. Титов А.В., Ивашкович Д.Б. Современные тенденции развития морских портов в мире и их влияние на портовую индустрию России // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2016. № 1. С. 115–124.
4. Квинт В.Л. Концепция стратегирования // Кемеровский государственный университет. Кемерово, 2020. 170 с.
5. Kvint V.L. *Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications*. Routledge: New York, NY, London, 2016. 519 p.
6. Щербанин Ю.А. *Мировая экономика*. 5 изд. М.: Юнити-Дана, 2019.
7. Русаков В.И. Отдельные вопросы и значимость морских перевозок грузов в условиях развития цифровой экономики // Право и экономика. 2018. № 8. С. 49–54.
8. Щербанин Ю.А., Голыжникова Д.Ю. Экспортные грузопотоки через морские порты России // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 4. С. 18–36.
9. Смирнов Е.Н. Детерминанты развития международной торговли в условиях гиперглобализации и цифровизации // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 5. С. 26–40.
10. Achurra-Gonzalez P.E., Angeloudis P., Goldbeck N. et al. Evaluation of port disruption impacts in the global liner shipping network. *Journal of Shipping and Trade*, 2019, no. 4 (3), pp. 1–21.
11. Lakshmanan T.R. The broader economic consequences of transport infrastructure investments. *Journal of Transport Geography*, 2011, no. 9 (1), pp. 1–12.
12. Munim Z.H., Schramm H. The impacts of port infrastructure and logistics performance on economic growth: The mediating role of seaborne trade. *Journal of Shipping and Trade*, 2018, no. 3 (1), pp. 1–19.
13. Bjorner T.B. Environmental benefits from better freight transport management: Freight traffic in a VAR model. *Transformation Research*, 1999, part D, no. 4, pp. 45–64.
14. Kulshreshtha M., Nag B. Multivariate cointegrating vector auto regressive model of freight transport demand, evidence from Indian Railways. *Transportation Research*, 2001, part A, no. 35, pp. 29–45.
15. House D.J. *Cargo Work for Maritime Operations*. New York: Routledge, 2016. 399 p.
16. Notteboom T. E., Haralambides H. E. Port management and governance in a post-COVID-19 era: Quo vadis? *Maritime Economics & Logistics*, 2020, pp. 329–352.
17. Ashrafi M., Walker T.R., Magnan G.M., Adams M., Acciaro M. A review of corporate sustainability drivers in maritime ports: A multi-stakeholder perspective. *Maritime Policy & Management*, 2020, pp. 1027–1044.
18. Duru O., Galvao C.B., Mileski J., Robles L.T., Gharehgozli A. Developing a comprehensive approach to port performance assessment. *The Asian Journal of Shipping and Logistics*, 2020, pp. 169–180.
19. Hlali A. Seaport concept and services characteristics: Theoretical test. *The Open Transportation Journal*, 2017, pp. 120–129.
20. Касаткина А.С. Международные морские перевозки грузов: актуальные проблемы правового регулирования // Право. Журнал высшей школы экономики. 2016. № 2 С. 171–185.

21. Колчинская Е.Э. Влияние транспортной инфраструктуры на промышленное развитие регионов России // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2. С. 77–82.
22. Бабурина О.Н., Кондратьева С.И. Морские перевозки: тенденции развития в мировой и российской экономике // Транспортное дело России. 2016. № 5. С. 112–116.
23. Эконометрическое моделирование и прогнозирование спроса на грузовые перевозки в России в 1992–2015 гг. / Ю.А. Щербанин [и др.] // Научные труды: Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2017. С. 200–216.
24. Ивин Е.А., Горячева А.С., Курбацкий А.Н. Анализ состояния и перспективы развития грузопотоков через морские порты России // Проблемы развития территории. 2020. № 2 (106). С. 62–80.
25. Перспективы развития экономики России: прогноз до 2030 года / [В.В. Ивантер и др.]; под ред. В.В. Ивантера, М.Ю. Ксенофонтова; Российская акад. наук, Институт народнохозяйственного прогнозирования. М.: Анкил, 2013. 405 с.
26. Салтыков М.А. Типология пространственно-экономических форм морских портов агломерации // Вестник АГТУ. Сер.: Экономика. 2019. № 1. С. 62–75.
27. Королева Е.А., Черепанова И.В., Филатова Е.В. Цифровизация морских портов как ключевого субъекта транспортного хозяйства // Транспортное дело России. 2020. № 1. С. 163–168.
28. Щербанин Ю.А. Транспорт и экономический рост: взаимосвязь и влияние // Евразийская экономическая интеграция. 2011. № 3. С. 65–78.
29. Заостровских Е.А. Оценка влияния морского порта на экономический рост региона: методы и проблемы // Региональные проблемы. 2017. Т. 20. № 2. С. 65–72.
30. Заостровских Е.А. Методы измерения эффективности работы транспортных связей морских портов с внутренними регионами // Региональные проблемы. 2016. Т. 19. № 2. С. 60–65.
31. Millo G. A simple randomization test for spatial correlation in the presence of common factors and serial correlation. *Regional Science and Urban Economics*, 2017, no. 66, pp. 28–38.
32. Инфраструктура пространственного развития РФ: транспорт, энергетика, инновационная система, жизнеобеспечение / О.В. Тарасова [и др.]; под ред. к.э.н. О.В. Тарасовой; ИЭОПП СО РАН. Новосибирск, 2020. 456 с.
33. Шмелева Е.С. Развитие морских портов: тенденции и перспективы // Транспортное дело России. 2020. № 6. С. 10–12.
34. Квинт В. Л. Концепция стратегирования. Т. 1 / СЗИУ РАНХиГС. СПб, 2019. 132 с.
35. Гуранова А.А. Логистические преимущества Северного морского пути // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 1. С. 169–176.
36. Новикова И.В., Квинт В.Л., Дарькин С.М. Стратегическое развитие трудовых ресурсов Дальнего Востока России // Креативная экономика. М., 2019. 158 с.
37. Новоселов С.В., Мельник В.В., Агафонов В.В. Экспортно ориентированная стратегия развития угольных компаний России – основной фактор обеспечения их финансовой устойчивости // Уголь. 2017. № 11. С. 54–56.
38. Секачев Д.Е., Рахутин М.Г. Проблемы восстановления сыпучести угольного топлива в осенне-весенний и зимний периоды в угольных терминалах // Уголь. 2019. № 11. С. 54–57.
39. Ксенофонтов М.Ю., Ползиков Д.А. К вопросу о влиянии климатических изменений на развитие сельского хозяйства России в долгосрочной перспективе // Проблемы прогнозирования. 2019. № 3. С. 82–92.

Сведения об авторах

Мурад Камилович Алимурадов – кандидат экономических наук, доцент кафедры, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (119234, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 61; e-mail: amkpro5@gmail.com)

Анастасия Сергеевна Горячева – ведущий специалист, ТК «Мираторг» (119034, Российская Федерация, г. Москва, Пречистенская наб., д. 17/19; e-mail: Nastya4985@gmail.com)

Алексей Николаевич Курбацкий – кандидат физико-математических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой, Московская школа экономики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, (119234, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 61; e-mail: akurbatskiy@gmail.com)

Alimuradov M.K., Goryacheva A.S., Kurbatskiy A.N.

Strategic Priorities for the Russian Seaports Cargo Turnover Structure Development

Abstract. Trends in the world economy and trade, as well as the process of globalization, contribute to the seaports development as a strategic driver of economic growth in many countries. Seaports play a major role in optimizing trade relations; they act as key nodes in global transport chains and serve as connecting elements of the socio-economic systems in many countries. We have identified global, national and regional trends in the development of port facilities, analyzed cargo transshipment in the sea ports that are strategic objects of the state; this determines the need to improve methods and forms of management of their development on the basis of advanced technology. The development of port infrastructure will ensure economic growth both in the regional location and in the country as a whole. It is in the regions that it is necessary to form a competitive environment for economic entities, in particular seaports. Their development should have a positive impact on economic and social aspects: economic growth of territorial entities, market competition, development of innovative technologies and investment inflow. Empirical estimates of the links of neighboring regions economic growth were obtained on the basis of Moran's I , as well as from studies on how Russia's export cargo flows through seaports depend on GDP and on the index of industrial production in the period from 2006 to 2018. We analyzed the relationship between cargo turnover and shocks such as the financial and economic crisis of 2008–2009 and the imposition of sanctions, which for obvious reasons increase the observed volatility of international trade and, in particular, cargo volumes in ports. In the conclusion of the article we have formulated strategic priorities for the development of cargo turnover structure in sea ports on the basis of the identified opportunities and the obtained forecasts.

Key words: seaports, maritime transport, cargo flows, cargo turnover structure, strategic priorities, port infrastructure, Moran's I , autoregressive model with distributed lag, ex-post analysis, OTSW-analysis, strategizing.

Information about the Authors

Murad K. Alimuradov – Candidate of Sciences (Economics), Associated Professor, Lomonosov Moscow State University (1, building 61, Leninskie Gory Street, Moscow, 119234, Russian Federation; e-mail: amkpro5@gmail.com)

Anastasiya S. Goryacheva – Leading Specialist, TC Miratorg (17–19, Prechistenskaya Embankment, Moscow, 119034, Russian Federation; e-mail: nastya4985@gmail.com)

Aleksei N. Kurbatskiy – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor, acting Head of Department, The Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (1, building 61, Leninskie Gory Street, Moscow, 119234, Russian Federation; e-mail: akurbatskiy@gmail.com)

Статья поступила 16.10.2020.

Доступная ипотека vs доступность жилья. Хотели как лучше, а получилось...?

Елена Александровна

БАСОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: elbas@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2817-5454; ResearcherID: AAD-4911-2020

Аннотация. Решение Правительства РФ о снижении ипотечной ставки весной 2020 года было анонсировано как мера по поддержке населения в период распространения коронавирусной инфекции. Однако является ли данное решение оптимальным и стратегически выверенным с точки зрения повышения доступности жилья для российских граждан на перспективу? В условиях роста цен на недвижимость ответ на этот вопрос в отечественных экономических исследованиях освещен в недостаточной степени. Актуальность исследования дополнительно обусловлена необходимостью оценить вероятность образования «пузыря» на первичном рынке жилья вследствие «двойного бума». В работе представлены результаты исследования динамики доступности жилья за период с 2000 по 2020 год. Определены регионы с наименьшей и наибольшей доступностью жилья. Изучено современное состояние рынка ипотечного кредитования в РФ. Построена факторная модель множественной регрессии цен на жилую недвижимость на рынке новостроек. Научная новизна исследования заключается в определении причины стремительного роста цен на недвижимость весной 2020 года на российском рынке жилья и их прогнозе на среднесрочный период. Признано, что в современных условиях ключевым фактором, способствующим увеличению цен на первичное жилье, является снижение ипотечной ставки по кредитам. Решение о резком сокращении процентной ставки вызвало повышенный спрос на приобретение жилья и последовавший вслед за этим чрезмерный рост цен, что, в конечном итоге, не привело к расширению доступности жилья. Автором обосновано отсутствие «пузыря» и оснований для снижения

Для цитирования: Басова Е.А. Доступная ипотека vs доступность жилья. Хотели как лучше, а получилось...? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 4. С. 113–130. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.7

For citation: Basova E.A. Mortgage availability vs. availability of housing. We wanted the best, but it turned out...? *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 4, pp. 113–130. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.7

цен на российском рынке жилой недвижимости в ближайшей перспективе. Прогнозирование цен на первичное жилье реализовано посредством комбинации традиционного экономического инструментария и нейросетей. Сохранение значительной величины цен на российском рынке новостроек в среднесрочном периоде объясняется негативными тенденциями в развитии ключевых влияющих факторов, а также других макроэкономических индикаторов, характеризующих социально-экономическое развитие страны. Предложены управленческие мероприятия, нацеленные на расширение доступности жилья для российских граждан.

Ключевые слова: доступность жилья, льготное ипотечное кредитование, первичный рынок жилья, факторы роста цен на недвижимость, нейросетевое моделирование.

Введение

Современная Россия характеризуется значительным уровнем немонетарного неравенства [1; 2], одним из ярких проявлений которого выступает ограниченная доступность жилья. Согласно Посланию Президента РФ Федеральному собранию в апреле 2021 года, расширение доступности жилья остается главной задачей в развитии страны и повышении качества жизни российских граждан¹. Однако удовлетворение базовой потребности человека в жилье осложняется рядом негативных моментов, которые характеризуются не только региональной пространственной разнородностью в объемах ввода жилья, но и, прежде всего, низким уровнем доходов населения и резким ростом цен на недвижимость, ускорившимся в период перехода к рынку. Указанные факторы в значительной степени повысили уровень недоступности жилья для подавляющей части населения.

По состоянию на 1 января 2020 года на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях зарегистрировано 2266,854 тыс. человек (или 4,1% к общей численности населения РФ) против 5419,293 тыс. человек (10,9%) в 2000 году. Положительная динамика в данном вопросе очевидна. Однако острота проблемы с доступностью жилья в РФ отчетливо демонстрируется низким уровнем обеспеченности жилплощадью. На одного российского жителя в среднем приходится 26,3 кв. м (по данным на 2019 г.) при европейской норме 30–40 кв. м и 100%-ой комфортности жилья. При этом сохраняется значительное число регионов, где обеспеченность жильем составляет в разы

меньшую величину по сравнению со средне-российским показателем². Если учесть, что не все жилье в РФ является комфортным и имеет элементарные удобства в виде водопровода, горячего водоснабжения, ванной и т. д., то средний показатель обеспеченности по стране снизится до 17 кв. м [3, с. 329]. На сегодняшний день почти треть населения РФ (45 млн чел.) проживает без полного набора основных коммунальных удобств (или без холодной воды, или горячего водоснабжения и т. д.). Примерно 3 млн человек до сих пор вынуждены проживать в коммунальных квартирах. На 19% российских граждан приходится меньше 9 кв. м общей площади. Для сравнения: обеспеченность комфортным жильем на человека в США в четыре, а во Франции в 2,5 раза выше, чем в России. Показатели ввода жилья в США и РФ различаются на уровне двух раз (не в пользу нашей страны). До сих пор высока актуальность расселения граждан (3,9% в 2020 г.) из аварийного жилья. Более того, ипотечные кредиты для решения жилищного вопроса доступны не для многих. По оценкам «ДОМ.РФ», только 37% семей имеют возможность обслуживать ипотечный кредит³. Очевидно, что представленные данные во многом характеризуют доступность жилья в России на крайне низком уровне, несмотря на реализацию государственных программ в жилищной сфере и некоторые позитивные сдвиги в этом направлении.

² Минимальная обеспеченность жильем в 2019 году зафиксирована в Республике Тыва, где на одного человека приходится 14,2 кв. м.

³ Стратегия развития жилищной сферы РФ на период до 2025 года. URL: <https://xn--d1aqf.xn--plai/upload/2020/Strategiya-razvitiya-zhilishhnoj-sfery-Rossijskoj-Federatsii-na-period-do-2025-goda.pdf> (дата обращения 25.04.2021).

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.04.2021. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382666/ (дата обращения 24.04.2021).

Способствовать формированию доступного рынка жилья в России призван ряд многочисленных проектов и программ в сфере жилищного строительства: национальный проект «Жилье и городская среда», рассчитанный на 2018–2024 гг., государственная программа «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан РФ», государственная программа льготного кредитования под 6,5% годовых, Стратегия развития жилищной сферы РФ на период до 2025 года и некоторые другие документы. Основные задачи государственного регулирования жилищной сферы заключаются в создании условий, способствующих обеспечению доступности жилья посредством активизации использования ипотечных инструментов, увеличению объемов жилищного строительства, а также сокращению жилья, непригодного для проживания, и т. д.

Реализация программы льготного ипотечного кредитования, введенной в действие постановлением Правительства РФ в апреле 2020 года⁴, совпала с повышением цен как в среднем по России, так и в большинстве регионов. Однако неясно, что послужило пусковым механизмом для стремительного роста цен?

Какие факторы в наибольшей степени повлияли на формирование цены на российском рынке жилья? В связи с этим представляется интересным подтвердить или опровергнуть наличие взаимосвязи между повышением цен на российском рынке жилья и снижением ипотечных ставок, а также исследовать перспективы ценовых колебаний на жилую недвижимость в среднесрочном периоде. В качестве гипотез исследования нами рассматриваются следующие:

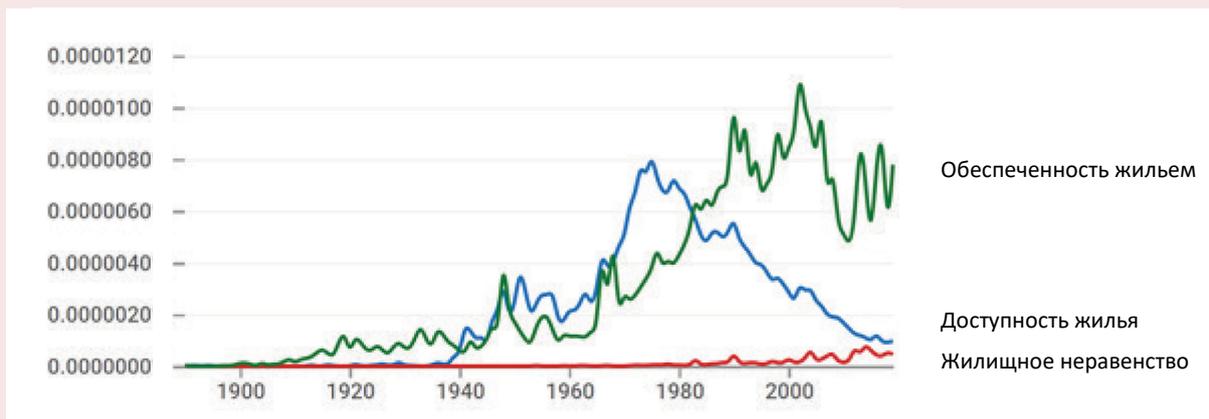
H_1 – детерминантой резкого роста цен на жилую недвижимость на первичном рынке жилья в России в 2020 году явилось снижение ипотечных процентных ставок, приведшее к так называемому «двойному буму»;

H_2 – высокий уровень цен на первичную жилую недвижимость сохранится в среднесрочном периоде, в т. ч. по причине действия неблагоприятных факторов макроэкономической среды.

Теоретические аспекты исследования

Пик упоминаний понятия «доступность жилья» в англоязычной литературе пришелся на 1975 год (рис. 1). В русскоязычной среде распространена категория «обеспеченность жильем», что объясняет ее более активное использование в отечественной экономической

Рис. 1. Частота упоминания понятий «доступность жилья», «обеспеченность жильем» и «жилищное неравенство» в англоязычной среде, %

Источник: разработано автором на основе данных сервиса Books Ngram Viewer.

⁴ Об утверждении Правил возмещения кредитным и иным организациям недополученных доходов по жилищным (ипотечным) кредитам (займам), выданным гражданам Российской Федерации в 2020 году: Постановление Правительства РФ № 566 от 23 апреля 2020 г. URL: <http://static.government.ru/media/files/GEvoTKxqACpwNVXpAlv6VrueBHСpywRz.pdf>

литературе, особенно после 1990-х гг. Изучение вопросов доступности жилья в России по причине ограниченности статистических данных только начинает набирать обороты.

Исследованию теоретико-методологических вопросов ценообразования и доходности жилья посвящено множество фундаментальных трудов зарубежных ученых: А. Смита [4, с. 312], Д. Рикардо [5, с. 201], А. Маршалла [6, с. 135] и др. Проблематика рынка жилой недвижимости и реализации жилищной политики на региональном уровне отмечена в работах отечественных ученых: Е.В. Аленичевой, С.В. Кузнецова, М.Г. Шамаевой, Т.Ю. Овсянниковой, Т.И. Кубасовой, О.А. Мирошниковой, Б.Г. Преображенского, В.И. Жилиной, В.С. Мхитаряна и др. Вопросы доступности и удовлетворенности жильем в контексте немонетарного неравенства представлены в трудах Л.Н. Овчаровой, Н.Н. Рябушкина, О.В. Бербено, С.В. Мареевой и др. Моделированию цен на рынке жилья посвящены работы И.В. Липсица, Е.И. Лунина, В.М. Тарасевич, Г.Н. Чубакова. Оценка факторов, влияющих на формирование цен на жилую недвижимость, проведена в исследованиях В.Д. Ардзинова, В.И. Корецкого, А.Г. Кузьминского, Л.И. Мазурина, А.М. Резника. Проблемы оценки влияния ипотечных ставок на состояние рынка жилья изучены К.Л. Астаповым, И.В. Довдиенко, П.Н. Кострикиным, Е.Б. Покопцевой и др.

В качестве основных макроэкономических факторов, от которых зависит формирование цены на рынке жилья, выделяют уровень цены на нефть и другие экспортные товары, курс доллара, величину ВВП, инфляцию, объем ввода жилья, доходы населения, наличие инвестиционных направлений для вложения временно свободных средств, уровень занятости, объем выданных жилищных кредитов и т. д. На формирование цены конкретного объекта недвижимости влияют его месторасположение, расстояние до центра населенного пункта, общая площадь жилья, наличие качественной воды в районе и ряд других параметров [7–10].

По данным МВФ⁵, цены на жилую недвижимость определяются стоимостью арендной

⁵ Выступление Минь Чжу, заместителя директора-распорядителя МВФ на конференции «Housing Markets, Financial Stability and Growth», Индия, 2014 г.

платы на съемное жилье, уровнем доходов населения и приростом объема ипотечного кредитования. Ипотечный бум (вследствие резкого повышения спроса на жилье по причине низкой ипотечной ставки) создает предпосылки для появления «пузыря» на рынке недвижимости, что подтверждается результатами оценки МВФ по данным 21 из 23 стран мира. Формирование завышенной цены на жилье в связи с резким ростом спроса населения на приобретение квартир (домов) приводит к финансовому кризису. Согласно проведенным специалистами МВФ расчетам, рост объема выданных кредитов составляет почти половину ценовых колебаний на жилье в различных странах мира, начиная с 2009 года. Повышенный спрос на жилье в связи с низкими процентными ипотечными ставками, создавая «двойной» бум (жилищный и ипотечный), во многих случаях заканчивается спадом экономики. При этом показатели экономического развития после такого кризисного периода восстанавливаются ожидаемо медленнее, что обходится дороже с точки зрения упущенной выгоды.

Появление «пузыря» на жилищном рынке вследствие активизации кредитной политики впервые отмечено Кинледбергером в монографии 1978 года. Ученый показал роль стимулирующей денежно-кредитной политики, а также экономических шоков (возникновение инновационных технологий и рынков, изменение законодательства) в процессе появления финансовых пузырей [11, с. 138]. В настоящее время в мире накоплено достаточно большое количество исследований, которые связывают появление «пузырей» на рынке недвижимости с кредитной экспансией [12–16]. К настоящему моменту в отечественной науке и практике отмечено незначительное число работ, характеризующих вероятность появления «пузыря» на российском рынке недвижимости вследствие послабления ипотечной кредитной политики весной 2020 года. Наше исследование в определенной степени призвано восполнить указанный пробел.

Материалы и методы

Исследователи используют достаточно большой арсенал средств для изучения факторов и разработки прогнозов цен на рынке жилой недвижимости [17–22]. В данной работе представлены результаты применения тради-

Таблица 1. Факторы формирования цен на первичном рынке жилья в РФ и их динамика за период с 2010 по 2020 год

Показатель	2010	2012	2014	2016	2018	2020
Средние цены на первичном рынке жилья, руб. (Y)	48144	48163	51714	53287	61832	79003
Средний уровень процентной ставки по ипотечному жилищному кредиту, % (X ₁)	13,2	12,2	12,4	12,5	9,6	7,8
Средний уровень процентной ставки по вкладам со сроком свыше года, % (X ₂)	6,0	7,7	8,1	8,4	6,2	4,6
ИПЦ, декабрь в % к декабрю предыдущего года (X ₃)	108,8	106,6	111,4	105,4	104,3	104,9
Индекс цен производителей на строительную продукцию, % (X ₄)	109,6	108,3	104,6	106,6	106,5	102,9
Средняя цена нефти марки Urals, долл. США за баррель (X ₅)	78,2	110,5	97,6	41,9	70,0	41,7
Среднедушевые денежные доходы, руб. в месяц (X ₆)	18958	23221	27412	30865	33178	35361
Средний номинальный курс доллара США к рублю за период, руб. (X ₇)	30,4	31,1	38,4	67,0	62,7	72,2
ВВП в текущих ценах, трлн руб. (X ₈)	37687768	49926069	59188270	69237704	84976724	83989295
Средняя стоимость строительства 1 кв. м общей площади жилых помещений во введенных в эксплуатацию жилых зданиях в РФ, руб. (X ₉)	31877	34354	39447	40890	41358	44518
Динамика ввода в действие жилых домов, в % к предыдущему периоду (X ₁₀)	97,6	105,6	119,4	94,0	95,5	100,2
Источник: данные Росстата, ЦБ РФ.						

ционного экономического инструментария и нейросетевого моделирования. Разработка факторной модели основана на применении множественной регрессии [22; 23].

В рамках исследования в качестве основных факторов, оказывающих влияние на формирование цены на первичном рынке жилья в России, предложены следующие (табл. 1).

В результате применения метода пошаговой регрессии с учетом критерия Фишера и значения коэффициента детерминации получена экономико-математическая модель факторов, влияющих на формирование цены на первичном рынке жилья, со следующим набором независимых переменных: $Y = 11\,707,15 - 3\,760,4X_1 - 1053,5X_2 + 803,1X_3 - 78,4X_5 + 0,5X_6$. Хорошее качество построенной модели подтверждается статистически значимыми связями по критерию Фишера (F-statistics меньше 0,5). Значение скорректированного коэффициента ($R^2_{adj} = 0,95$; $R^2 = 0,98$) наибольшее по сравнению с другими моделями регрессии.

Выявленные факторы имеют особое практическое значение, т. к. выступают точками

управленческого воздействия, что в современных условиях особенно актуально, т. к. «время невмешательства в политику ценообразования на рынке жилья прошло»⁶. С другой стороны, представленная модель является основой для разработки прогнозных значений цен в жилищном сегменте, в т. ч. в рамках нейросетевого моделирования.

Факторы эконометрической модели стали основой (входными данными) при проведении прогноза с помощью нейросетей. Комбинация традиционного статистического инструментария и нейросетей позволяет повысить точность прогнозов [24, с. 824], т. к. в сеть загружается не просто набор переменных из десятков или сотен единиц, а совокупность переменных, прошедших первичную статистическую обработку, которые заведомо являются значимыми факторами роста цен на жилье. В связи с этим для обучения сети требуется гораздо меньше времени и эпох (экспериментальных расчетов).

⁶ Выступление Минь Чжу, заместителя директора-распорядителя МВФ на конференции «Housing Markets, Financial Stability and Growth», Индия, 2014 г.

Искусственные нейронные сети доказали свою эффективность в прогнозировании макроэкономических процессов, в т. ч. при моделировании цен на рынке жилья [25–29]. Однако в отличие от классической схемы регрессионного прогнозирования с понятным алгоритмом исследования и доступными для понимания этапами его реализации нейросети представляют собой «черный ящик». Это инструмент экономико-математического моделирования по принципу работы основных биологических аналогов искусственных нейронных сетей (ИНС) – нейронов (сетей нервных клеток мозга). Формальный нейрон (рис. 2), имеющий различное количество входных данных (переменных), содержит адаптивный сумматор, на выходе которого получается взвешенная сумма входов S . После сравнения сумматора с пороговой величиной веса w_0 и реализации активационной функции нейрона на выходе имеем сигнал (Y), т. е. выход нейрона или выходные моделируемые данные.

Алгоритм нейросетевого моделирования включает предварительную нормировку входных данных, в нашем случае – по стандартной формуле: $X_{\text{norm}} = (X - X_{\text{min}}) / (X_{\text{max}} - X_{\text{min}})$. Как показали результаты проведенного исследования,

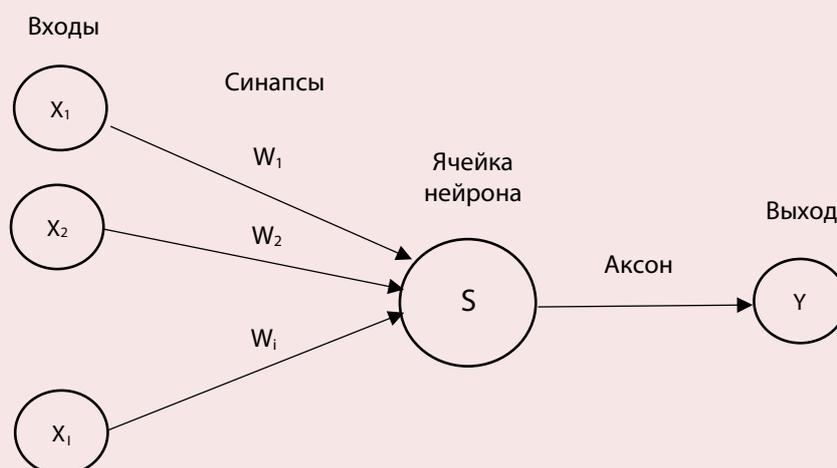
наиболее оптимальная структура нейронной сети представляет собой многослойный перцептрон, который состоит из 7 входов, 7 скрытых нейронов и 1 выхода (MLP 7-7-1). В качестве активационной функции нейронов на скрытом слое выступает логистическая функция, на выходном – сигмоидальная. Средняя ошибка прогнозов нормированных значений составила 1,2% при ошибке на тестовой выборке 1,9%. Нейросетевое моделирование осуществлено в программе Statistica.

Информационной базой исследования послужили официальные информационные ресурсы Федеральной службы государственной статистики России, статистические и аналитические издания ЦБ РФ, данные Единой информационной системы жилищного строительства Минстроя России⁷.

Дискуссия по полученным результатам и выводы

Ситуация с доступностью жилья в России никогда не была легкой. По словам В.В. Путина, «жилищная проблема – это вечная проблема России»⁸. Данное утверждение особенно справедливо для низкодоходных слоев населения. Откладывать денежные средства / оплачи-

Рис. 2. Формальный нейрон

Источник: составлено автором по [30, с. 223].

⁷ <https://xn--80az8a.xn--d1aqf.xn--p1ai/> (дата обращения 02.04.2021).

⁸ Выступление Президента России В.В. Путина на заседании Госсовета по вопросам развития строительного комплекса и совершенствования градостроительной деятельности, 17 мая 2016 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51926> (дата обращения 25.04.2021).

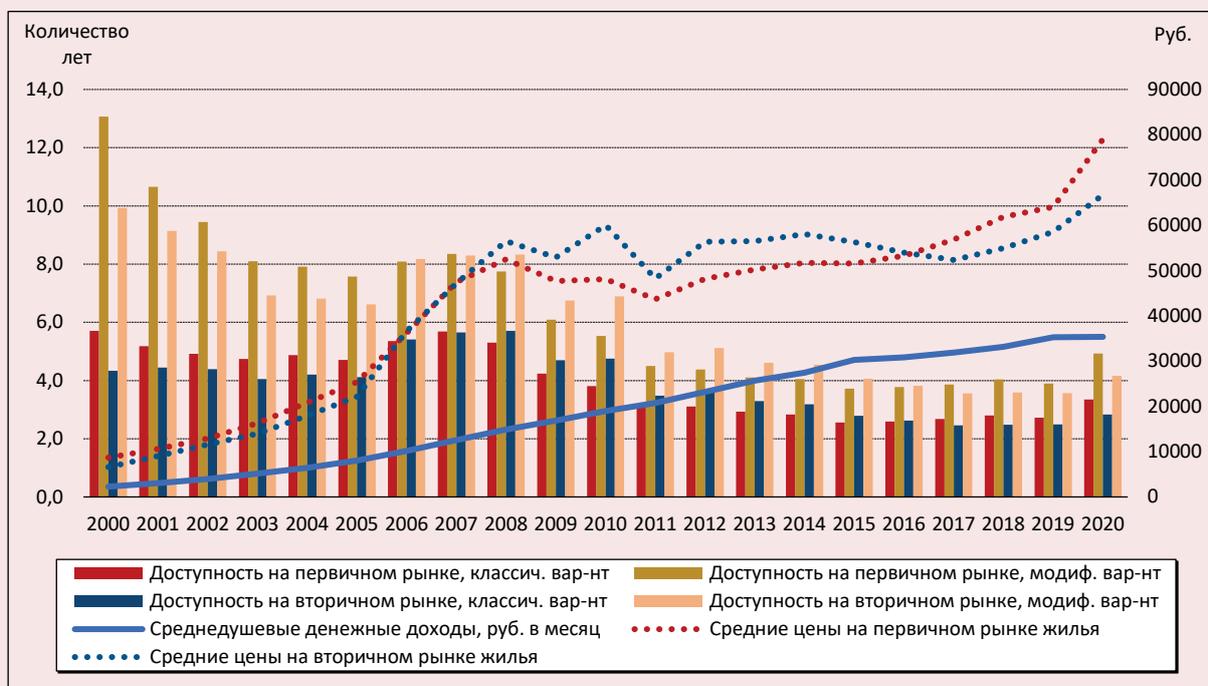
вать ипотечный кредит на покупку жилья могут себе позволить только представители седьмого квинтиля и выше. Согласно исследованию [31, с. 66], население, находящееся у черты бедности, даже получив ипотечный кредит, что при существующих требованиях к первоначальному взносу практически нереально, не сможет им воспользоваться, т. к. время, необходимое для выплат, превысит среднюю продолжительность жизни. Тем не менее, тенденции последних лет (рис. 3), складывающиеся в сфере диапазона цен на жилую недвижимость, рисовали оптимистичную картину относительно величины индикатора «доступность жилья» на среднероссийском уровне.

Если в 2000 году на покупку стандартного жилья для семьи из трех человек общей площадью 54 кв. м (при условии вложения всего полученного годового дохода) потребовалось бы порядка 6 лет, то к 2019 году примерно в два раза меньше — 2,7 года. Вторичный рынок демонстрировал более скромное улучшение доступности: на уровне 4,3 и 2,5 года соответ-

ственно. В некоторой степени учесть текущие расходы домохозяйств позволяет модифицированный вариант расчета доступности жилья, включающий величину расходов семьи на уровне установленного прожиточного минимума для трех человек. Согласно проведенным расчетам, доступность новостроек в 2000 году на среднероссийском уровне составляла около 13 лет, снизившись к 2019 году до 3,9 года. Динамика доступности на вторичном рынке равнялась 9,9 и 3,6 года соответственно.

Некоторое сокращение доступности жилья отмечено по итогам 2007–2008 гг. из-за резкого роста цен на недвижимость, что связано с негативными последствиями мирового экономического кризиса, стремительным снижением цен на нефть и ростом курса доллара. Население инвестировало денежные средства в покупку жилья, что спровоцировало резкий рост цен на недвижимость. После 2010 года цены стабилизировались, наблюдалось постепенное улучшение ситуации с доступностью покупки жилья вплоть до 2019 года.

Рис. 3. Доступность жилья в РФ по классическому и модифицированному варианту расчетов за 2000–2020 гг.

Источник: расчеты автора на основе данных Росстата.

В связи с ростом цен после введения программы льготного ипотечного кредитования в 2020 году снижение доступности жилья отмечено практически во всех регионах. Наилучший уровень доступности первичного жилья в классическом измерении индикатора по итогам 2020 года наблюдался в Дагестане, Тюменской области и Еврейской автономной области (табл. 2). Тревожная ситуация с доступностью новостроек сложилась в Крыму, Москве и Приморском крае. При покупке вторичного жилья максимальное количество лет с учетом расходов (модифицированный вариант расчета доступности) понадобится семьям в Крыму, Ингушетии и Забайкальском крае.

В результате реализации госпрограммы «Льготная ипотека под 6,5% годовых» в половине субъектов РФ темпы прироста ипотечного кредитования в 2020 году превысили среднероссийский уровень⁹. Остальные регионы продемонстрировали не столь значительную, но также положительную динамику роста. Всплеск выдачи кредитов за 9 месяцев 2020 года по отношению к аналогичному периоду предыдущего года отмечен в пятнадцати российских субъектах: прирост на уровне 44% зафиксирован в Москве и Красноярском крае, 41% – в Республике Татарстан, а также Свердловской и Нижегородской областях.

Таблица 2. Регионы РФ с наибольшей и наименьшей доступностью жилья на первичном рынке*, лет

Доступность по классическому варианту расчета				Доступность по модифицированному варианту расчета			
Ранг	Территория	2020 г.	Динамика за 2005–2020 гг.	Ранг	Территория	2020 г.	Динамика за 2005–2020 гг.
1	Республика Дагестан	1,7		1	Тюменская область	2,5	
2	Тюменская область	1,9		2	Республика Дагестан	2,8	
3	Еврейская автономная область	1,9		3	Липецкая область	3,2	
4	Камчатский край	2,0		4	Камчатский край	3,4	
5	Республика Коми	2,1		5	Республика Адыгея	3,5	
***	***	***	***	***	***	***	***
15	Вологодская область	2,5		17	Вологодская область	4,1	
***	***	***	***	***	***	***	***
74	г. Санкт-Петербург	4,1		74	Приморский край	7,2	
75	Забайкальский край	4,2		75	Иркутская область	7,3	
76	Приморский край	4,5		76	Забайкальский край	8,3	
77	г. Москва	4,6		77	Республика Ингушетия**	8,8	
78	Республика Крым**	4,9		78	Республика Крым**	9,9	

* Кроме Мурманской области, Магаданской области, Республики Тыва, Чукотского автономного округа, Ненецкого автономного округа, Ханты-Мансийского автономного округа – Югра и Ямало-Ненецкого автономного округа.
 ** Динамика доступности представлена за 2014–2020 гг.
 Источник: расчеты автора по данным Росстата.

⁹ Ипотека в России. URL: https://ratings.ru/files/research/banks/NCR_Mortgage_Nov2020.pdf (дата обращения 14.04.2021).

История выдачи ипотечных жилищных кредитов (ИЖК) в отечественной банковской сфере началась с 1995 года [32, с. 136] после создания рабочей группы, включающей представителей Правительства РФ, Национальной ассоциации по ипотечному кредитованию, а также иностранных консультантов, и последующего утверждения федеральной целевой программы «Свой дом»¹⁰. Основная цель указанной программы заключалась в создании в России двухуровневой системы ипотечного кредитования, направленной на привлечение внебюджетных средств для улучшения жилищных условий нуждающихся. Данная система предполагала функционирование коммерческих банков по выдаче ипотечных кредитов и «Агентства по ипотечному жилищному кредитованию» (АИЖК), учрежденного в 1997 году для рефинансирования ИЖК¹¹. В 2018 году АИЖК переименовано в «ДОМ.РФ» при сохранении функций по содействию в проведении государственной жилищной политики.

В настоящее время ипотечное кредитование является основным источником роста розничного кредитного портфеля банковских учреждений. Льготная ипотека введена как мера по «обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения». Условия программы льготной ипотеки: гражданство РФ, первичное жилье (строящееся или готовое к сдаче), максимальная сумма кредита от 6 до 12 млн рублей (в зависимости от региона), ставка 6,5% годовых на весь срок кредита, первоначальный взнос не менее 15% от стоимости приобретаемого жилья, кредитный договор заключен с 17 апреля 2020 г. по 1 июля 2021 г. Срок кредита — не более 30 лет. Кредит выдается в пределах до 6 млн рублей (включительно) для жилых помещений, расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, за исключением г. Москвы, Московской области, г. Санкт-

Петербурга и Ленинградской области; до 12 млн рублей (включительно) для жилых помещений, расположенных на территориях г. Москвы, Московской области, г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области¹².

Реализация программы «Льготная ипотека под 6,5% годовых» привела к снижению процентной ставки на первичном рынке жилья с 8,3 до 5,9% годовых, на вторичном — с 9,3 до 8% годовых¹³. В целом за 2020 год российским банковским сектором выдано 1,7 миллиона ипотечных кредитов на сумму свыше 4,3 трлн рублей. Таким образом, прирост объема выдачи ипотечных кредитов в год введения льготной ипотеки составил порядка 25%.

Основной пик выдачи ИЖК пришелся на последний квартал 2020 года. При этом если в 4 квартале 2010 года было выдано 612 тыс. ипотечных кредитов на общую сумму 151 млрд рублей (рис. 4), то за этот же период 2020 года количество выданных ИЖК возросло почти в 5,4 раза (1598 млрд руб.). Зафиксировано увеличение средней суммы ипотечного кредита почти в два раза: с 1207 руб. в 2010 г. до 2476 руб. в 2020 г. (в сопоставимых ценах на 12%). Срок выдачи ипотечных кредитов также вырос: с 16,3 года в 2010 г. до 18,4 года в 2020 г. Указанные тенденции наряду с уменьшением площади строящихся квартир свидетельствуют не в пользу повышения доступности жилья. Если средняя площадь двухкомнатной квартиры в начале 2000-х гг. составляла порядка 55 кв. м, то к концу исследуемого периода — примерно 50 кв. м. Застройщики при строительстве многоквартирного жилья переориентировались на более ликвидные варианты для продажи: студии, одно- и двухкомнатные квартиры меньшей площади.

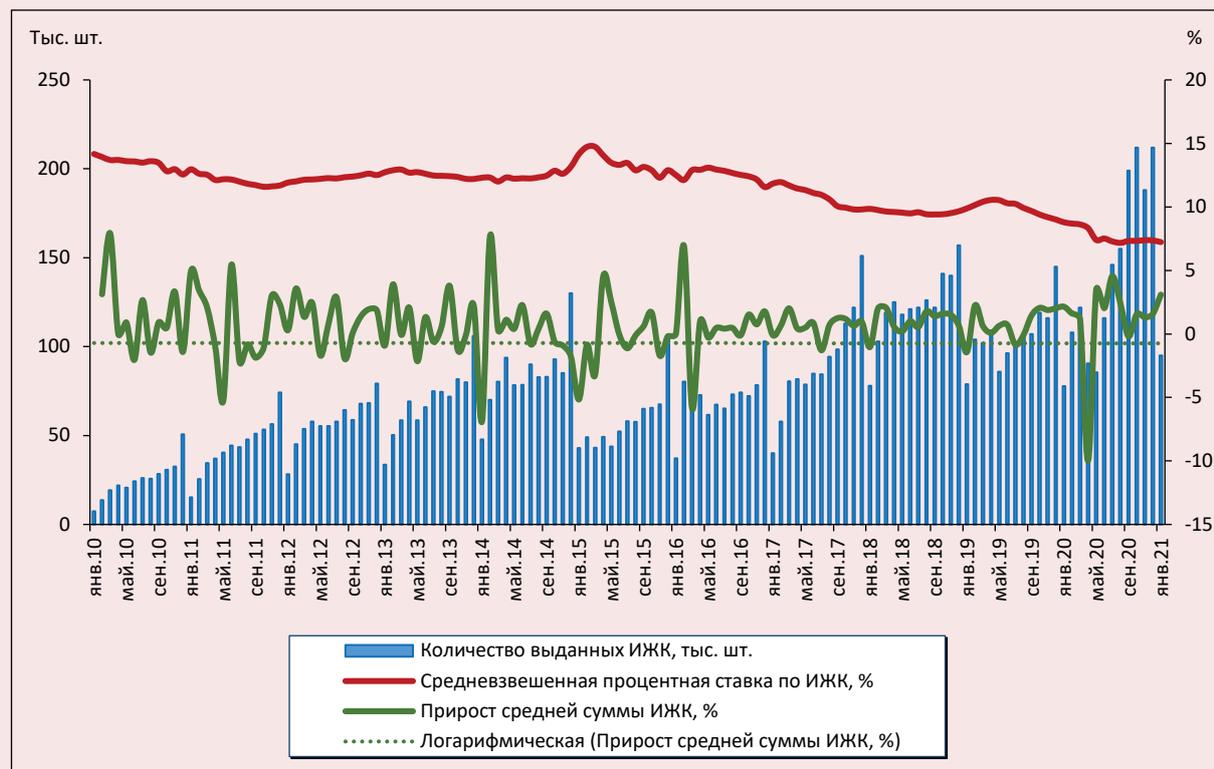
¹⁰ О федеральной целевой программе «Свой дом»: Постановление Правительства РФ от 27 июня 1996 г. № 753. URL: <https://base.garant.ru/2306342/> (дата обращения 11.04.2021).

¹¹ Об Агентстве по ипотечному жилищному кредитованию: Постановление Правительства РФ от 26 августа 1996 г. № 1010. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99723/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения 11.04.2021).

¹² Об утверждении Правил возмещения кредитным и иным организациям недополученных доходов по жилищным (ипотечным) кредитам (займам), выданным гражданам Российской Федерации в 2020 и 2021 годах: Постановление Правительства РФ от 23 апреля 2020 г. № 566 (с изменениями от 24 октября 2020 г. № 1732). URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения 11.04.2021).

¹³ Российские банки: финансовые итоги 2020 года. URL: <https://www.finversia.ru/publication/rossiiskie-banki-finansovye-itogi-2020-goda-90341> (дата обращения 15.04.2021).

Рис. 4. Динамика показателей ипотечного рынка в РФ

Источник: расчеты автора на основе данных ЦБ РФ (<https://cbr.ru/statistics/pdco/Mortgage/ML/>) и Единой информационной системы Минстроя РФ.

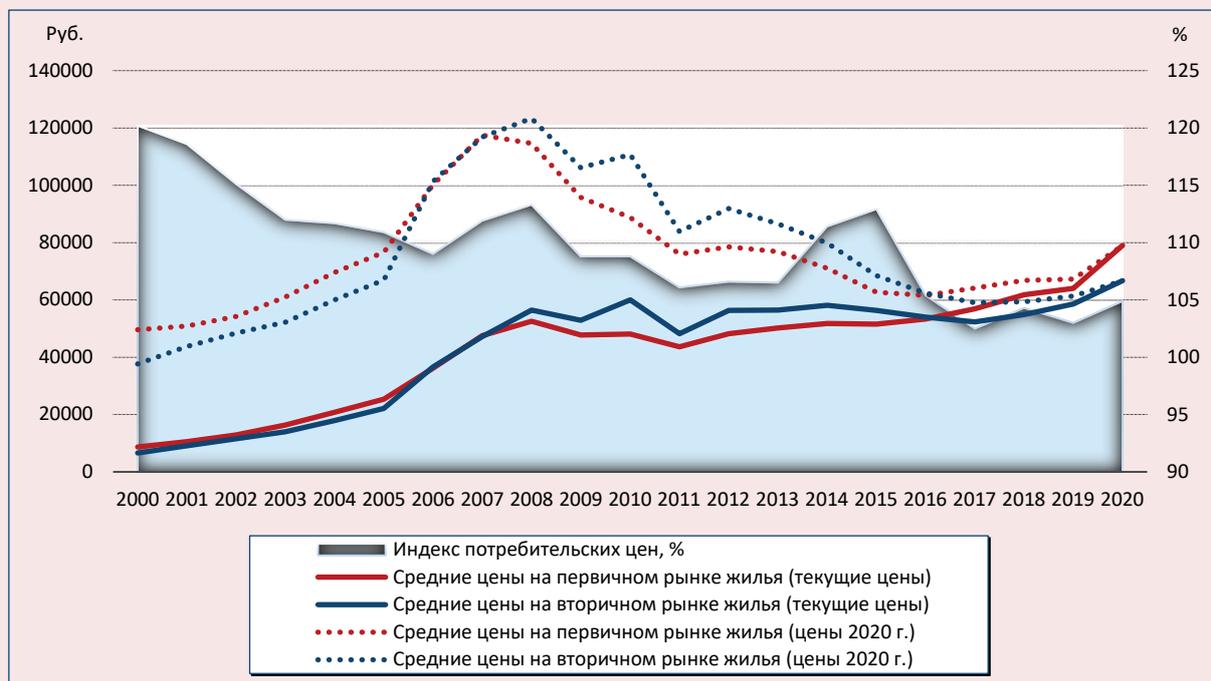
По оценкам экспертов¹⁴, в выигрыше оказались заемщики, оформившие ипотечный кредит в первые 3–4 месяца действия госпрограммы льготного кредитования, когда ценовые колебания на рынке жилья только начали движение вверх и еще не достигли пика. К концу 2020 года средняя цена за 1 кв. м на первичном и вторичном рынках жилья (рис. 5) составила 79003 и 66712 руб. соответственно, превысив цены начала 2000-х гг. в несколько раз. При пересчете в цены 2020 года видно, что цены на новостройки за двадцать лет возросли почти вдвое (в текущих ценах — 9 раз), на вторичное жилье — 1,6 раза (или 10 раз в текущей оценке) при росте потребительских цен на товары и услуги за этот же период примерно в 6 раз.

¹⁴ Ипотека в России. URL: https://ratings.ru/files/research/banks/NCR_Mortgage_Nov2020.pdf (дата обращения 14.04.2021).

Увеличение цен на жилье отмечено не только в России, но и в других странах. Однако если в ЕС прирост цен за 2010–2019 гг. составил порядка 19%, то в РФ на первичном рынке за этот период — 33%, на вторичном — 37%. По мнению экспертов¹⁵, основными факторами подорожания жилой недвижимости в России после 2018 года наряду с ростом себестоимости жилищного строительства является введение эскроу-счетов и налога на банковские вклады, что поспособствовало повышению инвестиционного спроса на недвижимость.

¹⁵ Эксперт: любое решение по льготной ипотеке обречено, доступным жилье для россиян станет только после «переворота» на рынке. URL: <https://pulse.mail.ru/article/ekspert-lyuboe-reshenie-po-lygotnoj-ipoteke-obrecheno-dostupnym-zhile-dlya-rossiyan-stanet-tolkoposle-perevorota-na-rynke-2996310860094837967-547-8015430638327764/> (дата обращения 25.01.2021).

Рис. 5. Динамика средних цен на первичном и вторичном рынках жилья в текущих и сопоставимых ценах, РФ

Источник: данные Росстата.

Результаты корреляционного анализа¹⁶ свидетельствуют, что одним из основных факторов, обусловивших скачок цен на первичном рынке жилья в 2020 году, стало снижение процента по ипотеке. Корреляция между средним уровнем ипотечной процентной ставки и величиной цен на новостройки составляет максимальную величину на уровне $r = -0,90$ (табл. 3). Наиболее высокое статистически значимое воздействие на изменение цены на жилую недвижимость оказали также среднедушевые денежные доходы ($r = 0,82$), курс доллара ($r = 0,78$), динамика ВВП ($r = 0,83$). До введения программы льготной ипотеки ключевыми факторами формирования цен на первичном рынке являлись объем ВВП, среднедушевые денежные доходы и стоимость строительства 1 кв. м жилья. Дополнительно получены данные, свидетельствующие о незначительном влиянии основных макро-

экономических факторов на цены на вторичном рынке жилья, что косвенно указывает на существенное воздействие психологической составляющей при установлении цены в данном сегменте рынка.

Наиболее сильно снижение ипотечной процентной ставки оказало влияние на рост цен в первичном сегменте жилищного рынка в 37 регионах РФ (табл. 4). При этом в Южном федеральном округе сильная корреляционная связь отмечена во всех субъектах, что, вероятно, объясняется хорошим уровнем доступности жилья (по сравнению с другими округами), значительным уровнем ввода жилых домов и высоким показателем миграционного прироста населения. В Центральном федеральном округе максимальный коэффициент корреляции зафиксирован в Тульской (-0,89), Брянской (-0,84) и Московской (-0,84) областях. Не оказало статистически значимого влияния введение льготной ипотеки на цены во Владимирской области (0,02), Республике Коми (0,15) и Тверской области (0,23). Средний уровень положительно-

¹⁶ Для корреляционного анализа и построения факторной модели использованы данные по РФ с 2010 по 2020 гг. в поквартальной разбивке.

Таблица 3. Корреляционная матрица*

	Y	X ₁	X ₂	X ₃	X ₄	X ₅	X ₆	X ₇	X ₈	X ₉	X ₁₀
Y	1										
X ₁	-0,90	1									
X ₂	-0,51	0,72	1								
X ₃	0,44	0,66	0,60	1							
X ₄	-0,64	0,41	-0,17	-0,01	1						
X ₅	-0,64	0,39	0,03	0,21	0,46	1					
X ₆	0,82	-0,69	-0,06	-0,40	-0,76	-0,73	1				
X ₇	0,78	-0,60	-0,05	-0,34	-0,60	-0,91	0,93	1			
X ₈	0,83	-0,76	-0,17	-0,50	-0,66	-0,68	0,98	0,91	1		
X ₉	0,83	-0,70	-0,09	-0,36	-0,79	-0,73	0,98	0,91	0,95	1	
X ₁₀	-0,21	0,15	0,16	0,36	-0,18	0,61	-0,18	-0,45	-0,22	-0,13	1

* Построена на данных по РФ за 2010–2020 гг.
Источник: расчеты автора.

Таблица 4. Распределение регионов РФ по силе корреляционной связи между процентными ставками по ИЖК и ценами на первичном рынке жилья

Территория*	0,1–0,3 (слабая)	0,3–0,7 (средняя)	0,7–1,0 (сильная)
Центральный федеральный округ	2(+)	6(-)	10(-)
Северо-Западный федеральный округ	2(-), 1(+)	2(-)	4(-)
Южный федеральный округ	–	–	6(-)
Северо-Кавказский федеральный округ	1(-)	3(-), 2(+)	1(-)
Приволжский федеральный округ	3(-)	7(-)	4(-)
Уральский федеральный округ	–	4(-)	–
Сибирский федеральный округ	–	4(-)	5(-)
Дальневосточный федеральный округ	–	3(-)	7(-)

* Кроме Мурманской области, Республики Тыва, Республики Крым, г. Севастополя, Чукотского автономного округа, Ненецкого автономного округа, Ханты-Мансийского автономного округа – Югра и Ямало-Ненецкого автономного округа.
Источник: расчеты автора по данным Росстата и ЦБ РФ.

го отклика ипотечной ставки на ценовые колебания отмечен в Республике Ингушетии и Кабардино-Балкарской Республике, где стоимость квадратного метра ниже среднероссийского уровня в 2–2,5 раза. По величине цены за 1 кв. м жилой недвижимости эти субъекты находятся внизу регионального российского рейтинга (76 и 82 место соответственно).

Определение характера спроса (инвестиционный, естественный, отложенный и т. п.) в каждом конкретном регионе требует дополнительного изучения не только статистической информации (часто не доступной), но и результатов социологических опросов. Однако на данном этапе развития ситуации на жилищном рынке абсолютно точно следует не допустить нового витка роста цен, в связи с чем необхо-

дим «умный» и стратегически выверенный подход. Как предполагает спикер Совета Федерации В.И. Матвиенко¹⁷, назрела необходимость внедрения «умной региональной ипотеки», нацеленной на учет социально-экономической ситуации в регионах, в т. ч. на рынке жилья. Продление льготной ипотеки не на всей территории РФ, а только в тех регионах, где не зафиксирован резкий скачок цен, анонсировала в своем выступлении Глава ЦБ РФ Э. Набиуллина. Претендовать на продолжение программы льготного кредитования жилья после июля

¹⁷ Матвиенко: Условия ипотеки должны зависеть от ситуации в регионе // Российская газета. 12.04.2021. URL: rg.ru/2021/04/12/matvienko-usloviia-ipoteki-dolzny-zaviset-ot-situacii-v-regione.html (дата обращения 23.04.2021).

2020 года могут 24 региона¹⁸. Как показал анализ, в перечень вошли субъекты, отличающиеся низким приростом цен на жилье при высоких показателях его ввода. Тем не менее, вызывает вопрос включение в список Волгоградской области, где наблюдается значительный рост цен на жилую недвижимость в 2020 году (21% по отношению к 2019 г.), в то время как Липецкая область, характеризующаяся высокими темпами жилищного строительства и низким уровнем ценовых колебаний (в пределах 6%) в период действия льготной ипотеки, не включена в него. По словам Председателя Центробанка, перечень регионов подлежит уточнению и дальнейшему обсуждению.

Согласно характеристике методического подхода, изложенного в предыдущем разделе нашего исследования, представим результаты

прогнозирования цен на рынке первичного жилья РФ на основе искусственных нейронных сетей (рис. 6).

Прогноз позволяет сделать вывод о сохранении высоких цен на первичном рынке жилья в среднесрочной перспективе (при отсутствии дополнительных решений органов государственной власти и управления), что во многом объясняется неутешительным трендом ретроспективных и прогнозных значений основных макроэкономических показателей (рис. 7).

Согласно данным Росстата, с 2000 года среднедушевые денежные доходы населения в текущих ценах ежегодно повышаются. Однако уровень реальных располагаемых доходов населения, начав снижаться с 2013 года, к концу 2020 года сократился примерно на 10% в рублевом эквиваленте и на 61% – в долларовом.

Рис. 6. Результаты прогнозирования цен на первичное жилье с использованием нейросетей

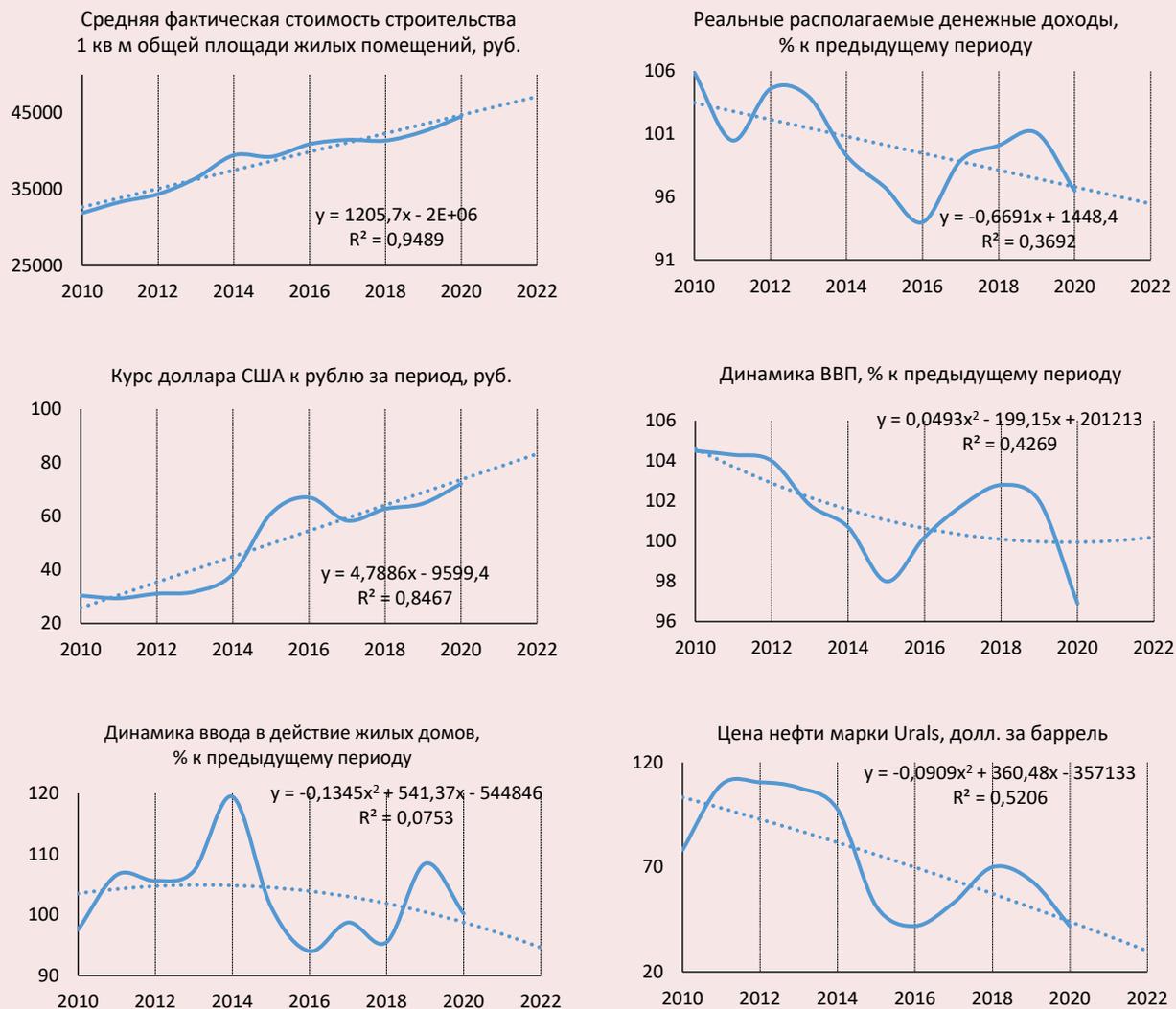

Источник: расчеты автора.

¹⁸ В перечень регионов-кандидатов на продление ипотеки вошли Башкортостан, Удмуртия, Мордовия, Алтай, Дагестан, Чечня, Ингушетия, Ставропольский край, Новосибирская, Ростовская, Челябинская, Ярославская, Саратовская, Волгоградская, Тверская, Ульяновская, Кировская, Ивановская, Оренбургская, Омская, Псковская, Астраханская, Томская, Курганская области.

Источник: Строй, кто идет: глава ЦБ назвала регионы с перспективой продления льготной ипотеки // Известия. 2021. 11 марта. URL: https://iz.ru/1135265/anna-kaledina/stroi-kto-idet-glava-tcb-nazvala-regiony-s-perspektivoi-prodleniia-igotnoi-ipoteki?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения 23.04.2021).

Рис. 7. Прогнозные тренды макроэкономических показателей в РФ

Источник: расчеты автора на основе данных Росстата.

За последние несколько лет число рабочих мест уменьшилось на 0,5 млн ед. Указанные тенденции не способствуют расширению доступности жилья. Удорожание строительных работ, необходимость открытия эскроу-счетов застройщиками также выступают не в пользу снижения цен и являются факторами «невозврата» к ценам прошлых сезонов. Более того, отсутствие динамики роста ВВП на фоне постепенного снижения спроса на нефть в мире (согласно прогнозам Всемирного банка) формирует дополнительный негативный момент в развитии ситуации в стране в средне- и долгосрочной

перспективе. Иными словами, на данный момент логические предпосылки для значительного снижения цен на рынке жилья отсутствуют. Приходится констатировать, что на рынке жилья «пузырь» не сформирован, вероятность его сдутия минимальна, т. к. цены в ближайшей перспективе не подлежат значительному уменьшению.

Полученные результаты не противоречат мнению ряда экспертов рынка недвижимости, которые выражают мнение о появлении признаков стагнации на рынке жилья в 2021 году. Почти половина опрошенных риелторов (45%)

предположили, что спрос на недвижимость после 2020 года сократится в связи с ростом цен. Порядка 15% специалистов рынка недвижимости прогнозируют снижение цен и дальнейшую рецессию на рынке. Продление льготной ипотеки с учетом наличия отложенного спроса и снижения объемов предложения на рынке, по мнению трети опрошенных, приведет к росту цен на жилье от 4–5 до 20%.

Заключение

Полученные результаты подтвердили гипотезы о том, что ценовой скачок на рынке новостроек является следствием «двойного бума» по причине сокращения процентной ставки на ИЖК и повышения спроса на недвижимость. Рост масштаба рынка спроса имеет свой предел, особенно в условиях возросших цен на жилье. В связи с этим вероятность сдутия «пузыря» на рынке жилой недвижимости незначительна. Более того, в среднесрочной перспективе ожидается стагнация ценовых колебаний, подтвержденная результатами прогнозирования с использованием искусственных нейронных сетей.

Из-за отсутствия перспектив роста доходной части бюджета у российского населения при высоких ценах на жилье граждане откладывают покупку жилья на неопределенное время. Как показали результаты расчетов, рост цен привел к снижению доступности жилья по классическому варианту на полгода, по модифицированному – почти на год. Учитывая, что три года по методике доступности жилья – это почти 10 лет ипотеки [3, с. 321], нетрудно определить, какой дополнительный период недоступности жилья ожидает российских граждан. Более того, в условиях, когда период кредитования растягивается, а величина первоначального взноса растет, следует говорить не о повышении доступности жилья через снижение ставки, а о повышении степени закредитованности населения и появлении «ипотечного крючка» для россиян. Является ли сокращение ставки по ИЖК запланированным шагом денежно-кредитной политики в целях поддержки российского банковского сектора или, как сказал бывший премьер-министр РФ В.С. Черномырдин:

«Хотели как лучше, а получилось, как всегда», – покажет время. Но уже сейчас с уверенностью можно сказать, что «ипотечный крючок» и введение эскроу-счетов в большей степени на руку банкирам и лишь отчасти простым гражданам, нуждающимся в жилье.

В настоящее время решение задачи повышения доступности жилья видится в совершенствовании социально-экономической политики в стране в части эффективного использования природной ренты, о чем неоднократно заявлял еще в конце 1990-х гг. академик Д.С. Львов. Ученый настаивал на невозможности ее сосредоточения в руках определенной группы людей. По его мнению [33, с. 31], природная рента должна работать на благо всего населения страны. Это позволит основную часть полученных доходов направлять на инвестиции и развитие экономики. Указанные действия, наряду с упрощением законодательства и налогообложения малого предпринимательства как источника новых рабочих мест, позволят активизировать деятельность в части повышения доходов населения. Решить задачу доступности жилья только с помощью отдельных макроэкономических факторов невозможно, поэтому в целях расширения доступности и обеспеченности жильем российских граждан следует проводить целенаправленную политику в части роста доходов и заработной платы.

Результаты проведенного исследования могут быть востребованы федеральными и региональными органами управления при разработке программ развития жилищной сферы территорий, а также мероприятий в рамках социальной политики, направленных на повышение доступности жилья. Используемый методический инструментарий может применяться государственными органами власти и частными финансовыми компаниями при проведении ими собственных исследований рынка жилой недвижимости. В перспективе возможно исследование доступности жилья для различных доходных страт населения, в т. ч. с использованием результатов социологических опросов.

Литература

1. Мареева С.В. Немонетарные неравенства и их воздействие на экономическое положение населения // Российское общество и вызовы времени. Книга третья / М.К. Горшков [и др.]; под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016. С. 247–265.
2. Басова Е.А. Теоретико-методологические основы исследования категории «немонетарное неравенство» // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 3. С. 415–427. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.3.415-427>
3. Аганбегян А.Г. О приоритетах социальной политики. М: Дело, 2020. 512 с.
4. Классика экономической мысли: сочинения / В. Петти, А. Смит, Д. Рикардо, Дж. Кейнс, М. Фридмен. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 896 с.
5. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения: избранное / [пер. с англ.; предисл. П.Н. Ключкина]. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
6. Маршалл А. Принципы экономической науки. М.: Прогресс, 1993. Т. 1. 415 с.
7. Lin Y. Application of nonparametric regression in house price forecast. *Advances in Social Sciences January*, 2020, vol. 09 (08), pp. 1123–1131. DOI: 10.12677/ASS.2020.98156
8. Gao P., Zhang R., Yang X. The application of stock index price prediction with neural network. *Mathematical and Computational Applications*, 2020, vol. 25 (3), pp. 53–69. DOI: 10.3390/mca25030053
9. Ясницкий Л.Н., Ясницкий В.Л. Разработка и применение комплексных нейросетевых моделей массовой оценки и прогнозирования стоимости жилых объектов на примере рынков недвижимости Екатеринбурга и Перми // Имущественные отношения в РФ. 2017. № 3. С. 68–84.
10. Yilmaz B., Kestel S. A stochastic approach to model housing markets: The US housing market case. *Numerical Algebra*, 2018, vol. 8 (4), pp. 481–492. DOI: 10.3934/naco.2018030
11. Нетунаев Е.Б. Эффективность денежно-кредитной политики как инструмента противодействия финансовым пузырям // Вестник Института экономики РАН. 2018. № 3. С. 134–150.
12. Glaeser E., Gottlieb J.D., Tobio K. Housing booms and city centers. *American Economic Review*, 2012, vol. 102 (3), pp. 127–133. DOI: 10.1257/aer.102.3.127
13. Aoki K., Proudman J., Gertjan V. House prices, consumption, and monetary policy: A financial accelerator approach. *Journal of Financial Intermediation*, 2004, vol. 13, pp. 414–435.
14. Glaeser E.L., Gyourko J., Saiz A. Housing supply and housing bubbles. *Journal of Urban Economics*, 2008, vol. 64, pp. 198–217.
15. Caraianni P., Luiky M.-A., Wesselbaumz D. Credit policy and asset price bubbles. *Journal of Macroeconomics*, 2020, vol. 65, pp. 103–229. DOI: 10.1016/j.jmacro.2020.103229
16. Dokko J., Doyle B.M., Kiley M.T., Kim J. Monetary policy and the global housing bubble. *Economic Policy*, 2011, vol. 26 (66), pp. 237–287. DOI: 10.1111/j.1468-0327.2011.00262.x
17. Curry B., Morgan P.H., Silver M. Neural networks and non-linear statistical methods: An application to the modelling of price-quality relationships. *Computers and Operations Research*, 2002, vol. 29 (8), pp. 951–969. DOI: 10.1016/S0305-0548(00)00096-4
18. Clapp J. M., Giaccotto C. Evaluating house price forecasts. *Journal of Real Estate Research*, 2002, vol. 24 (1), pp. 1–26.
19. Dua P., Miller S., Smyth D. Using leading indicators to forecast U.S. home sales in a Bayesian vector autoregressive framework. *Journal of Real Estate Finance and Economics*, 1999, no. 18 (2), pp. 191–205.
20. Maqsood Z., Akhtar R., Latif H. Housing price forecastability by using factor analysis. *Pyrex Journal of Business and Finance Management Research*, 2019, vol. 5 (3), pp. 25–31.
21. Chen H., Wang S., Li Z., Xia J., Wei J. The housing price forecasting model based on improved GM model. *Computer Science and Application*, 2018, vol. 08 (12), pp.1804–1812. DOI: 10.12677/CSA.2018.812200
22. Дайитбегов Д.М. Компьютерные технологии анализа данных в эконометрике: монография. М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2018. 587 с.
23. Mariel P., Hoyos D., Meyerhoff J. Econometric Modelling: Basics. In: *Environmental Valuation with Discrete Choice Experiments, Guidance on Design, Implementation and Data Analysis*. 2020. Pp. 61–81. DOI: 10.1007/978-3-030-62669-3_5

24. Балацкий Е.В., Юревич М.А. Использование нейронных сетей для прогнозирования инфляции: новые возможности // Вестник УРФУ. Серия: Экономика и управление. 2018. № 5. С. 823–838.
25. Кетова К.В., Вавилова Д.Д. Оценка тенденций изменения человеческого капитала социально-экономической системы на основе применения алгоритма нейросетевого прогнозирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 6. С. 117–133. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.7
26. Serrano W. The Random Neural Network in Price Predictions. In: *Artificial Intelligence Applications and Innovations*. 2020. Pp. 303–314. DOI:10.1007/978-3-030-49161-1_26
27. Linh M. The hedonic pricing model applied to the housing market. *International Journal of Economics and Business Administration*, 2020, VIII (Special Issue 1), pp. 416–428. DOI: 10.35808/ijeaba/526
28. Gupta N., Nigam S. Crude oil price prediction using Artificial Neural Network. *Procedia Computer Science*, 2020, vol. 170, pp. 642–647. DOI: 10.1016/j.procs.2020.03.136
29. Khalafallah A. Neural Network Based Model for predicting housing market performance. *Tsinghua Science & Technology*, 2008, no. 13, pp. 325–328. DOI: 10.1016/S1007-0214(08)70169-X
30. Хайкин С. Нейронные сети: полный курс. М.: Вильямс, 2006. 1104 с.
31. Кубишин Е.С., Седлов А.П., Соболева И.В. Бедность в России: методология измерения и международные сравнения // Вестник Института экономики РАН. 2021. № 1. С. 56–70. DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-56-70
32. Варламова Т.П. Система ипотечного жилищного кредитования в России: формирование и перспективы развития // Вестник СГСЭУ. 2018. № 5 (74). С. 136–139.
33. Львов Д.С. Россия: рамки реальности и контуры будущего // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 2007. № 37. С. 27–33.

Сведения об авторе

Елена Александровна Басова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: elbas@yandex.ru)

Basova E.A.

Mortgage Availability vs. Availability of Housing. We Wanted the Best, but It Turned Out...?

Abstract. The Russian government’s decision to lower mortgage rates in the spring of 2020 was announced as a measure to support the population during the spread of coronavirus infection. However, is this decision optimal and strategically correct in terms of improving the availability of housing for Russian citizens in the future? In the context of rising real estate prices, this issue in domestic economic research is insufficiently addressed. The relevance of the research is additionally conditioned by the evaluation necessity of the “bubble” formation probability on the primary housing market due to the “double boom”. In this paper, we present the study results of availability of housing dynamics for the period from 2000 to 2020. We identified the regions with the lowest and the highest availability of housing. We have studied the current state of the mortgage lending market in Russia and constructed a multiple regression factor model for residential real estate prices on the new housing market. The scientific novelty of the presented research consists in the determination of the reasons of the rash growth of real estate prices in the spring of 2020 on the Russian housing market and their forecast for the medium term period. It is recognized that in modern conditions the key factor contributing to the increase in primary housing prices is the reduction in mortgage interest rates on loans. The decision to sharply reduce the interest rate has caused an increased demand for housing and the subsequent excessive growth of prices, which ultimately did not contribute to the availability of housing. We substantiate the absence of a “bubble” and the reasons for lower prices

on the Russian residential real estate market in the short term. We have implemented the forecasting of primary housing prices through a combination of traditional economic tools and neural networks. The persistence of significant price levels on the Russian market of new buildings in the medium term can be explained by the negative trends in the development of key influencing factors and other macroeconomic indicators characterizing the socio-economic development of the country. We have proposed managerial measures aimed at expanding the availability of housing for Russian citizens.

Key words: availability of housing, preferential mortgage lending, primary housing market, real estate price growth factors, neural network modeling.

Information about the Author

Elena A. Basova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: elbas@yandex.ru)

Статья поступила 11.05.2021.

Проблемы обеспечения сбалансированности развития северного региона: эколого-экономический аспект*

Марина Анатольевна

ЛЕБЕДЕВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: lebedevamarina1@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7310-6143; ResearcherID: R-8097-2018

Сергей Александрович

КОЖЕВНИКОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru

ORCID: 0000-0001-9063-6587; ResearcherID: I-8373-2016

Аннотация. В современных условиях с учетом национальных целей развития России до 2030 года одной из актуальных задач выступает обеспечение развития регионов страны на принципах эколого-экономической сбалансированности, что особенно актуально для северных территорий России по причине большей уязвимости и меньшей скорости восстановления их экосистем. В связи с этим целью работы является исследование особенностей и проблем обеспечения эколого-экономической сбалансированности развития северного региона, а также обоснование инструментов для их решения. В качестве объекта исследования рассматривается Европейский

* Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0004 «Совершенствование механизмов развития и эффективного использования потенциала социально-экономических систем».

Для цитирования: Лебедева М.А., Кожевников С.А. Проблемы обеспечения сбалансированности развития северного региона: эколого-экономический аспект // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 4. С. 131–149. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.8

For citation: Lebedeva M.A., Kozhevnikov S.A. Problems of providing balanced development of the northern region: ecological and economic aspect. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 4, pp. 131–149. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.8

Север России как регион, обладающий огромным природно-ресурсным и геостратегическим потенциалом и занимающий важное место на территории Севера. Основу методологии составила модель П. Виктора, позволяющая оценить наличие или отсутствие эффекта декаплинга в региональном развитии. В дальнейшем тенденции были проанализированы на соответствие принципам эколого-экономической сбалансированности. В результате установлено, что по всем видам антропогенного воздействия в 2007–2018 гг. эффекта декаплинга не наблюдалось. Более того, рассмотренные тенденции не соответствуют ключевым принципам эколого-экономической сбалансированности, в том числе по причине низких темпов внедрения экологических инноваций в хозяйственную деятельность в связи с их дороговизной. Этим обусловлена необходимость сформировать механизм эколого-экономической сбалансированности развития, важнейшим элементом которого может стать региональный фонд поддержки внедрения наилучших доступных технологий. Фонд будет играть роль финансового инструмента, стимулирующего внедрение инноваций на предприятиях, экологизирующих свою деятельность. Научная новизна работы заключается в совершенствовании методического инструментария оценки и обеспечения эколого-экономической сбалансированности регионального развития. Направлением дальнейших исследований станет более подробная детализация механизма обеспечения эколого-экономической сбалансированности в развитии северных регионов страны.

Ключевые слова: эколого-экономическая сбалансированность, устойчивое развитие, Европейский Север России, декаплинг, природоемкость, наилучшие доступные технологии.

Введение

Как свидетельствуют исследования ведущих ученых, одним из лимитирующих факторов экономического роста в регионах России является деградация природной среды и ее ресурсов — текущих и потенциальных экономических активов. Соответственно, одной из важных проблем выступает обеспечение определенного баланса между экономическим и природным воспроизводством. Однако равновесие хозяйственной деятельности в регионе и воспроизводство его природных систем возможно лишь при соблюдении всех принципов эколого-экономической сбалансированности развития [1–3].

В настоящее время проблемы сбалансированного эколого-экономического развития относятся к числу приоритетных в региональной политике большинства стран мира [2]. Проблемы развития социальной, экономической и экологической подсистем регионов не могут рассматриваться отдельно, так как находятся в тесном взаимодействии друг с другом, и преобразования в одной из них непременно отражаются на остальных.

Актуальность работы подтверждается также тем, что в последние годы был принят ряд документов, определяющих направления эколого-экономического развития страны. Особое место среди них занимает Указ Президента РФ от

21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», в котором обозначена такая стратегическая цель, как создание комфортной и безопасной среды для жизни, в том числе через улучшение экологических условий¹.

Важно отметить, что в настоящее время создаются механизмы для обеспечения устойчивого экономического роста и сокращения антропогенного воздействия на экологию, однако механизмы для комплексного сбалансированного эколого-экономического развития в настоящее время отсутствуют, а отдельные меры все еще остаются недостаточными. Например, в рамках нацпроекта «Экология» запланировано, что в сфере обработки и утилизации твердых коммунальных отходов (ТКО) доля импортного оборудования не должна превышать 22%. Данная мера, помимо решения «мусорной» проблемы, направлена на повышение инновационной активности (так как эффективную переработку ТКО могут обеспечить только инновационные технологии). Однако в настоящее время при утилизации ТКО используется в основном импортное оборудование, а российское если и

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728>

применяется, то, как правило, в качестве вспомогательного (конвейерные ленты, контейнеры для накопления и др.) [4].

Особенно остро несбалансированность эколого-экономического развития отражается на северных регионах, которые являются территориями со значительным минерально-сырьевым потенциалом и развитой промышленностью, оказывающей существенную антропогенную нагрузку, а также с весьма небольшим ассимиляционным потенциалом² в силу природно-климатических условий.

Несбалансированность эколого-экономического развития в прошлые годы привела к тому, что только на территории Европейского Севера России (ЕСР) на 07.05.2021 насчитывалось 18 объектов накопленного вреда окружающей среде³, сконцентрированных, главным образом, на Крайнем Севере (Мурманская область и Ненецкий автономный округ). Негативному воздействию таких объектов подвержено более миллиона человек (табл. 1).

К тому же нет оснований полагать, что в ГРОНВОС³ учтены все объекты; о многих просто не сообщалось или заявка могла не соответствовать требованиям, из-за чего была отклонена. Вышесказанное обуславливает актуальность представленного исследования.

Целью работы является исследование особенностей и проблем обеспечения эколого-экономической сбалансированности развития северного региона, а также обоснование инструментов для их решения.

Объектом исследования стал Европейский Север России как регион, занимающий важное место на территории Севера и обладающий огромным природно-ресурсным и геостратегическим потенциалом.

Практическая значимость работы состоит в возможности использовать полученные результаты при совершенствовании федеральной и региональной политики, направленной на обеспечение сбалансированного эколого-экономического развития северных регионов России.

Теоретические аспекты исследования

Эколого-экономическая сбалансированность (ЭЭС) выступает неотъемлемой составляющей устойчивого развития. Внедрение его идей следует осуществлять именно на региональном уровне, в силу того что регионы являются исторически наиболее устойчивыми территориальными образованиями, которые равноудалены в управленческом пространстве федерации (центр – федеральные округа – регионы – муниципалитеты (районы) – гражданин) [5].

В настоящее время непосредственно проблематике ЭЭС не уделяется достаточно внимания. Как правило, она является неотъемлемым элементом таких концепций, как *устойчивое развитие* [5; 6], *зеленая экономика* [7], *синяя экономика* [8; 9], *циркулярная экономика* [10; 11]. По причине того что эколого-экономическая сбалансированность рассматривается только через призму вышеуказанных концепций, формулировок ее определений также крайне мало. Это подтвердил анализ отечественных и зарубежных

Таблица 1. Объекты накопленного экологического вреда на территории ЕСР

Субъект	Количество объектов накопленного экологического вреда, ед.	Количество населения, подверженного отрицательному воздействию объектов накопленного экологического вреда, тыс. чел.
Мурманская область	16	1113,6
Ненецкий автономный округ	2	0,625

Источник: Сведения, содержащиеся в государственном реестре объектов накопленного вреда окружающей среде (по состоянию на 07.05.2021). URL: http://www.mnr.gov.ru/docs/docs/svedeniya_soderzhashchiesya_v_gosudarstvennom_reestre_obektov_nakoplenogo_vreda_okruzhayushchey_srede/

² Ассимиляционный потенциал – это способность окружающей природной среды (атмосферы, водных источников, почвы) воспринимать различные антропогенные воздействия (в том числе вредные примеси) в определенных масштабах без изменения своих основных свойств в неопределенно длительной перспективе.

³ Накопленный вред окружающей среде – вред, возникший в итоге прошлой деятельности, обязанности по устранению которого не были выполнены либо были выполнены не в полном объеме. Для учета объектов, оказывающих такое воздействие на окружающую среду, создан Государственный реестр объектов накопленного вреда окружающей среде (ГРОНВОС).

исследований. На наш взгляд, наиболее точное и емкое определение ЭЭС было предложено д.э.н., проф. М.Ф. Замятиной. В соответствии с ним ЭЭС — «баланс ресурсно-экологических возможностей территории с потребностями региональной социально-экономической системы, который обеспечивает воспроизводство природного, человеческого, произведенного капитала» [2, с. 7].

ЭЭС воплощается через ряд принципов (табл. 2).

По своей природе эколого-экономическая сбалансированность развития выражается через эффект декаплинга — явление, когда одновременно наблюдаются рост экономики и снижение показателей антропогенной нагрузки [12; 13; 14]. Различие между ЭЭС развития и декаплингом, на наш взгляд, заключается в том, что декаплинг практически не учитывает инновационную активность в экономике, а только отражает динамику изменения экономического роста и экологической нагрузки без уточнения причинно-следственных связей.

Выделяется несколько видов декаплинга. Наиболее распространены абсолютный декаплинг, при котором экономический рост сопровождается снижением использования ресурсов или антропогенной нагрузки, и относительный, при котором темп экономического роста должен превышать темп роста ресурсопотребления или негативного воздействия на окружающую среду. Кроме того, различают декаплинг по

географическому масштабу (местный, региональный, национальный, глобальный), а также по охвату экономики (отраслевой или в целом по экономической системе). В результате обзора 179 публикаций, проведенного Т. Vadén с соавторами [8], установлено, что исследователи чаще всего рассматривают относительный декаплинг на местном, региональном или национальном уровне с охватом всей экономической системы.

Более широкой и в то же время наиболее близкой к эколого-экономической сбалансированности концепцией является зеленая экономика. «Зеленая экономика — экономика, которая способствует улучшению благосостояния людей и социальной справедливости, а также значительно снижает экологические риски и экологические недостатки» [15, с. 9]. На наш взгляд, понятие зеленой экономики несколько шире эколого-экономической сбалансированности, в силу того что она должна учитывать и социальный аспект, а также базироваться на принципах ЭЭС.

Однако до сих пор идет обсуждение некоторых вопросов относительно взаимосвязи зеленой экономики, эколого-экономической сбалансированности и эффекта декаплинга. Так, американский ученый, профессор Д. Медоуз утверждает, что есть множество исследований, подтверждающих, что эффект декаплинга не работает⁴. Профессор Санкт-Петербургского

Таблица 2. Принципы эколого-экономической сбалансированности

Принцип	Содержание
Системность	Важно учитывать свойства не только каждого отдельного элемента, но и системы в целом, как результат взаимодействия элементов, ее составляющих
Учет экологической емкости природной среды	При реализации хозяйственной деятельности необходимо сохранять возможности устойчивого функционирования экосистем как среды для жизни
Повышение замкнутости вещественно-энергетических циклов производства и потребления	Более комплексное использование материалов и энергии снижает объемы изъятия ресурсов из природной среды, соответственно уменьшает затраты на сырье и сохраняет природно-ресурсный потенциал
Инновационность	Снижение экологической нагрузки должно быть обеспечено за счет внедрения энерго- и ресурсосберегающих и эффективных очистных технологий, а не снижения объемов выпускаемой продукции и закрытия грязных производств
Переход к концепции риск-менеджмента	Существует необходимость учета возможного неблагоприятного воздействия на население и природу не только в краткосрочной, но и в долгосрочной перспективе
Источник: Эколого-экономическая сбалансированность регионального развития: методологические и методические основы: монография / под. ред. д.э.н. М.Ф. Замятиной. Санкт-Петербург: ГУАП, 2013. 143 с. С. 20.	

⁴ Вавилов С. Науке предстоит решать проблемы, а не открывать новые горизонты: интервью с Денисом Медоузом — автором известного доклада «Пределы роста» // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/science/2012/05/02_a_4569465.shtml (дата обращения 30.01.2021).

политехнического университета Петра Великого Л.Л. Каменик [16] отмечает, что большинство исследований развития зеленой экономики не связано с эколого-экономической сбалансированностью; по мнению авторов, в таких работах не анализируется ресурсный фактор.

В действительности, во многих работах при оценке используется преимущественно природоемкость как интенсивность загрязнения [14; 17; 18; 19]. Но есть и исследования, в которых применяются оба вида данного показателя (природоемкость как интенсивность загрязнения и как интенсивность затрат природных ресурсов). К ним, например, относится исследование А.О. Акулова [13], касающееся природоемкости угольной промышленности Кемеровской области. На наш взгляд, расчет природоемкости по ресурсному фактору целесообразен только при исследовании определенной отрасли промышленности. В случае расчета этого показателя относительно территории (региона или федерального округа) природоемкость будет зависеть в большей степени от имеющегося природного капитала, а не от хозяйственной деятельности.

В последнее время интерес к этому эффекту не угасает, появляются исследования по разным отраслям деятельности (транспорт, энергетика, строительство, сельское хозяйство), где соотношение экологического и экономического развития оценивается именно через декарбонизацию [8; 17–21]. Так, например, F. Dong, J. Li, X. Zhang, J. Zhu соединили индикатор декарбонизации Тапио (показатель декарбонизации, основанный на показателе эластичности) и экологическую кривую Кузнеца, для того чтобы проанализировать возможность декарбонизации в долгосрочной перспективе и затраты, необходимые для его достижения [17]. С. Gao, H. Ge, Y. Lu, W. Wang, Y. Zhang объединили показатель декарбонизации Тапио, рассчитанный относительно выбросов парниковых газов, и производственную функцию Кобба-Дугласа для изучения экономических факторов, стимулирующих увеличение выбросов [18]. S. Neves и A.C. Marques, рассчитав показатель декарбонизации, применяя моделирование авторегрессии с распределенным лагом, проанализировали роль альтернативных источников энергии в декарбонизации транспортного сектора в США [19].

Обзор наиболее поздних научных трудов позволил установить, что с помощью эффекта декарбонизации можно оценить ресурсные затраты и соответствующий экономический эффект. Однако только этого показателя для оценки эколого-экономической сбалансированности, на наш взгляд, недостаточно. Без дополнительного анализа невозможно понять, за счет чего он достигнут: благодаря внедрению экологических инноваций или простому сокращению объемов производства.

Вопрос эколого-экономической сбалансированности активно обсуждается на политической арене международного уровня. Так, в Европе в 2019 году был принят «Европейский зеленый курс», подразумевающий достижение углеродной нейтральности к 2050 году. Одним из инструментов зеленого развития является трансграничный углеродный налог, который представляет собой не только метод климатического регулирования, но и способ защитить экономические интересы для европейских стран. Как показывают модельные расчеты ИМП РАН, к 2050 году объем нетто-выбросов Европы составит 62 млрд тонн CO₂, что предполагает 85%-ное сокращение выбросов относительно 1990 года. Согласно тем же расчетам, нетто-выброс в России не будет превышать накопленный объем нетто-выбросов в 50 млрд тонн [22].

При этом если в Европе борются против изменения климата введением углеродного налога, то в России обращают внимание в первую очередь на поглощение парниковых газов растениями⁵. На климатическом саммите 22–23 апреля 2021 года Президент России В.В. Путин заявил, что развитие должно быть не просто «зеленым», но и устойчивым во всей полноте этого понятия, т. е. увязываться с такими целями устойчивого развития, как борьба с бедностью и сокращение разрыва между развитыми и развивающимися странами. В качестве ответной меры в России была разработана «Стратегия долгосрочного развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года», в рамках которой предусмотрено снижение уровня выбросов парниковых газов до 64% относительно уровня 1990 года (в наиболее оптимистичном сценарии – до 52%).

⁵ Винников В. Политический климат // Завтра. 2021. № 18. URL: https://zavtra.ru/blogs/politicheskij_klimat

Таким образом, ЭЭС развития регионов и механизмы ее обеспечения остаются недостаточно изученными и требуют дальнейших исследований.

Методы исследования

Для оценки ЭЭС необходимо определить наличие (отсутствие) эффекта декаплинга, затем проанализировать, чем и в какой степени этот эффект обусловлен. Для этого будет использована модель эколого-экономических зон. Ее автор П. Виктор провел ее апробацию на примере парниковых выбросов в Канаде [23]. В дальнейшем на ее основе к.э.н. Т.В. Тихонова оценила качество экономического роста за период 2007–2016 гг. в Республике Коми [24].

Основу модели составляет соотношение темпов роста ВРП и экологической интенсивности (природоемкости). П. Виктор предложил использовать стоимостной показатель природоемкости, рассчитанный как величина экологической нагрузки, приходящаяся на единицу валового регионального продукта ($ЭИ_{врп}$, формула (1)), и натуральный, вычисляемый как размер экологической нагрузки на душу населения ($ЭИ_{чн}$, формула (2)):

$$ЭИ_{врп} = ЭН/ВРП, \quad (1)$$

где ЭН – экологическая нагрузка (в том числе изъятие природных ресурсов);

ВРП – валовой региональный продукт;

$$ЭИ_{чн} = ЭН/ЧН, \quad (2)$$

где ЭН – экологическая нагрузка;

ЧН – численность населения региона.

Темп роста стоимостного и натурального показателей экологической интенсивности рассчитывается по формулам (3) и (4) соответственно.

$$I_{ЭИ_{врп}} = \frac{ЭИ_{врп}^{t+1}}{ЭИ_{врп}^t} \times 100\%, \quad (3)$$

где $I_{ЭИ_{врп}}$ – темп роста стоимостного показателя эко-интенсивности;

$ЭИ_{врп}^{t+1}$ – стоимостной показатель эко-интенсивности текущего периода;

$ЭИ_{врп}^t$ – стоимостной показатель эко-интенсивности предыдущего периода;

$$I_{ЭИ_{чн}} = \frac{ЭИ_{чн}^{t+1}}{ЭИ_{чн}^t} \times 100\%, \quad (4)$$

где $I_{ЭИ_{чн}}$ – темп роста натурального показателя эко-интенсивности;

$ЭИ_{чн}^{t+1}$ – натуральный показатель эко-интенсивности текущего периода;

$ЭИ_{чн}^t$ – натуральный показатель эко-интенсивности текущего периода.

Также следует отметить, что индикатором эколого-экономической сбалансированности может быть *только такой эффект декаплинга, который полностью соответствует ее принципам* (см. табл. 1) [2].

Более того, если учесть, что эффект декаплинга представляет собой процесс устойчивого, долговременного, прогнозируемого и управляемого рассогласования трендов экономического роста и загрязнения окружающей среды, то показатели темпов роста эко-интенсивности должны не только не превышать ежегодные темпы роста ВРП, но и снижаться (или хотя бы не увеличиваться) относительно предыдущего года.

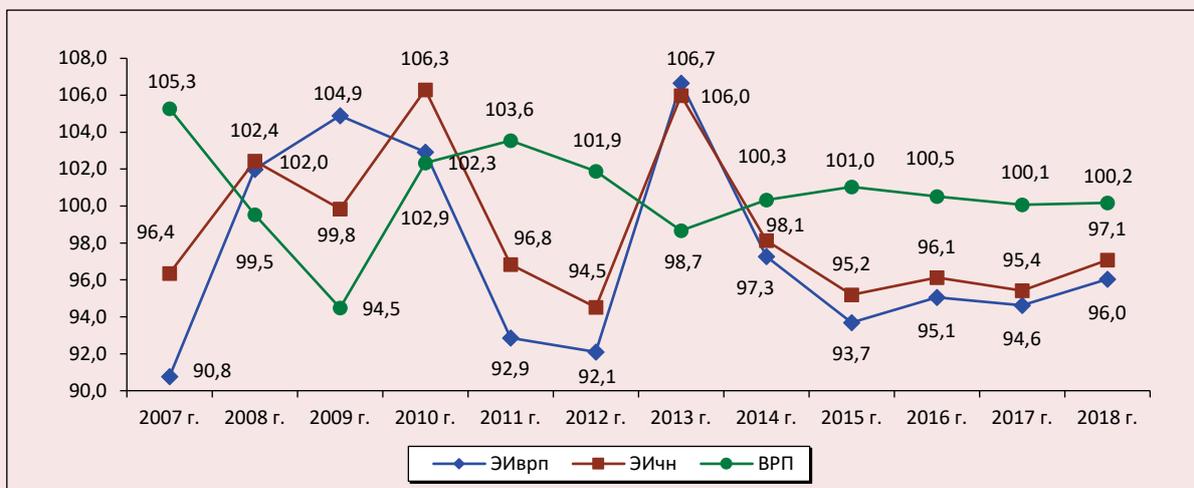
В качестве показателей экологической нагрузки будут использованы объем совокупного выброса загрязняющих веществ (ЗВ) – сумма выбросов от стационарных и передвижных источников в атмосферный воздух с учетом их улавливания и очистки; объем сброса загрязненных (неочищенных и недостаточно очищенных) сточных вод (ЗСВ); объем неутрализованных и неиспользованных отходов производства и потребления (ОПП) – объем образования отходов, скорректированный на величину их переработки и использования. В данной работе расчеты проведены в период с 2007 по 2018 год. В дальнейшем полученные результаты будут проанализированы на соответствие принципам эколого-экономической сбалансированности.

Результаты исследования

Динамика изменения экологической интенсивности в стоимостном и натуральном выражении по выбросам загрязняющих веществ в атмосферный воздух и ВРП представлена на *рисунке 1*.

С 2014 года в отношении антропогенной нагрузки на атмосферный воздух и экономического роста наблюдается эффект декаплинга, однако на данном этапе он не может свидетель-

Рис. 1. Динамика темпов роста экологической интенсивности по выбросам загрязняющих веществ в атмосферный воздух и ВРП ЕСР, %

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. 2006–2020 гг.

ствовать об эколого-экономической сбалансированности. При этом из всех субъектов ЕСР эффект декаплинга в период с 2014 по 2018 год характерен только для Вологодской и Архангельской областей (включая Ненецкий автономный округ).

Как было отмечено ранее, важными принципами эколого-экономической сбалансированности являются инновационность и замкнутость материально-энергетических циклов производства и потребления. Так, относительно внедрения инновационных технологий по очистке отходящих загрязняющих веществ

можно сделать вывод о том, что и инновационная активность (по внедрению наилучших доступных технологий), и замкнутость вещественного цикла явно недостаточны (табл. 3), поскольку современные НДТ позволяют улавливать до 97–99% отходящих ЗВ⁶.

Как следует из таблицы 3, улавливание загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, снизилось, но в то же время сократились и темпы уменьшения экоинтенсивности. Это свидетельствует о том, что данный эффект был достигнут не за счет инновационных очистных технологий.

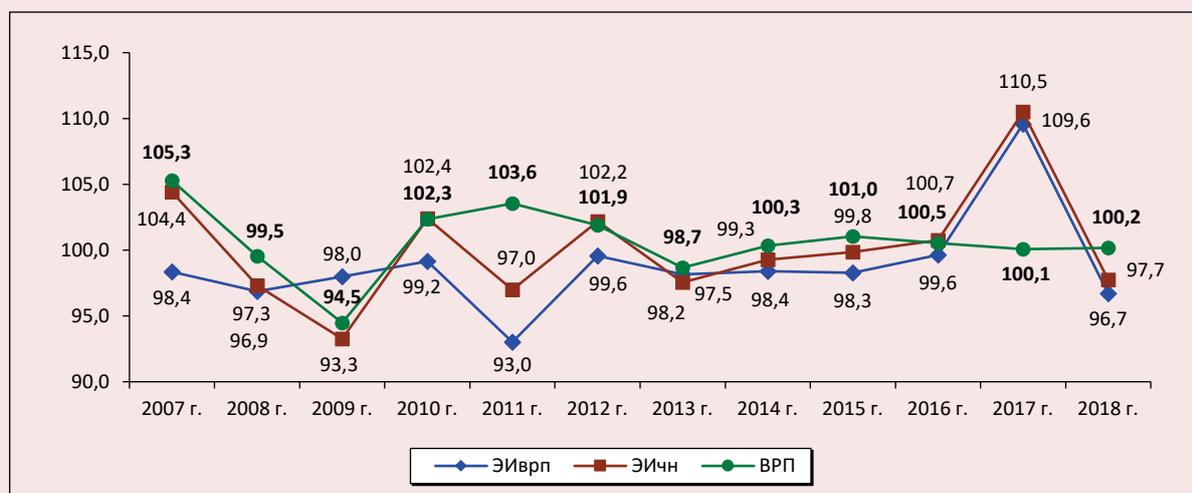
Таблица 3. Доля уловленных загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, %

Территория	2006 г.	2008 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г. к 2006 г., п. п.
Европейский Север России	72,9	73,7	72,1	70,6	67,2	67,6	70,1	71,6	75,9	71,1	-1,8
Республика Карелия	55,4	57,9	56,5	46,5	37,4	45,7	42,9	44,2	47,9	39,5	-15,9
Республика Коми	32,5	31,4	37,9	37,5	33,1	34,9	37,3	38,4	59,6	31,7	-0,8
Архангельская область	68,0	72,7	55,8	70,5	69,9	63,3	62,9	64,0	62,4	67,1	-0,9
в т. ч. Ненецкий АО	н.д.	н.д.	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	-
Архангельская область (без Ненецкого АО)	н.д.	н.д.	72,3	76,3	76,7	72,0	73,6	73,4	73,4	76,1	-
Вологодская область	80,4	81,7	78,9	76,8	71,4	69,4	74,2	75,1	83,3	85,4	5,0
Мурманская область	87,0	85,9	88,5	86,1	85,8	86,7	86,6	88,8	84,8	71,3	-15,7

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. 2020. С. 475.

⁶ ИТС 22-2016 Очистка выбросов вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух при производстве продукции (товаров), а также при проведении работ и оказании услуг на крупных предприятиях. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200143294>

Рис. 2. Динамика темпов роста экологической интенсивности по сбросам загрязненных сточных вод в водные объекты и ВРП ЕСР, %

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. 2007–2020 гг.

Если посмотреть на динамику темпов роста ВРП и природоёмкости по сбросу загрязненных сточных вод (рис. 2), то можно отметить отсутствие эффекта декаплинга, так как данное соотношение показателей не отличается ни устойчивостью, ни управляемостью в долгосрочной перспективе.

На такое соотношение темпов роста ВРП и эко-интенсивности повлиял ряд факторов (замкнутость циклов водопотребления, сброс загрязненных сточных вод). На территории ЕСР замкнутость циклов водопотребления растет довольно медленно и все еще недостаточна (табл. 4, 5), так как современные наилучшие до-

ступные технологии (НДТ) позволяют обеспечить очистку на 99,9% [25]. Возвращаясь к принципам ЭЭС (см. табл. 1), можно отметить, что инновационность и замкнутость вещественно-энергетических циклов недостаточны, а их повышение не является устойчивым (а в Республике Коми и вовсе наблюдается их снижение).

В ЕСР за 2006–2018 гг. доля сточных вод, сбрасываемых без должной очистки, выросла и составила порядка 84% всего объема водоотведения (см. табл. 5). Это формирует довольно высокий уровень антропогенного воздействия и указывает не только на неучет экосистемной емкости, но и на отсутствие

Таблица 4. Доля оборотной воды от общего объема используемой воды, %

Территория	2006 г.	2008 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г. к 2006 г., п. п.
Европейский Север России	66,5	68,1	64,8	68,8	69,7	68,9	69,2	71,4	71,6	70,9	71,2	4,7
Республика Карелия	81,3	81,9	87,1	87,9	86,9	85,3	85,5	85,5	85,7	77,2	76,6	-4,7
Республика Коми	72,1	74,0	63,3	63,4	65,1	66,0	66,8	66,3	65,9	67,4	68,0	-4,1
Архангельская область	56,9	57,5	0,0	56,2	56,7	56,6	57,1	56,9	55,6	57,7	58,1	1,2
в том числе Ненецкий АО	79,8	80,1	81,5	80,4	83,5	86,2	72,8	86,2	88,3	91,5	86,2	6,4
Архангельская область (без НАО)	56,8	57,4	55,2	56,0	56,5	56,3	57,0	56,6	55,1	57,2	57,8	1,0
Вологодская область	84,7	84,8	86,1	87,6	89,0	88,9	89,2	91,2	92,3	94,6	94,8	10,1
Мурманская область	33,9	37,6	35,0	38,3	40,2	35,4	34,7	40,1	40,1	40,2	40,7	6,8

Источник: Государственные доклады о состоянии и охране окружающей среды в субъектах Европейского Севера России за 2006–2018 гг.

Таблица 5. Доля сброса загрязненных сточных вод в объеме общего водоотведения, %

Территория	2006 г.	2008 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г. к 2006 г., п. п
Европейский Север России	77,3	79,6	85,7	84,6	79,8	77,0	82,4	84,9	88,9	83,6	6,3
Республика Карелия	85,2	84,5	92,4	85,5	87,9	87,5	82,2	92,6	88,7	71,3	-13,9
Республика Коми	23,5	22,6	25,0	26,4	24,6	25,5	27,4	25,3	59,4	62,1	38,6
Архангельская область	71,2	73,8	63,9	56,2	53,2	52,3	51,8	49,0	48,8	49,2	-22,0
в том числе Ненецкий АО	92,1	92,0	13,2	5,1	4,4	0,0	0,0	15,9	13,4	15,6	-76,5
Архангельская область (без Ненецкого АО)	71,2	73,7	64,0	56,4	53,3	52,5	52,0	49,1	49,0	49,4	-21,8
Вологодская область	25,4	22,3	26,6	33,9	32,4	30,7	39,0	44,6	70,3	59,7	34,3
Мурманская область	17,2	20,3	19,9	23,0	19,4	19,4	21,6	20,9	20,7	19,4	2,2

Источник: Государственные доклады о состоянии и охране окружающей среды в субъектах Европейского Севера России за 2006–2018 гг.

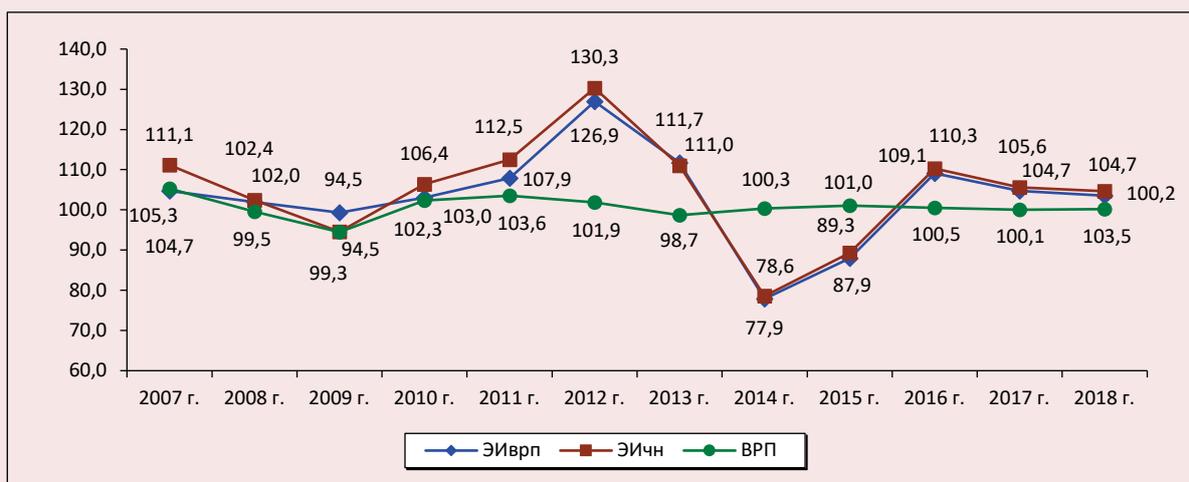
риск-ориентированного подхода к экологическим аспектам хозяйственной деятельности.

В сфере отходов производства и потребления также очевидно отсутствие эффекта декарпинга (рис. 3). В случае с ОПП ЕСР можно констатировать несоответствие большинству принципов ЭЭС. Такая тенденция обусловлена неэффективным обращением с отходами, то есть ситуацией, когда объем образованных отходов растет, а их количество, направленное на переработку, снижается. Так, в ЕСР образование отходов выросло почти наполовину, а их переработка несколько снизилась.

Особенно остро данная проблема проявляется в Архангельской области, где доля переработанных отходов не превышает 6% от объема их образования (табл. 6).

Здесь большой объем образования отходов приходится на предприятия добычи полезных ископаемых. Кроме того, практически за весь период не перерабатывается и не обезвреживается более 90% всех ОПП независимо от количества их образования (то есть рост размещения отходов обусловлен как увеличением их образования, так и недостаточным их использованием и утилизацией).

Рис. 3. Динамика экологической интенсивности по отходам и ВРП ЕСР, %

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006–2020 гг., Государственные доклады субъектов ЕСР по состоянию и охране окружающей среды с 2006 по 2018 г.

Таблица 6. Динамика образования и переработки отходов ЕСР

Территория	Отходы	2006 г.	2008 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г. к 2006 г.
Европейский Север России	Образовано, млн т	323,3	354,4	324	469,3	524,4	412,8	420,5	435,6	448,7	138,8%
	Переработано, %	20,9	19,2	12,6	12,8	14	14,6	25,5	21,2	19,8	-1,1 п. п.
Республика Карелия	Образовано, млн т	101,7	95,6	95,2	136,6	135,8	131,3	128,8	134,2	139,7	137,4%
	Переработано, %	10	0,5	10	5,3	5	5,5	37,1	13,1	9,7	-0,3 п. п.
Республика Коми	Образовано, млн т	16,7	19,1	16,9	24	6,8	7,4	8,4	5,8	5,6	33,5%
	Переработано, %	8,4	8,5	6,4	73,3	25,2	24,2	20,3	18,3	13,9	5,5 п. п.
Архангельская область (вкл. Ненецкий АО)	Образовано, млн т	10,7	17,7	8,3	60,9	126,2	69,7	81,7	81,2	74,7	В 6,9 раза
	Переработано, %	3,4	2,7	2,5	0,5	13,7	2,7	6,2	6,4	5,6	2,2 п. п.
Ненецкий АО	Образовано, млн т	0,6	0,1	0,1	0	0,1	0,1	0,2	0,1	0,1	16,7%
	Переработано, %	0	0	0	0	0	0,1	0	0,1	0,1	0,1 п. п.
Архангельская область (без Ненецкого АО)	Образовано, млн т	10,1	17,6	8,1	60,9	126,1	69,6	81,5	81	74,6	В 7,4 раза
	Переработано, %	33,8	15,4	30,3	0,9	10,9	3,8	7,5	7,8	7,3	-26,5 п. п.
Вологодская область	Образовано, млн т	18,2	18,3	16,6	10,5	14,7	9,1	15	14,9	15,7	86,3%
	Переработано, %	68,7	65,8	75,7	79,6	61,1	78,6	68,1	73,5	67,3	-1,4 п. п.
Мурманская область	Образовано, млн т	22,7	25,2	15,3	26,3	42,1	41,5	41,6	56,2	58,4	В 2,6 раза
	Переработано, %	22,7	25,2	8,2	11,1	17,5	21,2	22,3	28,1	27,4	4,7 п. п.

Источник: Государственные доклады о состоянии и охране окружающей среды в субъектах Европейского Севера России за 2006–2018 гг.

В 2013 году произошло резкое снижение доли утилизированных отходов производства и потребления в Республике Коми (с 73,3 до 25,2%), связанное со снижением доли использованных ОПП в отрасли добычи полезных ископаемых с 73,92 до 1,85%⁷.

Таким образом, развитие субъектов ЕСР можно охарактеризовать как несбалансированное в эколого-экономическом плане, что подтверждает отсутствие эффекта декаплинга в период с 2007 по 2018 год. В отдельных проявлениях (выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух с 2014 года) оно не соответствовало принципам

⁷ Государственный доклад о состоянии и охране окружающей среды в Республике Коми в 2012 году. С. 93.; Государственный доклад о состоянии и охране окружающей среды в Республике Коми в 2013 году. С. 99.

эколого-экономической сбалансированности. Наиболее серьезное проявление несбалансированности эколого-экономического развития наблюдается в сфере обращения с ОПП. Более позитивные тенденции отмечены относительно экологической интенсивности по сбросам загрязненных сточных вод и выбросам загрязняющих веществ в атмосферный воздух.

В ходе исследования была отмечена низкая инновационная активность предприятий региона. Согласно данным рейтинга инновационного развития субъектов России, составленного Высшей школой экономики, субъекты ЕСР занимают ранги во второй его половине. Методика расчета индекса инновационной активности не претерпела изменений с 2008 до 2017 года (табл. 7).

Таблица 7. Уровень инновационного развития регионов

Год	Уровень инновационного развития	Республика Карелия	Республика Коми	Архангельская область	Ненецкий автономный округ	Вологодская область	Мурманская область
2008	Значение индекса	0,27	0,34	0,21	0,17	0,33	0,37
	Ранг	59	28-29	74	82	37	20
2010	Значение индекса	0,34	0,36	0,26	0,18	0,36	0,39
	Ранг	51	40-41	76-77	82	38	27-28
2012	Значение индекса	0,28	0,37	0,32	0,24	0,31	0,36
	Ранг	71	34	58	76	60	40
2013	Значение индекса	0,28	0,36	0,35	0,19	0,32	0,35
	Ранг	68	36	38	79	54	43
2014	Значение индекса	0,31	0,34	0,29	0,20	0,31	0,35
	Ранг	54	41	63	80	55	37
2015	Значение индекса	0,30	0,29	0,29	0,17	0,34	0,35
	Ранг	55	58	59	84	36	30
2017	Значение индекса	0,29	0,30	0,33	0,16	0,33	0,35
	Ранг	60	57	45	84	41	36

Источник: Рейтинг инновационного развития регионов России: информационно-аналитические материалы НИУ ВШЭ с 2010 по 2019 г.

В 2017 году ранг практически у всех субъектов ЕСР (кроме Архангельской области) значительно снизился. Значения индексов в большинстве субъектов также не увеличились, следовательно, можно сделать вывод о том, что уровень инновационного развития ЕСР не может обеспечить «озеленение» экономики, соответствующее требованиям современного мира.

Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в большинстве субъектов ЕСР (кроме Мурманской области) уменьшился. Так, в Республике Карелии в 2012 году он составлял 9,8%, а в 2017 году –

4,8%, в Архангельской области в 2012 году – 7,2%, 2017 году – уже 3,9%, в Вологодской области в 2012 году – 6,1%, в 2017 году – 5,0%. Только в Мурманской области в период с 2012 по 2017 год данный показатель увеличился на 0,2 п. п., составив 6,8%⁸.

В то же время необходимо отметить, что такие негативные тенденции наблюдаются при растущих затратах на технологические инновации, а также увеличении инвестиций в основной капитал, направленных на рациональное использование природных ресурсов и охрану окружающей среды (табл. 8, 9).

Таблица 8. Затраты на технологические инновации, млн руб.*

Регион	2006 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2017 г.	2018 г.
Европейский Север России	13246,2	28574,9	20862,3	16201,4	51276,7	21168,1	14725,0	5645,5	4998,8	18627,8
Республика Карелия	1700,0	7354,6	2679,8	3938,3	1627,6	263,1	93,3	161,9	613,6	767,0
Республика Коми	1397,0	1724,9	1260,4	1904,8	26308,5	2394,8	2573	1118,7	2404,2	7929,2
Архангельская область	819,5	3368,9	2330,3	1019	5471,3	12122,7	4961,8	1982,8	1139,8	3534,8
в т. ч. Ненецкий автономный округ	0,0	0,2	523,9	2,8	9,5	31,4	22,6	39,2	3,8	0,6
Вологодская область	4153,5	6043,4	7758,1	4675,5	16459,4	3742,7	3814,5	758,1	381,5	367,0
Мурманская область	5176,2	10083,1	6833,7	4663,8	1409,9	2644,8	3282,4	1624	459,7	6029,8

* В сопоставимых ценах 2018 года.
Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. 2007–2018 гг.

⁸ ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43685>

Таблица 9. Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды, млн руб.

Субъект ЕСР	2007 г.	2008 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Республика Карелия	311,3	0,0	833,5	885,8	136,6	192,5	123,9	161,5	123,7	55,9
Республика Коми	326,7	802,0	2016,3	853,7	6342,7	12465,6	13502,2	13357,3	5885,1	9609,1
Архангельская область, в т.ч.	1352,8	2016,0	745,7	1311,9	435,3	816,9	952,4	1135,1	4019,9	1084,2
Ненецкий автономный округ	466,7	1015,7	165,6	217,2	0,0	319,0	386,9	435,2	1481,6	311,7
Вологодская область	1605,2	1591,0	377,1	2826,9	2579,4	2470,0	879,5	881,8	1629,0	753,6
Мурманская область	73,7	356,7	586,9	523,2	322,6	1105,1	2163,9	490,7	1017,5	12100,9

Источник: ЕМИСС.

Если в целом по ЕСР затраты на технологические инновации увеличились, то в некоторых субъектах значительно сократились (в Вологодской области в 11 раз, в Республике Карелии – в 2,2 раза).

Основными инновациями для обеспечения ЭЭС являются наилучшие доступные технологии (НДТ), под которыми понимаются «технологии производства продукции (товаров), выполнения работ, оказания услуг, определяемые на основе современных достижений науки и техники и наилучшего сочетания критериев

достижения целей охраны окружающей среды при условии наличия технической возможности их применения»⁹. Для их внедрения был запущен национальный проект «Экология», который на уровне субъектов РФ реализуется через региональные проекты. Вместе с тем на территории ЕСР реализуются далеко не все из них (табл. 10).

Тот факт, что в субъектах ЕСР не осуществляются проекты по сохранению озера Байкал и оздоровлению Волги (за исключением Вологодской области), понятен и обусловлен

Таблица 10. Реализация региональных проектов в субъектах ЕСР

Региональный проект	Республика Карелия	Республика Коми	Архангельская область	Вологодская область	Мурманская область
Чистая страна	-	+	+	+	+
Комплексная система обращения с твёрдыми коммунальными отходами	+	+	+	+	-
Инфраструктура для обращения с отходами I–II классов опасности	-	-	-	-	-
Чистый воздух	-	-	-	+	-
Чистая вода	+	+	+	+	-
Оздоровление Волги	-	-	-	+	-
Сохранение озера Байкал	-	-	-	-	-
Сохранение уникальных водных объектов	+	+	-	+	+
Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма	+	+	-	-	+
Сохранение лесов	+	+	+	+	+
Внедрение наилучших доступных технологий	-	-	-	-	-

Источник: данные официальных сайтов правительств регионов. URL: <http://gov.karelia.ru/natsionalnye-proekty/1457/>; http://project.rkomi.ru/system/attachments/uploads/000/155/850/original/06.12.2018_%D0%9F%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB_%E2%84%967-%D0%9F%D0%A1.pdf; https://dvinaland.ru/gov/national_projects/eco/; https://mpr.gov-murman.ru/activities/implementation_national_projects/

⁹ Наилучшие доступные технологии. Росстандарт. URL: <https://www.gost.ru/portal/gost/home/activity/NDT>

природно-географическими причинами. Однако возникают вопросы относительно того, что не реализуются столь важные проекты, как «Инфраструктура для обращения с отходами I–II классов опасности» (особенно для арктических регионов ЕСР (Мурманская область, Ненецкий автономный округ) со значительным накопленным экологическим ущербом, проблема которого стоит довольно остро), а также проект «Внедрение наилучших доступных технологий», способствующий экологизации экономики регионов и модернизации действующих производств, учитывая отсутствие эффекта декарпинга по основным видам антропогенного воздействия. Таким образом, на территории ЕСР в рамках экологического нацпроекта внедрение НДТ на предприятиях не предусматривается.

Одним из важнейших технических факторов, ограничивающим эффективное внедрение и функционирование НДТ на российских предприятиях, является отсутствие в ряде информационно-технологических справочников (в 16 из 51 ИТС) конкретных маркерных веществ и технологических показателей. Это касается таких областей, как целлюлозно-бумажное производство, химическая промышленность, горнодобывающая промышленность, сельское хозяйство (животноводство), обращение с отходами¹⁰.

Среди основных экономических факторов, препятствующих росту инновационной активности, в том числе и внедрению НДТ, находятся недостаток у предприятий собственных денежных средств и высокая стоимость нововведений, экономические риски, сложности получения заемных средств и чрезмерное государственное регулирование¹¹.

В среднем по России показатели внедрения НДТ сильно уступают показателям среднего уровня. Например, если в России доля внедренных НДТ в обрабатывающей промышленности составляет 25%, то в среднем по миру – 55–60%; в ЖКХ – 12 и 40% соответственно.

¹⁰ Технологические нормативы, технологические показатели и маркерные вещества. Экология производства. URL: <https://news.ecoindustry.ru/2019/09/tehnologicheskie-normativy/>

¹¹ Инновационная деятельность компаний: результаты опроса РСПП. URL: <https://www.rspp.ru/activity/analytics/innovatsionnaya-deyatelnost-kompaniy-rezultaty-opros-a-rspp/>

Примерно такое же соотношение наблюдается в энергетическом комплексе (10% в России и 60% в среднем по миру) и нефтегазовой сфере (20 и 40%)¹².

Учитывая основные проблемы внедрения НДТ, можно сделать вывод о том, что на данный момент без дополнительной помощи субъекты ЕСР не готовы внедрять такие технологии.

Таким образом, основными проблемами при обеспечении сбалансированного эколого-экономического развития региона являются:

- отсутствие риск-ориентированного подхода, что проявляется в накопленном вреде окружающей среде и неучете возможных дополнительных затрат на его ликвидацию;

- недостаточная замкнутость материально-энергетических циклов, подтверждающаяся низкой долей переработки отходов производства и потребления, долей используемой воды в системе замкнутого водоснабжения и долей уловленных загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников;

- низкая инновационная активность: технологические инновации внедряются менее чем на 10% предприятий; субъекты ЕСР занимают ранги только во второй половине рейтинга «Уровень инновационного развития»; кроме того, существенным ограничением для внедрения инноваций выступает их дороговизна;

- неучет экологической емкости, что подтверждается игнорированием северных экологических особенностей при ведении хозяйственной деятельности и, соответственно, является одной из важных причин накопленного вреда окружающей среде;

- отсутствие реализации на территории региона ряда важных государственных проектов (например, «Внедрение наилучших доступных технологий» и «Инфраструктура для обращения с отходами I–II класса»).

Полученные результаты позволяют сделать вывод о необходимости сформировать механизм обеспечения эколого-экономической сбалансированности развития северных регионов страны. Его важнейшим финансовым и организационным элементом может стать стиму-

¹² Федеральный проект «Внедрение наилучших доступных технологий». URL: <https://vyvoz.org/blog/federalnyy-proekt-vnedrenie-nailuchshih-dostupnyh-tehnologiy/#Объективные-потребности-во-внедрении-наилучших-доступных-технологий>

лирование инноваций для экологизации хозяйственной деятельности, главным образом НДТ.

Для этого, на наш взгляд, следует создать систему фондов поддержки внедрения НДТ на хозяйствующих субъектах, функционирующих на уровне субъекта РФ. Схема механизма их работы представлена на *рисунке 4*.

Целью работы такого фонда является финансовая поддержка внедрения НДТ на промышленных предприятиях. Руководство предприятия составляет проект по внедрению НДТ в свою деятельность, где указывает информацию о месте расположения, размере санитарно-

защитной зоны, прилегающей селитебной территории, антропогенном воздействии, оказываемом на окружающую среду, желаемой к приобретению наилучшей доступной технологии, а также о потенциальном эффекте от нее.

Критерии приоритизации проектов для предоставления средств из фонда поддержки внедрения НДТ представлены в *таблице 11*. Методический подход к их выделению опирается, в том числе, на существующие в российской практике критерии отбора проектов в области обращения с отходами и ликвидации накопленного вреда окружающей среде¹³.

Рис. 4. Схема функционирования фонда поддержки внедрения НДТ

Источник: составлено авторами.

¹³ Об утверждении критериев и срока категорирования объектов, накопленный вред окружающей среде на которых подлежит ликвидации в первоочередном порядке: Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 4 августа 2017 г. № 435. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=304047>.

Таблица 11. Критерии приоритизации проектов для предоставления средств из фонда

<i>1. Доля населения муниципального образования, проживающего на территории, подвергшейся негативному воздействию (j = 0,2)</i>		
Значение		Балл
На территории не проживает населения		0
Менее 1%		1
1–20%		2
20–40%		3
40–50%		4
Более 50%		5
<i>2. Площадь территории муниципалитета, подвергшаяся негативному воздействию от деятельности предприятия (j = 0,2)</i>		
Для объектов, размещенных в границах населенных пунктов, га	Для объектов, размещенных за границами населенных пунктов, га	Балл
Менее 0,5	Менее 1	0
1–5	1–10	1
5–15	10–20	2
15–30	20–50	3
30–50	50–100	4
Более 50	Более 100	5
<i>3. Соотношение экологической текущей и прогнозируемой (за счет приобретения новых мощностей) нагрузки (j = 0,2)</i>		
Предполагаемое снижение экологической нагрузки		Балл
Снизится не менее чем на 5%		0
Снизится на 5–10%		1
Снизится на 10–20%		2
Снизится на 20–30%		3
Снизится на 30–50%		4
Снизится более чем на 50%		5
<i>4. Вклад негативного воздействия на окружающую среду в общий НВОС региона (j = 0,2)</i>		
Значение		Балл
Менее 1%		0
1–5%		1
5–10%		2
10–20%		3
20–30%		4
Более 30%		5
<i>5. Значение Суммарного показателя антропогенной нагрузки (СПАН)* (j = 0,2)</i>		
Значение		Балл
0–1		0
1–2		1
2–4		2
4–6		3
6–8		4
Более 8		5
* Суммарный показатель антропогенной нагрузки (СПАН) показывает уровень загрязненности окружающей среды в конкретный момент времени, рассчитывается на основе данных о загрязнении атмосферного воздуха, водных объектов, почвы, шумового воздействия Источник: составлено авторами.		

Общий балл рассчитывается по формуле:

$$I = \sum_{i=1}^5 a_i \times j_i, \quad (5)$$

где I – общий балл по приоритету проекта;
 a_i – балл по значению критерия i ;

j_i – вес критерия i ;
 i – порядковый номер критерия i .

Вес критерия (j_i) определен аналогично весам критериев отбора проектов в области обращения с отходами и ликвидации накопленного вреда окружающей среде.

Максимальное значение I равно 5, минимальное — 0. Соответственно, чем выше значение I , тем выше приоритет проекта для финансирования из фонда. Фонд каждые 6 месяцев проводит контроль целенаправленного расходования предоставленных средств и соответствия полученного экологического эффекта заявленному.

Данный инструмент довольно универсален и может быть применен не только в отношении северных субъектов. Однако, учитывая особенности приоритизации и его территориальную привязку к региону, его функционирование будет направлено на решение наиболее острых эколого-экономических проблем, которые, в свою очередь, наиболее ярко выражены именно на Севере.

В России уже был опыт работы системы подобных фондов, функционирующих на федеральном, региональном и местном уровнях. Схема поступления денежных средств в систему таких фондов заключалась в следующем: средства накапливались на счетах фондов субъектов РФ, а из них каждый квартал распределялись в федеральный и местные фонды. На необходимость возвращения к практике подобных фондов обращали внимание И.П. Блоков, Э.С. Навасардова, Е.В. Ильичева [26; 27; 28].

Однако до создания такого фонда необходимо решить несколько важных вопросов, касающихся непосредственно НДТ. Во-первых, следует доработать информационно-технологические справочники НДТ (ИТС НДТ), так как в трети из них нет технологических показателей и/или перечня маркерных веществ. Во-вторых, обеспечить существенно более низкое значение технологических показателей в ИТС по сравнению с установленными нормативами. Это обусловлено тем, что п. 3 статьи 16.3 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 №7-ФЗ предусматривает для платы за негативное воздействие на окружающую среду понижающий коэффициент «0» при антропогенной нагрузке, соответствующей технологическим показателям после внедрения НДТ, таким образом, делая действие принципа «загрязнитель платит» выборочным.

Заключение

В результате исследования выявлено отсутствие на территории Европейского Севера

России в 2007–2018 гг. эффекта декаплинга, что подтверждает дисбаланс эколого-экономического развития региона. Основной причиной эколого-экономической несбалансированности выступает слабая инновационная активность промышленных предприятий, в том числе в сфере природоохранных мероприятий, чем обусловлены недостаточная замкнутость вещественно-энергетических циклов и несоответствие принципам риск-ориентированного подхода. Сами же предприятия связывают это с дороговизной внедрения новшеств в производство.

Для решения указанной проблемы в работе обосновано создание регионального фонда поддержки внедрения НДТ, механизм функционирования которого направлен на поддержку предприятий, оказывающих наибольшее негативное воздействие на наиболее уязвимой территории. Однако перед этим необходимо доработать информационно-технологические справочники НДТ, а также обеспечить выполнение принципа «загрязнитель платит».

В ходе работы неоднократно возникал вопрос относительно количественных параметров оценки ЭЭС, который в настоящее время является весьма дискуссионным. Однако о сбалансированности регионального развития, на наш взгляд, целесообразно судить преимущественно по сложившимся средне- и долгосрочным тенденциям. При этом эколого-экономическая сбалансированность может характеризоваться одновременным выполнением следующих условий: устойчивый рост ВРП и увеличение объемов отгруженной продукции; снижение эко-интенсивности в стоимостном и натуральном выражении; повышение числа организаций, осуществляющих экологические инновации. Более детально проблема определения количественных параметров сбалансированности развития региона, а также механизм ее обеспечения будут рассмотрены на следующем этапе исследования.

Представленная работа вносит вклад в развитие прикладной и теоретической науки, который заключается в совершенствовании методического инструментария для проведения оценки ЭЭС развития регионов.

Литература

1. Замятина М.Ф. Теоретико-методологические проблемы управления регионом на принципах эколого-экономической и эколого-социальной сбалансированности // Экономика и управление. 2012. Т. 4. № 78. С. 54–59.
2. Эколого-экономическая сбалансированность регионального развития: методологические и методические основы: монография / под. ред. д.э.н. М.Ф. Замятиной. Санкт-Петербург: ГУАП, 2013. 143 с.
3. Проблемы экономического роста территории / Т.В. Ускова, Е.В. Лукин, Т.В. Воронцова, Т.Г. Смирнова. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 170 с.
4. Кудияров Н. Мусор пошел вразнос // Эксперт. 2019. № 50. С. 28–32.
5. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. 355 с.
6. Shah M.M. Sustainable Development. In: *Encyclopedia of Ecology*. 2008.
7. Brandi C., Schwab J., Berger A., Morin J.F. Do environmental provisions in trade agreements make exports from developing countries greener? *World Development*, 2020, vol. 129, 104899.
8. Vadén T., Lähde V., Majava A., Järvensivu P., Toivanen T., Hakala E., Eronen J.T. Decoupling for ecological sustainability: A categorisation and review of research literature. *Environmental Science Policy*, 2020, vol. 112, July, pp. 236–244.
9. Choudhary P., Subhash V., Khade M., Savant S., Musale A., Kumar R.K., Chelliah M.S., Dasgupta S. Empowering blue economy: From underrated ecosystem to sustainable industry. *Journal of Environmental Management*, 2021, vol. 291, April, 112697.
10. Holzer D., Rauter R., Fleiß E., Stern T. Mind the gap: Towards a systematic circular economy encouragement of small and medium-sized companies. *Journal of Cleaner Production*, 2021, vol. 298, 126696.
11. Seroka-Stolka O., Ociepa-Kubicka A. Green logistics and circular economy. *Transportation Research Procedia*, 2019, vol. 39, pp. 471–479.
12. Яшалова Н.Н. Стимулирование устойчивого эколого-экономического развития региона. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015. 372 с.
13. Акулов А.О. Эффект декарбонизации в индустриальном регионе (на примере Кемеровской области) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 4. С. 177–185.
14. Шимова О.С. Оценка эффекта декарбонизации для мониторинга зеленой экономики // Белорусский экономический журнал. 2013. № 2. С. 71–83.
15. *Towards a Green Economy. Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication. A Synthesis for Policy Makers*. Saint-Martin-Bellevue: UNEP, 2011. 52 p.
16. Каменик Л.Л. Эколого-экономическая сбалансированность – стратегия управления инновационным развитием общества XXI века // Вопросы инновационной экономики. 2018. Т. 8. № 1. С. 25–38.
17. Dong F., Li J., Zhang X., Zhu J.A. Decoupling relationship between haze pollution and economic growth: A new decoupling index. *Ecological Indicators*, 2021, vol. 129, 107859.
18. Gao C., Ge H., Lu Y., Wang W., Zhang Y. Decoupling of provincial energy-related CO₂ emissions from economic growth in China and its convergence from 1995 to 2017. *Journal of Cleaner Production*, 2021, vol. 297, 126627.
19. Neves S.A., Marques A.C. The substitution of fossil fuels in the US transportation energy mix: Are emissions decoupling from economic growth? *Research in Transportation Economics*, 2021, 101036.
20. Abam F.I., Ekwe E.B., Diemuodeke O.E., Ofem M.I., Okon B.B., Kadurumba Ch.H., Archibong-Eso A., Effiom S.O., Egbe J.G., Ukuje W.E. Environmental sustainability of the Nigeria transport sector through decomposition and decoupling analysis with future framework for sustainable transport pathways. *Energy Reports*, 2021, vol. 7, pp. 3238–3248.
21. Wang Q., Han X. Is decoupling embodied carbon emissions from economic output in Sino-US trade possible? *Technological Forecasting & Social Change*, 2021, vol. 169, 120805.
22. Порфирьев Б.Н. Зеленая повестка: асимметричный ответ // Эксперт. 2021. № 18–19. С. 19–21.
23. Victor P.A. The Kenneth E. Boulding Memorial Award 2014. Ecological economics: A personal journey. *Ecological Economics*, 2015, vol. 109, pp. 93–100.

24. Тихонова Т.В. Экологическая оценка экономического роста северного региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 162–178.
25. Malkin P. Wastewater treatment system based on nanomodified natural sorbents. *Nanotechnologies in Construction A Scientific Internet-Journal*, 2012. Available at: <https://readera.org/sistema-ochistki-stochnyh-vod-s-ispolzovaniem-nanomodificirovannyh-prirodnih-142212241>
26. Блоков И.П. Окружающая среда и её охрана в России. М.: ОМННО «Совет Гринпис», 2018. 422 с.
27. Навасардова Э.С. Экологические фонды как источник финансирования экологически-значимых мероприятий: историко-правовой анализ // Гуманитарные и юридические исследования. 2013. № 1. С. 89–94.
28. Ильичева Е.В. Система экологических фондов // Управление экономическими системами. 2007. № 11. С. 3–7.

Сведения об авторах

Марина Анатольевна Лебедева – инженер-исследователь, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lebedevamarina1@mail.ru)

Сергей Александрович Кожевников – кандидат экономических наук, заместитель заведующего отделом, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru)

Lebedeva M.A., Kozhevnikov S.A.

Problems of Providing Balanced Development of the Northern Region: Ecological and Economic Aspect

Abstract. Under current conditions, considering the national development goals of Russia through to 2030, one of the urgent tasks is to provide the development of country's regions on the principles of ecological and economic balance, which is especially important for the Russian northern territories because of their greater vulnerability and lower rate of ecosystem restoration. In this regard, the purpose of the work is to study the features and problems of ecological and economic balance in the development of the northern region, as well as to justify the tools to solve them. The object of the study is the Russian North as a region which has enormous natural resource and geostrategic potential, and occupies an important place in the territory of the North. The basis of the methodology is the of P. Victor model, which makes it possible to assess the presence or absence of the decoupling effect in the regional development. Subsequently, we analyze the trends for compliance with the principles of ecological and economic balance. As a result, we have found that there is no decoupling effect for all types of anthropogenic impacts in 2007^{TM}2018. Moreover, the considered trends do not meet the key principles of ecological and economic balance including the reason of the low implementation rate of environmental innovations in economic activity due to their high cost. This necessitates the need to form a mechanism of ecological and economic balance of development; it's most important element could be a regional fund to support the implementation of the best available technologies. The fund plays the role of a financial tool to stimulate the introduction of innovations in the enterprises that are greening their activities. The scientific novelty of the work is to improve the methodological tools for assessing and providing the ecological and economic balance of the regional development. The direction for further research will be a more detailed elaboration of the mechanism to provide ecological and economic balance in the development of the northern regions in the country.

Key words: ecological and economic balance, sustainable development, Russia North, decoupling, natural recourse intensity, best available technologies.

Information about the Authors

Marina A. Lebedeva – Research Engineer, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lebedevamarina1@mail.ru)

Sergei A. Kozhevnikov – Candidate of Sciences (Economics), Deputy Head of Department, Leading Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru)

Статья поступила 31.03.2021.

Развитие процессов территориальной дифференциации аграрного производства Нечерноземья и их современные тренды

**Александр Иванович
КОСТЯЕВ**

Институт аграрной экономики и развития сельских территорий
Санкт-Петербургского федерального исследовательского центра РАН
Санкт-Петербург, Пушкин, Российская Федерация
e-mail: galekos46@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4041-6935; ResearcherID: N-2841-2019

**Галина Николаевна
НИКОНОВА**

Институт аграрной экономики и развития сельских территорий
Санкт-Петербургского федерального исследовательского центра РАН
Санкт-Петербург, Пушкин, Российская Федерация
e-mail: galekos@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7605-0237; ResearcherID: G-2365-2018

Аннотация. В российском Нечерноземье сохраняется недопустимый контраст между уровнем социально-экономического развития городов и наличием «зон запустения» на сельских территориях. В свою очередь сельские территории регионов избыточно дифференцированы и поляризованы. В одних развивается инновационное аграрное производство, растет численность сельских жителей, в других – сокращается товарное производство, усиливается депопуляция населения, происходит социальное опустынивание и сжатие пространства. Социально-экономические явления на сельских территориях зависят от направлений и темпов динамики аграрного производства. Отсюда вытекает основная идея, представленная в статье, – рассмотрение процесса дифференциации аграрного производства как первоосновы формирования неодно-

Для цитирования: Костяев А.И., Никонова Г.Н. Развитие процессов территориальной дифференциации аграрного производства Нечерноземья и их современные тренды // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 4. С. 150–168. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.9

For citation: Kostyaev A.I., Nikonova G.N. Developing territorial differentiation processes of agricultural production in the Non-Black Earth Region and their current trends. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 4, pp. 150–168. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.9

родности сельских территорий. Цель исследования – выявление уровня и особенностей формирования территориальной дифференциации аграрного производства Нечерноземья в периоды плановой (1974–1990 гг.) и рыночной (1991–2019 гг.) экономики, определение путей снижения ее чрезмерной избыточности. При этом территориальная дифференциация исследовалась с двух сторон: как процесс и как результат этого процесса. Методологически неоднородность развития рассматривалась с позиций концепции «центр – периферия» и теории дифференциальной ренты. Применялась методика многокритериальной стратификации итоговых ранговых шкал. Ранжирование осуществлялось по правилу Борда, страты определялись на порядковых шкалах с использованием тертилей, квартилей, квинтилей. Рассчитывались коэффициенты Джини и фондов. В результате установлен резкий рост межрегиональной дифференциации и поляризации в производстве аграрной продукции в период 1991–2019 гг. По динамике аграрного производства в 1974–1990 гг. выявлено пять типов регионов, рейтинговые позиции которых в последующий период трансформировались по шести направлениям. В завершение определен совокупный уровень межрегиональной дифференциации. Выделены три группы и девять подгрупп регионов, определены различия между ними. Установлены современные тренды процесса дифференциации в производстве аграрной продукции. Предложены пути снижения избыточной дифференциации и поляризации регионов.

Ключевые слова: неоднородность, сельские территории, регион, тип, группа, ареал, темпы прироста, программа.

Введение

Огромная территория страны площадью 2411,2 тыс. км² к северу от Центрально-черноземной полосы вплоть до побережья Северного Ледовитого океана и от Балтийского моря на западе до Уральских гор на востоке относится к Нечерноземной зоне. В 1974–1990 гг. здесь реализовывалась крупномасштабная комплексная программа развития сельского хозяйства (далее – Программа)¹, в результате которой был сформирован производственный потенциал, произошло существенное экономическое и социальное развитие сельских территорий.

С переходом к рыночной экономике созданный потенциал был разрушен на указанной территории в большей степени, чем на остальной части России. Усилилась территориальная дифференциация, что привело к поляризации аграрного производства и сельских территорий регионов. На фоне районов с интенсивно развивающимся аграрным производством и ростом численности сельских жителей выделяются сельские территории с депопуляцией населения и общей депрессивностью. Академик А.В. Петриков и другие ученые отмечают на-

личие на периферийных сельских территориях Нечерноземья процесса социального опустынивания, особенно в Северо-Западном и Центральном экономических районах [1; 2]. Т.Г. Нефедова справедливо определяет происходящие процессы как «фрагментацию сельского пространства», «сжатие периферийного сельского пространства», выделяя «черные дыры» в опорном каркасе коллективного сельского хозяйства Нечерноземья [3; 4]. Наличие феномена «сжатия пространства» в сельском Нечерноземье и его приграничных территориях отмечается и в других публикациях [5; 6]. Ряд авторов выделяет на сельских территориях ареалы и зоны запустения [7]. В сельском Нечерноземье возрождается институт отходничества, исчезнувшего как массовое явление более 100 лет назад [8].

В то же время в Нечерноземной зоне сосредоточен огромный научно-технический, производственный и человеческий потенциал России. Здесь на территории 32 субъектов Федерации проживает 42,2% населения страны, производится около 50% ВРП. Нечерноземье во многом определяет социально-экономическое развитие и обороноспособность России, являясь в системе пространственного развития де-факто геостратегической территорией. Контраст между социально-экономическим потенциалом Нечерноземья и наличием «зон

¹ О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР: Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 20.03.1974 № 206. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 12.05.2021).

запустения» на его сельских территориях, которые во многом и определяют избыточность территориальной неоднородности, требует установления причин, формирующих межрегиональные различия, и типов регионов, образовавшихся в процессе дифференциации.

Отсюда цель исследования — выявление уровня и особенностей формирования территориальной дифференциации аграрного производства Нечерноземья в периоды плановой (1974–1990 гг.) и рыночной (1991–2019 гг.) экономики, определение путей снижения ее чрезмерной избыточности.

Задачи исследования:

- дать общую оценку тенденций в процессе изменения степени неоднородности сельских территорий в производстве аграрной продукции;

- исследовать процесс дифференциации регионов по приросту объемов производства аграрной продукции в период реализации Программы и после 1990 года, установить типы динамики и структурные сдвиги;

- определить совокупный уровень дифференциации (как процесса и результата) аграрного производства регионов, сформировавшийся к 2015–2019 гг.;

- установить современные тренды процесса дифференциации сельских территорий регионов в производстве аграрной продукции;

- обосновать пути снижения избыточной дифференциации и поляризации сельских территорий регионов.

Теоретические аспекты исследования

Аграрный сектор экономики Нечерноземья априори неоднороден из-за зональных контрастов в пространственном распределении агроклиматических и почвенных ресурсов, составляющих естественную основу производства продукции. Наряду с зональностью на процесс дифференциации аграрного производства существенное влияние оказывают азональные факторы, прежде всего наличие крупных городов и городских агломераций, являющихся рынками сбыта продукции сельского хозяйства и центрами сосредоточения ресурсов и услуг для села. Доминирование центростремительных сил в агломерационном процессе «центр — периферия» формирует неравенство в развитии аграрного производства и сельских территорий, прежде всего между ближней,

средней и дальней периферией. Данное явление теоретически рассматривается достаточно давно: Дж. Фридман — 1966 г. [9]; О.В. Грицай, Г.А. Иоффе, А.И. Трейвиш — 1991 г. [10]. По мнению последователей Дж. Фридмана, движущей силой воспроизводства системы отношений «центр — периферия» выступает «постоянная качественная трансформация ядра за счет генерирования, внедрения и диффузии новшеств», которые затем должны распространяться в сторону периферии, давая ей импульс для развития [10, с. 15].

В российских условиях такой механизм проявляется односторонне — главным образом в миграции сельского населения и трудовых ресурсов из периферийных районов в города (центры) и ближнюю периферию, где и концентрируются инвестиции [11, с. 226]. В свою очередь обратная связь — распространение инноваций из центра на периферию — крайне слабая, со всеми вытекающими отсюда последствиями для развития сельских территорий.

В отличие от других исследователей, мы рассматриваем теоретическую конструкцию «центр — периферия» в качестве частного случая теории дифференциальной ренты. Зональные и азональные факторы в совокупности определяют территориальную неоднородность в издержках производства аграрной продукции, а через нее — величину дифференциального дохода с единицы земельных угодий. При плановой экономике инвестиции распределялись между сельскими территориями регионов централизованно и относительно равномерно. В условиях рынка инвестиции концентрируются, как правило, там, где может быть получен наибольший доход от вложений в аграрное производство. В данном случае действие рыночных сил усиливает территориальную неоднородность. Государство, в той или иной мере (программы, субсидии, субвенции и т. п.) воздействуя на развитие аграрного производства, осознанно или нет сглаживает или же усиливает территориальную неоднородность, определяемую объективно действующими факторами.

С учетом сказанного территориальная дифференциация нами понимается в двух значениях: 1) как процесс, способствующий разделению социально-экономического пространства на неоднородные по сопоставимой совокупности признаков сельские территории; 2) как ре-

зультат данного процесса, выраженный неоднородностью сельских территорий. Во втором значении понятия «территориальная дифференциация» и «территориальная неоднородность» употребляются как синонимы.

В первом случае атрибутами территориальной дифференциации являются группы, типы, классы регионов, внутренне относительно однородные по темпам прироста объемов производства аграрной продукции, а во втором – по сложившемуся уровню аграрного производства.

Материалы и методы

Методы изучения территориальной неоднородности универсальны и используются для различных социально-экономических явлений и процессов. Это методы многомерной и вариационной статистики, многомерного шкалирования, ранжирования, методы оценки дифференциации доходов населения (индекс Джини, коэффициент фондов, кривая Лоренца).

Методы многомерной статистики (факторный и кластерный анализ) выглядят привлекательно, но, наряду с положительными результатами [12], могут приводить к абстрактным выводам, интерпретировать которые довольно сложно. Так, при типологии регионов Нечерноземья Ленинградская область с высокоразвитым аграрным сектором была включена в один кластер с Костромской, Смоленской, Псковской и рядом других областей, имеющих признаки депрессии [13].

Неравномерность распределения того или иного явления по территориальным единицам чаще всего исследуется с использованием показателей вариации (размаха вариации, среднего линейного и среднего квадратического отклонения, дисперсии и коэффициента вариации) [14–18]. С помощью методов вариационной статистики, построения на их основе общего синтетического показателя и последующего ранжирования определялась дифференциация стран – членов Евросоюза по уровню социально-экономического развития [19].

Достаточно широкое распространение получили методы ранжирования (метод k -средних и его модификации; ранжирование по влиянию, по правилу Борда; разбиение по Парето и др.) [20; 21]. При этом Б.Г. Миркин и М.А. Орлов к решению рассматриваемой проблемы подходят с позиции многокритериальной стратификации, когда одновременно

осуществляется как ранжирование, так и разбиение и происходит выявление «некоторой «вертикальной» иерархической структуры – ранжирования и «горизонтальной» – слоев более или менее однородных объектов» [21].

Е.С. Губанова и В.С. Клещ, сравнивая методики оценки территориальной неоднородности, пришли к выводу о том, что явных преимуществ тех или иных методов не существует [18, с. 32]. Среди преимуществ методов, выделенных указанными авторами, для нашего случая наиболее важны такие, как «определение территории относительно других территорий», «наглядность и простота интерпретации результатов» и минимальный «уровень сложности расчетов». При этом отмечается, что качество исследования может быть улучшено при использовании двух разных методов.

В связи с вышесказанным, взяв за основу методику многокритериальной стратификации [21], на *этапе ранжирования* мы проверили на предмет использования два метода:

1. Ранжирование по правилу Борда [20], где для каждого объекта x_i устанавливаются ранги $r_j(x_i)$ по всем показателям j , а итоговый ранг r для объекта x_i определяется по сумме частных рангов:

$$r(x_i) = \sum_{j=1}^m r_j(x_i). \quad (1)$$

2. Ранжирование по интегральному показателю, определенному на основе индекса $\bar{\lambda}^r$, учитывающего вариационные характеристики объектов [16]:

$$\bar{\lambda}^r = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (\lambda_i^r)^2}{n}}, \bar{\lambda}^r \in [0; 1], \quad (2)$$

где $\bar{\lambda}^r$ – частный рейтинг региона r по показателю i , $\lambda_i^r = \frac{x_i^r - x_i^{\min}}{x_i^{\max} - x_i^{\min}}$, $\lambda_i^r \in [0; 1]$;

x_i^r – значение i -го показателя в регионе r ;

$x_i^{\max}$, $x_i^{\min}$ – максимальное и минимальное значение i -го показателя в рассматриваемой совокупности регионов в соответствующий период;

n – число регионов [16, с. 115–116].

В ходе проверки выявлено, что результаты по тому и другому методу близки друг к другу. Между показателями итоговых ранговых шкал,

полученных по данным методам, существует высокая и весьма высокая корреляционная связь. Были получены следующие коэффициенты корреляции по Спирмену:

а) по темпам прироста среднегодовых объемов производства аграрной продукции в период реализации Программы (0,72), в 1991–2019 гг. (0,83);

б) по среднегодовым объемам производства аграрной продукции в 1971–1975 и 1986–1990 гг. (1,0), 2015–2019 гг. (0,94);

в) по среднегодовым объемам производства аграрной продукции на 100 га сельхозугодий для всех периодов (0,99).

Учитывая результаты сравнения методов и такие преимущества ранжирования, как «минимальный уровень сложности расчетов», «наглядность и простота интерпретации результатов», за основу в исследовании взят метод по правилу Борда.

На *этапе стратификации* горизонтальные страты регионов выделялись на итоговых ранговых шкалах в зависимости от решаемых задач путем разбиения их тертилями (Q_1, Q_2) на три, квартилями (Q_1, Q_2, Q_3) – на четыре, квинтилями (Q_1, Q_2, Q_3, Q_4) – на пять равных частей. Полученные страты анализировались, при этом особое внимание обращалось на состав регионов в верхних и нижних стратах, для которых характерно наибольшее отклонение от средних величин.

При исследовании территориальной дифференциации как процесса индикаторами послужили темпы прироста объемов производ-

ства основных видов аграрной продукции отдельно для *периода реализации Программы* (1974–1990 гг.) и *периода рыночной экономики* (1991–2019 гг.)

Территориальная неоднородность в статике определялась по объемам производства основных видов аграрной продукции в натуральных показателях и в расчете на 100 га сельхозугодий (пашни) на конец данных периодов. Для исключения влияния случайных (погодных, эпизоотических и др.) факторов темпы прироста определялись по среднегодовым данным в завершающем пятилетии (1986–1990 гг.) относительно периода, предшествующего началу активной реализации Программы (1971–1975 гг.) и в 2015–2019 гг. относительно 1986–1990 гг. Исследование велось с использованием статистических данных ЦСУ и Госкомстата РСФСР и Росстата².

Основные результаты исследования и их обсуждение

Общая оценка тенденций в изменении территориальной неоднородности в объемах производства аграрной продукции. Были построены ранговые шкалы регионов по объемам производства каждого основного вида продукции в направлении от *min* к *max*, затем субъекты РФ стратифицированы по 20%-м группам. Тенденции в изменении уровня неоднородности установлены с использованием коэффициентов Джини (K_g) отражающих территориальную концентрацию производства, и коэффициентов фондов (K_f), показывающих его межрегиональную поляризацию (табл. 1).

Таблица 1. Коэффициенты концентрации и поляризации производства аграрной продукции в регионах Нечерноземья, в среднем за год

K	Период	Вид продукции						
		Зерно	Картофель	Овощи	Льноволокно	Молоко	Мясо	Яйца
K_g	1971–1975 гг.	0,374	0,318	0,445	0,713	0,262	0,269	0,356
	1986–1990 гг.	0,415	0,325	0,439	0,697	0,267	0,260	0,384
	2015–2019 гг.	0,596	0,438	0,392	0,741	0,378	0,436	0,529
K_f	1971–1975 гг.	18,3	8,0	12,6	33,3	4,7	5,0	6,7
	1986–1990 гг.	30,3	7,6	12,3	26,2	4,8	4,4	6,8
	2015–2019 гг.	237,4	15,9	11,6	519,5	11,6	24,7	44,1

Источник: данные стат. ежегодников «Народное хозяйство РСФСР» 1975, 1990 гг., данные Росстата.

² Народное хозяйство РСФСР в 1975 году: стат. ежегодник. М.: Статистика, 1976. 519 с.; Народное хозяйство РСФСР в 1990 году: стат. ежегодник. М.: Республиканский редакционно-издательский центр, 1991. 592 с.; Бюллетени о состоянии сельского хозяйства. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13277> (дата обращения 12.05.2021).

Результаты расчетов позволили сделать ряд выводов:

- на этапе реализации Программы уровень территориальной концентрации производства (за исключением зерна и частично яиц) повышался незначительно, а по овощам, льноволокну и мясу даже снижался, чему способствовало плановое размещение государственных закупок продукции по регионам страны;
- существенный рост территориальной концентрации производства *всех видов* продукции (кроме овощей) произошел после 1990 года, когда в аграрном секторе начали действовать рыночные механизмы;
- переходная и последующая стадии развития рыночной экономики привели к поляризации регионов по объемам производства всех продуктов (кроме овощей);

– наиболее высокий уровень концентрации объемов производства в регионах пятой 20%-й группы отмечается в производстве льноволокна (85,4% от итога), зерна (61,1%) и яиц (58,6%).

Современное состояние территориальной неоднородности аграрного сектора Нечерноземья сформировалось, главным образом, после перехода экономики страны к рынку. Вместе с тем процессы, происходящие в период реализации Программы, оказали существенное влияние на формирование типов регионов и структурных сдвигов в размещении производства продукции сельского хозяйства.

Дифференциация регионов по темпам прироста аграрной продукции в период реализации Программы. При решении данной задачи ранжирование регионов Нечерноземья осуществлялось

Таблица 2. Результаты ранжирования регионов Нечерноземья по темпам прироста объемов производства аграрной продукции за период реализации Программы (от max к min)

Регион	Индивидуальный ранг по отдельным продуктам						Сумма рангов	Итоговый ранг
	зерно	картофель	овощи	молоко	мясо	яйца		
Мурманская область	29	13	1	1	1	1	46	1
Коми АССР	27	6	5	11	2	3	54	2
Архангельская область	11	7	8	21	6	2	55	3
Московская область	21	2	14	4	9	6	56	4
Калининградская область	4	1	6	18	20	8	57	5
Тульская область	3	3	18	15	12	7	58	6
Ленинградская область	25	16	10	2	3	4	60	7
<i>Q₁ Свердловская область</i>	<i>19</i>	<i>11</i>	<i>7</i>	<i>5</i>	<i>10</i>	<i>9</i>	<i>61</i>	<i>8</i>
Чувашская АССР	15	4	9	3	13	18	62	9
Удмуртская АССР	6	5	12	8	15	17	63	10
Марийская АССР	10	8	11	7	11	28	75	11
Пермская область	16	19	4	19	14	5	77	12
Орловская область	1	17	2	14	22	25	81	13
Мордовская АССР	14	10	3	9	24	22	82	14
<i>Q₂ Карельская АССР</i>	<i>28</i>	<i>15</i>	<i>15</i>	<i>6</i>	<i>8</i>	<i>11</i>	<i>83</i>	<i>15</i>
Калужская область	2	12	16	23	17	14	84	16
Владимирская область	12	22	24	12	5	10	85	17
Брянская область	7	9	17	20	25	12	90	18
Ивановская область	13	24	20	17	4	13	91	19
Горьковская область	8	23	21	10	18	15	95	20
Рязанская область	9	14	13	13	26	21	96	21
<i>Q₃ Кировская область</i>	<i>5</i>	<i>18</i>	<i>22</i>	<i>16</i>	<i>16</i>	<i>23</i>	<i>100</i>	<i>22</i>
Вологодская область	20	21	19	22	7	20	109	23
Костромская область	17	20	29	24	19	19	128	24
Ярославская область	23	26	25	26	23	16	139	25
Смоленская область	18	27	23	25	28	24	145	26
Новгородская область	26	25	28	27	21	26	153	27
Калининская область	22	28	26	29	27	27	159	28
Псковская область	24	29	27	28	29	29	166	29

Источники: данные стат. ежегодников «Народное хозяйство РСФСР» 1975, 1990 гг.

по показателям темпов прироста от *max* к *min*, а для их стратификации итоговая ранговая шкала разбивалась квинтилями на 25%-е части. При этом в расчетах не учитывалось льноволокно, производство которого было локализовано в ограниченном числе регионов. Наиболее высокие темпы прироста (по шкале выше Q_1) имела группа северных территорий (Мурманская и Архангельская области и Коми АССР), образующих единый ареал (табл. 2).

Сюда же вошли Московская, Ленинградская и Свердловская области с центрами в городах-миллионерах, а также Тульская область, непосредственно примыкающая к столичному региону, и занимающая обособленное положение Калининградская область. Данная группа регионов отличается наиболее высокими темпами прироста. Во второй 25%-й группе регионов выделяются республики Приволжья (Чувашская, Удмуртская, Марийская и Мордовская АССР) с повышенными темпами прироста, образующие единый ареал. Остальные регионы второй и все регионы третьей 25%-й группы определены нами как территории со средними темпами прироста объемов производства аграрной продукции.

Наиболее однородной оказалась группа регионов по шкале ниже Q_3 с наиболее низкими темпами прироста по большинству видов аграрной продукции и их совокупности в целом (табл. 3).

В нее вошли семь областей центрального и северо-западного Нечерноземья, образующих сплошную полосу, огибающую с северо-восто-

ка, севера и северо-запада Московскую область и далее примыкающую с юга и востока к Ленинградской области. Темпы прироста объемов производства аграрной продукции в этих регионах были ниже средних показателей по Нечерноземью, а в Псковской области они оказались отрицательными по всем позициям.

Таким образом, при оценке структурных изменений в Нечерноземье в период реализации Программы рассматривается пять типов регионов, выделенных по темпам прироста объемов производства аграрной продукции, на основе их места в итоговой ранговой шкале (см. табл. 2): I тип – регионы с наиболее высокими темпами прироста (три региона); II тип – регионы с высокими темпами прироста (пять); III тип – регионы с темпами прироста выше среднего (4); IV тип – регионы со средними темпами прироста (10); V тип – регионы с наиболее низкими темпами прироста (7) (рис. 1).

Проведенные расчеты показали, что темпы прироста объемов производства аграрной продукции за годы реализации Программы по указанным типам регионов сильно дифференцированы (рис. 2).

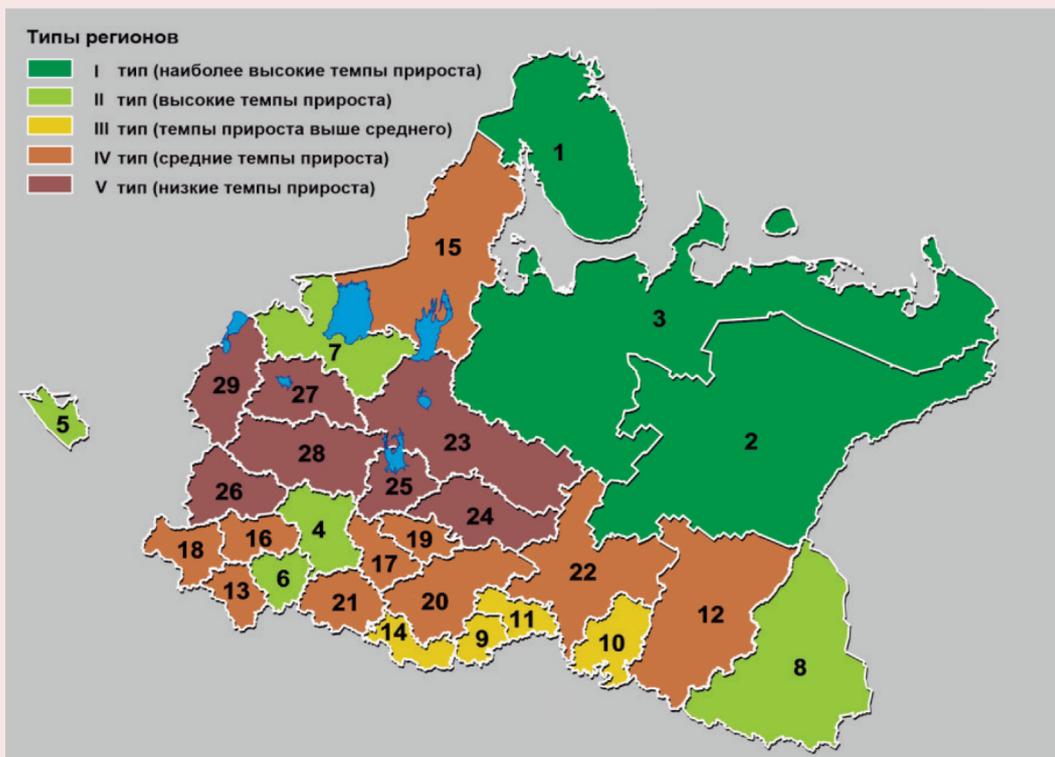
На основе анализа степени дифференциации регионов по темпам прироста продукции определены структурные сдвиги, произошедшие за период реализации Программы. Для регионов I типа заметный положительный структурный сдвиг был отмечен в производстве мяса и яиц, незначительный – в производстве молока, нулевой – по зерну и отрицательный – по льноволокну (рис. 3).

Таблица 3. Темпы прироста объемов производства аграрной продукции в период реализации Программы в группе регионов Нечерноземья с наихудшими показателями, %

Регион	Вид продукции						
	Зерно	Льноволокно	Картофель	Овощи	Молоко	Мясо	Яйца
Вологодская область	-26,5	-44,5	-40,3	-16,9	-1,8	64,1	51,2
Костромская область	-14,6	-20,4	-36,5	-53,6	-7,3	28,9	53,2
Ярославская область	-32,6	-48,6	-47,7	-35,3	-14,4	20	57,3
Смоленская область	-19,7	-35,3	-48,1	-26,6	-13,2	2,9	27,7
Новгородская область	-41,9	-62,3	-47,7	-53,2	-14,5	27,8	20,1
Калининская область	-30,7	-35,9	-48,7	-43,2	-20,7	5	14,7
Псковская область	-37,3	-68,3	-55,7	-49,9	-16,6	-5,7	-10
Нечерноземье в целом	-0,8	-40,2	-29,9	-13,4	7,8	36	76

Источник: данные стат. ежегодников «Народное хозяйство РСФСР» 1975, 1990 гг.

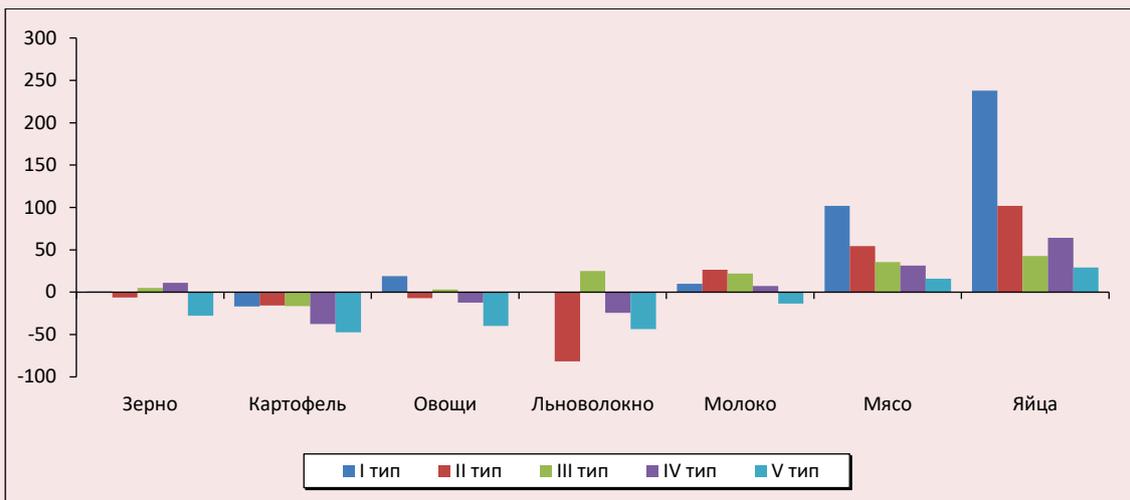
Рис. 1. Типы регионов Нечерноземья по темпам прироста аграрной продукции в период реализации Программы

Цифрами показано место регионов в итоговой ранговой шкале.

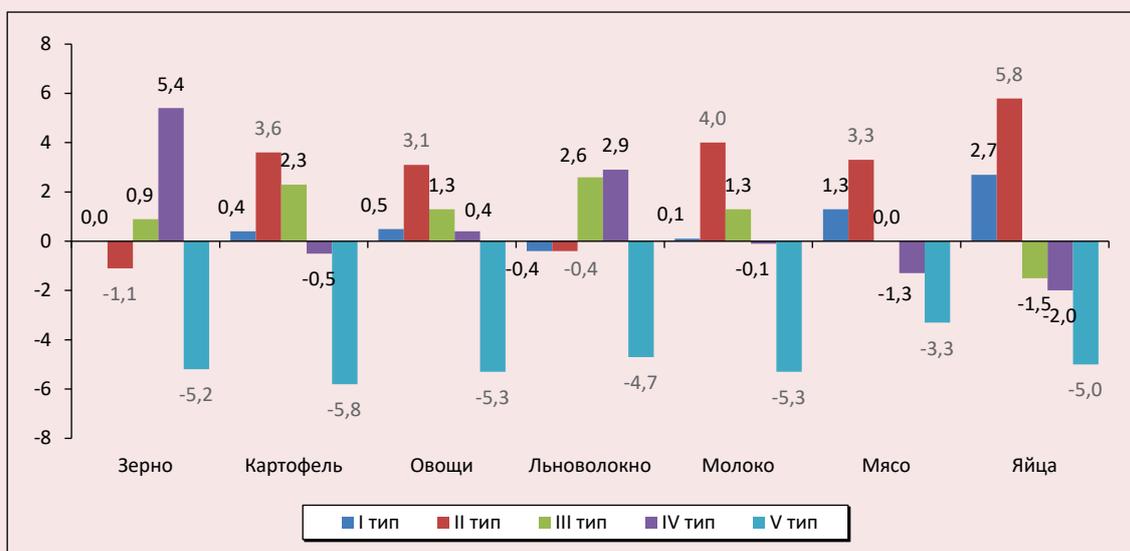
Источник: данные табл. 2.

Рис. 2. Темпы прироста объемов производства аграрной продукции по типам регионов Нечерноземья за период реализации Программы, %

Источник: данные Росстата.

Рис. 3. Структурные сдвиги в производстве аграрной продукции по типам регионов Нечерноземья за период реализации Программы, п. п.

Источник: данные Росстата.

Регионы II типа отличались положительным структурным сдвигом по всем видам продукции сельского хозяйства, кроме зерна и льноволокна. Ситуация с зерном и льноволокном связана с ориентацией сельских территорий данных регионов на развитие пригородного сельского хозяйства – производство малотранспортабельной овощной и молочной продукции, что привело к перераспределению посевных площадей в пользу кормопроизводства. Регионы III типа имели положительный структурный сдвиг по всем видам продукции, кроме мяса и яиц. В производстве мяса прирост был нулевым, яиц – отрицательным. Регионы IV типа характеризовались заметными позитивными сдвигами в производстве зерна и льноволокна, незначительными – овощей и отрицательными – остальных видов продукции. Регионы V типа по всем видам продукции имели отрицательный сдвиг.

Произошедшие структурные сдвиги привели к тому, что к концу периода реализации Программы свыше 45% всех объемов производства овощей и яиц в Нечерноземье оказались сконцентрированными в регионах II типа (рис. 4).

В регионах IV типа производство зерна сосредоточилось более чем на 50%, а по картофе-

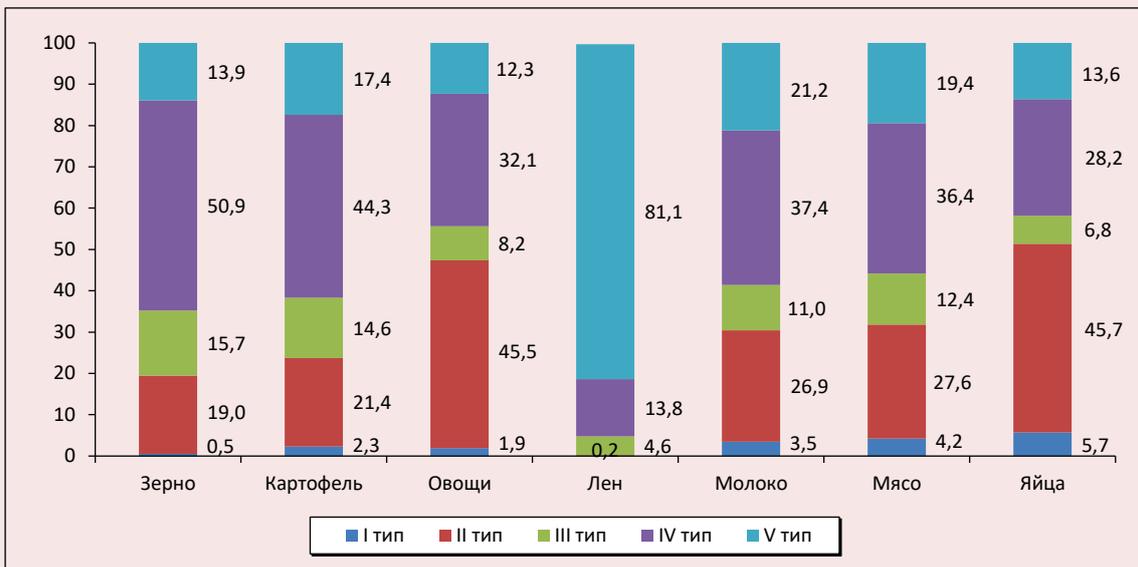
лю, молоку и мясу они доминировали относительно других типов. На фоне всеобщего спада производства в льноводстве свыше 80% объемов льноволокна приходилось на территории V типа регионов.

Наконец, объемы производства всех видов аграрной продукции в регионах I типа, несмотря на высокие темпы прироста и заметные позитивные структурные сдвиги, оказались незначительными относительно других типов.

Дифференциация регионов по темпам прироста объемов производства аграрной продукции в период рыночной экономики. Ранжирование регионов по темпам прироста объемов производства отдельных видов аграрной продукции в период 1991–2019 гг., определение итоговых рангов по правилу Борда и сравнение с аналогичными итоговыми рангами для периода реализации Программы позволили выделить типы регионов по сдвигу их рейтинговых позиций после 1990 года (рис. 5).

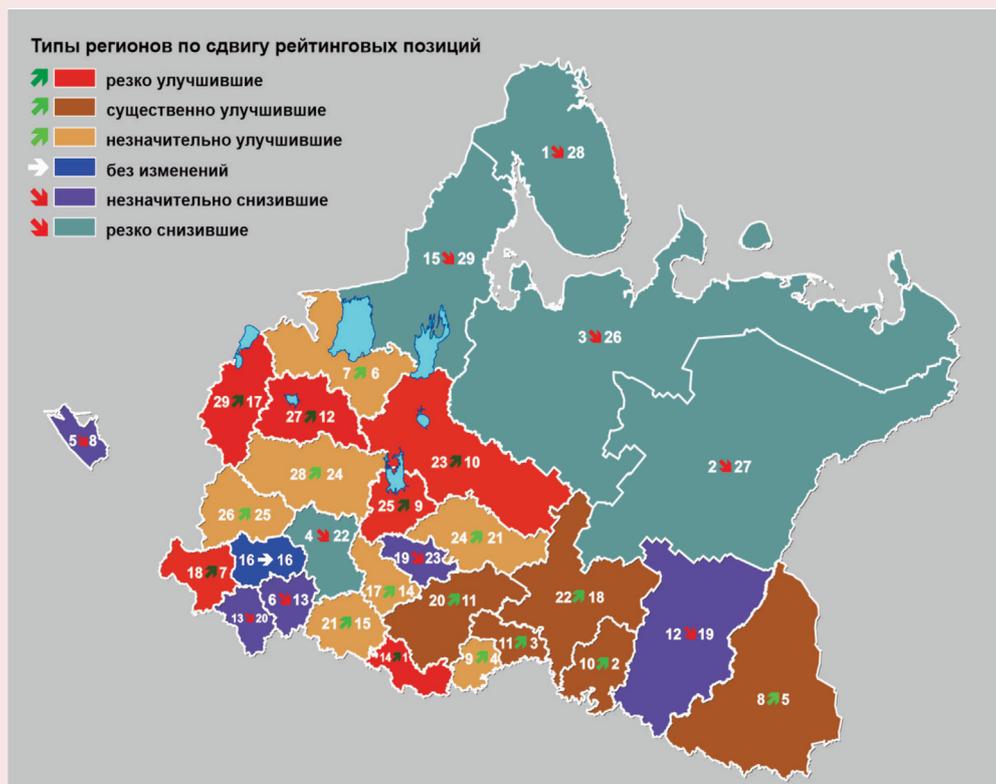
Прежде всего заметно, что в число регионов, резко снизивших рейтинговые позиции, вошли Московская область и три северных субъекта, имевшие в период реализации Программы самые лучшие рейтинги, а также Республика Карелия, занимавшая медианное

Рис. 4. Удельный вес типов регионов Нечерноземья в производстве основных видов аграрной продукции в 1986–1990 гг. в среднегодовом исчислении, %

Источник: данные Росстата.

Рис. 5. Типы регионов Нечерноземья по сдвигу итоговых рейтинговых позиций в темпах прироста объемов производства аграрной продукции в 1991–2019 гг. относительно периода реализации Программы

Источник: данные табл. 2 и результаты ранжирования регионов.

положение на итоговой рейтинговой шкале. Все северные регионы оказались ниже квартиля Q_3 , занимая самые последние порядковые места на итоговой ранговой шкале. Незначительно улучшившие свои позиции Тверская и Смоленская области не смогли выйти из четвертой 25%-й группы регионов, куда переместилась и Ивановская область. В то же время Костромская область покинула данную группу, как и Вологодская, Ярославская, Новгородская, Псковская области, резко улучшившие свое рейтинговое положение.

Однако следует заметить, что Костромская и Псковская области поднялись по шкале вверх только за счет темпов прироста в производстве яиц и мяса свиней на крупных комплексах.

Незначительное повышение рейтинга позволило Чувашской Республике упрочить свое положение в первой 25%-й группе регионов, в которой сохранила свои позиции Свердловская область. Сюда же переместились Удмуртская Республика, Республика Марий-Эл и Брянская область, существенно улучшившие, а также Республика Мордовия – резко улучшившая рейтинговое положение. Незначительно снизившая рейтинговые позиции Ленинградская область сохранила место в группе регионов выше квартиля Q_1 .

Таким образом, состав первой 25%-й группы существенно поменялся. Наряду со Свердловской и Ленинградской областями, сохранившими свое место, сюда вошли республики Приволжья, заняв первые четыре рейтинговые позиции, а также Брянская область.

Совокупный уровень дифференциации (как процесса и как результата) регионов по уровню развития аграрного производства, сформировавшийся к 2015–2019 гг. Ранжирование суммы итоговых рангов осуществлялось по: а) темпам прироста объемов производства аграрной продукции; б) среднегодовым объемам производства аграрной продукции в 2015–2019 гг.; в) среднегодовым объемам производства аграрной продукции сельского хозяйства в 2015–2019 гг. в расчете на 100 га сельхозугодий (пашни).

В данном случае интегральный ранг вобрал в себя значения трех итоговых рангов, каждый из которых рассчитывался на основе семи позиций. При этом суммарно учитывалось рейтинговое положение регионов по 21 исходному

показателю. Принимая во внимание широкий охват исходных показателей, стратификация регионов на основе упорядоченной шкалы интегральных рангов осуществлялась с выделением трех страт с помощью тертилей (Q_1 , Q_2 ; табл. 4).

Следовательно, дифференциация регионов в отношении аграрного производства в Нечерноземье после 1990 года формировалась не в связи с неравномерностью темпов его роста, а из-за различий в сокращении производства. Выделенные выше группы регионов принципиально отличаются друг от друга по темпам прироста объемов производства продукции. По большинству видов аграрной продукции отмечается закономерность: темпы сокращения объемов производства продукции возрастают в направлении от первой группы к третьей. Закономерность нарушается только в отношении мяса и яиц в связи с появлением крупных свиноводческих комплексов и птицефабрик на фоне общего спада производства остальных видов продукции. Таким образом, стартовый уровень дифференциации регионов в 1990 году и неравномерность темпов прироста объемов продукции в последующем предопределили состояние его неоднородности, сложившееся к 2015–2019 гг. (табл. 5).

За небольшим исключением (зерно, льноволокно) каждый из трех показателей имеет максимальные значения в первой группе регионов, средние – во второй и минимальные – в третьей. В I группе регионов производится более 50% объемов молока, яиц и картофеля, свыше 60% овощей и мяса, а объемы производства в расчете на один регион здесь выше, соответственно, на 49, 57, 69, 75 и 77%, чем в среднем по Нечерноземью. По объемам производства в расчете на 100 га земельной площади I группа регионов превосходит средние показатели по Нечерноземью по молоку на 180%, мясу – 233%.

Таким образом, стратификация регионов Нечерноземья на основе принятой выше методики позволила выявить их существенную дифференциацию, сложившуюся к 2015–2019 гг. Исследование также показало, что данные группы являются внутренне недостаточно однородными, в связи с чем в каждой из них выделены *подгруппы*, в большинстве случаев с учетом соседства регионов и образования ареалов.

Таблица 4. Стратификация регионов Нечерноземья по среднегодовым объемам производства аграрной продукции и темпам их прироста в 2015–2019 гг.

Регион	Итоговый ранг				Интегральный ранг
	по темпам прироста объемов производства	по объемам производства	по объемам производства в расчете на 100 га земельной площади	сумма рангов	
I группа – регионы с наиболее высокими рейтинговыми показателями					
Ленинградская область	6	4	1	11	1-2
Свердловская область	5	1	5	11	1-2
Удмуртская Республика	2	3	9	14	3
Республика Мордовия	1	7	8	16	4
Республика Марий Эл	3	12	2	17	5
Чувашская Республика	4	11	3	18	6
Брянская область	7	5	7	19	7
Нижегородская область	11	2	13	26	8
Московская область	22	6	4	32	9
Калининградская область	8	20	6	34	10
II группа – регионы со средними рейтинговыми показателями					
Ярославская область	9	14	12	35	11
Тульская область	13	9	15	37	12
Владимирская область	14	16	10	40	13
Рязанская область	15	10	20	45	14
Новгородская область	12	21	14	47	15-16
Вологодская область	10	19	18	47	15-16
Пермский край	19	8	24	51	17
Калужская область	16	17	19	52	18
Кировская область	18	13	27	58	19
Орловская область	20	15	26	61	20
III группа – регионы с низкими рейтинговыми показателями					
Республика Коми	27	27	11	65	21-22
Псковская область	17	23	25	65	21-22
Костромская область	21	24	23	68	23
Ивановская область	23	25	21	69	24
Тверская область	24	18	28	70	25
Мурманская область	28	29	16	73	26
Республика Карелия	29	28	17	74	27-28
Архангельская область	26	26	22	74	27-28
Смоленская область	25	22	29	76	29

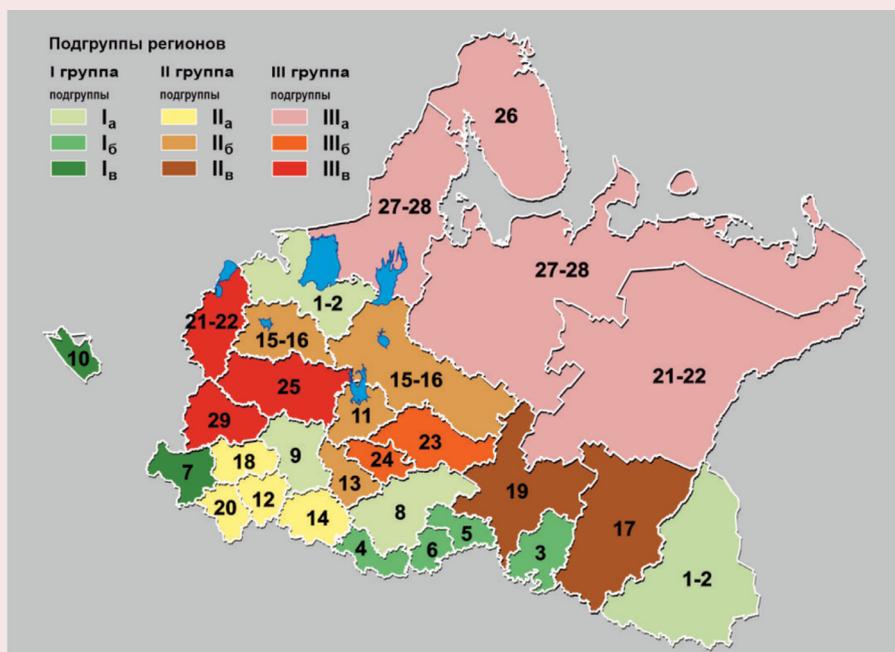
Источник: данные Росстата.

Таблица 5. Дифференциация среднегодовых объемов производства аграрной продукции по группам регионов Нечерноземья в 2015–2019 гг., %

Вид продукции	Доля групп регионов в объеме производства по Нечерноземью			Отношение к среднему показателю по Нечерноземью					
				объем производства в расчете на регион			объем производства в расчете на 100 га земельной площади		
	I группа	II группа	III группа	I группа	II группа	III группа	I группа	II группа	III группа
Зерно	44,0	52,0	4,0	127,6	150,7	13,0	115,9	117,7	22,5
Картофель	58,5	31,1	10,4	169,5	90,3	33,6	154,2	70,5	57,8
Овощи	60,4	29,9	9,7	175,1	86,8	31,1	159,1	68,2	54,2
Льноволокно	37,8	24,3	37,9	107,4	71,6	119,3	96,2	53,4	213,8
Молоко	51,3	36,8	11,9	148,6	106,8	38,5	279,8	87,4	56,7
Мясо	61,1	24,2	14,7	177,1	70,2	47,5	332,9	58,0	69,8
Яйца	54,1	36,0	9,9	156,9	104,5	31,8	142,7	81,6	54,8

Источник: данные Росстата.

Рис. 6. Подгруппы регионов Нечерноземья по показателям интегральных рангов, отражающих состояние дифференциации аграрного производства, в 2015–2019 гг.

Цифрами обозначено место регионов в интегральной ранговой шкале.
 Источник: данные табл. 4.

В первую группу регионов с наиболее высокими рейтинговыми показателями вошли четыре области, центры которых являются городами-миллионерами (подгруппа I_a), и компактно расположенные четыре республики Приволжья (подгруппа I_b) (рис. 6).

В отдельную подгруппу (I_v) включены Брянская и Калининградская области, выделяющиеся среди других регионов не только I группы, но и Нечерноземья в целом. Брянская область отличается высокими темпами

динамики аграрного производства, а Калининградская – особыми природными и социально-экономическими условиями. Для подгруппы I_a характерна самая высокая концентрация объемов производства овощей, молока, мяса и яиц, несколько меньшей – картофеля; для подгруппы I_b – заметная концентрация овощей, молока и мяса; подгруппы I_v – высокая концентрация картофеля, несколько меньшая – льноволокна, мяса и зерна (табл. 6).

Таблица 6. Отношение среднегодовых объемов производства продукции сельского хозяйства в расчете на регион к среднему показателю по Нечерноземью в 2015–2019 гг., %

Вид продукции	I группа регионов			II группа регионов			III группа регионов		
	I_a	I_b	I_v	II_a	II_b	II_v	III_a	III_b	III_v
Зерно	108,1	120,6	180,3	313,1	23,3	80,7	0,1	15,9	28,3
Картофель	200,3	113,9	219,2	129,3	61,1	70,4	15,7	31,5	58,7
Овощи	274,8	115,7	94,1	85,2	78,5	106,5	14,2	40,0	47,8
Льноволокно	87,5	100,0	187,5	0,0	187,5	0,0	0,0	12,5	375,0
Молоко	198,6	136,8	72,1	81,9	97,7	174,9	20,3	40,4	61,4
Мясо	196,2	154,7	184,0	79,7	64,4	62,8	9,0	18,4	118,0
Яйца	245,1	123,1	48,2	60,7	131,9	137,2	7,8	92,1	23,5

Источник: данные Росстата.

Вторая группа регионов со средними рейтинговыми показателями подразделена на три подгруппы: II_a – Тульская, Рязанская, Калужская и Орловская области, расположенные к югу и юго-западу от столичного региона; II_b – Владимирская, Ярославская, Вологодская и Новгородская области, образующие единый ареал регионов, большинство из которых после 1990 года резко улучшили рейтинговые позиции по темпам прироста объемов производства аграрной продукции и покинули группу депрессивных территорий; II_c – Кировская и Пермская области, объединенные в рамках одного ареала на востоке Нечерноземья.

Подгруппа II_a выделяется самой высокой концентрацией объемов производства зерна, заметной – картофеля, отсутствием производства льноволокна, а по остальным видам продукции – показателями в расчете на регион на 15–40% ниже, чем в среднем по Нечерноземью. Подгруппа II_b отличается заметной концентрацией производства льноволокна и яиц, показателями по производству молока, близкими к средним значениям по Нечерноземью, одними из самых низких показателей в производстве зерна. Для подгруппы II_c характерна заметная концентрация производства молока и яиц, незначительная – овощей.

Низкие рейтинговые показатели имеют регионы третьей группы: подгруппа III_a – северные территории, резко снизившие темпы прироста объемов производства аграрной продукции; подгруппа III_b – Ивановская и Костромская области, объединенные в один ареал к востоку от столичного региона;

подгруппа III_c – Псковская, Смоленская, Тверская области, образующие ареал на западе Нечерноземья.

В регионах подгруппы III_a не производится зерно и льноволокно, отмечаются самые низкие объемы производства мяса и яиц, здесь на 80–85% ниже показатели по производству картофеля, овощей и молока. В подгруппе III_b , регионы которой традиционно являлись льносеющими, уровень концентрации производства льноволокна является минимальным. К среднему значению в расчете на один регион Нечерноземья максимально приблизились показатели по производству яиц, а в производстве овощей и молока они ниже на 60%, картофеля – почти на 70%. Регионы подгруппы III_c выделяются высокой концентрацией производства льноволокна, заметной – мяса, низкой – зерна и яиц. Уровень производства картофеля, овощей и молока в расчете на регион здесь на 40–50% ниже, чем в среднем по Нечерноземью.

Современные тренды процесса дифференциации в производстве аграрной продукции. Нисходящие тренды в производстве аграрной продукции в Нечерноземье в 2012–2013 гг. замедлились, а затем, в связи с реализацией стратегии импортозамещения, сменили свое направление на противоположное. Вместе с тем эти процессы протекают разнонаправленно и различными темпами, достаточно четко дифференцируясь по подгруппам регионов (табл. 7).

Можно прогнозировать, что при сохранении темпов прироста объемов продукции в предстоящей перспективе будет продолжаться их рост в подгруппах I_a , I_b , I_c (за исключением

Таблица 7. Среднегодовые темпы прироста объемов производства аграрной продукции по подгруппам регионов Нечерноземья в 2013–2019 гг., %

Подгруппа регионов	Зерно	Картофель	Овощи	Лен	Молоко	Мясо	Яйца
I_a	5,9	1,8	0,2	3,3	1,3	2,8	0,5
I_b	10,8	0,3	0,4	22,4	0,5	12,5	1,4
I_c	22,6	6,4	4,6	40,2	-0,6	19,9	1,0
II_a	9,4	2,3	2,8	-	2,7	8,4	1,5
II_b	6,8	0,8	0,1	-0,7	2,2	4,3	3,8
II_c	5,5	-5,1	-3,5	-	3,4	-1,1	3,7
III_a	-11,3	-6,7	-5,5	-	-0,6	-7,5	-7,4
III_b	3,8	-2,8	-5,4	-12,9	-1,0	-3,5	1,5
III_c	12,4	-0,1	-2,6	0,9	-3,7	25,4	2,0

Источник: данные Росстата.

молока), II_a , II_b (за исключением льна). В подгруппах II_b и III_b по половине продуктов отмечается восходящий, а по остальным – нисходящий тренд, по подгруппе III_b – восходящий по зерну и яйцу, а по подгруппе III_a – нисходящий по всем продуктам. По картофелю, овощам и молоку отрицательные темпы прироста характерны для четырех из девяти подгрупп регионов, по мясу – трех, яйцам и льноволокну – двух, зерну – одного.

Усиление дифференциации регионов в перспективе будет происходить за счет более высоких темпов прироста зерна и мяса в подгруппах I_b , I_a , II_a , III_b , картофеля и овощей – I_b , II_a , льноволокна – I_b , I_a , молока – II_a , II_b , II_a , яиц – II_b , II_b , а также в связи со спадом производства, картофеля и овощей в подгруппах II_b , III_a , III_b , III_b , молока – III_a , III_b , III_b , мяса – II_b , III_a , III_b .

Пути снижения избыточной дифференциации и поляризации. Могут быть выделены два основных направления решения данной проблемы посредством активизации аграрного производства в регионах подгрупп II_b , III_a , III_b , III_b : а) дифференцированный подход в пределах действующих мер государственной поддержки сельского хозяйства; б) программный подход по мобилизации местного потенциала.

В настоящее время на уровне федерального центра предпринимаются попытки принять дополнительные меры поддержки субъектов Федерации, территории которых относятся к категории неблагоприятных для аграрного производства. В соответствии с правилами реализации программ региональной помощи ВТО были приняты распоряжения Правительства России³. В перечень субъектов Федерации с территориями, неблагоприятными для аграрного производства, в пределах Нечерноземья в 2017 году включены республики Карелия и Коми, Архангельская, Брянская, Ивановская области, Пермский край и Ненецкий автономный округ.

³ Об утверждении перечня субъектов Федерации, территории которых относятся к территориям, неблагоприятным для производства сельскохозяйственной продукции: Распоряжение Правительства РФ от 26.01.2017 № 104-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71498770/> (дата обращения 05.06.2021); О внесении изменений в перечень, утв. распоряжением Правительства РФ от 26.01.2017 № 104-р: Распоряжение Правительства РФ от 12.01.2021 № 10-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400091910/> (дата обращения 05.06.2021).

В 2021 году перечень дополнили Республика Мордовия, Владимирская, Ленинградская, Мурманская и Новгородская области, из него исключены Брянская и Ивановская области.

При этом, если включение в данный перечень республик Карелия и Коми, Архангельской, Мурманской областей (подгруппа III_a), Ивановской области (подгруппа III_b), Пермского края (подгруппа II_b) является объективным, то присутствие в списке Республики Мордовия, Брянской и Ленинградской областей выглядит весьма неожиданным. Поэтому вполне справедливым стало исключение из перечня в 2021 году Брянской области и абсолютно необъяснимым – Ивановской области. Вхождение в перечень Владимирской и Новгородской областей (подгруппа II_b) может быть оценено как приемлемое.

Исходя из результатов проведенного исследования, Правительству Российской Федерации предлагается при очередном внесении изменений в перечень территорий с неблагоприятными условиями для аграрного производства включить в него Псковскую, Смоленскую, Тверскую области (подгруппа III_b), где деградация производственного потенциала продолжается на протяжении последних 40–50 лет. Повышенные в последние годы темпы в производстве мяса и связанного с этим производства зерна не затронули в целом сельские территории регионов, а имеют лишь локальный характер. В список необходимо вернуть Ивановскую область и включить в него Костромскую область, составляющие вместе подгруппу III_b . Список следовало бы дополнить Кировской областью, входящей, наряду с Пермским краем, в подгруппу II_b .

Дифференцированный подход в пределах действующих мер государственной поддержки сельского хозяйства для регионов подгрупп II_b , III_a , III_b , III_b будет способствовать активизации аграрного производства в рамках существующего уровня, но не обеспечит им прорыва в развитии. По сути, для этого нужны специальные, принимаемые на федеральном уровне целевые комплексные программы развития аграрного производства и сельских территорий: а) республик Карелия и Коми, Архангельской и Мурманской областей; б) Псковской, Смоленской и Тверской областей; в) Ивановской и Костромской областей; г) Пермского края и

Кировской области. Программы следует ориентировать на вложение инвестиций в мобилизацию местного ресурсного, человеческого, социального и предпринимательского потенциала в целях преодоления депрессивного состояния в аграрном производстве и развитии сельских территорий этих регионов.

Эти сельские территории следовало бы включить Указом Президента России в перечень приоритетных для заселения соотечественниками, проживающими за рубежом, в рамках программы оказания содействия добровольному переселению⁴, а также расширить для них, как это уже сделано для территорий Арктической зоны, программу «Дальневосточный гектар»⁵, путем внесения соответствующих изменений в Федеральный закон от 2.05.2016 № 119-ФЗ. На Республику Карелию, Мурманскую, Псковскую и Смоленскую области было бы целесообразно распространить положения Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа⁶. Решение данного вопроса находится в компетенции Правительства Российской Федерации. Возможны и другие программные механизмы активизации аграрного производства и сельского развития в регионах Нечерноземья, где продолжают доминировать его нисходящие тренды.

В свою очередь регионы подгрупп I_a , I_b , I_c , II_a , II_b в своем большинстве к настоящему времени стали привлекательными для агробизнеса, что, без сомнения, сохранится на перспективу. Здесь необходимо поддерживать и совер-

шенствовать те правовые, организационные и экономические механизмы развития аграрного производства, которые уже положительно проявили себя на практике.

Заключение

Теоретические и прикладные результаты исследования

Проведенное исследование вносит определенный вклад в теорию сельского развития в части подразделения факторов, способствующих формированию неоднородности сельских территорий, на зональные и азональные; выделения особой роли механизма дифференциальной ренты в формировании неоднородности сельских территорий; рассмотрения теоретической конструкции «центр – периферия» как частного случая теории дифференциальной ренты (в отличие от других исследователей); понимания сущности территориальной дифференциации сельского пространства в двух значениях – как процесса и как результата этого процесса, выраженного неоднородностью сельских территорий.

Наиболее значимым вкладом в практику прикладных исследований являются предложенные методические конструкции, помогающие выделять типы, группы, ареалы регионов с однородными признаками сельских территорий, устанавливать современные тренды в развитии процесса дифференциации и определять пути снижения ее избыточности. Все это, в конечном счете, позволяет давать практические рекомендации федеральным органам власти по вопросам применения дифференцированного подхода к развитию сельских территорий.

Конкретные выводы по результатам проведенного исследования

Аграрное производство, являясь системообразующим видом деятельности на сельских территориях, представляет собой главный атрибут деревни как социального института, обеспечивая при этом занятость и доходы сельским жителям.

Аграрное производство Нечерноземья и в перспективе останется неоднородным, его территориальная дифференциация будет проходить под влиянием рассмотренных выше трендов и продолжающейся тенденции концентрации населения и производства в зоне влияния городских агломераций, крупных и средних городов.

⁴ О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: Указ Президента Российской Федерации от 22.06.2006 № 637. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23937> (дата обращения 07.06.2021).

⁵ Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02.05.2016 № 119-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ (дата обращения 07.06.2021).

⁶ Концепция развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа: Распоряжение Правительства РФ от 28.10.2015 № 2193-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71139078/> (дата обращения 07.06.2021).

Сельские территории регионов Нечерноземья, занимающие по интегральному показателю развития аграрного производства высокие рейтинговые позиции, являются наиболее благоприятными в социально-демографическом отношении, в том числе весьма притягательными для мигрантов, что обеспечивает общий прирост сельского населения. К 2020 году относительно 1989 года численность сельского населения в Республике Удмуртии, Тульской, Свердловской и Московской областях увеличилась на 4–6%, Ленинградской области – почти на 10%, а в Калининградской области – на 22,9% при общем сокращении ее по Нечерноземью на 17,6%.

За этот же период в регионах III группы, имеющих низкие рейтинговые показатели, сельское население сократилось на 30–40% и более, что привело к ликвидации 60–70% муниципальных образований первого уровня. По данным последней переписи населения, в большинстве регионов этой группы свыше 20% сельских населенных пунктов не имели жителей, а в субъектах с наиболее высокими рейтинговыми показателями (I группа) таких населенных пунктов было менее 6%.

Взаимосвязь и взаимовлияние развития аграрного производства и изменений социально-демографических процессов на сельских территориях могут усиливать межрегиональную дифференциацию в Нечерноземье, вести к еще большему социальному опустыниванию в субъектах Федерации, отнесенных нами к III группе. В сложившейся ситуации сократить избыточную дифференциацию сельских территорий регионов только за счет мер по развитию аграрного производства в указанной группе проблематично. Следовательно, для снижения избыточной дифференциации и поляризации сельских территорий в ней необходимо развивать несельскохозяйственные виды деятельности. Этому мог бы способствовать переход к эндогенной и далее к неозоэндогенной парадигме развития сельских территорий, которые успешно формируются и реализуются в странах Евросоюза [23; 24; 25]. Данные парадигмы базируются на экономике знаний, использовании местного ресурсного потенциала территорий, активизации человеческого и социального капитала, освоении информационных технологий и широком применении web-сетей.

Литература

1. Петриков А.В. Экономический рост в сельском хозяйстве России: факторы и проблемы // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. Т. 214. №6. С. 450–469.
2. Сельское Нечерноземье: от плана к рынку / А.И. Костяев и др. // АПК: экономика, управление. 2021. № 5. С. 3–15. DOI: 10.33305/215-3
3. Нефедова Т.Г. Развитие постсоветского аграрного сектора и поляризация сельского пространства Европейской части России // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 36–56. DOI: 10.14530/se.2019.4.036-056
4. Нефедова Т.Г., Медведев А.А. Сжатие освоенного пространства в Центральной России: динамика населения и использование земель в сельской местности // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2020. № 5. С. 645–659. DOI: 10.31857/S258755662005012X
5. Averkieva K.V. Innovations in agriculture in the non-black-soil zone of Russia as a response to shrinkage of space. *Regional Research of Russia*, 2013, vol. 3, no. 1, pp. 52–61. DOI: 10.1134/S2079970513010036
6. Romanova E., Vinogradova O., Frizina I. Social and economic space compression in border areas: The case of the Northwestern Federal district. *Baltic Region*, 2015, no. 3 (25), pp. 28–46. DOI: 10.5922/2079-8555-2015-3-3
7. Urasova A.A., Balandin D.A., Pytkin F.N., Kovaleva E.B., Zagoruiko I.Y. Spatial development of rural territories in Russian regions: Growth areas or desolation zones? *International Journal of Recent Technology and Engineering*, vol. 8, no. 2, pp. 4110–4122. DOI: 10.35940/ijrte.B3083.078219. Available at: <https://www.ijrte.org/wp-content/uploads/papers/v8i2/B3083078219.pdf>
8. Averkieva K.V. Labor markets and the role of otkhodnichestvo in the employment of rural inhabitants of Russians non-chernozem zone. *Regional Research of Russia*, 2016, vol. 6, no. 1, pp. 21–31. DOI: 10.1134/S2079970516010020
9. Friedmann J. *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. Cambridge, Mass. M.I.T. Press, 1966. 279 p.

10. Грицай О.В., Иоффе Г.А., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 161 с.
11. Приоритетные направления развития агропромышленного комплекса России. М.: Технология ЦД, 2018. 416 с.
12. Tretyakova L.A., Vladyka M.V., Vlasova T.A., Glotov D.S. Differentiation of the regions of the Central Federal district of the Russian Federation according to the level of competitive advantages. *Humanities & Social Sciences Review*, 2019, vol. 7, no. 5, pp. 835–839. DOI: 10.18510/hssr.2019.75108. Available at: <https://giapjournals.com/index.php/hssr/article/view/hssr.2019.75108>
13. Фаринюк Ю.Т., Егорова Е.В. Типология регионов Нечерноземной зоны по уровню развития сельского хозяйства // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2015. № 1 (22). С. 35–38.
14. Костяев А.И. Территориальная дифференциация сельскохозяйственного производства: вопросы методологии и теории. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2006. 240 с.
15. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // Общественные науки и современность. 2013. № 6. С. 15–26.
16. Буфетова А.Н. Межрегиональные различия в уровне жизни в России // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Социально-экономические науки. 2014. Т. 14. № 3. С. 113–123.
17. Морошкина М.В. Межрегиональная дифференциация российских регионов: тенденции и перспективы сближения // Теоретическая и прикладная экономика. 2018. № 3. С. 48–60. DOI: 10.25136/2409-8647.2018.3.18700. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=18700
18. Губанова Е.С., Клещ В.С. Методика оценки неравномерности социально-экономического развития региона // Проблемы развития территории. 2018. № 6 (98). С. 30–41. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.2
19. Stec M.A., Filip P.B., Grzebyk M.J., Piersceniak A. Socio-economic development in the EU member states – concept and classification. *Economics of Engineering Decisions*, 2014, vol. 25, no. 5, pp. 504–512. DOI: <https://doi.org/10.5755/j01.ee.25.5.6413>
20. Мироненков А.А. Иерархическая Парето-классификация регионов России по показателям качества жизни населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 171–185. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.11
21. Миркин Б.Г., Орлов М.А. Методы многокритериальной стратификации и их экспериментальное сравнение. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 32 с.
22. Ward N., Atterton J., Kim T.Y., Lowe P., Phillipson J., Thompson N. *Universities. The Knowledge Economy and 'Neo-Endogenous Rural Development'*. Centre for Rural Economy Discussion Paper Series. 2005, no. 1, pp. 1–15. Available at: <http://www.ncl.ac.uk/cre/publish/discussionpapers/pdfs/discussionpaper1.pdf>
23. van der Ploeg J.D., Marsden T.K. *Unfolding Webs: The Dynamics of Regional Rural Development*. Assen: The Netherlands: Van Gorcum. 2008. 262 p. Available at: <http://orca.cardiff.ac.uk/id/eprint/11659>
24. Guinjoan E., Badia A., Tulla A.F. The new paradigm of rural development. Territorial considerations and reconceptualization using the “Rural Web”. *Boletín de la Asociación de Geógrafos Españoles*, 2016, no. 71, pp. 495–500. DOI: 10.21138/bage.2279.

Сведения об авторах

Александр Иванович Костяев – академик РАН, доктор экономических наук, доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт аграрной экономики и развития сельских территорий, Санкт-Петербургский федеральный исследовательский центр Российской академии наук (196608, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, ш. Подбельского, д. 7; e-mail: galekos46@gmail.com)

Галина Николаевна Никонова – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт аграрной экономики и развития сельских территорий, Санкт-Петербургский федеральный исследовательский центр Российской академии наук (196608, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, ш. Подбельского, д. 7; e-mail: galekos@yandex.ru)

Kostyaev A.I., Nikonova G.N.

Developing Territorial Differentiation Processes of Agricultural Production in the Non-Black Earth Region and Their Current Trends

Abstract. In the Russian Non-Black Earth Region, an unacceptable contrast remains between the level of socio-economic development of cities and the presence of “desolation zones” in rural areas. In turn, rural areas of the regions are excessively differentiated and polarized. In some areas, innovative agricultural production is developing, and the number of rural residents is growing, in others, commodity production is declining, depopulation is increasing, and social desertification and space compression are taking place there. Socio-economic phenomena in rural areas depend on the directions and rates of dynamics of agricultural production. Hence, the main idea, presented in the article, is the consideration of differentiation process of agricultural production as the primary basis for the heterogeneity formation of rural areas. The purpose of the study is to identify the level and features of the formation of territorial differentiation of agricultural production in the Non-Black Earth Region during the planned (1974–1990) and market (1991–2019) economies, and to determine ways to reduce its excessive redundancy. At the same time, the authors analyze territorial differentiation from two sides: as a process and as a result of this process. Methodologically, the paper considers the development heterogeneity from the standpoint of the “center – periphery” concept and differential rent theory. The work uses the method of multi-criteria stratification of the final rank scales. The ranking is carried out according to the Board rule, the countries are determined on ordinal scales using tertiles, quartiles, and quintiles. The article calculates the coefficients of Gini and funds. As a result, the authors have determined a sharp increase in interregional differentiation and polarization in the production of agricultural goods in 1991–2019. According to the dynamics of agricultural production in 1974–1990, there have been identified five types of regions, the rating positions of which have been transformed in six directions in the subsequent period. In conclusion, the authors have determined the aggregate level of interregional differentiation. The study identifies three groups and nine subgroups of regions, and defines the differences between them. The paper establishes current trends of the differentiation process in the production of agricultural goods, and proposes ways to reduce excessive differentiation and polarization of the regions.

Key words: heterogeneity, rural areas, region, type, group, area, growth rates, program.

Information about the Authors

Aleksandr I. Kostyaev – RAS Academician, Doctor of Sciences (Economics), Doctor of Sciences (Geography), Professor, Chief Researcher, Institute of Agricultural Economics and Rural Development, St. Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (7, Podbelsky Highway, Pushkin, St. Petersburg, 196608, Russian Federation; e-mail: galekos46@gmail.com)

Galina N. Nikonova – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute of Agricultural Economics and Rural Development, St. Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (7, Podbelsky Highway, Pushkin, St. Petersburg, 196608, Russian Federation; e-mail: galekos@yandex.ru)

Статья поступила 21.06.2021.

Непрерывное образование в России как механизм воспроизводства человеческого потенциала: гендерный аспект

**Марина Евгеньевна
БАСКАКОВА**
Институт экономики РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: baskakovame@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0439-0646

**Татьяна Владимировна
ЧУБАРОВА**
Институт экономики РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: t_chubarova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3985-0198

Аннотация. В статье исследуются особенности участия российских мужчин и женщин в системе непрерывного образования. Анализ как российских, так и зарубежных исследований позволил выдвинуть гипотезу о том, что женщины и мужчины могут по-разному подходить к построению образовательных траекторий. Цель исследования заключается в оценке параметров участия женщин и мужчин в непрерывном образовании, в том числе целей его получения и источников финансирования, для того чтобы выявить как сходство, так и гендерную асимметрию его траекторий в России. На основе Выборочного наблюдения участия населения в непрерывном образовании, проведенного Росстатом в 2020 году, показано, что возрастные профили участия женщин и мужчин схожи, но уровни их вовлеченности в разные виды непрерывного образова-

Для цитирования: Баскакова М.Е., Чубарова Т.В. Непрерывное образование в России как механизм воспроизводства человеческого потенциала: гендерный аспект // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 4. С. 169–184. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.10

For citation: Baskakova M.E., Chubarova T.V. Lifelong learning in Russia as a mechanism for the reproduction of human potential: gender aspect. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 4, pp. 169–184. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.10

ния не совпадают: мужчины более активно участвуют в сфере неформального образования, а женщины – самообразования. Сложившаяся сегрегация дополнительного обучения по специальностям и направлениям в целом отражает существующую отраслевую и профессиональную сегрегацию занятости. При этом и женщины, и мужчины редко связывают свое дополнительное обучение с расширением карьерных возможностей, что может свидетельствовать об отсутствии полноценной системы вертикальной профессиональной мобильности, основанной на росте человеческого потенциала. Расчеты авторов показали, что мужчины чаще получают от работодателей приглашение пройти дополнительное обучение, чем женщины, соответственно, женщины чаще мужчин самостоятельно несут бремя его оплаты. Женщины с детьми младшего возраста испытывают особые трудности участия в неформальном образовании и чаще других вынуждены оплачивать его сами. По мнению авторов, это способствует формированию гендерного неравенства, в связи с чем важно учитывать гендерный фактор при разработке государственных программ развития непрерывного образования в интересах максимизации его вклада в воспроизводство человеческого потенциала.

Ключевые слова: человеческий потенциал, гендерный подход, непрерывное образование, рынок труда, самообразование, профессиональная подготовка, семейные обязанности.

Введение

В настоящее время проблема воспроизводства человеческого потенциала (ЧП) приобретает особую актуальность, выступая наиболее важным фактором экономического развития любой страны, повышения ее международной конкурентоспособности [1]. Образование традиционно рассматривается как важнейший механизм воспроизводства ЧП. По поводу необходимости образования в течение жизни, или непрерывного образования (НО), в мире сегодня сложился консенсус. Современные реалии экономической и социальной жизни требуют постоянного обновления знаний [2]. Развитие и поддержание навыков на протяжении всей жизни посредством различных образовательных мероприятий в последние годы стали приобретать решающее значение для сохранения возможностей трудоустройства. В будущем эта тенденция будет только усиливаться, в том числе за счет увеличения продолжительности трудовой жизни и усиления конкуренции экономической среды.

Вместе с тем при рассмотрении НО нельзя ограничиваться анализом его воздействия на профессиональную карьеру, следует учитывать его более широкое влияние, как личностное, так и социальное. НО позволяет удовлетворять широкий спектр индивидуальных потребностей человека в знаниях, необходимых не только для профессиональной деятельности, но и организации взаимодействия с обществом, в

том числе на основе новых социальных и информационных технологий [3]. В связи со сказанным важен вопрос о доступности и результатах процесса НО, а также создании стимулов и возможностей для граждан активно в нем участвовать¹.

Непрерывное образование имеет долгую традицию в России. Ее начало было положено еще в СССР [4; 5; 6]. Россияне традиционно с большим пиететом относятся к образованию, в том числе профессиональному. Достаточно краткий период 1990-х годов, когда престиж образования, в первую очередь высшего технического, был низок, сменился временем, характерной чертой которого стало стремление населения к обеспечению своим детям высокого уровня профессионального образования. Однако исследователи отмечают довольно низкий уровень участия в НО, в частности в зависимости от возраста, – образование россияне в основном заканчивают в молодом возрасте [7]. Это свидетельствует о том, что в российском обществе пока не полностью сформирована потребность участия граждан в образовательном процессе в течение жизни, в связи с чем представляется важным для формирования образо-

¹ Чубарова Т.В. Образование в течение жизни // Управление знаниями в современной экономике: учебник / под ред. Б.З. Мильнера. М.: Экономика, 2009. С. 184–202.

вательной политики детально изучить основные параметры непрерывного образования в России, в том числе в гендерном разрезе.

Подходы к гендерным проблемам непрерывного образования: обзор литературы

Общим проблемам развития НО посвящено довольно много работ в России и за рубежом [8–14], однако исследований по гендерным аспектам этой проблемы очевидно меньше, особенно в России [15]. В целом обеспечение гендерного равенства в образовании рассматривается как ключ к гендерному равенству во всех сферах жизни общества [16].

Отметим, что в исследованиях складывается парадоксальная ситуация. Гендерному фактору уделяется много внимания в международных документах, где он рассматривается как один из важнейших в системе НО². Исследования показывают, что такой подход влияет на успехи и динамику развития НО, определяемые по критерию уровня вовлеченности как мужчин, так и женщин, кроме того – положительно воздействует на гендерную ситуацию в обществе в целом, в том числе на трудовую занятость и накопление человеческого потенциала представителями разных полов. При этом акцент обычно делается на связь НО с занятостью, его рассмотрение в контексте проблем рынка труда [17].

Вместе с тем в ряде исследований говорится о недостаточном внимании к гендерному фактору НО, отмечается, что в основном анализ НО касается индивидуальных траекторий образования, в то время как гендерные аспекты связаны с социальными конструктами [18].

Рассматриваются и вопросы, касающиеся учета особенностей положения женщин и мужчин в процессе обучения и собственно «обучения гендеру». В частности, Л. Столярчук выделяет такие проблемы учета гендерного фактора в развитии непрерывного образования, как «недостаточность государственных документов и программ развития гендерного образования; неготовность общества к восприятию гендерных проблем как действительно актуальных; нередкое ограничение гендерной проблематики женской темой...» [19, с. 36].

Исследования, раскрывающие проблемы социальной справедливости в НО, прежде всего сосредоточены на вопросах равенства возможностей доступа к системе [20]. При этом, как правило, имеются в виду не формальные ограничения, препятствующие участию женщин в НО, а неформальные практики, сложившиеся в обществе [21]. Исследователи часто ссылаются на гендерные стереотипы, их влияние на карьеру и заработки женщин, выбор траекторий образования и карьеры, что потом отражается на положении на рынке труда, способствует формированию горизонтальной и вертикальной сегрегации [22]. Среди причин, ограничивающих участие женщин в НО, отмечаются наличие семейных обязанностей, необходимость ухода за другими членами домохозяйства, прежде всего детьми. Подчеркивается, что такой труд не ценится в обществе, так как оценки экономической деятельности не учитывают неоплаченный труд в домашнем хозяйстве, хотя он способствует обучению и развитию человеческих ресурсов [23].

В России ситуация с участием женщин в образовании достаточно специфична. В отличие от женщин многих стран мира россиянки традиционно имеют доступ и тяготеют к высокому уровню формального профессионального образования. Исследователи отмечают, что все больше российских женщин стремятся получить высшее профессиональное образование, в то время как больше мужчин ограничиваются его средним или начальным уровнем. Вместе с тем более высокий уровень образования не выражается в росте конкурентоспособности женщин на рынке труда³.

Следует отметить, что регулирование НО в России осуществляется в рамках общего законодательного поля системы образования. Основой развития системы НО стал Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. В статье 10 закона закреплено следующее положение: «Система образования создает условия для непрерывного образования посредством реализации основных образовательных программ и различных дополнительных образовательных программ, предоставления возможности одновременного

² Adult learning and gender. EAEA background paper, July 2020. URL: https://eaea.org/wp-content/uploads/2020/08/ALE-and-Gender-EAEA-background-paper-July-2020_final.pdf (дата обращения 25.04.2021).

³ Гендерные проблемы в современной России (по данным официальной статистики). М.: Алекс, 2006. 224 с.

освоения нескольких образовательных программ, а также учета имеющихся образования, квалификации, опыта практической деятельности при получении образования». В целом законодательное регулирование НО в России опирается на мировой опыт, в том числе разработки ЮНЕСКО.

Существенным недостатком предлагаемых стратегий развития НО является их гендерная нейтральность. Вместе с тем анализ существующих исследований, как российских, так и зарубежных, позволяет сформулировать гипотезу о том, что возможности участия в системе НО у женщин и мужчин не одинаковы, у них формируются разные подходы к построению образовательных траекторий.

Цель и новизна исследования

Цель исследования – оценить параметры участия женщин и мужчин в различных формах НО в России, прежде всего с точки зрения целей и источников финансирования, и на основе анализа сформулировать предложения для учета гендерного фактора при стимулировании развития НО в интересах обеспечения воспроизводства человеческого потенциала.

Новизна работы состоит в том, что на основе эмпирических данных впервые проведен анализ гендерных аспектов состояния непрерывного образования в России, показано влияние гендерного фактора на его основные параметры (в первую очередь цели и источники финансирования) и результаты. Это позволяет выявить специфику образовательных траекторий женщин и мужчин, направленных на развитие человеческого потенциала.

Полученные в статье результаты могут быть использованы при дальнейшей разработке государственных программ развития НО в России: учет гендерных особенностей даст возможность повысить их эффективность.

Методология исследования и эмпирические данные

В представленной работе НО в России рассматривается с точки зрения гендерного подхода. Под гендером понимается «совокупность мер поведения и позиций, которые обычно ассоциируются с лицами мужского и женского пола в любом данном обществе»⁴. В обществе

⁴ Теория и методология гендерных исследований: курс лекций / под общ. ред. О.А. Ворониной. М.: МЦГИ-МВШСЭН-МФФ, 2001. С. 15.

важны не столько биологические или физические различия между мужчинами и женщинами, сколько их социально-экономический статус, доступ к ресурсам и возможности их использования. Гендерный подход подразумевает учет положения обоих полов при анализе социальных явлений и, соответственно, разработку специальных мероприятий для обеспечения равенства мужчин и женщин.

В качестве эмпирической базы в работе использованы данные Выборочного наблюдения участия населения в непрерывном образовании (далее – Выборочное наблюдение или Наблюдение), проведенного Росстатом во всех субъектах Российской Федерации в 2020 году⁵. В ходе Наблюдения опрошено более 231 тыс. респондентов в возрасте от 15 лет и старше. К лицам, участвовавшим в непрерывном образовании, были отнесены те, кто участвовал в одной из его форм на протяжении 12 месяцев. Итоги Наблюдения распространены на общую численность населения в возрасте 15 лет и старше.

Социологические исследования в области непрерывного образования проводились и раньше, однако они имели локальный характер [24].

Первый раунд Наблюдения осуществлен в 2016 году. Полученные данные анализируются в исследованиях [25; 26]. Однако их сравнение с результатами опроса 2020 года затруднено из-за частичной несопоставимости классификаций видов образования.

Для анализа статистических данных применялись методы логического анализа и математической статистики.

В работе была использована классификация форм НО, принятая Росстатом при проведении Наблюдения, которая, в свою очередь, соответствует международной классификации образования ЮНЕСКО: обучение по основным образовательным программам (формальное/formal, подразумевает получение знаний в образовательных организациях), обучение по дополнительным образовательным программам или программам профессионального обучения (неформальное/non formal, включает различные

⁵ Здесь и далее по тексту источники таблиц и рисунков – данные Росстата. Итоги выборочного федерального статистического наблюдения участия населения в непрерывном образовании в 2020 году. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/inobr2020/index.html

виды в основном дополнительного обучения, в том числе по месту работы) и самообразования (информальное/informal, самостоятельная неинституционализируемая деятельность для приобретения новых знаний, умений и навыков, относящаяся к образованию)⁶.

Следует учитывать, что часть населения может быть включена одновременно в несколько форм НО, поэтому сумма долей населения, участвующего в той или иной форме непрерывного образования, может быть больше доли населения, принимающего участие в НО.

Важно иметь в виду, что в РФ начальное общее, основное общее и среднее общее образование являются обязательными. Национальное законодательство гарантирует общедоступность и бесплатность начального и среднего профессионального образования, а также на конкурсной основе — бесплатность высшего образования, получаемого впервые.

Гендерные траектории непрерывного образования в России

В России по мировым меркам численность и доля взрослого населения, принимающего участие в непрерывном образовании, достаточно существенны. В 2020 году тем или иным видом обучения в целом было занято 51,5 млн человек, или 42,7% всего населения в возрасте 15 лет и старше (табл. 1).

Наблюдение показало, что мужчины и женщины по-разному вовлечены в НО, а масштабы и уровень их участия имеют разную направленность асимметрии. С одной стороны, суммарная численность обучающихся женщин значительно (на 3,5 млн чел.) превышает соответствующую численность мужчин, что является следствием более активного участия женщин трудоспособного возраста в образовательном процессе.

Однако, с другой стороны, в целом вовлеченность женщин в НО (как доля обучающихся среди всех женщин рассматриваемого возраста), наоборот, оказывается несколько ниже доли обучающихся мужчин (41,7% против 43,9).

Такая ситуация является результатом существенного превышения численности женщин над численностью мужчин. Особенно дисбаланс заметен в пожилых возрастах, когда интерес к обучению у населения обоих полов сводится к минимуму. Возрастной же профиль участия в НО показывает, что практически во всех возрастных интервалах уровень участия женщин в НО оказывается выше, чем у мужчин. Исключение составляют лишь самые молодые (15–17 лет), то есть преимущественно школьники, у которых этот уровень самый высокий (99%), и самые пожилые (70 лет и старше) — с самым низким уровнем (10%) (рис. 1).

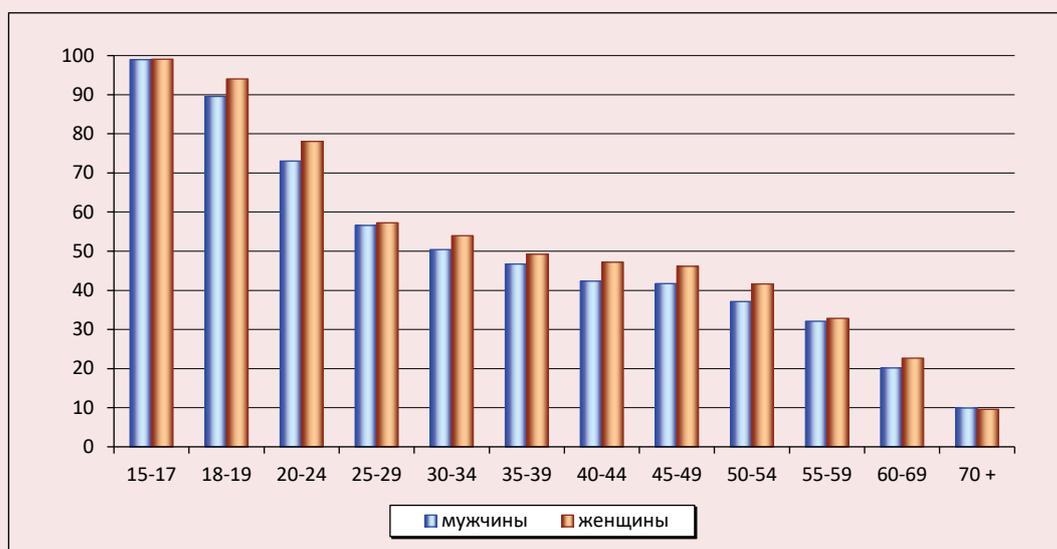
Таблица 1. Масштабы и уровень участия в различных формах НО женщин и мужчин в возрасте 15 лет и старше*

Вид НО	Население	
	Мужчины	Женщины
Участвовал/а в НО, всего, тыс. чел.	24 023,9	27 520,8
% от численности населения 15 +	43,9	41,7
в том числе:		
формальном образовании, тыс. чел.	5 805,8	5 890,4
% от численности населения 15 +	10,6	8,9
неформальном образовании, тыс. чел.	13 662,4	13 246,1
% от численности населения 15 +	24,9	20,1
занимался (лась) самообразованием, тыс. чел.	14 030,0	19 438,5
% от численности населения 15 +	25,6	29,4

* Мужчины и женщины одновременно могут участвовать в нескольких формах НО, поэтому число участников НО меньше суммарного числа участников разных форм НО, соответственно, и уровень участия мужчин и женщин в НО меньше суммы частных уровней их участия в разных формах НО.

⁶ Международная стандартная классификация образования МСКО 2011. Институт статистики ЮНЕСКО, 2013. URL: <http://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/iscd-2011-ru.pdf> (дата обращения 12.07.2021).

Рис. 1. Возрастной профиль уровня участия в непрерывном образовании женщин и мужчин в возрасте 15 лет и старше (доля обучающихся среди всех женщин и мужчин соответствующего возраста), %

Среди важных отличий образовательной активности женщин и мужчин необходимо отметить ее интенсивность. Как показали расчеты, во всех возрастах женщины значительно чаще совмещают два-три вида непрерывного образования. Правда, такой результат достигается преимущественно за счет более частог занятия самообразованием женщинами всех возрастов. Только в одном возрастном интервале (24–29 лет) по интенсивности участия в НО женщины уступают мужчинам. Скорее всего, это связано с тем, что значимое число молодых женщин сталкивается с необходимостью совмещать работу и учебу с уходом и воспитанием малолетних детей (рис. 2).

Наличие детей, точнее возраст младшего ребенка, оказывает очень существенное влияние на уровень вовлеченности женщин в НО. Однако здесь необходимы два уточнения. Во-первых, такой параметр, как «возраст младшего ребенка», имеет очевидную положительную корреляцию с возрастом самой матери. Во-вторых, следует предположить, что этот фактор также оказывает определенное влияние на вовлеченность в НО мужчин. Однако глубоко укорененные в общественном сознании гендерные стереотипы по поводу распределения семейно-бытовых обязанностей в российских

семьях, прежде всего по уходу и воспитанию детей, в том числе малолетних, не позволили разработчикам Наблюдения ввести необходимые показатели, которые дали бы возможность проверить это предположение.

Результаты Наблюдения указывают на негативное влияние наличия у женщины ребенка в возрасте до 2-х лет на ее вовлеченность в НО. У таких женщин, несмотря на то что значимая часть из них находится в молодых возрастах, уровень участия в НО оказался существенно ниже (45,5%), чем по всей совокупности женщин, имеющих детей в возрасте до 18 лет (49,3%) (табл. 2).

Формальное образование является базовой, но самой малочисленной по участию взрослого населения формой НО (9,7% опрошенных). Это объясняется тем, что получение общего и формального профессионального образования приходится традиционно на очень короткий отрезок жизни и женщин, и мужчин (преимущественно 15–17 лет). В более старших возрастах уровень участия постепенно снижается, у женщин медленнее, у мужчин быстрее, но у тех и других практически исчезая к 30 годам. Этой формой образования охвачено в абсолютных цифрах больше женщин (58,9 млн чел. – женщин и 58,1 млн чел. мужчин).

Рис. 2. Суммарный уровень участия женщин и мужчин в возрасте 15 лет и старше в разных формах НО, %

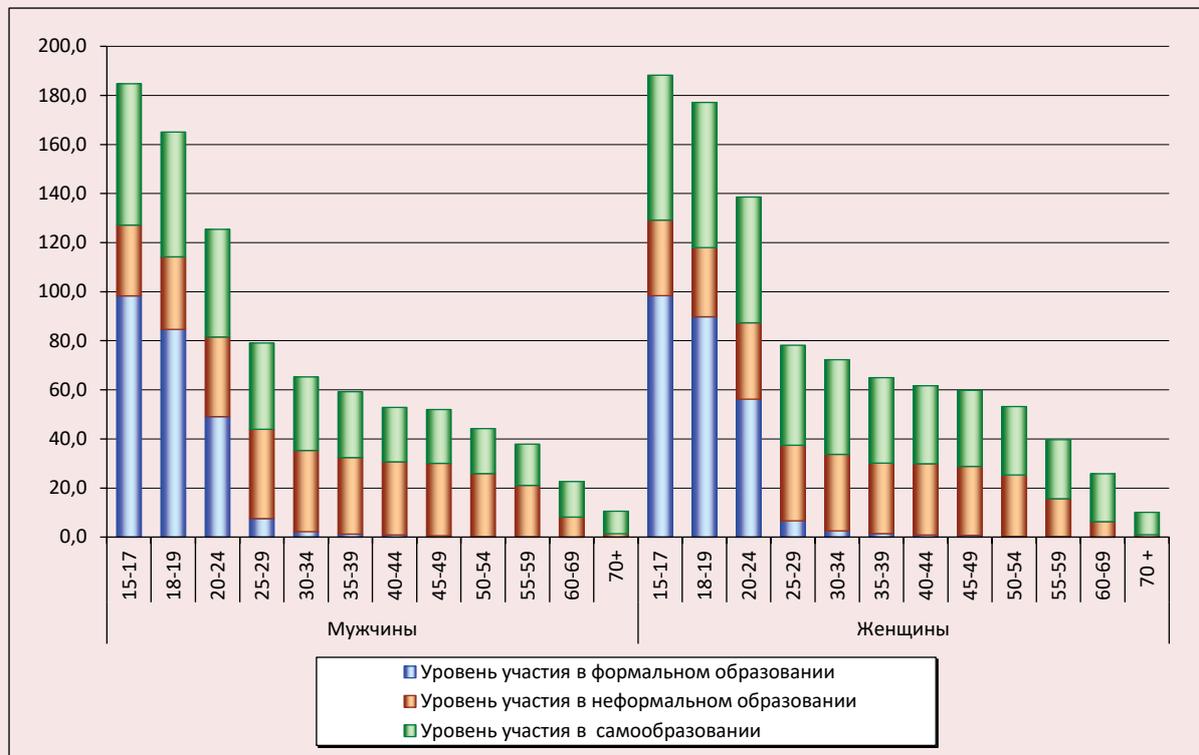

Таблица 2. Уровень участия в НО женщин, имеющих детей в возрасте до 18 лет, по возрасту младшего ребенка, %

	Всего	из них по формам участия		
		формальное образование	неформальное образование	самообразование
Женщины, имеющие детей до 18 лет, всего	49,3	2,6	27,3	34,6
в т. ч. по возрасту младшего ребенка:				
0–2 года	45,5	4,9	15,7	35,1
3–6 лет	54,2	3,7	30,8	38,4
7–10 лет	51,6	2,4	30,1	35,5
11–14 лет	48,2	1,0	29,8	32,7
15–17 лет	45,9	0,8	28,4	31,0

Тот факт, что формальное образование российское население получает преимущественно в молодежных возрастах, нашел свое отражение в уровне вовлеченности в него женщин с детьми. Согласно данным таблицы 2, женщины с самыми маленькими детьми имеют самый высокий уровень такой вовлеченности (4,9%) в то время как у женщин с 15–17-летними детьми

он составляет только 0,8%. Однако даже относительно высокий уровень вовлеченности, который демонстрируют женщины с маленькими детьми, почти в два раза ниже уровня, рассчитываемого для всей совокупности опрошенных женщин. Это свидетельствует о том, что большинство россиянок предпочитают заводить детей после получения формального образования.

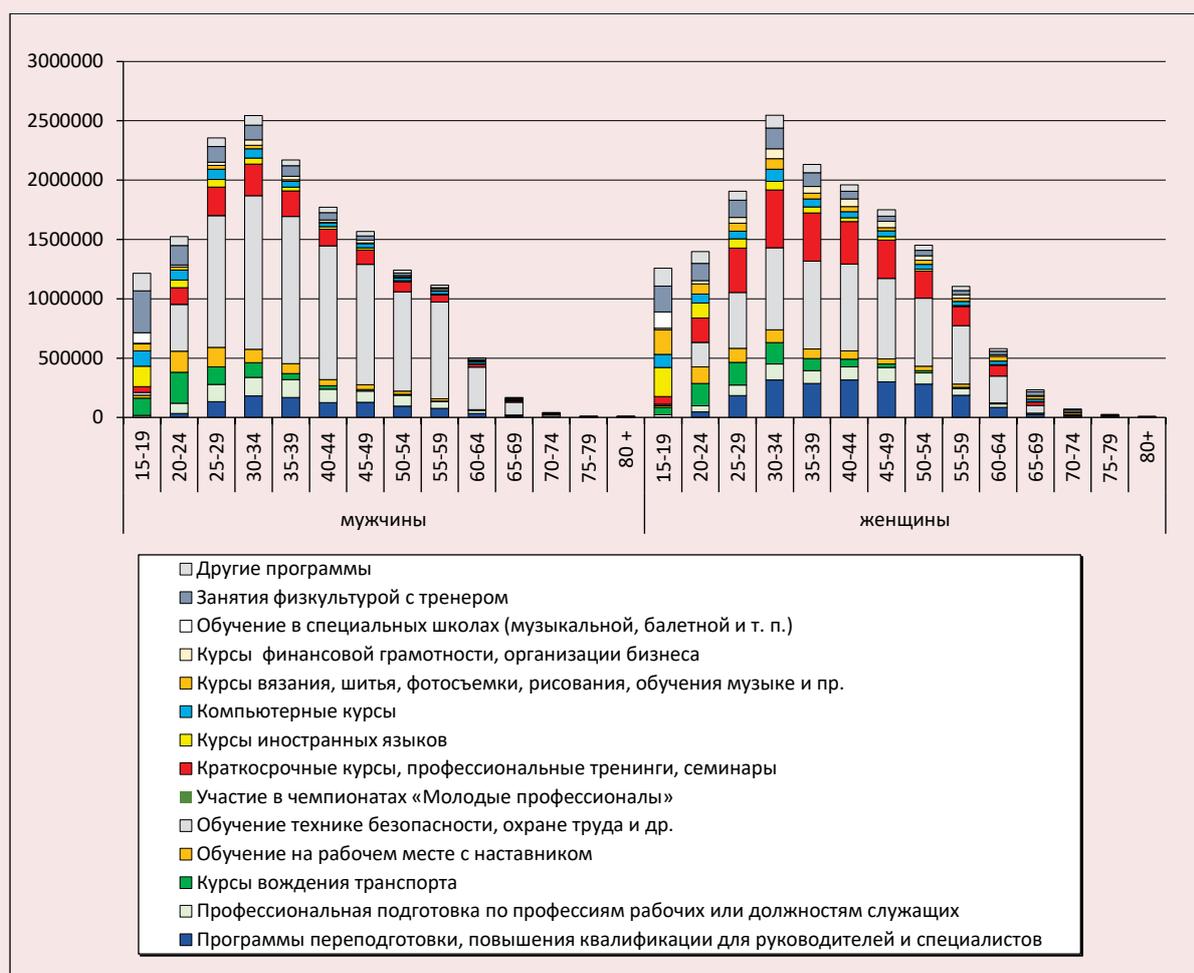
Неформальное образование, которое можно рассматривать как основу дополнительного образования, охватывает пока только 22,3% респондентов. В целом по масштабам и уровню участия в этом виде НО женщины существенно уступают мужчинам. На момент опроса в нем приняли участие 13,2 млн женщин (20,1% всех женщин в возрасте 15 лет и старше) и 13,7 млн мужчин (24,9%; см. табл. 1).

Неформальное образование сопровождает и женщин, и мужчин практически всю взрослую жизнь, но особенно интенсивно в средних и предпенсионных возрастах. Во всех возрастах, кроме самых молодых (15–17 лет), доля получающих неформальное образование среди мужчин выше, чем среди женщин (рис. 3). Максимальные различия приходятся

на возраст 25–29 лет, когда у женщин существенно падает образовательная активность (30,8% против 36,4% у мужчин), и предпенсионные годы (в 55–59 лет у мужчин уровень участия составляет 21,0%, у женщин – 15,4%; см. рис. 2).

Наиболее вероятным объяснением формирования значимого гендерного разрыва в уровне участия в неформальном обучении в группе 25–29 лет выступает появление детей у многих женщин, находящихся в этом возрасте. Действительно, как показывают расчеты, наличие у женщины ребенка до 2-х лет практически в два раза сокращает вероятность ее участия в неформальном образовании. Дети старших возрастов не оказывают такого принципиального влияния (см. табл. 2).

Рис. 3. Возрастной профиль распределения численности мужчин и женщин по специальностям неформального обучения, тыс. чел.

Наблюдение выявило значимую сегрегацию по специальностям неформального обучения: хотя не существует исключительно или преимущественно «женских» или «мужских» программ неформального образования, участие респондентов в большинстве из них имеет значимую гендерную асимметрию.

Наиболее феминизированными программами оказались «обучение на курсах вязания, шитья, фото-, видеосъемки, рисования, обучение музыке, танцам, пению и пр.» (превышение численности женщин над численностью мужчин в 3,8 раза), «обучение по программам профессиональной переподготовки, повышения квалификации для руководителей и специалистов» и «обучение на курсах финансовой и бюджетной грамотности, по изучению вопросов управления, организации бизнеса» (2,2 раза), «обучение на краткосрочных курсах, профессиональных тренингах, семинарах, конференциях, мастер-классах» (2,1 раза), «обучение в специализированных школах (олимпийского резерва, музыкальной, балетной школе и т. п.» (1,6 раза).

Наиболее маскульными программами стали «обучение технике безопасности, охране труда, пожарной безопасности, безопасному обращению с оружием» (превышение численности мужчин над численностью женщин в 0,5 раза), участие в чемпионатах «молодые профессионалы» (0,6 раза), освоение профессиональных навыков на рабочем месте под руководством наставников, обучение по программам профессионального обучения по профессиям рабочих или должностям служащих (0,9 раза).

Представляется, что подобная сегрегация по специальностям неформального обучения в целом отражает сложившуюся на сегодня отраслевую и профессиональную сегрегацию в сфере занятости. Определенный оптимизм внушает высокая доля женщин среди обучающихся по программам для руководителей и специалистов, а также на курсах финансовой и бюджетной грамотности, управления, организации бизнеса, поскольку в будущем может способствовать постепенному преодолению ими «стеклянного потолка».

Наблюдение позволяет раскрыть гендерные различия относительно целей получения неформального образования, его инициаторов, а также способов оплаты.

Структура целей, которые преследуют женщины и мужчины при получении неформального образования, в целом очень схожа. Респонденты обоих полов целью его получения чаще всего называют «новые знания» (33,9 и 33,5% всех обучающихся соответственно). Примечательно, что она стоит на первом месте у обучающихся всех возрастов. На втором месте с большим отрывом и у женщин, и у мужчин (18,6 и 18,2%) находится желание с помощью обучения достичь высоких результатов работы. Для самых молодых респондентов, а также для самых пожилых респонденток указанная цель оказалась неактуальной. На третьем месте – вариант «другое», причем у мужчин с большим отрывом (21,6 против 16,9% у женщин). Такое большое значение показателя свидетельствует о необходимости совершенствования методологии опроса, для того чтобы более точно учесть цели получения неформального образования.

Относительно популярными целями обучения являются также повышение культурного уровня и возможность приобрести новые контакты, к чему женщины стремятся чаще мужчин (9,9 и 7,1%, а также 6,4 и 4,2% соответственно).

«Трудоустройство, новая работа», «повышение заработной платы» и «продвижение по службе» оказались самыми непопулярными целями получения дополнительного образования у представителей обоих полов (удельный вес каждой из них в общей структуре менее 6%). Примечательно, что все три вышеперечисленные цели хоть сколько-нибудь популярны только у молодых людей обоих полов, с возрастом их значение кратно снижается. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что сложившаяся система дополнительного профессионального образования мало коррелирует с потребностями рынка труда, а в сфере занятости пока не сложилась система вертикальной профессиональной мобильности, основанной на росте человеческого потенциала.

Наличие у женщин детей лишь слегка трансформирует иерархию целей получения неформального образования, да и то это касается преимущественно женщин, имеющих детей до 3-х лет (табл. 3). Для них важны новые знания (32,4%), но их меньше волнуют высокие результаты работы, зато повышение культурного уровня и поиск новых контактов становятся

Таблица 3. Цели участия мужчин и женщин в неформальном образовании, %

Цель	Население, всего		Женщины 15 лет и старше, имеющие детей		
	мужчины	женщины	до 3-х лет	дошкольников	до 18 лет
Трудоустройство, новая работа	4,9	4,2	8,6	6,5	4,3
Повышение зарплаты	4,7	4,8	4,5	5,6	5,4
Продвижение по службе	5,9	5,4	4,2	5,8	6,2
Высокие результаты работы	18,2	18,6	12,8	17,7	20,6
Новые знания	33,5	33,9	32,9	33,9	34,1
Новые контакты	4,2	6,4	7,9	6,11	5,1
Повышение культурного уровня	7,1	9,9	13,1	9,36	8,0
Другое	21,6	16,9	15,9	15,0	16,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

более значимыми. Молодые мамы почти в два раза чаще, чем женщины в целом, целью своего участия в неформальном образовании называют «трудоустройство, новую работу», что подчеркивает актуальность программы Государственной службы занятости по переобучению, повышению квалификации лиц, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до 3-х лет.

По мере взросления детей значимость новых контактов, повышения культурного уровня, а также трудоустройства на новую работу как причин получения неформального образования снижается довольно существенно, например, по трудоустройству почти в два раза, с 8,6 до 4,3%. Вместе с тем, значительно возрастает важность достижения высоких результатов работы – с 12,8% у женщин с детьми до 3-х лет до 20,6% у женщин с детьми до 18 лет.

Таким образом, участие женщин в неформальном образовании в большей степени связано с личными, внерабочими интересами (54,4% опрошенных женщин) в то время как у мужчин – с работой, профессиональным интересом (52,1%). Это свидетельствует о меньшем стремлении женщин к прохождению обучения с целью построить карьеру и указывает если не на самодискриминацию в должностном росте (неуверенность в собственных силах

в построении карьеры), то, по крайней мере, на недостаточность усилий в пробивании «стеклянного потолка» или разочаровании, предположение о бесполезности таких усилий, отсутствие внутренней мотивации к построению карьеры.

Если различия между целями, ради которых женщины и мужчины получают неформальное образование, в целом невелики, то списки *инициаторов* образования разнятся существенно. Как видно из *таблицы 4*, женщины чаще мужчин учатся, проявив личную инициативу (35,7% против 23,8%). В то же время мужчины, очевидно, значительно чаще получают предложения продолжить образование от организации или работодателей (70,4% у мужчин против 58,5% у женщин). Семьи и родители одинаково редко выступают инициаторами дополнительного обучения и у мужчин, и у женщин, очевидно, что в этом вопросе гендерная дискриминация отсутствует.

Как было показано выше, респонденты обоих полов далеко не всегда проходят дополнительное обучение с целью выстраивания своей карьеры. Однако данные об инициаторах такого обучения свидетельствуют о важной роли, которую играют работодатели в формировании «стеклянного потолка» для женщин.

Таблица 4. Инициаторы получения женщинами и мужчинами последнего неформального образования, %

	Население		Женщины 15 лет и старше, имеющие детей		
	мужчины	женщины	до 3-х лет	дошкольников	до 18 лет
По личной инициативе	23,8	35,7	54,5	39,7	32,0
По инициативе семьи, родителей	3,5	3,6	1,8	1,3	1,2
По предложению работодателя	70,2	58,5	38,8	56,0	64,6
Другое	2,5	2,3	4,9	3,0	2,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 5. Способы оплаты женщинами и мужчинами своего последнего неформального обучения, %

Способ оплаты	Население		Женщины 15 лет и старше, имеющие детей		
	мужчины	женщины	до 3-х лет	дошкольников	до 18 лет
Полностью сам (семья)	21,7	32,0	48,9	35,6	28,4
Работодатель	61,0	49,8	33,3	46,9	55,3
Служба занятости, другие государственные организации	0,7	1,3	1,0	1,1	0,9
Несколько источников	0,6	0,8	0,7	0,8	0,8
Оплата обучения не предусмотрена	13,7	13,6	11,3	12,4	12,2
Другой источник	2,3	2,4	4,9	3,1	2,4

Структура инициаторов обучения женщин, имеющих детей, различается в зависимости от возраста детей. Большинство женщин с детьми до 3-х лет (54,5%) учится по личной инициативе, соответственно, меньшинство получило эту возможность от работодателя. Чем старше дети, тем больше это соотношение меняется. Среди женщин, имеющих детей до 18 лет, почти в два раза возрастает уровень участия в программах по предложению работодателя.

Источники оплаты неформального образования женщин и мужчин в целом коррелируют с его инициаторами. Женщины, чаще, чем мужчины, обучающиеся по собственной инициативе, соответственно чаще сами платят за обучение, а мужчины чаще обучаются по приглашению и за счет работодателей (табл. 5).

Опрос показал довольно скромное участие государственных служб занятости (ГСЗ) в финансировании неформального образования, хотя относительно женщин оно несколько больше – государство оплатило учебу 0,6% мужчин и 1,3% женщин. Даже среди женщин, имеющих детей до 3-х лет, являющихся бенефициарами специализированных образовательных программ ГСЗ, доля тех, кто учится за счет этой службы, составляет лишь 1%. Более того, среди женщин, имеющих детей до 3-х лет, выявлена самая большая доля самостоятельно (или при помощи семьи) оплачивающих свое образование. Однако чем старше дети, тем чаще обучение их матерей оплачивают работодатели.

Самообразование женщин и мужчин

Самообразование – наиболее массовая форма участия населения в системе НО. По данным Наблюдения, в 2020 году самообразованием занимались 14,0 млн мужчин и 19,5 млн женщин,

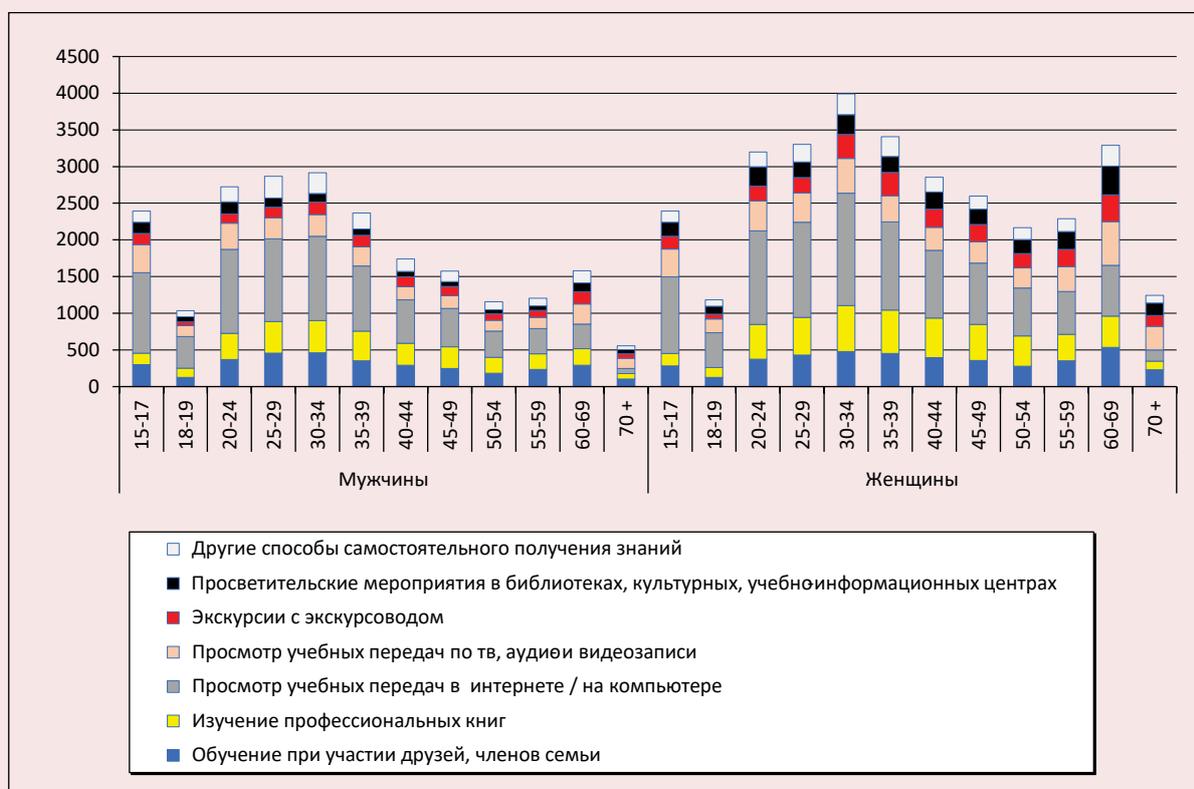
что составило 25,6% всех мужчин и 29,4% всех женщин в возрасте 15 лет и старше (см. табл. 1).

Одновременно самообразование – это форма НО, характеризующаяся самыми существенными гендерными отличиями параметров участия в нем населения.

В целом возрастные профили активности в самообразовании у женщин и мужчин схожи. Максимум интереса к этому виду обучения проявляют самые молодые респонденты вне зависимости от пола. По мере взросления активность постепенно снижается, но остается значительной даже в старших возрастах. При этом во всех возрастах, кроме самых старших, доля занятых самообразованием среди женщин существенно выше, чем среди мужчин. Наибольшая разница приходится на возраст 40 лет и старше, когда доля занятых самообразованием среди женщин превышает соответствующую долю среди мужчин в 1,4–1,5 раза (см. рис. 2).

Гендерные различия в специализации самообразования огромны, особенно по двум позициям: самообразование по вопросам здорового образа жизни (этой проблематикой интересуется 11% женщин старше 15 лет, среди мужчин – всего 4,9%) и освоение навыков прикладного рукоделия и художественного творчества: игра на музыкальных инструментах, пение, рисование, танцы и т. п. (3,9% женщин и 1% мужчин). Кроме того, женщины несколько опережают мужчин в занятиях по повышению финансовой и бюджетной грамотности, грамотности в сфере ЖКХ, государственных услуг и т. п. (4,7 и 3,1% соответственно). У мужчин некоторый перевес наблюдается в вопросах получения знаний или навыков по использованию новых бытовых технических средств (мобильный телефон, «умный» дом и др.): 6,1% против 4,3% у женщин.

Рис. 4. Возрастной профиль распределения мужчин и женщин по формам и способам самостоятельного получения знаний, тыс. чел.

Анализ форм участия в самообразовании дает интересный гендерный срез. В целом эти формы можно объединить в две группы: интернет, ТВ и чтение, с одной стороны, и живое общение, с другой. Мужчины в основном просматривают учебные передачи в сети Интернет или на компьютере (14% респондентов), с помощью телевизора или аудиозаписей (5,1%), читают профессиональные книги и журналы (5,9%). Живое общение с друзьями, коллегами, членами семьи для освоения новых знаний используют 6,2%, посещение музеев с экскурсоводом — 2,7%, библиотек, культурных центров, лекториев — 2,1%. Таким образом, интернет — самый популярный источник информации для самообразования, хотя и в разной степени для людей разных поколений (с целью самообразования его используют 45,1% респондентов в возрасте 15–17 лет и только 1,7% — 70+) (рис. 4).

Женщины пользуются интернетом еще более активно (16,1%), читают профессиональные журналы (7,4%), смотрят ТВ и слушают аудио-

записи (6,6%). Вместе с тем, они почти в два раза чаще мужчин лично посещают различные познавательные мероприятия. Кроме того, следует отметить, что женщины используют компьютер и осваивают профессиональные журналы более равномерно по всем возрастам и более интенсивно, чем мужчины.

Высокий уровень участия в самообразовании, вместе с рассмотренными выше целями получения неформального образования, свидетельствует о большей настроенности женщин на саморазвитие, которое отнюдь не всегда сопряжено с профессиональной занятостью.

В целом уровень участия женщин с детьми до 18 лет в самообразовании несколько выше, чем в среднем по выборке женщин (34,6%), особенно с детьми в возрасте 3–6 лет (38,4%), да и по сравнению с другими видами НО. Это, на наш взгляд, свидетельствует о недостаточно благоприятных условиях для участия в НО женщин с детьми, особенно малолетними.

Заключение

Исследование Росстата свидетельствует: как абсолютные, так и относительные показатели говорят о довольно значительном вовлечении российских женщин и мужчин в непрерывное образование, но стратегии его получения имеют значимые гендерные сходства и различия.

У тех и у других возраст оказывает существенное влияние на получение НО, причем у женщин и мужчин возрастные профили участия в НО схожи, хотя уровни участия в разных видах НО не совпадают.

Наблюдение подтвердило тот факт, что формальное образование заканчивается в молодом возрасте независимо от пола. При этом мужчины активнее участвуют в неформальном образовании, женщины — в самообразовании. К тому же женщины чаще оказываются вовлечены в разные виды НО.

В целом не было выявлено чисто «женских» или «мужских» направлений подготовки в рамках неформального образования и самообразования, а сложившаяся сегрегация по специальностям такого обучения отражает существующую отраслевую и профессиональную сегрегацию в сфере занятости. Следует отметить высокую долю женщин среди обучающихся по программам для руководителей и специалистов, на курсах финансовой и бюджетной грамотности, управления, организации бизнеса, что может стать фактором снижения вертикальной (должностной) сегрегации.

В то же время анализ результатов опроса о целях получения неформального образования, его инициаторах, а также способах оплаты обучения показал, что участники неформального образования обоих полов редко связывают свое обучение с расширением карьерных возможностей. Это свидетельствует, что в стране пока не сложилась полноценная система вертикальной профессиональной мобильности, основанная на росте человеческого потенциала.

Озабоченность вызывает также и то, что со стороны работодателей приглашение пройти дополнительное обучение мужчины получают чаще, чем женщины, соответственно, женщины чаще мужчин самостоятельно несут бремя его оплаты.

Женщины с детьми, особенно маленькими, по сравнению с мужчинами и со всей совокуп-

ностью женщин, испытывая очевидные трудности участия в неформальном образовании, свои потребности в новых знаниях чаще других вынуждены оплачивать сами, удовлетворять за счет более интенсивного использования возможностей самообразования, что говорит в первую очередь о недостаточно благоприятных условиях для участия в НО женщин с детьми.

Таким образом, существует риск формирования гендерного неравенства в развитии НО. В традиционной образовательной парадигме, согласно которой профессиональные знания получались человеком в специализированном учебном заведении до его вхождения в сферу занятости или на начальном этапе профессиональной карьеры, с последующим использованием этих или несколько обновленных знаний до наступления пенсионного возраста, уровень образования женщин превысил уровень образования мужчин во всех возрастных группах, выступая конкурентным преимуществом женщин на рынке труда. Во многом такая ситуация стала возможной из-за того, что юноши и девушки получают базовые профессии в первые годы взрослой жизни, когда большинство из них еще не обременены семейными обязанностями и традиционное гендерное разделение труда не влияет на их возможности для получения образования. Однако высочайшие темпы технологического развития, с каждым годом убыстряющиеся темпы устаревания знаний, полученных в профессиональных учебных заведениях, все настойчивее требуют формирования в России системы непрерывного образования, основная смысловая нагрузка которой — выход за пределы получения формального образования, то есть получение в возрастах, совпадающих со временем формирования семей, рождения и воспитания детей. В условиях широкого распространения гендерного разделения труда такая ситуация ставит под вопрос реальное воплощение в жизнь равенства возможностей получения неформального образования и самообразования женщинами и мужчинами и требует принятия государственных мер по поддержке женщин в преодолении указанных барьеров и возможности получать НО.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для развития НО в контексте воспроизводства человеческого потенциала нужно выделить

два направления деятельности, а именно обеспечение большей связи с рынком труда и сочетание семьи и работы, создание условий, способствующих более комфортному сочетанию обучения в рамках непрерывного образования, работы и семейных обязанностей.

Литература

1. Кудина М.В., Сухарева М.А. Современное состояние непрерывного образования в экономике знаний // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. 71. 2018. Дек. С. 285–306.
2. Формирование цифровой экономики в России: вызовы, перспективы, риски / под ред. Е.Б. Ленчук. СПб.: Алетейя, 2020. 320 с.
3. Соколова И.И., Ильина Л.Н. Новые дискурсы образования взрослых: от дополнительного профессионального образования к обучению через всю жизнь // Непрерывное образование. 2018. Вып. 4 (26). С. 10–12.
4. Владиславлев А.П. Система непрерывного образования: состояние и перспективы. М.: Политиздат, 1984. 72 с.
5. Горохов В.А., Коханова Л.А. Основы непрерывного образования в СССР. М.: Высшая школа, 1987. 382 с.
6. Мухина Т.Г., Копосов Е.В., Бородачев В.В. История и перспективы развития отечественной системы дополнительного профессионального образования в условиях высшей школы. Н. Новгород: Изд-во ННГАСУ, 2013. 289 с.
7. Римашевская Н.М., Доброхлеб В.Г. Непрерывное образование – основа устойчивого развития страны // Народонаселение. 2017. № 2. С. 42–50.
8. Vagnall R.G. Lifelong learning: Concepts and conceptions. *International Journal of Lifelong Education*, 2000, vol. 19, no. 1, pp. 20–35.
9. Midtsundstad T., Nielsen R.A. Lifelong learning and the continued participation of older Norwegian adults in employment. *European Journal of Education*, 2019, vol. 54, iss. 1, pp. 48–59.
10. Ключарев Г., Огарев Е. Непрерывное образование в трансформирующемся российском обществе. М.: РОССПЭН, 2002. 191 с.
11. Шленов Ю., Мосичева И., Шестак В. Непрерывное образование в России // Высшее образование в России. 2005. № 3. С. 36–49.
12. Золотарева Н.М., Рябко Т.В. О приоритетах государственной политики в развитии непрерывного образования взрослых в Российской Федерации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Образование. Педагогические науки. 2016. Т. 8. № 2. С. 7–11.
13. Коршунов И.А., Гапонова О.С. Непрерывное образование взрослых в контексте экономического развития и качества государственного управления // Вопросы образования. 2017. № 4. С. 36–59.
14. Степанов С.Ю., Оржековский П.А., Ушаков Д.В. Проблема цифровизации и стратегии развития непрерывного образования // Непрерывное образование: XXI век. 2020. № 2 (30). С. 2–15.
15. Доброхлеб В.Г. Непрерывное образование и гендерный баланс // Женщина в российском обществе. 2018. № 3. С. 26–33.
16. Sahin E. Gender equity in education. *Open Journal of Social Sciences*, 2014, no. 2, pp. 59–63. DOI: <http://dx.doi.org/10.4236/jss.2014.21007>
17. Jenkins A. Women, lifelong learning and transitions into employment. *Work Employment & Society*, 2006, vol. 20, iss. 2, pp. 309–328. DOI: 10.1177/0950017006064116
18. Rogers A. Lifelong learning and the absence of gender. *International Journal of Educational Development*, 2006, vol. 26, iss. 2, pp. 189–208. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2005.07.025>
19. Столярчук Л.И. Гендерный подход в условиях непрерывного образования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. С. 33–37.
20. Moustakas L. Motivation and Obstacles to Adult Participation in Lifelong Learning Programs: The Effect of Gender and Age. *Open Journal for Educational Research*, 2018, no. 2 (1), pp. 45–56. DOI: 10.32591/coas.ojer.0201.04045m

21. Persico C.V. Lifelong learning and equal gender opportunities: A social justice approach. *Revista Internacional de Organizaciones*, 2014, no. 12, pp. 27–44.
22. Silberstang J. *Learning Gender: The Effects of Gender-Role Stereotypes on Women's Lifelong Learning and Career Advancement Opportunities*. The Oxford Handbook of Lifelong Learning (1st edn.) Ed. by M. London, 2011. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780195390483.013.0122
23. Chłoń-Domińczak A., Lis M. Does gender matter for lifelong learning activity? NEUJOBS working paper No. D16.2A/September 2013. Available at: https://ibs.org.pl/app/uploads/2016/03/IBS_Working_Paper_02_2013.pdf
24. Мониторинг непрерывного образования: инструмент управления и социологические аспекты / науч. рук. А.Е. Карпухина. Сер.: Мониторинг. Образование. Кадры. М.: МАКС Пресс, 2007. 340 с.
25. Бондаренко Н.В. Становление в России непрерывного образования: анализ на основе результатов общероссийских опросов взрослого населения страны // Мониторинг экономики образования. Информационный бюллетень. М.: НИУ ВШЭ, 2017. № 5 (104).
26. Бондаренко Н.В. Вовлеченность взрослого населения России в непрерывное образование: масштабы, мотивы и планы участия, причины неучастия // Мониторинг экономики образования. Информационно-аналитические материалы по результатам социологических обследований. 2018. Вып. 8 (74). URL: [https://memo.hse.ru/data/2018/04/03/1164822100/iam_8_2018\(74\).pdf](https://memo.hse.ru/data/2018/04/03/1164822100/iam_8_2018(74).pdf) (дата обращения 06.05.2021).

Сведения об авторах

Марина Евгеньевна Баскакова — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: baskakovame@mail.ru)

Татьяна Владимировна Чубарова — доктор экономических наук, заведующий Центром экономической теории социального сектора, главный научный сотрудник, Институт экономики РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: t_chubarova@mail.ru)

Baskakova M.E., Chubarova T.V.

Lifelong Learning in Russia as a Mechanism for the Reproduction of Human Potential: Gender Aspect

Abstract. The article presents a study of the peculiarities of the involvement of Russian men and women in lifelong learning. The analysis of both Russian and foreign studies allowed putting forward the hypothesis that women and men may have different approaches to the construction of a lifelong learning educational path. The purpose of this study is to assess the parameters of women's and men's involvement in lifelong learning, including the goals and sources of funding, in order to identify similarities and gender asymmetry of lifelong learning path in Russia. The data of the sample survey of population involvement in lifelong learning, conducted by Rosstat in 2020, show that women and men's age profiles are similar, but their levels of involvement in different types of lifelong learning are not the same: men participate more actively in non-formal education, and women — in self-education. The current segregation of additional studies for qualification and field generally reflects the existing sectoral and occupational segregation in employment. At the same time, both women and men rarely associate their additional training with the expanded career opportunities, which may indicate the absence of a full-fledged system of vertical professional mobility based on the human potential growth. Our calculations show that employers more often invite men than women to take additional education and, accordingly, women more often than men pay for it themselves. Women with young children experience particular difficulties in participating in non-formal education and more often than others have to pay for themselves. This, in our view, contributes to the

formation of gender inequality of opportunities for participation in lifelong learning, which makes it important to consider the gender factor in state programs of lifelong learning development in order to maximize its contribution to the human potential reproduction.

Key words: human potential, gender mainstreaming, lifelong learning, labor market, self-education, vocational training, family responsibilities.

Information about the Authors

Marina E. Baskakova – Doctor of Sciences (Economics), Leading Researcher, Institute of Economics RAS (32, Nakhimovskiy Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: baskakovame@mail.ru)

Tat'yana V. Chubarova – Doctor of Sciences (Economics), Head of the Center for Social Economic Theory, Chief Researcher, Institute of Economics RAS (32, Nakhimovskiy Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: t_chubarova@mail.ru)

Статья поступила 07.06.2021.

Социальный портрет жителя Арктики в условиях промышленного освоения территории (на примере Якутии и Таймыра)*

**Евгения Владимировна
ПОТРАВНАЯ**

Межрегиональный центр экологического аудита и консалтинга
Москва, Российская Федерация
e-mail: potr195@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3343-0253

**Наталья Николаевна
ЯШАЛОВА**

Череповецкий государственный университет
Череповец, Российская Федерация
e-mail: natalij2005@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7279-3140; ResearcherID: N-7529-2016

**Хе Чжин
КИМ**

Институт российских исследований при университете Хангук
Ёнин, Республика Корея
e-mail: realarina@naver.com
ORCID: 0000-0003-3004-5309

* Статья подготовлена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-010-00252 «Экономико-правовые механизмы регулирования и развития территорий традиционного природопользования в контексте промышленного освоения Арктики». Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования Республики Корея и Национального научного фонда Республики Корея (NRF-2019S1A6A3A02102950).

Для цитирования: Потравная Е.В., Яшалова Н.Н., Ким Хе Чжин. Социальный портрет жителя Арктики в условиях промышленного освоения территории (на примере Якутии и Таймыра) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 4. С. 185–200. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.11

For citation: Potravnaya E.V., Yashalova N.N., Kim Hye-Jin. Social portrait of a resident of the Arctic in the conditions of industrial development of the territory (case study of Yakutia and Taimyr). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 4, pp. 185–200. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.11

Аннотация. Уклад жизни коренного и пришлого населения Арктической зоны Российской Федерации требует детального изучения, так как именно в арктических районах в последние десятилетия активно осуществляются разведка и добыча полезных ископаемых с целью промышленного освоения территории. В статье раскрывается социальный портрет жителей арктических регионов Российской Федерации, которые являются непосредственными участниками происходящих на территориях их проживания изменений, связанных с реализацией крупномасштабных проектов по добыче полезных ископаемых. Эмпирическая часть исследования проводилась в 2017–2020 гг. в Республике Саха (Якутия), где в настоящий момент осуществляются разведка и добыча россыпного золота и алмазов, и Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном районе Красноярского края. Объектом исследования выступает экономическое поведение местных жителей арктических районов, предметом – их отношение к деятельности компаний по добыче полезных ископаемых. В результате проведенного социологического опроса с помощью анкетирования (гнездовая выборка, 859 чел. в возрасте 18 лет и старше), неформализованных бесед дана социально-демографическая характеристика местных жителей, представлено их отношение к традиционным промыслам, а также промышленному освоению арктических районов Российской Федерации. Практическая значимость исследования связана с анализом современных характеристик жителя Арктики, что может найти применение у различных стейкхолдеров, вовлеченных в реализацию государственных программ по освоению арктических территорий Российской Федерации. Изучение проблем и потребностей коренных народов Арктической зоны России позволяет избежать ресурсных конфликтов между государственными структурами, промышленными компаниями и местным населением.

Ключевые слова: социальный портрет населения, экономическая социология, промышленное освоение территории, окружающая среда, социально-экономическое благополучие, арктический регион, коренные народы, добывающие компании.

Введение

В Указе Президента Российской Федерации «О национальных целях развития России до 2030 года» (2021 г.) определены направления прорывного развития страны, основные из которых связаны с увеличением численности ее населения, а также уровнем и качеством жизни граждан. В данном документе обозначены национальные цели развития Российской Федерации на перспективу, касающиеся сохранности населения, обеспечения здоровья, содействия благополучию людей, формирования комфортной и безопасной среды жизни человека, снижения уровня бедности россиян, восстановления нарушенного экологического состояния окружающей среды¹.

Государственной программой Российской Федерации «Социально-экономическое разви-

тие Арктической зоны Российской Федерации»² (2021 г.) предусмотрены две подпрограммы: «Создание условий для привлечения частных инвестиций и создания новых рабочих мест в Арктической зоне Российской Федерации» и «Создание условий для устойчивого социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации». Важно, что государственная программа нацелена на содействие устойчивому развитию коренных малочисленных народов, проживающих на этой территории, за счет создания новых рабочих мест с одновременным улучшением условий труда, а также обеспечения поддержки традиционного хозяйства, что, в конечном итоге, положительно отразится на уровне и качестве жизни местного населения.

¹ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации»: Указ Президента РФ «О национальных целях развития России до 2030 года» от 21 июля 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения 31.05.2021).

² Об утверждении государственной программы РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации»: Постановление Правительства Российской Федерации от 30 марта 2021 г. № 484. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104020037> (дата обращения 31.05.2021).

В «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» (2020 г.) предусмотрен комплекс мер по социально-экономическому развитию данной территории, включая реализацию крупных инвестиционных проектов по разведке месторождений полезных ископаемых и их добыче, а также развитию инфраструктуры транспортных коммуникаций и социальных объектов³. Арктические территории обладают значительными запасами таких природных ресурсов планеты, как нефть, газ, пресная вода, промысловые виды рыб. Стоит отметить, что наиболее серьезная угроза для природных зон арктических районов исходит от добывающей промышленности, специализирующейся на разведке и добыче полезных ископаемых. Помимо этого, негативное влияние на окружающую среду арктических пустынь оказывает глобальное потепление, приводящее к таянию вечной мерзлоты.

Население Арктической зоны Российской Федерации является многонациональным. Здесь проживает как местное (коренные народы и старожильческое население), так пришлое (мигранты) население. Жители Арктики минимально воздействуют на окружающую среду, стараясь экономно использовать природные ресурсы. Тысячелетиями проживающее на этих территориях население вырабатывало правильную стратегию природопользования, позволяющую сохранить исконную среду своего обитания, биоразнообразие региона, а также рационально использовать возобновляемые природные ресурсы. В настоящее время в Арктике ввиду ее промышленного освоения усиливается воздействие на экосистемы, происходит их деградация, что влияет на традиционные базовые отрасли северных территорий (рыбная ловля, охота, оленеводство и др.).

Социально-экономическое развитие российской Арктики, реализация на ее территории инвестиционных проектов по промышленному освоению в плотную связаны с решением задач по улучшению качества жизни местного

населения, увеличению ожидаемой продолжительности жизни граждан, снижению миграционного оттока населения, сокращению безработицы, уменьшению уровня бедности, оздоровлению окружающей среды. Реализация подобного рода проектов направлена также на повышение уровня доступности и качества услуг, создание комфортной среды проживания в населенных пунктах, расположенных в отдаленных местностях, в том числе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов. В Арктической зоне России в настоящее время насчитывается 19 малочисленных народов, располагаются объекты их наследия, имеющие историческую и культурную ценность общемирового значения.

Очевидно, что промышленное освоение территорий в Арктике, реализация проектов по разведке месторождений и добыче полезных ископаемых могут не только сопровождаться достижением тех или иных экономических и социальных результатов, но и оказывать негативное воздействие на окружающую среду, климатическую систему, экологические условия жизни населения [1–6]. В этих условиях реализация инвестиционных проектов промышленного освоения Арктики должна обеспечивать сбалансированное социально-экономическое развитие данной территории, способствовать защите интересов и потребностей коренных малочисленных народов, сохранять исконную среду их обитания [5]. Интенсивное использование природных ресурсов вынуждает ученых, политиков, граждан искать пути взаимодействия между государством, бизнесом и населением Арктики по вопросам устойчивого развития и охраны окружающей среды.

Следует учитывать, что большинство коренных малочисленных народов Российской Федерации проживает на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке. Именно в этих регионах идут активное освоение природных ресурсов, добыча углеводородов, золота, серебра, алмазов, платины, руд черных и цветных металлов. Деятельность ресурсодобывающих компаний определенным образом способствует отчуждению территорий, что негативным образом отражается на традиционном укладе жизни местного населения [6; 7].

³ О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента РФ № 645 от 26 октября 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/64274> (дата обращения 31.05.2021).

Декларация о правах коренных народов, принятая Организацией Объединенных Наций в 2007 году, декларирует право этих групп населения на достойную жизнь, сохранение и развитие собственной культуры, а также развитие в том направлении, которое сам народ считает наиболее соответствующим его потребностям и стремлениям⁴. В связи с этим коренные народы должны обязательно привлекаться к принятию решений при освоении природных ресурсов на территории своего проживания.

Важное значение имеют анализ и оценка положительных и возможных отрицательных изменений, которые происходят или могут произойти в будущем в жизни населения арктических районов страны в ходе промышленного освоения, а также оценка тенденций этих изменений с точки зрения экономического поведения граждан, включая особенности восприятия происходящих изменений в гендерном аспекте [8]. Такой подход предполагает изучение повседневной жизни населения, его социальных настроений, мотивации, материальных возможностей, экономического поведения [9], что в целом позволяет составить социальный портрет жителя Арктики в условиях промышленного освоения территории.

Арктический вектор развития и вытекающие из этого социально-эколого-экономические изменения в Арктической зоне Российской Федерации во многом зависят от взаимодействия добывающих компаний и коренных малочисленных народов, проживающих на этой территории [10; 11]. Особенно важен поиск адекватных правовых и экономических механизмов защиты прав и интересов местного населения, способствующих повышению его благосостояния [12; 13].

К примеру, в целях защиты интересов и обеспечения прав коренных народов при реализации инвестиционных проектов промышленного освоения территорий Правительство Российской Федерации в 2020 году приняло положение о порядке возмещения убытков в результате нанесения ущерба исконной среде обитания коренных малочисленных народов

⁴ Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. Принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения 31.05.2021).

хозяйственной деятельностью⁵. В соответствии с этим документом компании-недропользователи будут возмещать вред, причиненный коренным малочисленным народам России на основании особого соглашения. В частности, Республика Саха (Якутия) имеет десятилетний опыт по проведению этнологической экспертизы проектов, оценивающей влияние изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса, что позволяет определить существующие или потенциальные угрозы межэтнических конфликтов в обществе [14; 15].

Целью нашей работы является составление социального портрета жителя Арктики в условиях промышленного освоения территории. Научная новизна исследования заключается в создании оригинальной многоаспектной характеристики жителя Арктической зоны Российской Федерации, помогающей сформировать представление о социальных особенностях и мотивационных установках коренного населения в зоне намечаемой реализации крупномасштабных инвестиционных проектов по добыче природных ресурсов. В целом, это позволит обеспечить баланс интересов между населением Арктики, государственными структурами и компаниями-недропользователями.

Теоретические аспекты исследования

Социологи, политики, психологи, медики, педагоги и т. д. достаточно широко используют в своей деятельности личностные портреты различных категорий граждан. Очевидно, что без определенных характеристик отдельных групп людей сложно понять закономерности в их поведении, спрогнозировать его на будущий период для различных ситуаций и, соответственно, выработать стратегию управления им. Этим обосновывается актуальность составления социальных портретов для науки и практики.

⁵ Об утверждении Положения о порядке возмещения убытков, причиненных коренным малочисленным народам Российской Федерации, объединениям коренных малочисленных народов Российской Федерации и лицам, относящимся к коренным малочисленным народам Российской Федерации, в результате нанесения ущерба исконной среде обитания коренных малочисленных народов Российской Федерации хозяйственной деятельностью организаций всех форм собственности, а также физическими лицами: Постановление Правительства РФ от 18 сентября 2020 г. № 1488. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74563696/> (дата обращения 31.05.2021).

Теоретической основой социального портретирования выступает концепция социального действия немецкого социолога М. Вебера [16]. В заложенной им современной теории социальной стратификации ключевым критерием для общественного определения человека является не классовая принадлежность, а позиция в экономическом пространстве, влияющая на жизненные шансы. Статусные положения индивидов позволяют сгруппировать их в множества [17], каждое из которых имеет собственный образ и стиль жизни, привилегии и т. д.

В последние годы активно развиваются исследования, связанные с изучением интегрального аспекта социального портрета населения на основе оценки индекса социальных настроений [18]. В этом случае под социальным портретом понимается интегрированное описание социальной сущности объекта (социальной группы), включающее характеристику всех составляющих его компонентов, а также связанных с ним социальных процессов и отношений. Как правило, здесь учитываются основные социальные и демографические особенности объекта, социокультурные, экономические и политические установки, ценностные ориентиры и предпочтения. При этом диспропорции в таких социально-демографических показателях могут стать причиной экономического и экологического неблагополучия. Современные вызовы для окружающей среды и изменения культуры поведения также выступают важной доминантой при изучении социального портрета населения [19].

Необходимо учитывать, что определенная социальная группа характеризуется внутригрупповыми экономическими, экологическими и социальными стандартами, которые выражаются, например, в материальном благосостоянии, возможности проживания в условиях благоприятной окружающей среды и др. Вместе с тем при составлении социального портрета населения не находят должного отражения вопросы сохранения этноса, традиционной культуры и быта, промыслов коренных малочисленных народов [20]. Этнологический подход в полной мере не используется в управленческой практике, что затрудняет, в частности, реализацию стратегических решений в Арктике [21].

Одним из индикаторов социального портрета общества является отношение к жизни у населения. Он отражает социальное самочувствие граждан и оценивает их позицию, связанную с различными изменениями. Данное отношение может выражаться в социальной консолидации – процессе объединения людей в группы для решения определенных вопросов. Наличие конфликта интересов во взаимодействии заинтересованных сторон, например бизнеса и коренных народов, может выступать одним из элементов социального портрета населения, позволяя выявить определенный арктический вектор социальных и экологических предпочтений.

В экономической социологии применяются различные подходы к исследованию социального портрета населения и отдельных социальных групп. К примеру, Фонд «Общественное мнение» при составлении социального портрета молодежи («Поколение Y») использовал следующие критерии: удовлетворенность жизнью, материальное положение и структура доходов, наличие работы, ожидания относительно экономического развития России, лояльность по отношению к власти, политические установки, протестные установки⁶.

Институт социологии РАН в ходе изучения характеристик российской молодежи применяет сопоставительный межпоколенческий подход, на основании которого выявляет ее специфические качества и ценности. Основными критериями для составления такого социального портрета служат жизненные цели и планы, человеческий и социальный капиталы, межпоколенческая мобильность, общественная активность, морально-нравственные ценности, досуг, личная и семейная жизнь⁷. В отдельных исследованиях в качестве характеристик социального портрета молодежи анализируются семейное положение, уровень жизни, труд и занятость, выбор профессии, социальное самочувствие, ценностные ориентации [22].

⁶ «Поколение Y»: социальный портрет современной молодежи 18–25 лет, составленный по свежим данным Фонда Общественное мнение. URL: https://bd.fom.ru/report/cat/home_family/molodezh/press_r140410np (дата обращения 31.05.2021).

⁷ Молодежь новой России: ценностные приоритеты. URL: <https://dogmon.org/molodeje-novoj-rossii-cennostnie-prioriteti.html> (дата обращения 31.05.2021).

Некоторые исследователи применяют подход, основанный на сравнительном анализе высокодоходных и низкодоходных групп населения, позволяющий оценить их потребительские настроения и ожидания, а также выделить тенденции, характеризующие трудовое поведение, мобильность трудовых ресурсов, занятость и безработицу [23].

Обращаясь к вопросу, касающемуся изучению социальных характеристик жителей Арктики, следует отметить, что коренные народы чаще всего становятся объектом исследования в статьях по медицине, туризму, культуре, обеспечению социальной адаптации и т. д. Литературный обзор научных исследований демонстрирует, что метод социологического портретирования активно развивается и применяется в разных ситуациях: круг заказчиков социальных портретов из года в год увеличивается.

В последнюю четверть века происходит существенное приращение теоретической и прикладной составляющих социологии, что отражается в создании социальных портретов при решении задач в различных науках и отраслях народного хозяйства. Вместе с тем изучению социального портрета жителя Арктики, особенно в условиях ее промышленного освоения, уделено недостаточно внимания. С учетом того что население Арктической зоны Российской Федерации имеет многовековые традиции, социальный портрет ее жителя приобретает особое значение для эффективного решения различных социальных, экономических и экологических задач на северных территориях страны.

Методы и методология исследования

Теоретической базой исследования является концепция распределения благ заинтересованными сторонами (бизнес, органы власти, местное население) при промышленном освоении Арктики [24]. Исследование опирается на результаты социологических опросов населения арктических регионов Российской Федерации, в которых реализуются проекты промышленного освоения территории.

Особо важно при описании социального портрета данной категории выявить целевые установки и отношение респондентов к проектам по добыче природных ресурсов, расположенных в Арктике, а также поднять проблемы,

волнующие местное население. Отдельную сторону анализа составляет категория традиционных промыслов, т. к. именно этот вид деятельности выступает для жителей арктического района источником заработка, питания и культурной традицией. В связи с промышленным освоением и, соответственно, изменением экологической ситуации отношение людей к традиционным промыслам постепенно меняется.

Опросы местного населения осуществлялись в 2017–2020 гг. в рамках проведения этнологической экспертизы проектов в Арктической зоне Российской Федерации, в частности в Республике Саха (Якутия), а также в Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном районе Красноярского края. Общая выборка исследования составила 859 человек. Использовалась гнездовая выборка, где в качестве гнезд выступали населенные пункты, находящиеся в зоне проектов промышленного освоения территории Арктики. В выборку попали все дееспособные граждане в возрасте от 18 лет, на момент проведения опроса присутствовавшие на специально организованных встречах с представителями научной экспедиции. В качестве метода исследования использовался очный анкетный опрос, при котором респонденты самостоятельно читают вопросы и выбирают варианты ответа. Если участник опроса испытывал трудности при самостоятельном заполнении анкеты (например, правильного перевода), то анкета заполнялась совместно с представителем научной экспедиции.

Населенные пункты, вошедшие в выборку исследования, представлены в *таблице 1*.

В выборку исследования вошли как женщины (48% опрошенных), так и мужчины (52%).

В ходе проведения социологических опросов решался ряд задач. Первая из них связана с выявлением отношения местных жителей к социально-экономическим и экологическим проблемам, а также разработкой рекомендаций по повышению качества уровня жизни населения на проживаемой территории. Вторая задача направлена на определение наиболее перспективных сфер района, которые целесообразно развивать при поддержке добывающей компании. К третьей задаче исследования отнесем обнаружение взаимосвязи между социально-демографическими показателями населения и восприятием социально-экономических

Таблица 1. Социологические исследования в рамках проведения этнологической экспертизы проектов, 2017–2020 гг.

Проект, место реализации, компания, год проведения опроса	Населенный пункт	Количество опрошенных, чел.
Добыча россыпного золота, руч. Суор-Уйалаах, Усть-Янский улус, Якутия, ООО «АДК», 2017 г.	с. Усть-Янск	51
	пгт Усть-Куйга	40
	с. Казачье	18
	с. Хайыр	20
Геологическое изучение месторождения россыпных алмазов, р. Половинная, Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) улус (район), Якутия, ООО «Арктик Капитал», 2017 г.	с. Юрюнг-Хая	29
	с. Саскылах	101
Добыча россыпного золота, руч. Мокрундя, Среднеколымский район, Якутия, ООО «АДК», 2018 г.	п. Среднеколымск	101
	с. Сватай	65
Разведка и добыча россыпного золота, р. Артык, Момский район, Якутия, ООО «Восток», 2019 г.	с. Сасыр	50
	п. Усть-Нера	62
	с. Артык	22
Добыча россыпных алмазов на месторождении Учах-Ытырбат, Оленекский эвенкийский национальный район, на р. Очоус, Лясегер-Юрях, Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) улус (район), Якутия, АО «Алмазы Анабара», 2020 г.	с. Оленек	114
	с. Харыялах	16
Оценка последствий аварийного разлива нефтепродуктов на ТЭЦ-3, г. Норильск, Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район, Красноярский край, Проектный офис развития Арктики, 2020 г.	г. Дудинка, г. Норильск, родовые общины в Авамской тундре	170
Итого:		859

и экологических проблем территорий, на которых будет осуществляться добыча полезных ископаемых. Четвертая задача связана с выявлением отношения местных жителей к хозяйственной деятельности добывающей компании на территории традиционного проживания. Пятая задача направлена на определение возможных форматов компенсаций коренным народам в случае проведения на территории их проживания хозяйственной деятельности по добыче полезных ископаемых. Последняя задача – изучение потребностей местных жителей, которые необходимо учитывать добывающим компаниям при разведке и добыче полезных ископаемых.

Кроме того, в рамках проведения социологических опросов оценивался уровень информированности местных жителей о деятельности компаний-недропользователей в районе проживания.

Результаты исследования

Изучение и составление социального портрета местных жителей арктических регионов имеет важное значение в условиях обоснования и реализации инвестиционных проектов промышленного освоения территорий. При со-

ставлении портрета выявляются поведенческие намерения и социальные установки местных жителей, которые необходимо учитывать при разработке рекомендаций для выстраивания эффективной коммуникации между местными жителями, представителями компании и органами власти.

Для создания социального портрета населения в условиях промышленного освоения территории предлагается использовать следующую информацию.

А. Социально-демографические характеристики коренных жителей Арктики: возраст и пол респондентов, национальная принадлежность, семейное положение, количество детей, уровень заработка, виды занятости.

Традиционно сложилось, что арктические районы заселены коренными малочисленными народами, имеющими определенный правовой статус. При описании социального портрета жителя Арктики важно понять, как идентифицирует себя ее население. Результаты опроса показали, что большинство респондентов относят себя к представителям коренных малочисленных народов: эвенков, эвенов, юкагиров, долган (табл. 2).

Таблица 2. Социально-демографические характеристики респондентов, принявших участие в опросе

Характеристика	Количество опрошенных, чел. (всего 859 чел.)	Доля от общего числа опрошенных, %
Распределение по населенным пунктам		
Распределение по полу		
Мужчины	451	52,5
Женщины	408	47,5
Распределение по семейному положению		
Замужем/женат	552	64,3
Не замужем/ не женат	174	20,3
Разведен	62	7,2
Вдовец/вдова	71	8,2
Распределение по количеству детей		
Нет	134	15,6
1 ребенок	158	18,4
2 ребенка	336	39,1
3 и более детей	231	26,9
Распределение по возрасту		
18–30 лет	215	25,0
31–40 лет	268	31,2
41–50 лет	169	19,7
51–55 лет	58	6,8
56–60 лет	61	7,1
Свыше 61 года	88	10,2
Распределение по видам деятельности		
Трудоустроенный	545	63,4
Безработный	41	4,8
Временно безработный	73	8,5
Пенсионер	95	11,0
Домохозяйка	29	3,4
Студент, учащийся	41	4,8
Другое	35	4,1
Распределение по сферам деятельности		
Работник бюджетной сферы	62	37,8
Работник компании по добыче полезных ископаемых	78	7,2
Индивидуальный предприниматель	76	9,1
Наемный рабочий	46	8,8
Охотник	74	5,4
Оленевод	75	8,6
Рыболов	123	8,7
Другое	62	14,4
Распределение по источнику дохода		
Зарботная плата на основной работе	502	58,4
Доход от традиционных промыслов	128	15,0
Пенсия, пособия	109	12,7
Дополнительный приработок (оказание временных услуг)	87	10,1
Другое	33	3,8
Распределение по доходу*		
до 10 000 руб.	62	9,0
10 000–20 000 руб.	121	17,6
20 000–30 000 руб.	158	22,9
30 000–40 000 руб.	163	23,7
выше 40 000 руб.	185	26,9

*Данные по доходу представлены без учета респондентов г. Норильска, так как в этом населенном пункте опрос по доходам не производился.

Стоит также отметить, что определенные группы опрошенных специально указывали на то, что они являются жителями Севера, при этом свою национальность не называли, а зачастую приписывали: «Родился и вырос на Севере». Во многом указанный факт объясняется желанием этой группы людей получать льготы наравне с коренными малочисленными народами. Респонденты намеренно называли себя «жителями Севера», тем самым показывая свою причастность к данной территории и собственную значимость в качестве местного жителя.

Экономические проблемы, которые волнуют опрошенных жителей, представлены на рисунке 1.

На первом месте по значимости среди них находится проблема высоких цен на продукты, на втором – отсутствие рабочих мест и низкий уровень дохода. Необходимо отметить, что распределение ответов респондентов относительно

проблем довольно равномерное. Географическое расположение улусов проживания местного населения и низкий уровень оказания медицинских услуг, а также пол и возраст респондентов критически не влияют на распределение ответов.

Стоит отметить, что коренные народы российской Арктики относятся к низкодоходным группам населения, при этом извлечение прибыли от хозяйственной деятельности не является для них главной целью [25; 26]. Современная модель традиционного природопользования на этих территориях основана на товарном обмене и практике дележа, что вполне соответствует родовым традициям распределения благ и социальной справедливости [27].

К наиболее значимым социальным проблемам (рис. 2) респонденты относят отток молодежи, отсутствие организованных форм досуга, потерю связи людей со своей культурой, традициями.

Рис. 1. Ключевые экономические проблемы, волнующие жителей Арктики, %

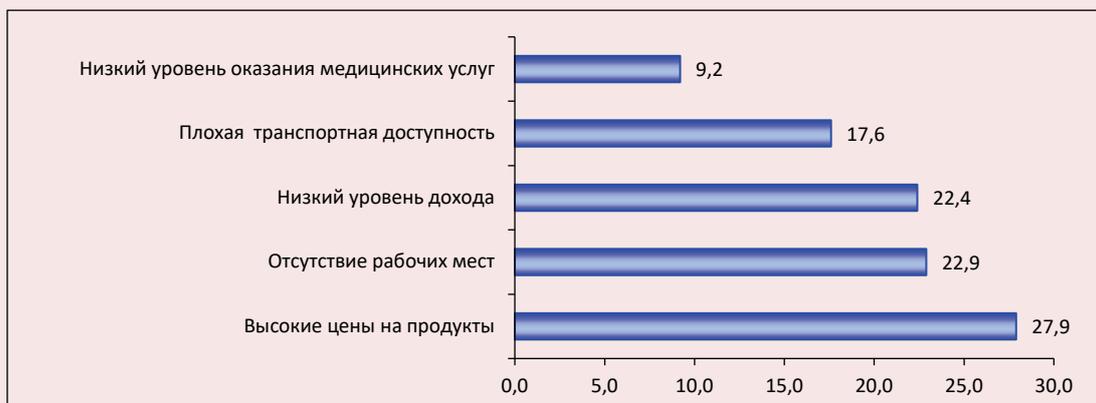
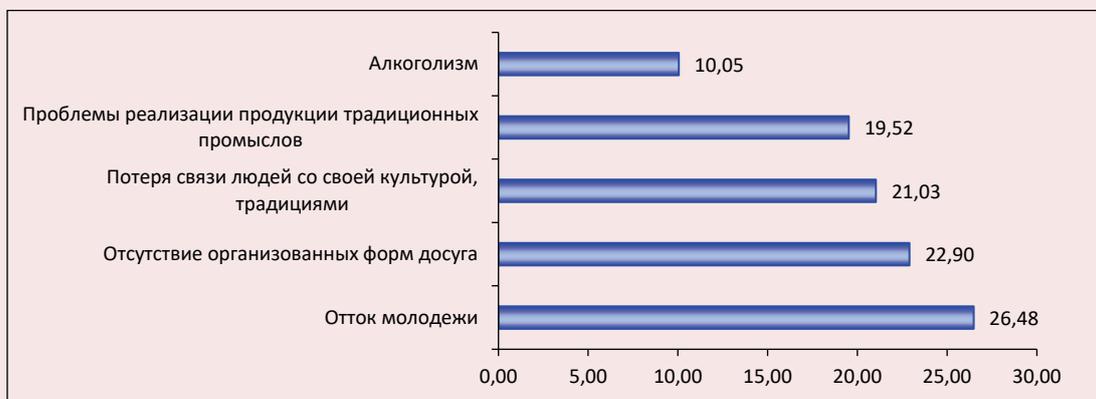

Рис. 2. Социальные проблемы, волнующие опрошенных жителей, %

Значимость проблемы, связанной с отъездом молодежи, подтверждается и анализом качественных характеристик, которые респонденты оставляли в анкете по своему желанию. Так, ради молодежи старшее поколение готово менять свои устои, что во многом объясняется присутствием желания оставить свою землю молодому поколению, продолжать и развивать традиционное природопользование.

Опрошенные жители арктических регионов серьезно относятся к оценке экологической обстановки (рис. 3).

Прочная связь коренного народа с территорией проживания дает ему возможность гибко и своевременно реагировать на происходящие экологические и, в частности, климатические изменения. Подавляющее большинство участников опроса понимают, с какими экологическими проблемами сталкиваются и какие из них связаны с промышленным освоением территорий Арктической зоны Российской Федерации. Промышленное освоение территорий зачастую оказывает разрушительное действие на местные экосистемы, что, в свою очередь, способствует исчезновению культуры коренных малочисленных народов и устойчивых средств к существованию, включая продовольственные ресурсы.

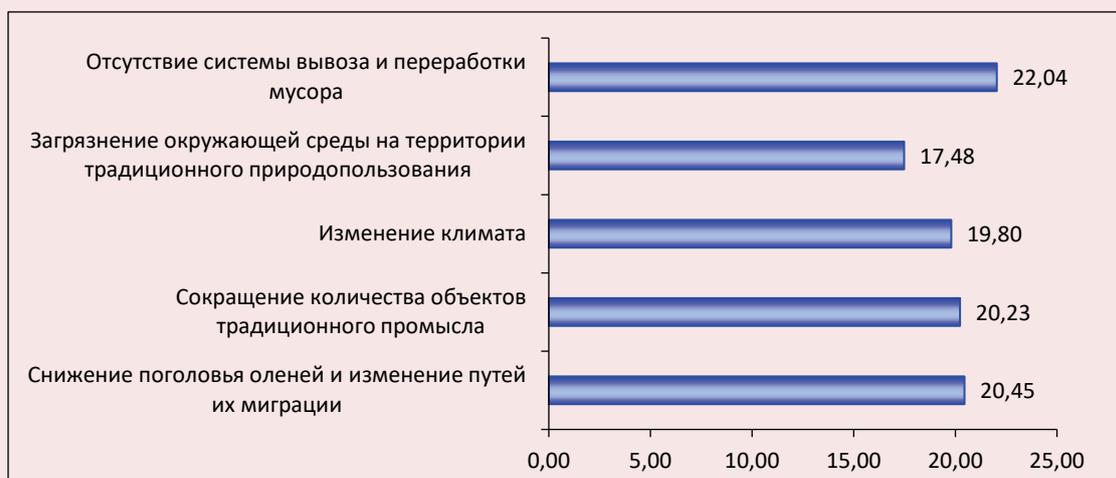
Практически все опрошенные местные жители объективно осознают негативное воздействие хозяйственной деятельности ресурсо-

добывающих компаний на состояние окружающей среды и условия традиционного природопользования. Ответы респондентов по представленным экологическим проблемам распределены довольно равномерно. Наиболее актуальными проблемами являются отсутствие системы вывоза и переработки мусора, снижение поголовья оленей и изменение путей их миграции, сокращение количества объектов традиционного промысла.

Еще одной проблемой, волнующей жителей, можно назвать образующиеся при добыче полезных ископаемых отходы, а также нарушенные земли, карьеры. Ввиду тесной взаимосвязи с земельными, водными, продовольственными ресурсами коренные народы являются особо уязвимой категорией населения при добыче полезных ископаемых. Из-за действий компаний-недропользователей местное население не имеет доступа к ряду территорий, происходит загрязнение почвы, воды, атмосферы побочными продуктами, образующимися при добыче полезных ископаемых. Важно, чтобы такого рода экологические воздействия не стали причиной для конфликтов между отраслью, государством и местным населением.

Следует отметить, что коренные народы Арктики наиболее сильно ощущают влияние от изменения климата, из-за которого температурный и ледовый режимы также изменяются. В результате сокращается доступ населения к

Рис. 3. Экологические проблемы, волнующие опрошенных жителей, %

традиционным местам охоты и рыболовства, что наносит урон культурным обычаям и, соответственно, социальной сплоченности коренных народов. Подобного рода исследования проведены Межправительственной группой экспертов по изменению климата и зарубежными учеными [28; 29; 30], которые указывают на то, что климатическая политика не будет успешной, если не будут происходить реструктуризация и трансформация современных отношений между государством и коренными народами.

Б. Отношение местных жителей к традиционным промыслам.

Тесная связь с территорией проживания остается неизменным признаком при идентификации коренных народов. Традиции местного населения всегда являлись для него источником гордости. У коренного населения Арктики развиты такие традиционные промыслы, как оленеводство, рыболовство и охота. В ходе опроса респонденты отметили еще один вид деятельности – сбор бивней мамонта (палеонтологических останков), которые используются в дальнейшем как поделочный материал. Мамонтовая кость востребована в косторезных российских и зарубежных мастерских, нетрадиционной медицине, поэтому жители Арктики собирают ее с целью заработка. Многие из опрошенных указывали, что данная работа тяжелая и не приносит стабильного дохода, сопряжена с риском для жизни, однако доход респондентов при таком виде занятости значительно выше, чем от занятий традиционными промыслами.

Отношение к традиционным промыслам и их оценка у местного населения весьма различны и противоречивы. На восприятие ценности традиционных промыслов влияет район проживания. Так, в одних населенных пунктах традиционные промыслы являются источником продовольственных ресурсов и не приносят дополнительного заработка, а в других, наоборот, считаются основным источником получения дохода.

Жители с. Сасыр Момского района Якутии отмечают, что традиционные промыслы для них крайне важны. Только 14% участников опроса из этого населенного пункта указали, что не занимаются традиционными промыс-

лами ни с целью зарабатывания денег, ни с целью пропитания. Жители Среднеколымского района (г. Среднеколымск, с. Сватай) воспринимают традиционные промыслы как крайне недоходное ремесло. Некоторые респонденты объясняют это отсутствием возможности реализовать продукцию традиционных промыслов. Стоит отметить, что уровень жизни этой группы респондентов значительно ниже, чем у остальных, поэтому они вынуждены искать новые способы получения дохода. Подавляющее большинство населения с. Оленек и с. Харыялах Оленекского района Якутии относятся к традиционным промыслам как к источнику продовольствия.

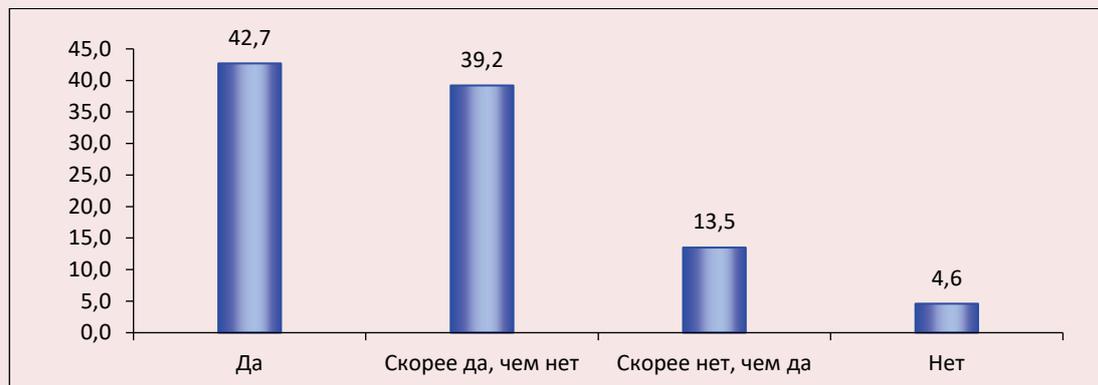
В. Отношение местных жителей к промышленному освоению территории.

Проекты промышленного освоения Арктики остаются крайне важной темой для местного населения. Его подавляющее большинство понимает, что проживает на территории, богатой полезными ископаемыми. В результате опроса местных жителей такие высказывания в некоторых районах выбирали до 70% респондентов. В целом местное население положительно относится к проектам промышленного освоения Арктики (рис. 4).

Ответы распределились следующим образом: 39,2% опрошенных выражают сомнение в поддержке деятельности компании-недропользователя, т. е. на поставленный вопрос выбирают вариант ответа «скорее да, чем нет»; 13,5% – «скорее нет, чем да». Эти участники опроса находятся в зоне риска, так как их реальное поведение может отличаться от установок во время проведения опроса. К тому же мужчины чаще поддерживают проекты по промышленному освоению арктических территорий, чем женщины.

Подавляющее большинство опрошенных понимает, что проекты промышленного освоения Арктики вредят окружающей обстановке, но при этом такая позиция не влияет на установки, связанные с поддержанием деятельности компаний по промышленному освоению этих территорий. Около половины респондентов воспринимают ресурсодобывающие проекты как возможность получить работу в родных местах и улучшить качество жизни в районе проживания.

Рис. 4. Готовность поддержать проекты промышленного освоения Арктики, %

Среди проблем в части промышленного освоения территорий участники опроса называют недостаток информации о реализуемых проектах, отсутствие выстроенной коммуникации между местным населением и представителями компаний-недропользователей. Отмечалась необходимость более плотного общения с представителями компании, их обязательного содействия социально-экономическому развитию арктических территорий.

Вид деятельности респондента не влияет на принятие решения о поддержке деятельности по промышленному освоению территории. Для респондентов, занимающихся традиционными промыслами, характерна установка о том, что они являются собственниками полезных ископаемых. Этим объясняется их нежелание поддерживать проекты промышленного освоения Арктики.

По мнению местных жителей, проекты промышленного освоения территории должны быть направлены на выделение справедливой компенсации от намеченной деятельности. Определение компенсации зависит от конкретного района. Большинство респондентов желает получать ежемесячную денежную выплату, а также иметь финансовую поддержку для социально-экономического развития улуса и отдельных поселений в зоне влияния проекта.

Выводы и обсуждение

С учетом проанализированных данных можно сказать, что типичный житель Арктики имеет следующие социально-демографические характеристики: возраст от 18 до 40 лет, живет в

большой семье, оценивает свое семейное положение как замужем или женат, имеет двоих детей. Уровень образования жителей арктических регионов довольно равномерно распределяется по трем основным категориям: полное среднее, среднее специальное и высшее образование. В основном типичный представитель Арктики работает в бюджетной сфере на условиях полной занятости, заработок по основному месту работы является основным его доходом. Уровень заработка сильно зависит от района проживания, однако наблюдается общая тенденция – уровень дохода респондентов составляет более 40 тыс. рублей, причем он не всегда складывается только из заработной платы. Участники опроса отмечают, что их совокупный доход включает в себя дополнительный доход от традиционных промыслов, оказания временных услуг, а также пособий и пенсий.

Местное население активно занимается традиционными промыслами, особенно они популярны у мужчин в возрасте от 30 до 50 лет. Женщины крайне редко отмечают, что занимаются традиционными промыслами. У молодого поколения особой популярности традиционные промыслы не имеют. В среднем доход от них у местного населения колеблется в диапазоне от 20 до 30 тыс. рублей, что ниже дохода от других видов деятельности. Особенно интересен тот факт, что занимающиеся традиционными промыслами респонденты зачастую считают себя безработными, следовательно, готовыми к другим видам деятельности, желающими быть трудоустроенными. Многие

отмечают, что традиционные промыслы являются дополнительной занятостью, не приносящей дохода. Подавляющее большинство жителей сельской местности воспринимает традиционные промыслы еще и как источник продовольственных ресурсов.

В целом, характеризуя занятия традиционными промыслами, следует отметить тенденцию к снижению доли населения, занимающегося данным видом деятельности. Такая ситуация вызывает беспокойство местного населения: некоторые респонденты говорят о том, что промышленное освоение арктической территории должно помочь в реализации продукции традиционных промыслов, а также сохранении традиционной культуры коренных малочисленных народов.

Местное население Арктики крайне остро относится ко всему новому, тяжело принимает приезжающих людей. Тем не менее, респонденты открываются интервьюеру, рассказывают о своих проблемах, оставляют дополнительные комментарии. Из ответов опрошенных можно понять, что, с одной стороны, они ждут приходящих людей, с другой – боятся их. Местные жители понимают, что проекты промышленного освоения Арктики воздействуют на окружающую среду и могут наносить вред традиционным промыслам, но в то же время предоставляют возможность социально-экономического развития территорий.

Наиболее острая проблема для жителей арктических районов связана с оттоком молодежи. Именно ее осознание заставляет местное население корректировать свои взгляды ради сохранения связи с подрастающим поколением. Типичного жителя Арктики волнуют следующие проблемы: высокие цены на продукты, отсутствие рабочих мест, низкий уровень дохода, из экологических проблем – снижение поголовья оленей и изменение путей их миграции, сокращение объектов традиционных промыслов, изменение климата. Стоит отметить, что указанные проблемы выделяют все опрошенные вне зависимости от их социально-демографических характеристик.

Следует понимать, что коренные народы не выступают в роли пассивных наблюдателей при освоении территорий Арктики. Лидеры коренных народов стремятся к диалогу между

государственными структурами и промышленностью с целью заключения соглашений, выгодных для их сообщества⁸.

Взаимоотношения компаний-недропользователей с местным населением крайне важны, особенно в стадии формирования инвестиционного замысла проекта. Коренные народы и без промышленного освоения территорий зачастую сталкиваются с серьезной уязвимостью, связанной с глобализацией развития. Крупномасштабные промышленные проекты неизбежно оказывают воздействие на местное население и состояние окружающей среды. Климатические изменения, утрата биоразнообразия заставляют местных жителей приспосабливаться к трансформирующимся условиям их жизнедеятельности самыми разными способами [31]. Коренные жители Арктики обладают различными видами традиционных экологических знаний, что помогает им понимать и прогнозировать изменения окружающей среды.

Во всем мире одобряются активные меры по защите прав коренных малочисленных народов. Решения по промышленному освоению Арктики должны больше опираться на мнение коренного населения, которое необходимо привлекать для проведения оценки и различных консультаций по ресурсодобывающим проектам.

Целесообразно также заключать соглашения между коренными народами и промышленными компаниями, в дальнейшем – проводить мониторинг выполнения социально-экономических и экологических индикаторов. Важно, чтобы местные жители в ходе промышленного освоения Арктики получали новые возможности для трудовой и образовательной деятельности. Учитывая полученные в ходе исследования характеристики жителя Арктики, предприятия-недропользователи и государственные структуры могут избежать претензий, конфликтов и гармонизировать взаимодействие при продвижении экономических интересов.

⁸ Лидеры коренных народов и руководство регионов вносят предложения о дополнительных мерах поддержки КМН. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/232400824> (дата обращения 31.05.2021).

Таким образом, наше исследование развивает теоретические положения экономической социологии относительно экономического поведения населения в условиях промышленного освоения Арктики. Разработаны теоретические подходы к формированию социального портрета жителя Арктики на основе проведения социологических опросов. Установлено, что особенностью жителей Арктики является их экономическое поведение, базирующееся на прагматическом подходе и получении вы-

год. Также житель Арктики ориентирован на сохранение исконной среды обитания народов Севера и развитие традиционных промыслов.

Разработанные теоретические подходы к формированию социального портрета жителя Арктики могут быть использованы государственными органами управления при реализации стратегий социально-экономического развития Арктики, обосновании и реализации инвестиционных проектов промышленного освоения территории.

Литература

1. Потравный И.М., Калаврий Т.Ю., Ларин А.С. Анализ влияния крупномасштабных проектов в сфере природопользования: экологические и социальные аспекты // ЭКО. 2013. № 11. С. 145–158.
2. Berman M., Schmidt J.I. Economic effects of climate change in Alaska. *Weather, Climate, and Society*, 2019, vol. 11, pp. 245–258.
3. Tysiachniouk M.S., Henry L.A., Tulaeva S.A., Horowitz L.S. Who benefits? How interest-convergence shapes benefit-sharing and indigenous rights to sustainable livelihoods in Russia. *Sustainability*, 2020, vol. 12 (21), pp. 1–22. DOI: 10.3390/su12219025
4. Лаженцев В.Н. Общественный характер концепций развития экономики северных и арктических районов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 4. С. 43–56. DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.2
5. Denisov V.N., Chernogradskii I.M., Potravny I.M., Ivanova P.Yu. Directions of the balanced socioeconomic development of the Arctic Zone of Russia (with the example of Yakutia). *Studies on Russian Economic Development*, 2020, vol. 31, no. 4, pp. 404–410. DOI: 10.1134/S107570072004005X
6. Gassiy V., Potravny I. The compensation for losses to indigenous peoples due to the Arctic industrial development in benefit sharing paradigm. *Resources*, 2019, no. 8 (2), 71. DOI: 10.3390/resources8020071
7. Novoselov A., Potravny I., Novoselova I., Gassiy V. Sustainable development of the arctic indigenous communities: The approach to projects optimization of mining company. *Sustainability*, 2020, no. 12 (19), 7963. DOI:10.3390/su12197963
8. Potravnaya E., Kim Hye-Jin. Economic behavior of the indigenous peoples in the context of the industrial development of the Russian Arctic: A gender-sensitive approach. *REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*, 2020, no. 9 (2), pp. 101–126.
9. Баишева С.М. Повседневная жизнь национальных поселений Якутии в контексте социологических исследований // Арктика и Север. 2014. № 14. С. 1–15.
10. Слепцов А.Н. Арктический вектор развития // Высшее образование в России. 2014. № 5. С. 115–122.
11. Самсонова И.В., Неустроева А.Б., Павлова М.Б. Проблемы взаимодействия коренных малочисленных народов Севера и добывающих компаний в Республике Саха (Якутия) // Социодинамика. 2017. № 9. С. 21–37.
12. Tulaeva S., Tysiachniouk M., Henry L., Horowitz L. Globalizing extraction and indigenous rights in the Russian Arctic: The enduring role of the state in natural resource governance. *Resources*, 2019, no. 8 (4), 179. DOI: 10.3390/resources8040179
13. Слепцов А.Н. Проблемы правового обеспечения качества жизни северян в Арктической зоне Российской Федерации // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 4–9.
14. Sleptsov A., Petrova A. Ethnological expertise in Yakutia: The local experience of assessing the impact of industrial activities on the northern indigenous peoples. *Resources*. 2019, no. 8, 123. DOI: 10.3390/resources8030123
15. Данилова Е.Н. Этнологическая экспертиза: современные концепции и подходы // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 127–134. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-1(58)-127-134

16. Brain R.M. The ontology of the questionnaire: Max Weber on measurement and mass investigation. *Studies in History and Philosophy of Science Part A*, 2001, vol. 32, iss. 3, pp. 647–684. DOI: 10.1016/S0039-3681(01)00026-7
17. Вебер М. Класс, статус, партия // Социальная стратификация / под ред. С. Белановского. Вып. 1. М.: ИМП РАН, 1992. С. 19–38.
18. Социальный портрет населения: методология, основные характеристики / П.О. Ермолаева [и др.]. Казань: Артефакт, 2014. 92 с.
19. Экологический вызов и культура поведения в природной среде социума региона / под ред. П.П. Великого. Саратов: Саратовский источник, 2013. 239 с.
20. Логинов В.Г., Игнатьева М.Н., Балашенко В.В. Этносоциоэкологический подход к оценке жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера // Экономика региона. 2018. Т. 14. № 3. С. 896–913. DOI: 10.17059/2018-3-15
21. Деттер Г.Ф. Экономическое поведение коренных малочисленных народов Севера России: постановка проблемы // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 9 (431). С. 32–42. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10904
22. Ешпанова Д.Д., Нысанбаев А.Н. Социальный портрет молодежи в современном Казахстане // Социологические исследования. 2004. № 12 (248). С. 86–95.
23. Махиянова А.В. Социальный портрет населения: сравнительный анализ высокодоходных и низкодоходных групп // Дискуссия. 2016. № 9 (72). С. 61–65.
24. Petrov A.N., Tysiachniouk M.S. Benefit sharing in the Arctic: A systematic view. *Resources*, 2019, no. 8 (3), 155. DOI: 10.3390/resources8030155
25. Власова Т.К., Волков С.Г. Мировой опыт оценки жизнеспособности сельскохозяйственной деятельности в быстроменяющейся Арктике // Экономика сельского хозяйства России. 2019. № 10. С. 98–104. DOI: 10.32651/1910-99
26. Markova V.N., Alekseeva K.I., Neustroeva L.B., Potravnaya E.V. Analysis and forecast of the poverty rate in the Arctic Zone of the Republic of Sakha (Yakutia). *Studies on Russian Economic Development*, 2021, vol. 32, no. 4, pp. 415–423. DOI: 10.1134/S1075700721040109
27. Кадук Е.В. Рыночный обмен и практика дележа в Анабарском районе Республики Саха (Якутия) // Этнографическое обозрение. 2017. № 6. С. 111–127. DOI: 10.13039/100009094
28. Carpenter K.A., Jampolsky J.A. Indigenous peoples: From energy poverty to energy empowerment. In: L. Guruswamy (Ed.) *Int. Energy Poverty*, Routledge. 2015. Pp. 39–52.
29. McGregor D. Reconciliation, colonization, and climate futures. In: C.H. Tuohy, S. Borwein, P.J. Loewen, A. Potter (Eds.). *Policy Transform. Canada. Is Past Prologue?* University of Toronto Press, 2019.
30. Hoicka C.E., Savic K., Campney A. Reconciliation through renewable energy? A survey of indigenous communities, involvement, and peoples in Canada. *Energy Research & Social Science*, 2021, vol. 74, 101897. DOI: 10.1016/j.erss.2020.101897
31. Яковлева Е.Н., Яшалова Н.Н., Васильцов В.С. Климатическая безопасность Российской Федерации: статистика, факты, анализ // Вопросы статистики. 2020. Т. 27. № 2. С. 74–84. DOI: 10.34023/2313-6383-2020-27-2-74-84

Сведения об авторах

Евгения Владимировна Потравная – кандидат социологических наук, начальник отдела, Межрегиональный центр экологического аудита и консалтинга (117449, Российская Федерация, г. Москва, ул. Шверника, д. 15/2, оф. 91; e-mail: potr195@gmail.com)

Наталья Николаевна Яшалова – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой, Череповецкий государственный университет (162600, Российская Федерация, г. Череповец, пр. Советский, д. 10; e-mail: natalij2005@mail.ru)

Хе Чжин Ким – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российских исследований при университете Хангук (Республика Корея, Кёнги, г. Ёнин, Оэдэро 81; e-mail: realarina@naver.com)

Potravnaya E.V., Yashalova N.N., Kim Hye-Jin

Social Portrait of a Resident of the Arctic in the Conditions of Industrial Development of the Territory (Case Study of Yakutia and Taimyr)

Abstract. The way of life of the indigenous and incoming population of the Arctic zone of the Russian Federation requires a detailed study, since it is in these areas that the exploration and extraction of minerals for the purpose of territorial industrial development has been actively carried out in recent decades. The article reveals the social portrait of residents of Russia's Arctic regions, who are immediate participants in the changes taking place in the territories of their residence and associated with the implementation of large-scale mining projects. We conducted the empirical part of the study in 2017–2020 in the Republic of Sakha (Yakutia), where placer gold and diamonds are currently explored and mined, and in the Taimyr Dolgano-Nenets Municipal District of Krasnoyarsk Krai. The object of the study was the economic behavior of local residents of the Arctic regions; the subject was their attitude toward the activities of mining companies. As a result of a sociological survey in the form of questionnaires (cluster sample, 859 people, age selection from 18 years and older), informal conversations with local residents, we gave their socio-demographic characteristics, presented their attitude toward traditional trades and crafts and toward the industrial development of Russia's Arctic regions. The practical significance of the study consists in analyzing modern characteristics of an Arctic resident; this analysis can be of use to various stakeholders involved in the implementation of state programs for the development of Russia's Arctic territories. The study of the problems and needs of indigenous peoples of the Arctic zone of Russia allows avoiding resource conflicts between state structures, industrial companies and the local population.

Key words: social portrait of the population, economic sociology, industrial development of the territory, environment, socio-economic well-being, Arctic region, indigenous peoples, extractive companies.

Information about the Authors

Evgeniya V. Potravnaya – Candidate of Sciences (Sociology), Head of Department, Interregional Center for Environmental Audit and Consulting (15/2, Shvernika Street, office 91, Moscow, 117449, Russian Federation; e-mail: potr195@gmail.com)

Natal'ya N. Yashalova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Head of Department, Cherepovets State University (10, Sovetsky Prospect, Cherepovets, 162600, Russian Federation; e-mail: natalij2005@mail.ru)

Hye-Jin Kim – Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of Russian Studies Hankuk University of Foreign Studies (81, Oedae-ro, Mohyeon-myeon, Cheoin-gu, Yongin-si, Gyeonggi-do, Republic of Korea; e-mail: realarina@naver.com)

Статья поступила 31.05.2021.

Актеры сельского автономного семейного хозяйствования: смыслы и результаты

**Петр Панфилович
ВЕЛИКИЙ**

Институт аграрных проблем РАН
Саратов, Российская Федерация
e-mail: Velik69@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5104-2153; ResearcherID: AAP-8978-2021

**Наталья Михайловна
ВЕЛИКАЯ**

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Российская Федерация
e-mail: natalivelikaya@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5532-844X; ResearcherID: A-9577-2017

Аннотация. В статье рассматриваются основные области жизни самозанятых в сельском хозяйстве с позиции смыслов жизни, определяемых как цели – принципы жизнедеятельности. К самозанятым авторы относят тех глав хозяйств, которые, пройдя первоначальную адаптацию и опираясь на свой человеческий потенциал, используют резервы новых форм хозяйствования в локальной среде, частично или полностью прекратив трудовые отношения с сельскохозяйственным предприятием. Не имея пахотной земли, они не обладают статусом фермеров, тем не менее живут и действуют по схожей с ними технологии. По уровню материального благосостояния они превосходят односельчан, ограничивающихся работой на сельскохозяйственном предприятии. Оказавшись в условиях свободного выбора занятости, эти актеры придерживаются

Для цитирования: Великий П.П., Великая Н.М. Актеры сельского автономного семейного хозяйствования: смыслы и результаты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 4. С. 201–215. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.12

For citation: Velikii P.P., Velikaya N.M. Actors of rural autonomous household: meanings and results. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 4. pp. 201–215. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.12

определенных установок и ориентиров, соотносясь (с разной степенью полноты) с нормами и требованиями окружающих их институтов. Описаны проблемы, возникающие у семей, образ жизни которых обусловлен объектами их подворья – растительным и животным миром. На основе проведенных исследований определяются контуры креативности акторов самозанятости и ограничения возможностей реализации смыслов домашнего хозяйствования, что объясняется нарушением сопряженностей во взаимодействии с крупными сельскохозяйственными образованиями, разрушением связей и отношений в производстве и реализации продукции. Выявлено, что в зависимости от изменений в судьбах семей, с трансформацией таких показателей, как возраст, здоровье, достижение конечных целей (например, завершение образования детей в вузах или, наоборот, их возвращение в село), постоянно происходит пересечение главой и членами семьи формальных и сущностных границ предустановленного статуса, масштабов активности и в целом освоенного и не освоенного ими пространства. Изучение социального опыта автономного семейного хозяйствования способствует более глубокому комплексному осмыслению развертывания модернизации в деревне в контексте сопряженности инновационных и традиционных тенденций.

Ключевые слова: деревня, фермерство, семейное подворье, самозанятость, смыслы, жизненный мир, сельскохозяйственные предприятия, престиж, статус, социокультурные практики, индикаторы успешности.

Введение

Деревня (сельский «мир») по отношению к обществу традиционно наделяется значимыми функциями общего и специфического смыслов. Среди общих функций следует назвать воспроизводство населения, причем не только аграрного, сохранение элементов традиционной культуры. К специфической функции относится производство основных видов сельскохозяйственной продукции на уровне, достаточном для самообеспечения страны. Именно они лежат в основе исторической жизнеспособности российского общества. В связи с этим можно согласиться с мнением коллег о том, что компоненты жизнеспособности современной отечественной деревни истощены, деформированы и перестают играть существенную роль в составлении субъектности сельского социума как самостоятельной организующей силы российского общества [1].

Причины эрозии смыслов жизнедеятельности сельского мира лежат в нескольких плоскостях. Нельзя не учитывать тот факт, что мир вошел в период динамики ускоренных изменений во всех областях жизни: экономике, политике, научно-естественной области, культуре. Главной его чертой становится неопределенность настоящего и будущего, обусловленная глобализационными процессами [2; 3], что сопровождается кризисными явлениями в сельском социуме в разных странах.

Многие западные исследователи уже не связывают перспективы жизни людей сельской местности с преимущественно аграрной занятостью, а сохранение человеческого потенциала ставят в зависимость от размещения за пределами городов объектов трудовой занятости, не имеющих отношения к сельскому хозяйству [4; 5]. Обсуждая соединение инновационных и традиционных смыслов акторов сельскохозяйственного производства, ряд зарубежных авторов считает, что для оптимизации этого процесса нужно опираться на внутренние ресурсы – человеческие, культурные, природные [6]. Другие исследователи настаивают на целесообразности комбинирования эндогенных и экзогенных воздействий: внешней торговли и инвестиций, государственной помощи [7].

В России преобразования сельского хозяйства последних лет, инициированные государством и основанные на философии либерализма, резко изменили социально-экономические позиции жителей села экономически активного возраста, что сопровождалось переходом к прекарным формам занятости [8] и самозанятости, реализуемой в разных форматах. Это затрудняет определение границ различных социальных групп на селе, в связи с чем мы разделяем позицию О.И. Шкаратана и Г.П. Ястребова, призывающих выделять социальные группы не на основе формальных номинальных признаков,

а исходя из реальных элементов социальной структуры, позволяющих выявить основу «однородных социальных групп, состоящих из людей с более или менее близкими характеристиками» [9].

В ходе проводимых аграрных реформ работающие на селе люди стали либо рядовыми акционерами в ООО, либо наемными работниками, ничего не решающими ни в выборе технологий, ни в распределении дохода, ни в управлении. Главными фигурантами хозяйствования оказались руководители агрохолдингов, крупные фермеры, агробизнес, а не рабочий коллектив. Рыночный порядок в АПК вывел за рамки почти все нематериальные ресурсы сплочения трудовых коллективов. В силу ограничений концептуализации аграрной реформы возникли разного рода «ловушки», которые активизировали реанимацию семейного хозяйствования (ЛПХ) как самонастраивающегося механизма выживания. Возникла группа сельских семей, сориентированных на ЛПХ, свое подворье. Ее доля в разных регионах составляет 10% от членов сельских сообществ [10, с. 172–173].

При этом надежды на фермерство как главный ресурс сельскохозяйственного производства не оправдались [11]. Более того, новый этап раскрестьянивания в начале XXI века, проходивший по неоллиберальным идеологическим лекалам, привел к существенному росту количества многоземельных хозяйств. Как считают исследователи, «связано это с коррупционным характером реализации «Приоритетного национального проекта АПК», на осуществление которого было израсходовано несколько сот миллиардов рублей» [12, с. 32], в результате чего осуществилась частная капитализация определенных групп – приближенных к начальству, бюрократов, посредников.

В таких условиях реакция на эти процессы сельских жителей экономически активного возраста идет по нескольким направлениям. Одно из них – маятниковая трудовая миграция на предприятия городов и пригородов; другое направление реализуется на отдаленных объектах (столицы, Крайний Север, Восточная и Западная Сибирь), куда сельские мужчины выезжают на длительное время. Третье направление – занятость на своем подворье и, в случае вакансии на местном предприятии, совмещение работ в нем и семейном хозяйстве. Его мы планируем

проанализировать в рамках статьи, цель которой – рассмотреть специфику организации труда и жизни самозанятых на селе в контексте изменения условий хозяйствования.

Объектом изучения в данном случае являются акторы самозанятости, понимаемые как индивиды (семьи), которые самостоятельно хозяйствуют и почти целиком за счет получаемых ресурсов обеспечивают достаточно высокий, по крайней мере в сравнении со среднестатистическим наемным работником АПК в организациях корпоративно-долевого уклада или у крупного фермера, доход. Т. е. мы исключаем официальное название самозанятые, широко используемое в современной литературе [13] и введенное для ряда городских работников в чисто фискальных целях.

Для определения образа избранной для изучения группы в социоструктурном разрезе необходимо разграничить ее с другими группами, хозяйствующими самостоятельно. Акторы семейного хозяйствования товарного типа наиболее схожи с мелкими фермерами, которые в своей повседневности выполняют почти тот же перечень работ, что и хозяева ЛПХ, только в большем масштабе. Сложнее их отделить от самозанятых, манифестация статуса которых проведена государством в 2018 году. Принятый Федеральный закон о самозанятости¹ вызвал много вопросов у хозяев сельских подворий. Дело в том, что все каналы, используемые сельской семьей для получения дохода, помимо труда в сельскохозяйственных организациях, неустойчивы и ненадежны во временном измерении. Занимаясь пчеловодством, собирая дикоросы или выращивая скот мясных пород на продажу, никто не может быть уверен, что каждый репродукционный круг (года, сезона или месяца) будет идентичен предыдущему. Но самый сильный аргумент против причисления акторов сельского семейного хозяйствования к самозанятым заключается в следующем: самозанятые – это индивиды, выполняющие работы или оказывающие

¹ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан): Федер. закон от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/search/index.html> (дата обращения 11.11.2018).

услуги посредством применения своих навыков и умений в результате непосредственного договора с заказчиком.

Таким образом, акторы самостоятельного хозяйствования на селе действуют вне договора с заказчиком, формально и фактически отличаются независимостью и автономностью своего статуса от тех индивидов, которых государство ввело в этот статус в целях наполнения бюджета за счет налогообложения. Самостоятельно хозяйствующие сельские семьи отличаются от городских самозанятых по тесноте включенности в социальную среду, коллективы и сообщества. Их независимость проявляется в процессах обмена благами с внешними контрагентами. Если в колхозной реальности хозяин ЛПХ мог купить («выписать») нужный ему продукт только в своем колхозе, то сейчас он может выбрать его среди многих продавцов.

В связи с вышесказанным полагаем, что автономность — понятие, охватывающее смысловую специфику акторов аграрной самозанятости, и оно должно присутствовать в качестве ключевого термина в названии группы — это акторы автономной группы семейного хозяйствования.

Методы исследования

В ходе исследования (2018–2020 гг.) в зависимости от поставленных задач применялись разные методы, в т. ч. интервьюирование, наблюдение, анкетный опрос, а также экспертное интервью, результаты которого были использованы для проверки надежности информации, полученной с помощью других методов, в целях уточнения оснований классификации и типологий.

Выделение в качестве ключевых понятий исследования смыслов и результатов деятельности обуславливает методику конструирования выборки, получения и использования показателей и индикаторов. Хотя группа, успешно хозяйствующая на своем подворье, невелика и к ней нужно подходить как к целевой, она находится внутри сельских сообществ, и только сравнение с остальными позволяет оценивать ее реальные успехи. Отсюда следует первое условие: инструментарий получения информации (по крайней мере, на первоначальном этапе) должен быть однотипным, стандартным для обеих групп. Другой методической задачей

явился поиск некоего оптимума в соотношении измерения объективных и субъективных предпосылок градации внутри группы успешных акторов. На первом (начальном) этапе исследования акцент сделан на материальные предпосылки успешности, которые экспертами были оценены как решающие. Нас при этом интересовали образ жизни и смыслы жизнедеятельности схожих групп именно по самостоятельному семейному хозяйствованию, что позволяет включить в выборку и малоземельного (безземельного) фермера, и главу хорошего товарного семейного хозяйства.

Варьирующим признаком распределения семейных хозяйств на успешные и обычные стало наличие в семейном хозяйстве свыше трех коров или 10 овец/коз, четырех и более свиней или 20 кроликов, земельного участка больше 30 соток или за селом более 15.

В перспективе было бы полезно для анализа иметь карту сгущения или разреженности избранной группы успешных по зонам региона. Однако в нашем исследовании такая задача не ставилась: для начала нужно было выявить основные признаки, характеризующие специфику хозяйственной самозанятости. Для решения этой задачи достаточно опроса целевой группы и ее односельчан в сельских сообществах конкретных деревень. Территориальный аспект учтен лишь в близости/удаленности мест опроса от городских поселений, которые широко используются как один из каналов зарабатывания ресурсов жизнедеятельности.

С учетом сказанного для опроса отобрано 97 сел в Саратовской области и Республике Татарстан. Выборка квотно-гнездовая, репрезентативная по половозрастной структуре жителей (от 18 до 70 лет) средних и крупных сел, с учетом зоны проживания и удаленности от областного центра — ближняя, средняя и дальняя периферия. Исследовательская группа общалась с 367 респондентами из Саратовской области (190 глав домохозяйств из 52 сел, расположенных в 21 районе) и Татарстана (112 домохозяйств из 45 сел, расположенных в 9 районах).

Для выявления роли фактора территориальной близости села к городу проведено интервьюирование 42 человек из 33 сел, расположенных в четырех районах Московской области, и 23 человек в Омской области.

Первый этап исследования, завершившийся обработкой всего массива опрошенных, показал существенные различия между акторами, успешно хозяйствующими самостоятельно, и теми, кто больше сосредоточен на занятости в организациях формальных укладов АПК.

На втором этапе из числа опрошенных было выделено по 20 глав семейных хозяйств из каждого региона для углубленного интервьюирования (Московская, Омская и Саратовская области).

Трансформация аграрного сектора как фактор прекаризации труда

В настоящее время в системе АПК, включающей сельское, лесное хозяйство и охоту, работает порядка 5075 тыс. человек². При этом существует определенный разрыв между потребностью в занятости и предложением мест приложения труда.

В процессе постсоветских трансформаций в системе АПК можно выделить следующие группы акторов сельского хозяйствования:

- фермеры разного масштаба (крупные, средние, мелкие), наиболее активная часть сельского аграрного социума;
- успешные хозяева сельских подворий, по социальному статусу и масштабам хозяйствования не отличающиеся от мелких фермеров;
- рядовые акционеры и наемные работники коллективно-долевых укладов, исполнители технологических процессов, жестко ограниченные в проявлении инициатив;
- неустроенные группы, находящиеся вне трудовых коллективов и не имеющие устойчивого канала поступления ресурсов выживания;
- пенсионеры по старости, получающие финансовые ресурсы от государства в размере, близком к МРОТ, который по меркам сельских сообществ достаточен для нормальной жизни;
- в качестве группы наибольшей депривации выступает сельская молодежь, встраивание которой в среду села (прежде всего производство) сегодня и в перспективе не имеет объективных предпосылок.

² Среднегодовая численность занятых по видам экономической деятельности в 2017 г. // Российский статистический ежегодник. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 113.

При высоком уровне безработицы на селе значительная доля жителей не склонна к поиску работы. Причина этого лежит не только в ограниченности рынка труда в аграрном секторе, но и в реальных практиках, сложившихся в организациях корпоративных укладов, прежде всего в отсутствии зависимости между количеством и качеством труда и его оплатой [14].

Как показал опрос в 71 селе всех федеральных округов в 2015 году, рядовые работники сельскохозяйственных организаций получали среднемесячный доход в размере 11750 руб. на одного члена семьи [15], но повышение прибыли собственников зачастую не влияет на зарплату рядовых работников, которая, как правило, привязана к МРОТ. Столь низкие доходы и отсутствие перспектив относительно справедливой оплаты труда являются важными факторами для принятия решения вести самостоятельное хозяйство.

По данным сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 гг., за 10 лет существенно сократилось количество личных подсобных хозяйств. Однако сокращение их численности сопровождалось концентрацией сельскохозяйственного производства в наиболее крупных ЛПХ³, что демонстрирует рост общего поголовья скота более чем в 2,3 раза. Можно сказать, что такие развивающиеся крупные личные хозяйства по сути становятся товарными мини-фермами, хотя и отличаются моделями институционализации.

В начале 2000-х годов в России получили распространение интегрированные образования – агрохолдинги, обладающие созидательным и разрушительным потенциалом. В пользу их позитивной роли говорят более масштабные возможности распространения достижений научно-технического прогресса в агропродовольственной системе. При этом агрохолдинги, используя несовершенное законодательство о земле, завладели лучшими землями в земледельческих регионах (южные регионы, Поволжье, Урал, Западная Сибирь). В 2016 году 62,3% хозяйств традиционных укладов (ООО, СПК, фермеры) вообще не имели земли в собственности, тогда как агрохолдингам и персонам-землевладельцам принадлежало 2,4 млн га

³ Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: в 8 т. / Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2018. Т. 1. Кн. 1. С. 276–314; Т. 1. Кн. 2. С. 16–23.

(13,6%) сельхозугодий, на их долю приходилось 25% совокупной выручки. Агрохолдинги, оттеснив хозяйства традиционных укладов, сконцентрировали 68% всего производства зерна, 51% мяса крупного рогатого скота, 60% мяса свиней, 64,3% мяса птицы [16].

Однако, здесь мы согласимся с коллегами, структурные изменения в аграрном секторе, которые обеспечили рост производства, имели целый ряд негативных последствий: снижение сельскохозяйственной занятости, ускоренное сокращение численности сельского населения; ухудшение условий конкуренции для сельхозпроизводителей, не вошедших в состав агрохолдингов, и др. [17].

Успешные семейные хозяйства, по сути являясь мини-фермерами, могли бы составить социальную базу слоя сельских предпринимателей, фермеров. И, хотя процесс перехода в группу фермеров идет довольно неспешно, не учитывать эти тенденции нельзя [18, с. 15]. В этом контексте мы рассматриваем успешные семейные хозяйства, имеющие опыт товарного производства и эффективной реализации продукции, как небольшой, но реальный ресурс воспроизводства существующих укладов и экономических практик в аграрном секторе.

Материальное благополучие как смысл жизни акторов автономного хозяйствования

Жизненный мир сельчан начинается с условий, в которых они живут и работают, и он отражает процессы и результаты взаимодействий в социальной общности, месте их обитания. Смысл связан с желанием субъектов постичь мир, опираясь на жизнепрактические установки и ориентации [19]. Понимая под смыслом жизни совокупность целей-принципов, образующих стратегическое ядро установок и олицетворяющих стрезень сознания и поведения людей [20, с. 19], мы не ограничивали методику изучения феномена смыслов жизнедеятельности выявлением субъективных оценок респондентов, но включали в анализ и объективные предпосылки, поэтому оценка предметной среды хозяйственной деятельности одновременно служит индикатором смысла и результата активной жизнедеятельности.

Индикаторами смыслов и результатов обеспечения хорошего материального уровня являются накопленный производственный потенциал, приобретение предметов домашнего

обихода, культтоваров, автомобилей, вклады в банках и т. п. Оценивая свои материальные возможности, опрошенные посчитали, что за счет автономного хозяйствования им доступны постройка дома (29,2%), приобретение автомобиля (27,5%), трактора и грузового автомобиля (13,8 и 10%), они могут отложить сумму за год в пределах 100–150 тыс. рублей (38,5%). Повидимому, такие довольно оптимистические оценки своего благополучия вытекают из практик опрошенных. На разные события, предполагающие финансовые затраты (свадьбы, проводы в армию, юбилеи, приобретение жилья детям), половина респондентов использовала деньги, полученные только от семейного хозяйствования, что составило от 50 до 80% от общей стоимости мероприятия. Кредитами банков пользуются 60,8% опрошенных.

Исходя из объема интегрального производственного потенциала, мы выделили пять групп респондентов: с низким, ниже среднего, средним, выше среднего и высоким производственным потенциалом. Расчет интегрального производственного потенциала производился следующим образом. Сначала на основе экспертных оценок был составлен список видов угодий, земли, вкладов в банках, техники, животных, которые обеспечивают переход хозяйств в статус успешных; определено количество равноценных по доходу от них видов. Например, 3 коровы равняются 70 кроликам или 5 свиньям. Имея один вид животных, но не меньше этой величины, актор попадает в группу успешных при условии, что отвечал следующему критерию: иметь 43 вида ресурсов подворья, необходимых для успешного хозяйствования (5 видов хоз. построек, 15 видов механических, электрических агрегатов, 9 видов продаж выращенных агропродуктов). Исходя из ответов на вопросы в анкете респондент попадал в ту или иную группу через процедуру присвоения ему баллов. Взаимосвязь между показателями в номинальной шкале проверена на основе критериев χ^2 (коэффициент Пирсона указал силу связи между ними на уровне значимости 0,05).

Индикатор успешности в инструментарии предполагал ответы респондентов относительно использования ресурсов местных крупных сельхозпроизводителей, товарности, факта владения техникой и другими предметами

производства, наличия хозяйственных построек и т. д. Предлагаемый список включал в себя 43 позиции. Основываясь на экспертных оценках, в группу «успешных» вошло 131 хозяйство из 364 обследованных.

Возможность накопления денежных средств является важным фактором достижения успеха и перспектив дальнейшего развития. Откладывали сбережения 41,4% опрошенных, сумма варьировалась от 10 000 до 300 000 рублей, половина сельских семей откладывали до 60 000 рублей в год.

Эти средства шли на увеличение производственного потенциала хозяйства и предметы домашнего благоустройства: мобильный телефон (48,3%), от пятой части до половины сельских семей купили книги и учебники (29,9%), стройматериалы (28,7%), бытовую технику (26,4%), предметы домашней обстановки (23%), культтовары (21,8%).

Важным индикатором успешности выступает динамика уровня материального положения: успешные хозяева, как правило, планируют расширение хозяйств, при этом 41,4% опрошенных указали, что за последние три года их материальное положение улучшилось, у третьей части осталось без изменений, уменьшение материального достатка ощутили 21,8% сельских семей.

Предсказуемо, что производственный потенциал ЛПХ успешных хозяйств существенно выше (табл. 1).

Таблица 1. Распределение успешных и остальных домохозяйств по значениям интегрального производственного потенциала хозяйства, %

Интегральный показатель производственного потенциала ЛПХ	Успешные	Остальные
Низкий	13,0	39,1
Ниже среднего	20,6	3,2
Средний	28,2	19,5
Выше среднего	22,9	9,5
Высокий	15,3	1,7

В обеспечении материального уровня большую роль играет взаимодействие с местными сельскохозяйственными организациями. Конечно, в пореформенное время отношения стали по сравнению с колхозной реальностью более отчужденными, точнее, реализуются по строгим нормам рыночных связей.

В настоящее время взаимосвязь автономно хозяйствующих акторов с организациями корпоративно-долевого уклада (ООО) осуществляется на уровне рыночного обмена ресурсами, либо кто-нибудь из членов семьи работает на предприятии (табл. 2).

Таблица 2. Ресурсы обеспечения материального уровня семей

Ресурсы	Участок у дома, соток	Участок за селом, соток	Плодовые деревья, шт.	Коровы, голов	Телята, голов	Овцы, козы, голов	Свиньи, голов	Поросята, голов	Кролики, голов
Процент домохозяйств указанной группы, имеющих соответствующий ресурс									
Все взрослые – работающие в ООО	78,6	11,9	78,0	37,7	36,5	23,9	22,0	10,7	11,3
Один взрослый – работающий в семейном хозяйстве	94,7	26,3	90,5	67,4	60,0	46,3	38,9	27,4	13,7
Два взрослых – работающих в семейном хозяйстве	82,6	19,6	82,6	58,7	56,5	39,1	26,1	21,7	8,7
С родителями-пенсионерами	89,8	14,3	83,7	51,0	49,0	44,9	30,6	14,3	16,3
Без родителей-пенсионеров	83,3	18,3	82,5	50,2	46,6	31,1	27,5	18,3	10,8
С детьми-студентами	82,1	22,4	80,6	50,7	50,7	34,3	31,3	13,4	9,0
Без детей-студентов	85,0	16,3	83,3	50,2	45,9	33,0	27,0	18,9	12,4

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что домохозяйства с двумя взрослыми детьми (каждое пятое из обследованных) являются более крупными. В каждом четвертом из обследованных домохозяйств один-два члена семей заняты на местных сельхозпредприятиях, что облегчает им доступ к ресурсам, необходимым для ведения ЛПХ. Однако трудовая занятость на местных сельхозпредприятиях практически не коррелирует с успехом, поскольку в этом случае на подворье содержится меньше скота.

Фактором роста семейных хозяйств является и наличие детей-студентов, поскольку стимулирует семью на получение дополнительных доходов для поддержки детей.

Семейное хозяйство может конкурировать с занятостью в других областях по обеспечению благополучия, если налажен сбыт производимой продукции. К сожалению, большие расстояния до рыночных площадок, отсутствие личных автомобилей, плохие дороги ограничивают продажу продуктов. Тем не менее почти половина семей доставляет продукты к местам торговли. Подворья успешных хозяев, как правило, являются товарными, ориентированы на увеличение количественных показателей и на сбыт.

Социальный состав членов семьи, их образование также играют большую роль в успешности хозяйствования. Образование в данном случае коррелирует с наличием на подворье техники (тракторов и грузовых автомобилей) и животных. Именно хозяйства, где глава или члены семьи имеют высшее образование (34,4% в выборке) с большей вероятностью становятся товарными. Напомним, что именно в первые годы аграрной реформы специалисты с высшим и средним специальным образованием сделали выбор в пользу самостоятельного хозяйствования, что отвечало ценностям независимости и укорененности в сельской жизни. В группах успешных ЛПХ, имеющих потенциал выше среднего, преобладают люди с высшим и средним специальным образованием (табл. 3).

По-разному оценивают респонденты из разных групп и факторы успешной деятельности приусадебного хозяйствования (табл. 4).

Существенный разрыв обнаруживается по показателям «дружба с нужными людьми», «хорошие технические средства» и «территориальная доступность мест сбыта», что подтверждает факт ориентации успешных подворий на сбыт и товарные отношения.

Таблица 3. Распределение групп ЛПХ с разным потенциалом в зависимости от образования членов семей, %

Потенциал ЛПХ	Группы по уровню образования		
	общее, ниже среднего	среднее специальное	высшее
Высший	15,0	40,0	45,0
Выше среднего	16,7	36,7	46,7
Средний	21,6	37,8	40,5
Ниже среднего	22,2	63,0	14,8
Низший	23,5	58,8	17,6

Таблица 4. Оценка респондентами фактора успешности хозяйства по 10-балльной шкале

Фактор успешности	Успешные	Остальные
Урожайный год	4,31	3,66
Наличие помощников	3,89	3,25
Наличие автомобиля	3,82	3,26
Хорошие технические средства	3,47	2,72
Территориальная доступность мест сбыта	3,18	2,46
Дружба с нужными людьми	2,83	1,92
Соблюдение агротехнологий	2,74	2,30
Доступные кредиты	1,90	1,37
Взаимодействие с потребительскими кооперативами	1,82	1,34

Таблица 5. Дифференциация сельских семей по критерию достижения ожидаемых успехов ведения ЛПХ, % по группам

Вариант ответа на вопрос «В какой мере Ваши ожидания успехов в ЛПХ сбылись?»	Успешные	Менее успешные	Остальные
На 100% и более	4,3	5,0	8,3
На 80%	34,8	21,7	16,7
На 60–70%	34,8	15,0	33,3
Наполовину	21,7	23,3	0
Менее половины	4,3	21,7	0
Полностью не сбылись	0	13,3	41,7

Обратим внимание и на более высокий уровень социального оптимизма у успешных хозяев: они, как правило, имеют более высокий уровень удовлетворенности жизнью. Согласно результатам проведенного анализа, зафиксирована статистически значимая разница в средних оценках удовлетворенности жизнью между успешными сельскими семьями и другими группами.

Планы сельских семей относительно ЛПХ тесно коррелируют с их успешностью⁴ (табл. 5). Большинство успешных хозяев сельских подворий предпочли расширить ЛПХ (73,9%), «менее успешные» и «неуспешные» (остальные) предпочли оставить свое ЛПХ таким, как есть (48,3 и 66,7% соответственно). «Неуспешные» сельские семьи чаще других категорий планировали отказаться от ведения своего ЛПХ совсем (25% против 1,7 и 0). О сокращении чаще думали «менее успешные» сельские семьи (13,3% против 4,3 и 8,3).

Таким образом, ключевыми факторами и ресурсами успешности сельских подворий можно признать следующие: высокий уровень профессионализма и знаний в различных сферах (хозяйственная, экономическая), наличие производственного потенциала выше среднего, наличие социально-психологических установок на успех, воспитание и культивация традиционных семейных ценностей, склонность к инновациям и рисковому поведению.

Смыслы взаимодействия с социальной средой

Воспроизводство традиционной крестьянской культуры во многом обусловлено тем фактом, что по-прежнему круг общения сельчан

находится в границах соседей, родственников, руководителей сельскохозяйственных организаций, служащих сельского муниципалитета, учителей и медицинских работников. Как правило, эти же люди называются в качестве надежных помощников, когда требуется неотложная помощь. Так, на помощь родственников рассчитывают 63,4% респондентов, соседей и друзей, соответственно, 45 и 42% опрошенных.

Большую ценность на селе стали приобретать сети поддержки, в которые входят «нужные» люди: наличие родственников и друзей в органах власти, бизнеса, общественных организациях – важная составляющая успеха, и к этому акторы, хозяйствующие автономно, прилагают определенные усилия. Таких людей у них в два раза больше, чем у остальных членов сельских сообществ. Одаривание жителя села, принятое в прошедшие советские годы, за счет дефицитных ресурсов, изъятых из фондов предприятия (зачастую противозаконно), сменилось обменом предметами «по бартеру» или в денежном эквиваленте. Руководствуясь этим подходом, менее выгодный партнер стал заменяться на более выгодного, что распространяется даже на благотворительные поступки. Так, автономно хозяйствующие акторы, по сравнению с занятыми в организациях корпоративно-долевого уклада, чаще склонны к выбору альтернативы «помогаю только тем, кто раньше мне помог».

При этом самозанятые, вне зависимости от условной успешности хозяйств, демонстрируют большую включенность в социальную жизнь поселения. Более трети опрошенных свидетельствовали о своем участии в сельских активностях, органах местного самоуправления, что, на наш взгляд, является позитивной тенденцией, отражающей расширение зоны ответственности

⁴ Данные индикаторы имеют корреляционную связь между собой при уровне значимости 0,01 (sig-0,00).

сти самостоятельных хозяйствующих субъектов от личного хозяйства до местного социума на уровне сельского поселения, муниципалитета.

Самостоятельное хозяйствование и достижение через него некоего уровня благополучия, который в сельском сообществе определяется словосочетанием «семья хорошо живет», таят в себе несколько моментов, представляющих интерес для аграрной социологии.

Как оценивать тотальную загруженность личного времени работой? Внешнему наблюдателю кажется совершенно неприемлемым образ жизни, когда у индивида не остается времени на досуг в его общественно-организованных видах: посещение учреждений культуры, спортивных зрелищ, ресторанов, отдых в санатории и т. д. Однако эта ситуация сельскими жителями не воспринимается драматично: «Устал — посиди, отдохни, никто тебя не гонит. Ты сам управляешь своим временем», — говорят респонденты.

Во-вторых, занятость в общественно-организованном производстве и на подворье — это две составные части сельского образа жизни. Животные, сад, огород прочно вошли в быт сельской семьи. Общепринятым является представление о том, что поведение человека определяется необходимостью и нуждой. Низовой слой самостоятельного хозяйствования — мелкие и средние фермеры, успешные хозяева сельских подворий, достигшие довольно высокого уровня благополучия, как правило, руководствуются этим принципом, но не всегда. Повседневная озабоченность вопросами подворья связана не только со смыслами обеспечения материального благополучия, но и с его экзистенциалистским измерением, т. е. с необъективностью своего поведения: повседневная озабоченность делами вводит членов семьи, особенно главу хозяйства, в жесткие рамки.

Даже общедоступные каналы потребления духовных благ и ценностей используются крайне неравномерно. Самооценка участия актора в культурных мероприятиях, распространенных в сельской среде, показал, что доминирует просмотр телевизионных программ (82,7% респондентов «регулярно сидели у телевизора»). Остались почти неизменными показатели внутридеревенского общения с соседями,

хождение в гости, четверть опрошенных читали художественную и специальную литературу по аграрной тематике, третья часть отдыхала, «ничего не делая». Другие способы проведения досуга, ранее распространенные в сельских территориях: художественная самодеятельность, украшение интерьера, спортивные соревнования, игра в шашки, шахматы — почти исчезли. Это отвечает общей тенденции отстраненности жителей села от культурной ситуации, создаваемой убогой сельской социокультурной инфраструктурой. Определяет ситуацию и крайне малая доля молодежи в селе. Отмеченные сдвиги в социокультурной жизни самостоятельно хозяйствующих и в целом всего сельского сообщества, будучи алогичными и противоречивыми, тоже результат жизнедеятельности в новой рыночной ситуации.

Повседневная озабоченность хозяйственными делами ограничивает пространственную мобильность. Только в зимние месяцы, как считают 38–40% респондентов, можно отлучиться от домохозяйства на срок до 7 суток, а в мае — июне, августе — октябре нельзя и на сутки. Несмотря на такую загруженность, 71% респондентов отмечают, что по влиянию на сохранение здоровья автономная занятость равнозначна корпоративно-долевой (в ООО, СПК). Отпуск по модели, принятой в формальной организации, у акторов самозанятости практически невозможен: только 6,6% отдыхали в домах отдыха, 5% в городах у родных и знакомых, 5,8% ездили за пределы села по туристической путевке.

К настоящему (пореформенному) времени многие позиции занятости, обустройства мест обитания, здоровьесбережения в основном приобрели устойчивость, но семейное хозяйство сохранило высокую смысловую ценность, оставаясь институтом страховки перед экономическими, природно-климатическими вызовами, рисками непредвиденных событий, связанных с эпидемиями и эпизоотиями [21].

Ограничения и вызовы в пространстве сельской самозанятости

Институт фермерства вошел в практики пореформенного времени неорганично, что было обусловлено как организационно-правовыми, так и ментальными предпосылками.

Пахотные земли переходили в руки крупных бизнес-структур, между тем рядовые жители получили только паи, приватизировать которые оказалось очень сложно. Более доступным оставалось подворье (ЛПХ), расширение которого на начальном этапе аграрной реформы не ограничивалось государством. Образ жизни акторов этого уклада оказался близок тем, кто лишь расширил объемы земли, техники и своей ответственности, т. е. мелким и средним фермерам.

ЛПХ сопоставимы с мелкими и средними фермерскими хозяйствами по повседневной озабоченности и не против перехода в формальный фермерский сектор.

По данным проведенного исследования, 47,3% успешных хозяйств предпочитают расширить свое ЛПХ, чему могут помешать ограничения в расширении площади земли за пределами приусадебного участка. Существует обратное движение: переход из статуса фермера на правовое положение главы семейного хозяйства (ЛПХ).

Любой актор хозяйствования в рыночной среде сталкивается с ограничениями и вызовами, удачно представленными в модели М. Портера в виде пяти угроз [22], влияющих на конкурентоспособность фирмы. С учетом специфики сельского места жизнедеятельности хозяев подворий и фермеров мы добавили еще две угрозы: неблагоприятные исходные условия и появление новых норм, согласно которым нужно изменять привычные практики сбыта продукции. Хозяева сельских подворий распределили угрозы по их значимости (от 0 до 100 баллов) следующим образом: по 30 баллов пришлось на погоду и власть, 20 баллов — на поведение покупателей (перестают покупать по непонятным причинам), 10 — на конкурентов из торговых сетей, предлагающих однотипные продукты. Остальные угрозы — власть собственников ресурсов, которые повышают цены на бензин, электроэнергию, газ и т. п., и возможность выхода на рынок конкурентов из своего села — получили по 5 баллов.

Оценки угроз у фермеров демонстрируют сходство с мнениями хозяев подворий, однако есть и отличия. Фермеры в пять раз выше оценили угрозу увеличения стоимости ресурсов, без которых не обойтись при проведении по-

левых работ (бензин, смазочные материалы, запчасти), и влияние конкурентов. Последних они предложили разделить на две подгруппы: фирмы, занимающиеся розничной торговлей (5 баллов) и оптовыми закупками (75 баллов). Смещение веса оценок на отмеченные области взаимодействия с рыночными силами, на которые фирмы повлиять не могут, связано с масштабами хозяйствования: чем больше производственные мощности, тем больше и объемы расходных материалов.

Сравнение ограничений фермеров-скотоводов и хозяев подворий, содержащих много скота, показывает почти полную схожесть их положения: те и другие находятся в руках манипуляторов-перекупщиков, власть которых никак не ограничена.

Поскольку крупные семейные и фермерские хозяйства функционируют по схожим технологиям, можно сопоставить и восприятие ими общих угроз и вызовов. Для фермеров-животноводов ограничивающую роль играет, помимо общих с полеводами вызовов, временной фактор: товарная продукция должна в короткие сроки попадать на рынки. С этой задачей легче справиться собственникам небольших хозяйств, таких как ЛПХ, предлагающим молочные и мясные продукты на полустанках, у автомагистралей или во дворах многоквартирных домов города. Когда нужно реализовать продажу десятка свиней, мясных пород скота, овец, наиболее удобный и выгодный вариант — самостоятельно доставить их на мясокомбинат в живом весе, что фермерам, как правило, недоступно. Мясокомбинаты выделяют квоты на прием скота на переработку, попадающие перекупщикам животных, которые и вывезут их из сел, скупив по навязанной низкой цене.

Индивиды, принципиально меняющие образ жизни, когда берутся за новое решающее дело, определенное время пребывают на границе освоенного и неосвоенного пространства. Занятость по технологиям фермерства осложнена тем, что ее успех зависит не только от социальных качеств акторов, претендующих на эту роль, но и от неотлаженности институциональных норм.

Достаточно привести лишь некоторые факты. Главы мелких фермерских хозяйств зачастую действуют на земле, не являющейся их

собственностью, что лишает их возможности использовать ее в качестве залога для получения банковских кредитов, осуществлять долгосрочные вложения в повышение плодородия и т. п. Люди, ориентированные на занятия семейным хозяйствованием, оказались в тупиковой ситуации из-за противоречащих друг другу нормативных актов. Например, гранты и субсидии начинающим фермерам выделяются под крестьянское фермерское хозяйство, а по регламенту Федеральной налоговой службы допускаются только зарегистрированные ИП (индивидуальные предприниматели), для которых не предусмотрена господдержка. Если начинающий фермер, не воспользовавшись господдержкой, все же станет работать и начнет строить дом на своей земле (что допускается федеральным законодательством), то ему придется уплатить штраф за нецелевое использование земли⁵. Регистрируя семейную ферму, глава хозяйства должен взять на работу определенное число односельчан, иначе он не получит нужной оценки в баллах и в чем-то проиграет.

Помимо этой абсурдной ситуации претенденту перехода в новый статус придется пойти на большие транзакционные издержки по оформлению соответствующих документов и многочисленных согласований в различных инстанциях. Все это нередко становится серьезным препятствием на пути вступления на новую социохозяйственную «территорию», что сдерживает модернизацию аграрного сектора.

Выводы

Репрезентация социального опыта акторов самостоятельного хозяйствования в статье может послужить формированию более глубокого, комплексного взгляда на распространение новаций, стратификацию в деревне и сыграть положительную роль в уточнении теоретических и методологических принципов объяснения социального развития.

Несмотря на ограничения и вызовы, в жизненном пространстве современного села сложилась форма семейного хозяйствования на уровне, превышающем ЛПХ, традиционно присущее сельским семьям. Появление группы

⁵ «Колоссальная и абсурдная проблема»: фермеров официально приравнивали к владельцам ларьков // Комсомольская правда. 2021. 27 января. URL: <https://www.kp.ru/daily/27232/4358556/> (дата обращения 15.05.2021).

успешных хозяйствующих субъектов на селе, практически не мотивированных внешними акторами в лице государства, имеет огромное социально-экономическое значение и свидетельствует о наличии серьезного потенциала крестьянской традиционности. К настоящему времени многие позиции занятости, обустройства мест обитания, здоровьесбережения в основном приобрели устойчивость, а семейное хозяйствование сохранило высокую смысловую ценность, оставаясь институтом страховки перед вызовами неопределенности.

Самостоятельное и автономное хозяйствование акторов села влечет изменение структуры их ролей: экономических (собственник, участник обмена ресурсами); профессиональных (соединение традиционно крестьянских и инновационных качеств); социальных (расширились рамки и упростился порядок доступа к выполнению социально значимых функций в сельском сообществе и муниципальном районе); сместились акценты престижа успешных жителей села.

Успешные хозяева, определяемые нами как самозанятые акторы, не спешат становиться фермерами, не считая целесообразным изменение статуса. Основная причина этого лежит в области регулирующих механизмов и барьеров, которые не стимулируют, а накладывают на фермера значительный объем обязанностей и не помогают справиться с проблемами производства и сбыта продукции.

Важнейшим фактором, ограничивающим дальнейшее развитие ЛПХ в сторону фермерского хозяйства, является отсутствие нормальной потребительской кооперации, что вынуждает «неофициальных фермеров» продавать продукцию на дорогах, железнодорожных станциях, во дворах многоквартирных домов близлежащих городов.

На автономное хозяйствование сельской семьи можно посмотреть и как на силу преодоления противоречий в самовоспроизводстве глав официальных фермерских хозяйств. Об этом свидетельствует динамика соотношения между мелкими, средними и крупными фермерскими хозяйствами: в 2006 году первых насчитывалось 47%, в 2016 году их стало 30,6%, при этом земельная площадь средних сократилась в два раза (с 18,3 до 9,3%). Еще сильнее

уменьшилась земельная площадь мелких фермеров – с 2,9 до 0,8%. Зато крупные фермерские хозяйства резко увеличились и численно, и по размеру принадлежащей им земли. В 2006 году их было 8,4%, в 2016 году – 20,5%, земельная площадь на одно хозяйство возросла с 962 до 1095 га⁶.

Можно предположить, что в более отдаленной перспективе земельные площади с высокой долей вероятности перейдут в распоряжение крупных и крупнейших фермеров. Хотя все это происходит легитимно, очевидны негативные социальные последствия – уменьшение доли сельских семей, самостоятельно реализующих свой потенциал в решении общенациональных агропродовольственных задач.

Авторы отстаивают идею о том, что «низовой» состав фермеров и фермероподобных групп, представленных успешными хозяйствами семейных подворий, является последним сословием, обладающим качествами полипрофессионала, или универсального крестьянина, поскольку подавляющая часть наемных работников в АПК в силу современных технологий превращается в «частично рабочего» индустриального производства.

В сельское хозяйство и повседневную жизнь сельчан, в том числе работающих на личном подворье, входят технические новшества, элек-

тронные инновации, возможность пользоваться интернетом и для получения услуг, и для самообразования. Приведет ли это к расширению практик автономного функционирования индивидуальных хозяйств и увеличению производства, пока говорить рано, тем более что сокращение числа сельских жителей в целом и количества сельских семей, занятых как в ЛПХ, так и в формальных организациях АПК, неизбежно [23]. Государство должно уже сейчас способствовать формированию новых, более эффективных кооперативных отношений, для того чтобы облегчить положение сельской семьи, имеющей товарное семейное подворье, возвысить ее значимость в сохранении устойчивости территорий.

На самостоятельное семейное хозяйствование стоит посмотреть с более широких позиций. Факт убыли по две малых деревни в сутки и постепенного перехода к этой перспективе средних сел очень тревожен. Соображение о том, что крестьянская мудрость не дает исчезнуть уникальному феномену – русской деревне, можно поддержать фактами жизнестойкости семей, избравших самоорганизацию занятости посредством автономной модели. Это дает надежду на сохранение и самовоспроизводство ядра деревенского мира.

Литература

1. Староверов В.И., Староверова И.В. Проблемы субъектности современной российской деревни // Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году: [коллективная монография] / Н.В. Осипов и др.; под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской; отв. ред. В.К. Левашов. М.: ИТД ПЕРСПЕКТИВА, 2020. С. 137–146.
2. Blandford D. Agricultural trade liberalization, globalization and rural economies. Published as *Liberalización del comercio agrario, globalización y economías rurales. Información Comercial Española, Revista de Economía*, 2002, November – December, no. 803, pp. 23–32. Available at: https://www.researchgate.net/publication/237717907_Agricultural_Trade_Liberalization_Globalization_and_Rural_Economies (accessed: May 15, 2021).
3. Woods M., McDonagh J. Rural Europe and the world: Globalization and rural development (Editorial). *European Countryside*, 2011, January, no. 3 (3). pp 153–163. DOI: 10.2478/v10091-012-0001-z
4. Richardson T. Discourses of rurality in EU spatial policy: The European spatial development perspective. *Sociologia Ruralis*, 2000, vol. 40, no. 1, pp. 53–71.
5. Saraceno E. Recent trends in rural development and their conceptualization. *Journal of Rural Studies*, 1995, no. 10, pp. 321–330.

⁶ Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: Т. 1 / Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2018; Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: Т. 1 / Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2008. С. 320–323.

6. Van der Ploeg J.D., Renting H., Brunori G., Knickel K., Mannion J., Marsden T., de Roest K., Sevilla Guzmán E., Ventura F. Rural development: From practices and policies to theory. *Sociologia Ruralis*, 2000, no. 40 (4), pp. 391–408. DOI: 10.1111/1467-9523.00156
7. Lowe P. European agricultural and rural development policies for the 21st century. In: *A New Rural Agenda*. London: IPPR, 2006. Pp. 29–45.
8. Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.
9. Шкаратан О.И., Ястребов Г.П. Выделение реальных (гомогенных) социальных групп в российском обществе: методы и результаты // Прикладная эконометрика. 2007. № 7 (3). С. 95–118.
10. Калугина З.И. Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. 342 с.
11. Тощенко Ж.Т., Великий П.П. Основные смыслы жизненного мира сельских жителей России // Мир России. 2018. Т. 27. № 1. С. 7–33. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33
12. Староверов В.И. Раскрестьянивание: социолого-политологический анализ // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 23–32.
13. Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В., Горина Т.И. Социологический портрет самозанятых в современной России // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 4. С. 821–836. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-821-836
14. Великий П.П., Шабанов В.Л. Особенности аграрной самозанятости. Опыт социологического исследования самостоятельного хозяйствования сельских семей // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Т. 11. № 4. С. 105–121.
15. Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. 368 с.
16. Абакумов И. Захваченные перспективы. Агрохолдинги могут оставить страну без сельского населения // Агровестник. 2016. 1 ноября. URL: <https://agrovesti.net/news/indst/zakhvachennye-perspektivy-agrokholdingi-mogut-ostavit-stranu-bez-selskogo-naseleniya.html> (дата обращения 31.03.2021).
17. Узун В.Я., Шагайда Н.И. Оценка влияния институциональных и структурных изменений на развитие аграрного сектора России // Вопросы экономики. 2019. № 4. С. 39–58. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-4-39-58>
18. Ильдарианова Ч.И. Категория «успешное развитие» в контексте перехода семейных подворий в фермерское хозяйство: социально-экономические и ценностные противоречия // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2018. № 5. С. 15.
19. Щюц А. Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии. М., 2002.
20. Семейное хозяйствование в жизненном пространстве современной деревни [монография] / П.П. Великий, В.Л. Шабанов и др. Саратов: Саратовский источник, 2020. 240 с.
21. Великий П.П. Повседневность российского села в начале XXI века / под ред. Ю.С. Воронова. Саратов: Саратовский источник, 2020. 307 с.
22. Porter M. “What is strategy?” *Harvard Business Review*, 1996, no. 19 (3), pp. 61–78.
23. Великий П.П., Заикин А.В. Сельские реалии в оптике оперативного социологического наблюдения // Гуманитарный научный журнал. 2021. № 1. С. 9–17.

Сведения об авторах

Петр Панфилович Великий — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт аграрных проблем РАН (410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Московская, д. 94; e-mail: Velik69@mail.ru)

Наталья Михайловна Великая — доктор политических наук, профессор, заместитель директора, Институт социально-политических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1; e-mail: natalivelikaya@gmail.com), декан факультета, Российский государственный гуманитарный университет (125047, Российская Федерация, г. Москва, Миусская пл., д. 6)

Velikii P.P., Velikaya N.M.

Actors of Rural Autonomous Household: Meanings and Results

Abstract. The article examines the main areas of life of self-employed in agriculture from the position of the meanings of life, defined as the goals – principles of life activity. The self-employed include those heads of households who, having passed the initial adjustment and relying on their human potential, use the reserves of new household forms in the local environment, having partially or completely terminated their labor relations with an agricultural enterprise. They have no farm land, they do not have the status of farmers, nevertheless they live and operate according to similar technology. In terms of material wellbeing they surpass their fellow villagers, who are limited to work in an agricultural enterprise. In the context of free employment choice, these actors adhere to certain attitudes and guidelines, conforming (with varying degrees of completeness) to the norms and requirements of the institutions surrounding them. We have described the problems that arise in families whose lifestyle is determined by the objects of their household – plant and animal life. On the basis of our research we have defined the contours of the self-employment actors' creativity and the opportunity limitations of implementing the meanings of household, which is explained by the violation of conjugations in interaction with large agricultural entities, destruction of connections and relations in the production and sale of products. We have found that depending on the changes in a family life, with the transformation of such indicators as age, health, achievement of ultimate goals (for example, the completion of children's education in universities or, on the contrary, their return to the village), the head and family members constantly cross the formal and essential boundaries of the pre-established status, the scale of activity and, in general, the space mastered and not mastered by them. The study of the social experience of autonomous family household contributes to a deeper comprehensive understanding of the deployment of modernization in the village in the context of the conjunction of innovative and traditional trends.

Key words: village, farming, family household, self-employment, meanings, lifeworld, agricultural enterprises, prestige, status, socio-cultural practices, indicators of success.

Information about the Authors

Petr P. Velikii – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Leading Researcher, Institute of Agrarian Problems RAS (94, Moskovskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation; e-mail: Velik69@mail.ru)

Nataliya M. Velikaya – Doctor of Sciences (Politics), Professor, Deputy Director, Institute of Socio-Political Research, FCTAS RAS (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; natalivelikaya@gmail.com), Dean of Faculty, Russian State University for the Humanities (6, Miuskaya Square, Moscow, 125047, Russian Federation)

Статья поступила 31.05.2021.

Акселерационные программы в экосистеме поддержки социального предпринимательства*

**Алевтина Викторовна
СТАРШИНОВА**

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: a.v.starshinova@urfu.ru
ORCID: 0000-0001-8804-5681; ResearcherID: Q-1245-2015

**Евгения Викторовна
ЧИКОВА**

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: putilova.evgenia@urfu.ru
ORCID: 0000-0002-6021-7979

Аннотация. Развитие социального предпринимательства в России относится к актуальным направлениям государственной политики и нацелено на создание условий для становления рынка социальных услуг, участниками которого наряду с государственными учреждениями и некоммерческими организациями становятся социальные предприятия. Новым инструментом их развития, нуждающимся в системном осмыслении, являются социальные акселераторы. В статье раскрывается роль акселерационных программ в формирующейся экосистеме институтов поддержки социального предпринимательства, иницируемой государством, показаны их общие

* Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 19-18-00246 «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг», реализуемого в СПбГУ.

Для цитирования: Старшинова А.В., Чикова Е.В. Акселерационные программы в экосистеме поддержки социального предпринимательства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 4. С. 216–230. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.13

For citation: Starshinova A.V., Chikova E.V. Acceleration programs in the ecosystem of social entrepreneurship support. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 4. pp. 216–230. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.13

и специфические черты. Эмпирическую базу исследования составили данные, размещенные на сайтах российских фондов, поддерживающих социальное предпринимательство. Рассмотрена общая схема реализации акселерационных программ Фонда поддержки социальных проектов, Фонда социальных инвестиций, фонда региональных социальных программ «Наше будущее» и университетского акселератора RAISE (РАНХиГС), в том числе проанализированы базовые мероприятия, организуемые для участников акселераторов. Представлены систематизированные данные о таких взаимосвязанных элементах социальной акселерации, как обучение, менторство, создание партнерских и клиентских сетей, локального сообщества социальных предпринимателей, прямое и косвенное финансирование, информационное сопровождение. Проанализированные программы построены по одному образцу и включают в себя набор сегментов, каждый из которых выполняет определенные функции развития перспективных социальных предприятий. Обозначены проблемы завышенных критериев отбора в акселерационный цикл, отсутствия прямого финансирования как элемента акселерационных российских программ, снижающего потенциал участия заинтересованных целевых групп, слабое информационное сопровождение действующих программ. Таким образом, результаты проведенного исследования вносят вклад в изучение стратегических преимуществ и ограничений социальной акселерации.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, социальные акселераторы, социальные инкубаторы, менторство, Фонд поддержки социальных проектов, Фонд социальных инвестиций, фонд «Наше будущее», акселератор RAISE.

Введение

В последнее десятилетие в России трансформируется рынок социальных услуг. Государство, сохраняя за собой роль основного регулятора и распорядителя ресурсов, делегирует свои полномочия новым участникам рынка — социально ориентированным некоммерческим организациям и социальным предпринимателям. Количество социальных предприятий, несмотря на тенденцию к увеличению, остается сравнительно небольшим. По данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства (ЕР МСП) по состоянию на апрель 2020 года статус социального предприятия имели 1197 юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а июльский срез того же года продемонстрировал увеличение их количества в 2,5 раза — до 2880 единиц¹. Проведенный нами анализ региональных реестров поставщиков социальных услуг (n = 85) показал, что представители коммерческого сектора занимают от 5 до 12% от общей доли всех поставщиков, представленных в разных федеральных округах, тогда как государственные учреждения, включенные в реестр, составляют не менее 70%, а некоммерческие организации

в среднем занимают не менее 15%². По оценке главы Торгово-промышленной палаты в России насчитывается не менее 50 тысяч фактически действующих социальных предприятий³. Расхождение в цифрах свидетельствует о том, что уровень развития социального предпринимательства пока поддается лишь приблизительной оценке, так как оно находится на начальном этапе становления.

Принятие закона о социальном предпринимательстве в 2019 году ознаменовало встраивание бизнеса с социальной составляющей

² Статья 25. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/8aa93e4372acfa5dd8c704830_619f2f65aa84528/ (дата обращения 01.03.2021); Результаты рейтинга субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных (немуниципальных) поставщиков к предоставлению услуг в социальной сфере и внедрения конкурентных способов оказания государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере, за 2019 г. URL: [http://www.nko.economy.gov.ru/podpisannyj-rejting-skorrektirovannyj-i-napravlennyj-v-pravitelstvo-\(1\).pdf](http://www.nko.economy.gov.ru/podpisannyj-rejting-skorrektirovannyj-i-napravlennyj-v-pravitelstvo-(1).pdf) (дата обращения 09.08.2021).

³ В России работают около 50 тыс. социальных предприятий. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9054185> (дата обращения 01.03.2021).

¹ В Реестр МСП внесены сведения о социальных предприятиях. URL: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/9732584/ (дата обращения 01.03.2021).

в общую отраслевую систему предпринимательства в России. Инициаторы принятия закона акцентировали внимание на том, что социальные предприятия, разделяя принцип сочетания социального эффекта и экономической выгоды и будучи лишены такого существенного недостатка многих НКО, как финансовая неустойчивость [1], удовлетворяют спрос на инновации в социальной сфере, а также организуют производство необходимого объема товаров и услуг, востребованных определенными потребительскими категориями, чей спрос не был обеспечен государственными учреждениями или традиционными коммерческими предприятиями [2]. Тем не менее, избранный путь развития социального предпринимательства имеет слабые стороны. Одна из них – наличие большого числа конкурентов. Социальные предприятия пытаются найти свою нишу в сфере социальных услуг, где традиционно преобладают государственные учреждения и НКО, а в рамках рыночной конкуренции сталкиваются с традиционными коммерческими предприятиями. Поэтому использование всех возможных конкурентных преимуществ становится для социального предприятия насущной потребностью, в силу чего сообщество социальных предпринимателей достаточно четко формулирует собственные запросы в отношении развития поддерживающей инфраструктуры.

Согласно отчету исследовательского консорциума SEFORIS за 2016 год представителями социально-предпринимательского сообщества было сформулировано пять основных «поддерживающих» предложений руководству страны: сохранение федеральных программ поддержки, повышение уровня доступности капитала, введение налоговых льгот, снятие административных барьеров (особенно в части отчетной документации) и расширение информационно-разъяснительной поддержки социальных предприятий⁴. Обозначенные форматы запрашиваемой помощи обнажают не только факт «недофинансирования» социальных предприятий, но и проблему формирования лояльности общества по отношению к социальному предпринимательству в целом. Другая болевая точка сектора, по мнению экспертов, связана с

⁴ SEFORIS. Cross-Country report. Russia. 2016. URL: https://issuu.com/kwinbxl/docs/seforis_country_report_ru_04_april (дата обращения 01.03.2021).

тем, что государство оказывает содействие преимущественно социальным стартапам, в то время как работающему бизнесу уделяется значительно меньше внимания⁵.

Среди актуальных проблем, связанных со становлением российского социального предпринимательства, одной из ключевых остается проблема обеспечения кадрового потенциала, поскольку именно человеческий капитал во многом определяет успех деятельности социального предприятия [3; 4]. В отчете исследовательской группы «Циркон» за 2018 год показано, что действующие социальные предприниматели – это преимущественно люди в возрасте старше 30 лет, уже имеющие высшее образование⁶ и зачастую обладающие опытом работы в коммерческих структурах либо ведения социальных проектов с элементами предпринимательской деятельности. Именно они становятся той целевой группой, на которую рассчитан формат акселераторов как краткосрочных практико-ориентированных комплексных программ интенсивного развития социальных предприятий и социальных проектов, включающих, помимо образовательного сегмента, элементы менторской, экспертной, сетевой, финансовой и информационной поддержки.

Цель представленного в статье исследования состояла в анализе особенностей функционирования разного типа акселерационных программ для социальных предпринимателей как способа ускоренного развития перспективных социальных предприятий. Задачи исследования были направлены на выявление общих и отличных структурных элементов акселерационных программ, инициированных разными учредителями; определение условий и алгоритма реализации программ; формирование представления о ценностных предложениях и спектре ресурсов поддержки, предоставляемых участникам акселерационных программ; формулирование выгод, приобретаемых учредителями программ разных типов.

⁵ Социальные предприниматели назвали необходимые меры господдержки. URL: <https://tass.ru/msp/6902652> (дата обращения 01.03.2021).

⁶ Социальный предприниматель – 2018. Автопортрет. Краткий аналитический отчет по результатам исследования. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/4e7/socialnyj_predprinimatel_2018_avtoportret.pdf (дата обращения 13.03.2021).

Теоретические основания исследования

Социальное предпринимательство является областью интенсивного генерирования инноваций, примером использования новых комбинаций существующих ресурсов [5] и источником идей для традиционных коммерческих предприятий, находящихся под давлением экономических кризисов, разразившихся в последние два десятилетия, рисков конкурентной экономики и распространяющейся парадигмы социальной ответственности [6]. Внимание уделяется вопросам, связанным с поддержкой и развитием экосистемы социального предпринимательства [7; 8], под которой понимается совокупность взаимосвязанных элементов, способствующих наиболее полному раскрытию потенциала социального предпринимательства в рамках отдельно взятого территориального образования. В трактовке известной исследовательской сети социального предпринимательства в Европе EMES указанная экосистема включает следующие элементы поддержки:

- способность к самоорганизации (вовлечение сообщества граждан в решение социальных проблем);
- политическое, юридическое, общественное и частное признание социальных предприятий;
- доступ к ресурсам (использование «безвозвратных» ресурсов для запуска и отладки работы социального предприятия, налоговых льгот и т. д.);
- организация исследований, образовательных программ, позволяющих развить навыки для ведения социального бизнеса.

Социальная акселерация, включенная в последние три сегмента по данной классификации, хотя и выступает в качестве неотъемлемого элемента экосистемы, тем не менее, остается малоизученной. Исследователи фокусируются на отличии разных типов социальных «ускорителей», акселераторов и инкубаторов друг от друга, а также от акселераторов и инкубаторов, ориентированных на работу с традиционными предприятиями [9]. Мы придерживаемся подхода, согласно которому акселераторы сосредоточены на действующих социальных предприятиях и ориентированы на выработку стратегии их роста и нивелирования слабых сторон, тогда как инкубаторы работают с проектами, нуждающимися в запуске или находящимися в стадии

идеи [10]. Кроме того, поскольку в основании социального и традиционного бизнеса больше сходств, чем различий [11], то и «ускорители» социальных стартапов и предприятий отличаются только в контексте целеполагания, так как приоритетом для первых остается развитие и уточнение социальной миссии.

Первоначально акселерационные программы рассматривались исследователями в качестве нового инструмента социальной политики, функционально замещающего традиционные государственные и коммерческие структуры, что демонстрируется на примере программ поддержки, развернутых в США и Европе [12], Бразилии [13; 14], в дальнейшем – как элемент экосистемы поддержки социального предпринимательства [15; 16] или механизм, позволяющий интегрировать в процесс развития данной экосистемы новых акторов – некоммерческие организации [17; 18], студентов⁷ [19; 20], заинтересованные группы потенциальных предпринимателей: женщин, представителей этнических меньшинств [21], сельских жителей [22], пожилых людей [23] и т. д.

Среди вопросов, представляющих наибольший интерес для исследователей социальных «ускорителей», обращают на себя внимание такие, как повышение устойчивости социальных предприятий за счет инструментов акселерации [24], «базовый» набор проблем, присущий социальным стартапам, которые могут быть нивелированы при помощи участия в акселерационной программе [25], катализация стратегических возможностей социального бизнеса за счет расширения его связей с небольшими традиционными компаниями [26], использование социальных акселераторов и инкубаторов как среды продвижения социальных инноваций [27], характерные структурные элементы акселерационных программ [28].

Изучение акселерационной деятельности в социальной сфере преимущественно базируется на рассмотрении материалов отдельных локальных кейсов, характеризующих акселерационные программы в разных странах, таких как Италия [29], Сингапур [30], Испания и

⁷ Сборники по результатам реализованных проектов 2016–2020 гг. // Всероссийский акселератор социальных инициатив RAISE: сайт. URL: <https://raise.ranepa.ru/biblioteka/sborniki-po-rezultatam-realizovannyh-proektov/> (дата обращения 01.03.2021).

США [31], странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития [32], и ряде других [33].

Исследователи акцентируют внимание на проблемах оценки эффективности «ускорителя» как инструмента, повышающего вероятность успеха социально-предпринимательских начинаний. Она рассчитывается с учетом совокупности таких показателей, как повышение уровня занятости в регионе, финансовая отдача и социальное воздействие [34], запуск технологических стартапов и создание диадических партнерских сетей с заинтересованными сторонами [35; 36].

Многие авторы настаивают на необходимости введения унифицированных индикаторов оценки [37], которые коррелировали бы с правовыми формами предприятий и экономическими условиями региона их локализации [38], учитывали идею, положенную в основу конкурсного отбора [39], и одновременно принимали во внимание симбиоз демонстрируемых предприятиями социальных, технологических и экономических переменных [40; 41].

В связи с тем, что Россия, как и другие страны, выстраивает собственную стратегию развития социального предпринимательства [42], представляется своевременной постановка вопроса о том, какие функции выполняют акселерационные программы в контексте среды развития социального предпринимательства и какие запросы «целевых аудиторий» (государство, крупный бизнес, социальные предприниматели) они удовлетворяют.

Методология и материалы

Социальное предпринимательство занимает специфическую нишу в предпринимательском секторе, поскольку акцент на решении проблем локальных сообществ и социально уязвимых групп населения неизбежно ограничивает его ресурсный потенциал [43]. Данная особенность делает социальные стартапы более восприимчивыми к помощи внешних сторон по сравнению с традиционным бизнесом, рассчитывающим на устойчивость своего внутреннего ресурса.

В рамках теории спонсорства [4] выделяется два основных механизма, которые используются организациями – учредителями акселераторов. Первый из них – механизм «буферизации и наведения мостов», реализуемый с помощью

таких мероприятий, как прямая поддержка предпринимателей, организация их сетевого взаимодействия с заинтересованными сторонами и создание поля для апробации их деятельности. Второй «поддерживающий» механизм включает создание системы наставничества, возможностей для дополнительного привлечения средств и повышение уровня авторитета предприятия на ранней стадии его существования за счет информационной поддержки.

Анализ зарубежных «ускорителей» [25] свидетельствует о том, что социальные акселераторы преимущественно сотрудничают с новообразованными социальными предприятиями и предприятиями, находящимися на стадии запуска, а оба упомянутых механизма применяются в рамках семи ключевых направлений работы программ: обучение, наставничество (менторство), создание партнерских и клиентских сетей, формирование сообщества партнеров-единомышленников, прямое финансирование (предоставление начального капитала), косвенное финансирование (организация доступа к инвесторам), повышение уровня информированности о социальном предпринимательстве и доверия к нему.

Информационную базу проведенного нами исследования составили материалы сайтов Фонда поддержки социальных проектов⁸, Фонда социальных инвестиций⁹, фонда региональных социальных программ «Наше будущее»¹⁰, Всероссийского акселератора социальных инициатив RAISE¹¹. Выбор обусловлен тем, что проанализированные акселерационные программы, во-первых, действуют на протяжении целого ряда лет, что создает возможность обобщить накопленный опыт реализации программ, во-вторых, имеющийся опыт демонстрирует высокую результативность в количественном и качественном отношении применительно к «выпускникам». Выборка производилась по

⁸ Фонд поддержки социальных проектов: сайт. URL: <https://fundsp.ru/> (дата обращения 15.03.2021).

⁹ Социальные инновации. Акселерационные программы: сайт. URL: <https://www.soc-innov.ru/> (дата обращения 16.03.2021).

¹⁰ Фонд региональных социальных программ «Наше будущее»: сайт. URL: <http://www.nb-fund.ru/> (дата обращения 18.03.2021).

¹¹ Всероссийский акселератор социальных инициатив RAISE: сайт. URL: <https://raise.rane.ru/> (дата обращения 09.03.2021).

типу учредителя акселерационной программы: государственный, корпоративный, университетский, частный.

Все акселерационные программы были проанализированы по следующим критериям: цели, декларируемые учредителями, критерии отбора (точки входа) в акселерационную программу, длительность акселерационной программы и ее территориальный охват, алгоритм работы акселерационной программы для проверки наличия в ней таких элементов, как образовательный сегмент, менторская поддержка, партнерский и клиентский нетворкинг, создание неформального сообщества социальных предпринимателей, доступ к прямым и косвенным инвестициям, информационное сопровождение акселератора.

Результаты исследования

С учетом основного критерия отбора (тип учредителя акселерационной программы) акселератор Фонда поддержки социальных проектов (ФПСП) демонстрирует принадлежность к государственному типу, поскольку сам фонд был создан в соответствии с решением Наблюдательного совета Автономной некоммерческой организации «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» (АСИ) в 2017 году. АСИ же учреждено Правительством Российской Федерации в 2011 году, следовательно, ФПСП фактически является дочерней организацией АСИ и может быть идентифицирован как государственная структура.

Фонд социальных инвестиций в рамках представленной типологии принадлежит к частному типу. Его создание было инициировано частным лицом, (руководителем фонда), он имеет статус общества с ограниченной ответственностью. Однако учредитель С.В. Голубев в то же время имеет статус председателя комиссии по социальному предпринимательству общественной организации «Опора России», курируемой государственными структурами, и является членом экспертного совета АСИ, членом экспертной группы по социальному предпринимательству Минэкономразвития России и совета по социальным инновациям РФ. В состав экспертов акселерационной программы Фонда социальных инвестиций входят правительственные эксперты, сотрудники Министерства экономического развития. Следовательно,

данный фонд в полной мере типологически не может быть охарактеризован как частный, поскольку имеет усиленные связи с органами, образующими систему государственной поддержки социального предпринимательства.

Фонд региональных социальных программ «Наше будущее», курирующий акселератор «Формула роста», может быть отнесен к корпоративному типу, хотя формально его учредителем выступает физическое лицо В.Ю. Алекперов, и в этом смысле де-юре он принадлежит к частному типу. Тем не менее, данный фонд, учрежденный в 2007 году, де-факто остается одной из первых негосударственных структур, действующих в системе поддержки социального предпринимательства, а ее учредитель является совладельцем ПАО «Лукойл». Соответственно, это предприятие фактически напрямую финансирует деятельность фонда.

Наконец, Всероссийский акселератор социальных инициатив RAISE, запущенный в 2012 году, относится к университетскому типу учредителей. Его создателем выступает Институт организационного развития и стратегических инициатив Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Перечни акселерационных программ в рамках каждой из заявленных организаций отличаются. ФПСП на текущий момент времени запустил три акселерационные программы: основная действует с 2018 года, проведено уже семь ее акселерационных циклов, еще две запущены в конце 2020 года — предакселератор для начинающих социальных предпринимателей и программа для лидерских проектов в социальной, образовательной и технологической сферах.

На платформе Фонда социальных инвестиций открыты «Федеральный акселератор» и «Региональный акселератор». Первый представляет собой очную программу, реализуемую в Москве на площадке фонда и разработанную для действующих социальных предприятий с целью масштабирования их деятельности и привлечения дополнительных инвестиций. Второй в формате очной программы работает на площадках центров «Мой бизнес» и центров инноваций социальной сферы (ЦИСС) и ориентирован на запросы этих организаций, которые варьируются в зависимости от региона.

Фонд региональных социальных программ «Наше будущее» помимо инвестиционных курсов реализует единственную акселерационную программу «Формула роста», позиционируемую, скорее, как вспомогательное направление в рамках его деятельности. Акселератор социальных инициатив RAISE – также единственная акселерационная площадка для реализации социально-предпринимательской деятельности в рамках базового университета. Однако следует учесть, что РАНХиГС располагает филиальной сетью и привлекает к участию представителей других высших учебных заведений.

В таблице 1 представлены цели заявленных акселерационных программ, скомпонованные по двум категориям: общие цели, достижение которых должно обеспечивать социальному предприятию устойчивый запуск и развитие, и специфические цели, отдельно сформулированные учредителями. Из приведенных данных следует, что все акселерационные программы, кроме «Формулы роста», нацелены на формирование предпринимательских ком-

петенций у участников, тогда как акселератор фонда «Наше будущее», очевидно, работает с уже состоявшимися социальными предпринимателями и их проектами. Рост финансовых показателей (привлечение инвестиций, повышение ключевых финансовых показателей, увеличение выручки, оптимизация затрат) является приоритетом для всех, кроме акселератора RAISE, что достаточно легко может быть объяснено студенческим статусом контингента участников, которые еще не в полной мере располагают необходимыми для открытия своего дела ресурсами. Акцент на важности построения партнерских и клиентских сетей, сообществ предпринимателей сделан Фондом социальных инвестиций, фондом «Наше будущее» и RAISE, тогда как для Фонда поддержки социальных проектов главной целью остается запуск продукта и выработка устойчивой бизнес-модели. В то же время социальная миссия выступает приоритетом, обозначенным в уставных документах, только для двух из четырех рассматриваемых акселерационных программ.

Таблица 1. Цели акселерационных программ

Наименование фонда/ акселератора	Общие				Специфические
	Формирование компетенций	Рост финансовых показателей	Увеличение социального эффекта	Построение партнерских и клиентских сетей, сообществ предпринимателей	
Фонд поддержки социальных проектов	+	+	-	-	Доведение социального проекта от стадии «прототип» до стадии «продукт»
Фонд социальных инвестиций	+	+	+	+	1. Поиск новых направлений развития 2. Регистрация в реестре социальных предприятий
Фонд «Наше будущее»	-	+	+	+	1. Масштабирование предприятия 2. Преобразование продукции в соответствии с новыми экономическими возможностями и запросами клиентских групп в период пандемии
RAISE	+	-	-	+	1. Привлечение активной молодежи 2. Формирование карьерных возможностей для студентов за счет доступа к компаниям-работодателям

Источники: сайты акселерационных программ.

В качестве специфических целей акселерационных программ упоминаются работа над полученным продуктом проекта/предприятия, в том числе его переформатированием в соответствии с запросами и возможностями целевой аудитории («упаковка» проекта, развитие проекта, успешное продвижение продукта, поиск новых направлений развития и т. д.), закрепление за предприятием официального статуса, поднимается вопрос масштабирования действующих социальных предприятий, рассматривается важность формирования коммуникационной сети между студенческой молодежью, заинтересованной в создании социального бизнеса, компаниями-работодателями и начинающими и состоявшимися предпринимателями в социальной сфере.

В таблице 2 приведено описание условий для участия в акселераторах, свидетельствующее о наличии достаточно высокой планки отбора. Фонд поддержки социальных проектов, Фонд социальных инвестиций и фонд «Наше будущее» демонстрируют готовность работать

только с официально зарегистрированными предприятиями различных правовых форм и обращают внимание на наличие продукта/услуги, которые могут быть предложены клиентской аудитории. Минимум три фонда рассматривают акселерационный процесс как командную работу.

Дополнительными критериями участия являются доказанная во временной перспективе выживаемость официально зарегистрированного предприятия, локализация предприятия на территории РФ, личная заинтересованность предпринимателя в развитии бизнеса, обеспечиваемая его статусом собственника или совладельца. Очевидно, что социальные проекты на входе в большинство акселерационных программ уже обладают определенной историей развития и нацелены на повышение качественных и количественных показателей за счет проработки слабых сторон, создания нового востребованного продукта или трансформации уже имеющегося, действующего алгоритма для масштабирования.

Таблица 2. Точки входа в акселератор

Наименование фонда/ акселератора	Общие			Специфические
	Статус ИП/ юридического лица	Готовый для реализации продукт/услуга	Наличие команды, готовой реализовать проект	
Фонд поддержки социальных проектов	+	+	-	1. Проект относится к социальной сфере, решает проблемы незащищенных слоев населения и инвалидов 2. ≥ 50% компании принадлежит резидентам РФ
Фонд социальных инвестиций	+	+	+	Соответствие деятельности предприятия приоритетным направлениям акселератора
Фонд «Наше будущее»	+	+	+	1. Участник является собственником/ совладельцем социального бизнеса 2. Основная деятельность предприятия осуществляется в регионе проведения акселератора 1–5 лет (≥ 2 лет в ХМАО-Югра) 3. Оборот предприятия не менее 10 млн рублей в год (≥ 1,5 млн рублей в ХМАО-Югра)
RAISE	-	-	+	1. Количественные ограничения и ограничения по возрасту участников (≥ 10 студентов возрастом ≤ 25 лет) 2. Наличие закрепленного за командой куратора (преподаватель/сотрудник вуза)/ ментора (представитель органов власти, бизнеса, НКО)
Источники: сайты акселерационных программ.				

В отношении территориального охвата и длительности программы можно заключить следующее: акселераторы Фонда поддержки социальных проектов и RAISE имеют федеральный охват, Фонд социальных инвестиций также реализует свои цели на федеральном уровне, но дополняет эту деятельность наличием региональной программы. Для акселератора «Формула роста» характерен четко выраженный региональный охват, поскольку он реализован только на территории Калининградской, Нижегородской и Астраханской областей, Ханты-Мансийского автономного округа. По продолжительности действия акселерационных программ самой длительной из них остается университетский акселератор RAISE, который действует с 2012 года, Фонд социальных инвестиций запустил свою программу в нынешнем виде в 2015 году, хотя до этого акселерационная деятельность велась на региональном уровне при сотрудничестве с крупным бизнесом и ЦИСС в формате «Школы начинающего предпринимательства» (2012–2014 гг.) и «Школы социального предпринимательства» в Пензенской области (2014–2015 гг.). Наконец, Фонд поддержки социальных проектов и фонд «Наше будущее» провели свою первую акселерационную сессию в 2018 году. Все это свидетельствует о том, что акселерация в социальной сфере может рассматриваться как новый развивающийся элемент экосистемы поддержки социального предпринимательства.

Имеющаяся информация позволяет сделать следующее предположение: региональные программы реализуются в значительной степени при наличии прямого спроса на их организацию со стороны поддерживающих структур локального масштаба, например уже упомянутых ЦИСС или центров поддержки предпринимательства «Мой бизнес». Иными словами, социально-предпринимательская инициатива в рамках местного сообщества должна набрать силу и скоординировать необходимое количество ресурсов, чтобы сигнализировать о собственной значимости местным органам власти, которые, в свою очередь, получают возможность в роли посредника, предоставляющего пространство для коммуникации обучающей структуры (акселератора) и ее целевой аудитории (социальных предпринимателей), развернуть потенциал для решения локальных социальных проблем.

В *таблице 3* представлен алгоритм работы четырех акселераторов.

Организационная структура акселераторов включает обучающий блок и менторское сопровождение, однако прослеживается отличие в конфигурации их использования. В рамках Фонда поддержки социальных проектов и фонда «Наше будущее» модуль, связанный с обучением, предваряет встречу с менторами, в то время как Фонд социальных инвестиций и акселератор RAISE в формате своих мероприятий смешивают данные модули. В первом случае организаторы акселератора нацелены на заполнение пробелов в базовых знаниях участников и отделение процесса работы над проектами от теоретической части, во втором случае – процесс обучения интенсифицирован и предполагает более плотную работу с кейсами участников.

Представляется интересным отбор в акселерационные программы наставников, которые фактически являются лидерами неформальных социально-предпринимательских сообществ. С учетом личной мотивации и готовности делиться опытом ведения социального бизнеса наставники проходят предварительную подготовку.

Во все акселерационные программы включены такие элементы, как формирование локального сообщества социальных предпринимателей и сетевые взаимодействия «участник программы – партнер», «участник программы – клиент». Создание в условиях акселератора неформальных связей обеспечивается за счет организации мероприятий командного формата работы («мозговой штурм») и менторского элемента, когда вокруг одного наставника собирается несколько участников со своими проектами.

Выстраивание партнерских и клиентских сетей происходит благодаря наличию инвестиционных сессий, которые обеспечивают участников косвенным финансированием. Прямое финансирование в рамках приведенных примеров акселерационных программ отсутствует. Зачастую оно осуществляется из других источников – специализированных грантов и субсидий. Иногда инвестор и/или партнер акселератора при условии заинтересованности в продукте какого-либо предприятия-участника может стать его заказчиком в постакселерационный период.

Таблица 3. Алгоритм работы акселерационных программ

Название программы / фонда	Продолжительность	Элементы программы
Фонд поддержки социальных проектов	1,5–2 месяца	1. Теоретический блок: тренинги по стратегическому и операционному планированию, разработке маркетинговой стратегии, расчетам ключевых метрик продукта, анализу социального воздействия проектов, обучению навыкам командной работы 2. Практический блок: работа с кейсами участников по исследованию рынков, разработке самокупаемой и финансово устойчивой бизнес-модели, маркетингового продвижения и подготовки презентаций 3. Презентационный блок: встреча с потенциальными партнерами и инвесторами (демо-день)
Фонд социальных инвестиций	3 месяца	1. Стратегические сессии, включающие в себя лекции, индивидуальную работу и «мозговой штурм» по следующим темам: модель социального воздействия, целевые рынки и ценностное предложение, маркетинговая стратегия, бизнес-моделирование и финансовое планирование, перспективное планирование 2. Инвестиционная сессия: обратная связь от экспертов и взаимодействие с инвесторами
Фонд «Наше будущее»	9 месяцев	1. Модуль «Обучение»: 10 интерактивных занятий с практиками социального бизнеса по темам: стратегическое планирование, маркетинг, интернет-маркетинг, управление продажами, управление персоналом, руководство и лидерство, управление финансовыми потоками, привлечение инвестиций, презентация перед инвестором 2. Модуль «Наставничество»: 18 личных встреч с наставником 3. Модуль «Обмен опытом»: 4 бизнес-завтрака с выступлением приглашенных спикеров, 7–9 встреч для обсуждения кейсов участников 4. Итоговое отчетное занятие: презентация результатов изменений в организации деятельности предприятий участников
RAISE	9–9,5 месяцев	1. Круглые столы с потенциальными партнерами проектов по уточнению идей проектов (представители НКО, бизнеса, органов власти) 2. Road Show: участие команд в установочных образовательных мероприятиях-практикумах в вузах 3. Турнир Акселератора: заочное соревнование команд-участниц по выполнению специальных заданий 4. Две трехдневные образовательные сессии: тренинги, мастер-классы, выступления и консультации экспертов 5. Промежуточная экспертиза проектов (очная / формат видеоконференции) для допуска участников к финальным мероприятиям 6. Финал, состоящий из двух этапов и включающий презентацию реализуемых проектов перед жюри. Дополнительно команды участвуют в номинациях от партнеров 7. Стажировка победителей конкурсных мероприятий
Источники: сайты акселерационных программ.		

Подобные предложения обуславливаются возможностью снизить уровень конкуренции за произведенный продукт.

Отметим, что российские акселерационные программы обеспечивают информационное освещение своей деятельности на низком уровне. Материалы о проведенных мероприятиях, как правило, размещаются на сайте и в сопутствующих социальных сетях самого акселератора, на личных страницах участников акселерационных программ, немногочисленных специализированных сайтах, таких как «Агентство социальной информации», на страницах и в группах социальных сетей партнеров, которые акцентируют внимание, скорее, на собствен-

ном участии¹². Другими словами, «территория» социальной акселерации и социального предпринимательства остается закрытой для массового читателя/зрителя.

¹² В центре «Благосфера» обсудили акселераторы для социальных проектов // Агентство социальной информации: сайт. 2018. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2018/09/28/akseleratory-sotsproektov/> (дата обращения 16.02.2020); Фонд социальных инвестиций представил акселерационные программы для социальных предпринимателей // Агентство социальной информации: сайт. 2018. URL: <https://www.asi.org.ru/report/2018/07/27/moskva-akseleratsionnye-programmy/> (дата обращения 12.03.2020); Акселератор социальных инициатив RAISE. Официальная группа ВКонтакте. URL: <https://vk.com/raiseranera> (дата обращения 12.03.2020).

Выводы

Проведенный анализ демонстрирует, что все акселерационные программы характеризуются рядом основополагающих черт. Нельзя сказать, что социальные акселераторы преследуют абсолютно идентичные цели, однако верно то, что их целевая направленность заключается в формировании стратегии устойчивого развития социального предприятия. Эта деятельность в полной мере продолжает реализовываться и в постакселерационный период, однако может сопровождаться риском утраты такого приоритета, как увеличение социального эффекта деятельности. К дополнительным задачам акселерационных программ относятся масштабирование предприятий, официальное оформление их статуса, более плотная ориентация производимого продукта на клиентскую аудиторию.

Данные о «точках входа» в акселерационные программы позволяют заключить, что потенциальные участники сталкиваются сразу с несколькими барьерами. За небольшим исключением акселераторы ориентированы на работу с состоявшимися, официально зарегистрированными и ведущими свою деятельность на протяжении определенного времени предприятиями. Но в то же время ФПСР запускает преакселератор для начинающих социальных предпринимателей, а акселератор RAISE сохраняет возможность запуска и реализации проекта, находящегося на стадии идеи, поскольку нацелен на работу со студенческой аудиторией.

Наконец, акселерационные программы структурно построены по одному образцу, включают образовательный, практический и отчетный (инвестиционный) сегменты. Образовательный модуль ориентирован на получение участниками базовых представлений о ведении бизнеса, практический сегмент включает в себя механизм менторской поддержки, подкрепляемый мероприятиями, позволяющими выстроить неформальные связи между участниками акселератора и коммуникацию с экспертами сферы, которые также могут являться партнерами акселератора. Инвестиционный (отчетный) сегмент предоставляет возможность отобранным предприятиям получить обратную связь от экспертов, привлечь дополнительные ресурсы для развития бизнеса.

Однако в рамках указанных акселерационных программ не реализуется механизм прямого финансирования, участники не получают от организаторов финансовые средства на реализацию проекта по итогам завершения акселератора. Общим уязвимым элементом акселерационных программ является и слабое информационное сопровождение мероприятий: создаваемый контент размещается на ресурсах, которые не позволяют привлечь внимание широких масс к тематике социального предпринимательства в целом и акселерационным программам в частности.

Существенное отличие программ заключается в продолжительности цикла акселерации (от 1,5 до 9,5 месяца), что свидетельствует о разных подходах к процессу их организации. Пролонгированная акселерация в большей степени сосредотачивается на том, чтобы участники получили основные представления о ведении бизнеса и на примере успешных кейсов могли проработать собственные проекты, акцент делается на самостоятельную индивидуальную работу участника с применением полученных знаний и навыков. Сокращенная акселерация изначально использует в качестве наглядного пособия для анализа сильных и слабых сторон и перспектив развития проекты участников. Предполагается, что последние уже в значительной мере владеют необходимым набором компетенций для ведения бизнеса в социальной сфере.

Несмотря на то что формально создателями социальных акселерационных программ выступают учредители разных типов, основным выгодополучателем, помимо самих социальных предпринимателей, является государство, в первую очередь в лице региональных и муниципальных властей, поскольку развитие еще одной ветви предпринимательского сектора создает условия для притока инвестиций в регион и смягчает существующие локальные социальные проблемы. Кроме того, с помощью участия в организации деятельности акселераторов государство приобретает дополнительный рычаг влияния на предпринимательскую среду, расширяет спектр игроков рынка социальных услуг.

Очевидно, что в развитии инфраструктуры социальных акселераторов заинтересован и крупный социально ответственный бизнес. Его

представители с высокой частотностью становятся партнерами и экспертами акселерационных программ. С одной стороны, подобный уровень участия помогает им приобрести определенные репутационные дивиденды, с другой — они получают доступ к акселерационной среде, катализирующей оформление инновационных идей, которые могут быть инкорпорированы в операционную деятельность крупных компаний для решения внутренних (кадровых) или внешних (репутационных) задач.

Учредители частного типа акселераторов также являются представителями либо круп-

ного бизнеса, либо государственных структур, поэтому крайне сложно рассматривать их в отрыве от акселерационных программ корпоративного или государственного типа. В свою очередь университет, на базе которого развивается акселерационная программа, использует возможности бизнес-симулятора для «тренировки» студенческой аудитории: наиболее активная ее часть приобретает актуальный для будущего трудоустройства набор навыков и знаний, выстраивает систему партнерских отношений внутри и вне университетской среды.

Литература

1. Старшинова А.В., Бородкина О.И. Деятельность НКО в сфере социальных услуг: общественные ожидания и региональные практики // Журнал исследований социальной политики. 2020. № 3. С. 411–428. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-3-411-428
2. Архипова Е.Б., Старшинова А.В. От проблемы к решению: риторика дискурса социальных предпринимателей // Журнал исследований социальной политики. 2021. № 1. С. 41–54. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-1-41-54
3. Estrin S., Mickiewicz T., Stephan U. Human capital in social and commercial entrepreneurship. *Journal of Business Venturing*, 2016, no. 31, pp. 449–467. DOI: 10.1016/j.jbusvent.2016.05.003
4. Жохова В.В., Соколова Д.А. Исследование успешности и человеческого капитала в сфере социального предпринимательства // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2018. № 1 (85). С. 44–56. DOI: 10.24866/2311-2271/2018-1/44-56
5. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: ЭКСМО, 2007. 864 с.
6. Чикова Е.В. Прошлое, настоящее и будущее социальных инвестиций // Журнал исследований социальной политики. 2021. № 1. С. 177–182. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-1-177-182
7. Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Козинская К.М. Финансовые инструменты развития социального предпринимательства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 91–108. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.6
8. Неформальная институциональная среда социального предпринимательства / Е.В. Попов, А.Ю. Веретенникова, И.В. Наумов, К.М. Козинская // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 217–234. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.14
9. Amezcua A.S., Grimes M.G., Bradley S.W., Wiklund J. Organizational sponsorship and founding environments: A contingency view on the survival of business-incubated firms 1994–2007. *Academy of Management Journal*, 2013, no. 56 (6), pp. 1628–1654. DOI: 10.5465/amj.2011.0652
10. Casasnovas G., Bruno A.V. Scalling social ventures an exploratory study of social incubators and accelerators. *Journal of Management for Global Sustainability*, 2013, no. 2, pp. 173–197. DOI: 10.13185/JM2013.01211
11. Dacin P.A., Dacin M.T., Matear M. Social entrepreneurship: Why we don't need a new theory and how we move forward from here. *The Academy of Management Perspectives*, 2010, no. 24 (3), pp. 37–57. DOI: 10.5465/AMP.2010.52842950
12. Aernoudt R. Incubators: Tools for entrepreneurship? *Small Business Economics*, 2004, no. 23 (2), pp. 127–135. DOI: 10.1023/B:SBEJ.0000027665.54173.23
13. Vocayuva P. Incubadora tecnologica de cooperativas populares. *Reducao da Pobreza e Dinamicas Locais*, 2001, pp. 235–261.
14. Etzkowitz H., De Mello J.M.C., Almeida M. Towards “meta-innovation” in Brazil: The evolution of the incubator and the emergence of a triple helix. *Research Policy*, 2005, no. 34 (4), pp. 411–424. DOI: 10.1016/j.respol.2005.01.011

15. Sonne L. Innovative initiatives supporting inclusive innovation in India: Social business incubation and micro venture capital. *Technological Forecasting and Social Change*, 2012, no. 79 (4), pp. 638–647. DOI: 10.1016/j.techfore.2011.06.008
16. Иванова М.М., Бородкина О.И. Развитие экосистемы социального предпринимательства в Северо-Западном регионе России // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. № 4. С. 622–636. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-4-622-636>
17. Yang A., Cheong P.H. Building a cross-sectoral interorganizational network to advance nonprofits: NGO incubators as relationship brokers in China. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 2018, no. 48 (4), pp. 784–813. DOI: 10.1177/0899764018819869
18. Москвина А.Ю. Участие некоммерческих организаций в социальном предпринимательстве: влияние акселерационной деятельности (на примере акселератора ЦРНО 2015–2017 гг.) // Журнал исследований социальной политики. 2020. № 18 (3). С. 379–394. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-3-379-394
19. Сырямкина Е.Г., Румянцева Т.Б., Ливенцова Е.Ю. Образовательный потенциал технологии «Социальный акселератор» для развития социально-предпринимательской компетентности студентов в классическом университете // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 1. С. 171–187. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-1-171-187
20. Huster K., Petrillo C., O'Malley G., Glassman D., Rush J., Wasserheit J. Global social entrepreneurship competitions: Incubators for innovations in global health? *Journal of Management Education*, 2017, vol. 41 (2), pp. 249–271. DOI:10.1177/1052562916669965
21. Baskaran A., Boon-Kwee Ng. Inclusive entrepreneurship, innovation and sustainable growth: Role of business incubators, academia and social enterprises in Asia. *Science Technology & Society*, 2019, no. 24 (4), pp. 385–400. DOI: 10.1177/0971721819873178
22. Рожнёва И.В. Популяризация и развитие социального предпринимательства через механизм тематического акселератора // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 1. С. 74–78. DOI: 10.24411/2308-7226-2020-10010
23. Москвина А.Ю., Должикова Д.В. Участие людей старшего возраста в социальном предпринимательстве на примере социального акселератора (Санкт-Петербург) // Журнал исследований социальной политики. 2018. № 16 (1). С. 169–176. DOI: 10.17323/727-0634-2018-16-1-169-176
24. Marconatto D., Ladeira W.J., Wegner D. The sustainability of solidarity economy organizations: An empirical investigation. *Journal of Cleaner Production*, 2019, no. 228, pp. 1122–1130. DOI: 10.1016/j.jclepro.2019.04.352
25. Genu J.M. *É difícil ser uma startup social? A visão dos empreendedores sociais. Dissertação (Mestrado em Administração). Centro de Ciências Sociais Aplicadas, Universidade Federal de Pernambuco*, 2018. Available at: <https://repositorio.ufpe.br/handle/123456789/29978>
26. Jamali D., Lanteri A. *Social Entrepreneurship in the Middle East*. Vol. 1. London: Palgrave Macmillan, 2015. 224 p. DOI: 10.1057/97811375099568
27. Nicolopoulou K., Karataş-Özkan M., Vas C., Nouman M. An incubation perspective on social innovation: The London Hub – a social incubator. *R&D Management*, 2017, no. 47 (3), pp. 368–384. DOI: 10.1111/radm.12179
28. Miller P., Bound K. *The Startup Factories. The Rise of Accelerator Programmes to Support New Technology Ventures*. NESTA, discussion paper (June 2011). Available at: https://media.nesta.org.uk/documents/the_startup_factories_0.pdf
29. Sansone G., Andreottia P., Colombelli A., Landoni P. Are social incubators different from other incubators? Evidence from Italy. *Technological Forecasting and Social Change*, 2020, no. 158, pp. 1–13. DOI: 10.1016/j.techfore.2020.120132
30. Cheah S., Ho Y.-P. Building the ecosystem for social entrepreneurship: University social enterprise cases in Singapore. *Science Technology & Society*, 2019, no. 24 (4), pp. 507–526. DOI: 10.1177/0971721819873190
31. Canovas L., March I., Yague R.M. Impacto social y económico de las aceleradoras de emprendimiento: Análisis de factores condicionantes e implicaciones para la innovación social. *CIRIEC-España revista de economía pública social y cooperativa*, 2018, no. 93, pp. 211–240. DOI: 10.7203/CIRIEC-E.93.9855
32. Canfield C., Anzola E.C. Successful performance in socially oriented ventures stemming from international accelerator programs: A comparative study between OECD and developing countries. *Independent Journal of Management & Production*, 2018, no. 9(4), pp. 1079–1107. DOI: 10.14807/ijmp.v9i4.802

33. Pandey Sh., Lall S., Pandey S.K., Ahlawat S. The appeal of social accelerators: What do social entrepreneurs value? *Journal of Social Entrepreneurship*, 2017, no. 8 (1), pp. 88–109. DOI: 10.1080/19420676.2017.1299035
34. Wildmannova M. Sociální inkubátor jako nástroj rozvoje regionální a inovační politiky. In: *XX. mezinárodní kolokvium o regionálních vědách. Sborník příspěvků*. Brno: Masarykova univerzita, 2017. Pp. 444–450. DOI: 10.5817/CZ.MUNI.P210-8587-2017-57
35. Battisti S. Digital social entrepreneurs as bridges in public–private partnerships. *Journal of Social Entrepreneurship*, 2019, vol. 10, no. 2, pp. 135–158. DOI: 10.1080/19420676.2018.1541006
36. Arena M., Bengo I., Calderini M., Chiodo V. Unlocking finance for social tech start-ups: Is there a new opportunity space? *Technological Forecasting and Social Change*, 2018, vol. 127, pp. 154–165. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.05.035
37. Peters L., Rice M., Sundararajan M. The role of incubators in the entrepreneurial process. *The Journal of Technology Transfer*, 2004, no. 29 (1), pp. 83–91. DOI: 10.1023/B:JOTT.0000011182.82350.df
38. Bigliardi B., Dormio A.I., Nosella A., Petroni G. Assessing science parks' performances: Directions from selected Italian case studies. *Technovation*, 2006, no. 26, pp. 489–505. DOI: 10.1016/j.technovation.2005.01.002
39. Bergek A., Norrman C. Incubator best practice: A framework. *Technovation*, 2008, no. 28, pp. 20–28. DOI: 10.1016/j.technovation.2007.07.008
40. Mrkajic B. Business incubation models and institutionally void environments. *Technovation*, 2017, no. 68, pp. 44–55. DOI: 10.1016/j.technovation.2017.09.001
41. Voisey P., Gornall L., Jones P., Thomas B. The measurement of success in a business incubation project. *Journal of Small Business and Enterprise Development*, 2006, no. 13 (3), pp. 454–468. DOI: 10.1108/14626000610680307
42. Социальное предпринимательство и инвестирование: от теории к практике: колл. монография / под ред. О.И. Бородкиной, А.В. Старшиновой. СПб.: Скифия-принт, 2020. 350 с.
43. Messeghem K., Bakkali C., Sammut S., Swalhi A. Measuring nonprofit incubator performance: Toward an adapted balanced scorecard approach. *Journal of Small Business and Enterprise Development*, 2018, no. 56, pp. 658–680. DOI: 10.1111/jsbm.12317

Сведения об авторах

Алевтина Викторовна Старшинова – доктор социологических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620000, Российская Федерация, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51; e-mail: a.v.starshinova@urfu.ru)

Евгения Викторовна Чикова – старший преподаватель, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620000, Российская Федерация, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51; e-mail: putilova.evgenia@urfu.ru)

Starshinova A.V., Chikova E.V.

Acceleration Programs in the Ecosystem of Social Entrepreneurship Support

Abstract. The development of social entrepreneurship in Russia belongs to the topical areas of state policy and is aimed at creating conditions for the formation of the social services market, the participants of which, along with government agencies and non-profit organizations, become social enterprises. Social accelerators are a new tool for their development that requires systemic understanding. The article reveals the role of acceleration programs in the emerging ecosystem of social entrepreneurship support institutions initiated by the state, shows their common and specific features. The empirical basis of the study was formed by the data posted on the websites of Russian foundations supporting social entrepreneurship. We consider the general scheme of acceleration programs of the Social Projects Support Fund, Social Investment Fund, The Foundation of regional social programs “Our Future” and RAISE University Accelerator (RANEPА), including an analysis of the basic events organized for the participants of accelerators.

This article presents systematized data on such interrelated elements of social acceleration as training, mentoring, partner and client networking, local community of social entrepreneurs, direct and indirect funding, and information support. The programs we analyzed followed the same pattern. They include a set of segments, each with a specific function for the development of promising social enterprises. We have identified the problems of exaggerated selection criteria for the acceleration cycle, the lack of direct financing as an element of Russian acceleration programs, which reduces the potential for participation of interested target groups, and weak information support for existing programs. Thus, the results of this study contribute to the study of the strategic advantages and limitations of social acceleration.

Key words: social entrepreneurship, social accelerators, social incubators, mentoring, Social Projects Support Fund, Social Investment Fund, The Foundation of regional social programs “Our Future”.

Information about the Authors

Alevtina V. Starshinova – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (51, Lenin Street, Yekaterinburg, 620000, Russian Federation; e-mail: a.v.starshinova@urfu.ru)

Evgeniya V. Chikova – Senior Lecturer, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (51, Lenin Street, Yekaterinburg, 620000, Russian Federation; e-mail: a.v.starshinova@urfu.ru)

Статья поступила 01.04.2021.

МИРОВОЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.14

УДК 353.5, ББК 60.59

© Йи Вайгенг, Морев М.В., Уханова Ю.В., Косыгина К.Е.

Эффективность деятельности органов власти на локальном уровне в условиях пандемии COVID-19 (опыт России и Китая)*

ЙИ ВАЙГЕНГ

Академия общественных наук провинции Цзянси
Наньчан, Китай
e-mail: ncyt71@163.com

Михаил Владимирович МОРЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: 379post@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Юлия Викторовна УХАНОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: yuliya.uhanova@bk.ru
ORCID: 0000-0001-7307-9520; ResearcherID: Q-7225-2017

Ксения Евгеньевна КОСЫГИНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: sene4ka.87@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5875-8912; ResearcherID: K-7910-2018

* Исследование выполнено частично при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00326 «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе».

Для цитирования: Эффективность деятельности органов власти на локальном уровне в условиях пандемии COVID-19 (опыт России и Китая) / Йи Вайгенг, М.В. Морев, Ю.В. Уханова, К.Е. Косыгина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 4. С. 231–250. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.14

For citation: Yi Waigeng, Morev M.V., Ukhanova Yu.V., Kosygina K.E. The effectiveness of the authorities' activities at the local level in the COVID-19 pandemic (the experience of Russia and China). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 4, pp. 231–250. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.14

Аннотация. Вызванные пандемией COVID-19 качественные изменения на всех уровнях организации мирового сообщества (индивидуальном, групповом, национальном, глобальном) фактически сформировали новую социальную реальность. Причем этот процесс носил форс-мажорный характер; он происходил в условиях резкого роста ощущения неопределенности, изменения образа жизни практически каждого человека и каждой конкретной семьи, неготовности мировой медицины к адекватному ответу на глобальный эпидемиологический вызов, а также неизбежности масштабных проблем в экономике и политике. Сложившиеся условия стали проверкой на прочность для существующих систем государственного управления. Правительствам разных стран приходилось действовать быстро и решительно, для того чтобы, с одной стороны, держать под контролем развитие эпидемиологической ситуации, с другой стороны – не допустить резкого ухудшения социальной стабильности на фоне объективно возникших эпидемиологических, социальных и психологических вызовов. Пока мировая медицина в экстренном режиме форсировала разработку вакцины от коронавирусной инфекции, в научном и политическом сообществе развернулась дискуссия по поводу общей стратегии реализации карантинных ограничений. Однако на этом фоне фактически за кадром остался уровень местного сообщества, который, тем не менее, был и остается наиболее практичным в плане взаимодействия населения с органами власти. Именно на локальном уровне (имеется в виду региональный уровень, а также уровень местного самоуправления) органы власти более приближены к проблемам общества, имеют возможность очного взаимодействия с его представителями, а население, в свою очередь, может реально участвовать в деятельности по улучшению условий жизни (в том числе в решении проблем, вызванных пандемией). В статье приведен опыт России и Китая по организации взаимодействия и оценки населением деятельности органов власти на местах. Обе страны показали высокую эффективность выхода из возникшего в 2020–2021 гг. кризиса, поэтому их опыт представляет значительный интерес, прежде всего, в практическом плане. Авторы исследования приходят к выводу о важности общественной оценки относительно эффективности деятельности местных органов власти, а также перспектив активного привлечения граждан к решению проблем, возникающих на фоне форс-мажорных обстоятельств.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, местное сообщество, общественная оценка эффективности государственного управления, гражданская активность, противоэпидемиологические мероприятия.

Введение

Эпидемиологический кризис, с которым столкнулся мир в 2019–2020 гг., стал 18-й пандемией в истории человечества¹. Его сложность и неординарность выражались не только в лавинообразном характере распространения COVID-19, но и в специфике мер, требующихся для сдерживания вирусной инфекции. В частности, вынужденная самоизоляция, ставшая наиболее эффективным средством профилактики эпидемии, реализовывалась на фоне многолетнего тренда, заключающегося в ежегодно

увеличивающемся потоке международного туризма, который «в 2019 году наблюдался во всех регионах мира»².

Масштабные ограничения внутри- и международных перемещений, приостановка работы большинства предприятий в периоды так называемого «локдауна» не могли не отразиться на мировой экономике, поставив мир «на грань глобальной рецессии»³. Эксперты ведущих международных организаций (Всемирная торговая организация, Международный валютный

¹ Пандемии в истории человечества. Справка // Вести.ру. 2020. 12 марта. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3247270>; Случаи пандемий в мире в XX веке // РИА-новости. 2020. 12 марта. URL: <https://ria.ru/20200312/1568463184.html>

² Финмаркет со ссылкой на данные Всемирной туристской организации ООН (UNWTO). URL: <http://www.finmarket.ru/news/5153745>

³ Ивантер А., Кудияров С., Обухова Е. Кризис, к которому мы готовы // Эксперт. 2020. № 12. С. 13.

фонд, издательство Bloomberg, Мировой Банк) прогнозировали падение мирового ВВП и глобальную рецессию в ближайшие 3–4 года [1], сравнимую с временами «великой депрессии» в США 1930-х гг.

Задача преодоления комплексных (социальных, экономических, политических) последствий, вызванных пандемией COVID-19, актуализируется по мере того, как человечество проходит острую фазу распространения коронавируса. Этому способствуют накопление общественного и индивидуального опыта существования в условиях эпидемиологической угрозы, а также новейшие достижения в области медицины; прежде всего ряд противовирусных вакцин, разработка которых с самого начала носила форсированный характер.

Очевидно, что преодоление эпидемиологического кризиса является ключевым условием для возвращения любой страны мира к нормальной жизни. И в этом смысле показателен опыт России и Китая, которые демонстрируют наиболее успешные результаты в решении указанной задачи. Так, по данным на начало мая 2021 г. заболеваемость коронавирусом в России составляла 3298 случаев на 100 тыс. чел. населения, в Китае – 7,5 случая на 100 тыс. чел. населения. Для сравнения, аналогичный показатель в США составляет 9853 случая, в большинстве стран Западной Европы (включая Великобританию, Францию, Бельгию, Италию, Испанию, Швецию и др.), а также во многих странах Латинской Америки (Бразилия, Колумбия, Аргентина, Чили, Уругвай и др.), – более 6000 случаев на 100 тыс. чел. населения⁴.

В нашей статье проанализирован российско-китайский опыт взаимодействия органов власти и населения на местном уровне, что стало одним из важных условий успешной борьбы с распространением коронавирусной инфекции.

Меры профилактики и борьбы с COVID-19 составили одну из важнейших задач органов местного самоуправления. Неоценимая роль в предотвращении распространения вируса внутри страны принадлежит городским и сельским

поселениям, поскольку они являются ключевыми элементами при реализации профилактических мер и использовании всевозможных ресурсов для снижения уровня заболеваемости.

До сих пор нет возможности эффективно контролировать источники и каналы передачи заболевания, поскольку природа самого вируса недостаточно изучена; продолжаются разработка и исследование вакцин. Вследствие мутации вируса угроза роста заболеваемости остается серьезной проблемой.

Распространение COVID-19 будет продолжаться в течение длительного времени, что говорит о необходимости регулярной профилактики и эффективной деятельности органов местного самоуправления в этом направлении. В настоящее время общепринятыми практиками являются создание специальных инициативных групп по профилактике болезни и борьбе с пандемией в районах и поселениях, работа с населением, подготовка волонтеров, распределение обязанностей руководства, внедрение профилактических мер в повседневную трудовую деятельность, активная совместная работа по предотвращению распространения коронавируса по всем направлениям. С опорой на исследования сельских и городских поселений провинции Цзянси (Китай) и Вологодской области (Россия) в статье освещаются такие аспекты, как эффективность деятельности органов местного самоуправления в условиях пандемии, меры общественной профилактики и проблемы, связанные с этим, а также выдвигаются соответствующие предложения.

Проблематика эффективности деятельности органов власти в условиях пандемии COVID-19 в научном дискурсе

Теоретическое обоснование оценки эффективности государственного управления в кризисных условиях пандемии COVID-19 находится на начальном этапе. Ограниченность спектра исследований и публикаций по рассматриваемой теме обусловлена тем, что COVID-19 – новый и еще не завершившийся вызов. Научный дискурс только утверждается, идет формирование общего пула проблем в сфере оценки государственного управления в условиях распространения коронавирусной инфекции, требующих научно обоснованных решений. Вместе с тем можно фиксировать рост публикаций как российских, так и зарубежных ученых.

⁴ Актуальная эпидемиологическая информация в России и в мире на 5 мая 2021 г. // Официальный сайт Роспотребнадзора. URL: https://www.rosпотребнадзор.ru/region/korono_virus/epid.php

Следуя логике исследования, в первую очередь необходимо обратить внимание на научные публикации, в которых рассматриваются действия властей в решении задач преодоления пандемии коронавируса в Китае и России [2; 3]. Обсуждению в научном дискурсе подверглись вопросы мобильности людей и влияния мер контроля государства на эпидемию COVID-19 в Китае как образцовой стране, успешно проводившей политику в этих направлениях [4–7]. «Государство показало свою способность в наиболее короткие сроки мобилизовать трудовые, финансовые и иные ресурсы, определить план действий для преодоления сложностей и стабилизации ситуации» [8].

Влиянию новой коронавирусной инфекции на экономику и социальную сферу посвящены труды и российских ученых. Так, отечественные авторы изучают последствия пандемии для отдельных отраслей экономики [9–12]. Отдельный пласт работ касается государственных мер по предотвращению социально-экономических последствий распространения коронавирусной инфекции, а также оценки их эффективности [13–16]. Вопросы реализации эпидемиологических, ограничительных, административных мер, устанавливаемых правительством, рассмотрены в исследовании Т.В. Чубаровой, М.А. Шаровой (Институт экономики РАН). Сделаны выводы об организованном, комплексном и межведомственном характере проводимых мероприятий, даны рекомендации по совершенствованию проводимой политики [17]. Научный интерес вызывает коллективная монография сотрудников ИСПИ ФНИСЦ РАН, в которой отражены ключевые тенденции социально-политической и демографической ситуации в России в условиях пандемии COVID-19. Она направлена на получение достоверного научного знания о реакции общества на внутреннюю и внешнюю антикризисную политику российского государства [18]. Значима по содержанию работа «Российское общество в условиях пандемии», выполненная в форме информационно-аналитического доклада под руководством академика РАН М.К. Горшкова. Исследование проводилось в 22 субъектах РФ и охватило 112 поселений, в том числе два мегаполиса, 19 административных

центров субъектов РФ, 35 районных центров, 19 поселков городского типа (пгт) и 37 сел [19].

Приведем примеры исследований и дискуссий относительно вводимых государствами ограничительных мер в период пандемии. Масштабную оценку действий правительств по сдерживанию коронавирусной инфекции на основе моделирования данных из 41 страны провели ученые Оксфордского университета (Великобритания). Авторы пришли к выводу, что меры, направленные на ограничение массовых собраний, закрытие предприятий с высоким уровнем риска, школ и университетов, имели небольшой и умеренный эффект. В свою очередь приказ о полной самоизоляции обладал слабым дополнительным эффектом. Эти результаты свидетельствуют о том, что, используя эффективные меры вмешательства, некоторые страны могли бы контролировать эпидемию, избегая при этом руководства оставаться дома [20]. Аналогичное исследование выполнено российскими авторами из НИУ ВШЭ. В результате моделирования поведения индивидов в условиях возможности заражения COVID-19 они пришли к выводу, что полная изоляция всех групп населения с точки зрения общественного благосостояния оказывается нецелесообразной, тогда как планирование карантинных мер, направленных на изолированные однородные группы населения, является более предпочтительной стратегией для государства [21]. Напротив, ученые из Китая доказали, что превентивное закрытие школ помогло снизить передачу вируса, хотя само по себе не предотвратило бы вспышку COVID-19. Ограничение смешивания людей внутри домохозяйств оказалось наиболее эффективной мерой [22]. Эмпирической проверке со стороны ученых подверглось требование по соблюдению масочного режима. Исследование показало, что добровольная политика в этом отношении приведет к недостаточному соблюдению режима ношения масок, в то время как обязательная политика представляется эффективным, справедливым и социально ответственным решением для ограничения передачи вируса [23].

Анализ научных публикаций показал, что оценка эффективности мер антикризисного государственного управления в России и Китае в

период пандемии осуществляется учеными преимущественно на национальном (федеральном) уровне или касается конкретных мероприятий. Данная проблематика недостаточно изучена на субнациональном (региональном) и муниципальном уровнях с точки зрения комплексного подхода. Во-первых, необходимо понять, насколько органы региональной власти и местного самоуправления включились в работу по предотвращению распространения коронавируса. Во-вторых, рассмотреть реакцию общества на эти действия, в том числе обратить внимание на участие инициативных граждан в преодолении последствий и решении реальных социальных проблем, вызванных пандемией COVID-19.

Методика исследования и информационная база

В рамках работы использовались несколько массивов данных. Анализ опыта Китая в борьбе с пандемией основывается на исследовании, проведенном в первой половине 2020 года в провинции Цзянси на юго-востоке Китая. В ракурсе наблюдения вошли следующие административно-территориальные единицы: два района, 11 городских общин и три деревни в пяти уездах (округах), включая уезд Цзиньсянь города Наньчан, уезд Циншаньху города Наньчан, высокотехнологичную зону города Наньчан, уезд Юаньчжоу города Ичунь и уезд Поян города Шанжао. В качестве анализируемых территорий были выбраны пять территориальных единиц в соответствии со структурой городских и сельских общин, региональным распределением, численностью населения, потенциальными рисками.

Информационной базой исследования ситуации в России послужили материалы социологических измерений, осуществляемых на территории Вологодской области (субъекта Северо-Западного федерального округа РФ). Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области проводится Вологодским научным центром Российской академии наук (ВолНЦ РАН). Опрашиваются 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, а также восьми районах области. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями на-

селенных пунктов различных типов; половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса — анкетирование по месту жительства респондентов.

Вологодская область — типичный российский регион, имеющий площадь более 140 тыс. кв. км. В Северо-Западном федеральном округе она уступает по численности населения только Ленинградской области и г. Санкт-Петербургу (на конец 2019 года численность населения Вологодской области составляла 1,16 млн чел.⁵). Занимает 5 место из 10 субъектов СЗФО по размеру ВРП (в 2018 г. — 582630,4 млн руб.) и продолжительности жизни (71,82 года); 7 место — по доле городского населения (72,6%); 8 место — по среднедушевым денежным доходам населения (28334 руб. в месяц). По итогам 2020 года (данные на 31 декабря 2020 г.) Вологодская область находилась на 8 месте в СЗФО по числу заражений коронавирусом на 100 тыс. чел. населения⁶. Другими словами, в структуре субъектов Северо-Западного федерального округа Вологодская область не относится к числу явных лидеров или аутсайдеров ни по ключевым характеристикам развития, ни по состоянию эпидемиологической ситуации в связи с распространением COVID-19.

Следует отметить, что в период наиболее острой фазы «первой волны» эпидемиологического кризиса, когда в целом по стране, а также на территории Вологодской области, были введены масштабные карантинные ограничения, использовать традиционный для ВолНЦ РАН метод проведения социологических исследований оказалось невозможно в силу необходимости непосредственного контакта анкетеров с респондентами. В связи с этим в период с марта по июнь 2020 года опросы методом анкетирования не проводились, вместо них были реализованы два интернет-опроса на базе платформы GoogleForms, посвященные такому важному для России событию, как внесение поправок

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020 / Росстат. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm

⁶ Оперативные данные статистики распространения коронавируса. URL: https://datalens.yandex/7o7is1q6ikh23?tab=X1&utm_source=cbregion&state=b3cbf9f7315

в Конституцию, а также поведению людей в условиях распространения коронавируса (вопросы касались преимущественно соблюдения правил личной гигиены, отношения к деятельности работодателей в условиях пандемии COVID-19 и т. д.)⁷.

Кроме перечисленных источников информации, использовались нормативно-правовые документы, включая федеральные, региональные законы и подзаконные акты органов государственной власти и управления соответствующего уровня, материалы официальных СМИ, веб-сайтов органов власти.

Собранные данные обрабатывались и интерпретировались с помощью системного, сравнительного, статистического и социологического анализа.

Эмпирические результаты исследования

Региональные власти и органы местного самоуправления играют ведущую роль в осуществлении эффективных мер по борьбе с COVID-19. Россия и Китай не являются исключением. Меры, предпринимаемые на субнациональном уровне для предотвращения распространения COVID-19, требуют более детального рассмотрения в рамках данного исследования.

Особый интерес вызывает уровень локального сообщества. Локальное сообщество — это социально-территориальная общность в привязке к определенной территории: село, поселок, город, группа районов и городов [24]. Социально-территориальные сообщества представляют собой исторически сложившиеся и непрерывно возобновляющиеся общности людей, совместно осваивающих и использующих в хозяйственном, социально-бытовом и социокультурном отношении определенную территорию [25]. В зарубежной литературе под сообществом (*local community*) обычно понимается как местность, так и реальные социальные группы с особым качеством взаимоотношений [26].

Меры профилактики и борьбы с COVID-19 стали одной из важнейших задач именно на уровне локального сообщества. Неоценимая

роль в предотвращении распространения вируса внутри стран принадлежит городским и сельским сообществам, поскольку они являются ключевыми элементами при реализации профилактических мер и использовании всевозможных ресурсов для снижения уровня заболеваемости. Локальное сообщество выступает своего рода «полем битвы» для проведения совместных профилактических мер, укрепления общесоциальных усилий по сдерживанию распространения вируса.

Исследование показало, что региональные органы и органы местного самоуправления в Китае реализуют полноценное сотрудничество в борьбе с коронавирусом на всех уровнях, во многом благодаря эффективной работе Партийного комитета и правительства провинции в сфере управления кадрами, а также успешной практики формирования «Правительства пяти направлений»⁸. В частности выявлено, что после того как в деревне М уезда Поян города Шанжао был обнаружен подтвержденный случай COVID-19, сельские органы самоуправления практически распались, и только после решительного вмешательства городского правления порядок жизни был восстановлен, после чего меры профилактики по распространению коронавируса принесли результаты.

В борьбе с коронавирусом основная функция местных органов власти Китая заключается в эффективном управлении и контроле таких аспектов, как публичность (огласка и руководство к действию, популяризация знаний, связанных с контролем заболеваемости), информационность (скрининг COVID-19, ведение статистики в режиме «от двери к двери»), безопасность (дезинфекция общественных зон, измерение температуры, работа контрольно-пропускных пунктов с камерами высокой четкости, самоизоляция) и мониторинг (регистрация новых случаев заболевания и распределение материалов; *рис. 1*). Все вышеупомянутые аспекты делают микроуправление и микрослужбы в деятельности органов местного самоуправления особенно важными.

⁷ В статье результаты интернет-опросов не учитывались в связи с их косвенной значимостью для заявленной цели исследования, поэтому в таблицах и графиках (а также в анализе) представлены данные опросов, проведенных после возобновления мониторинга (с августа 2020 г.).

⁸ Правительство пяти направлений — правительственный режим, предложенный провинцией Цзянси, суть которого заключается в том, что правительство должно быть ориентированно на лояльность, инновации, ответственность, выполнение своих обязанностей и стойкость.

Рис. 1. Основные аспекты деятельности муниципальных органов власти Китая в рамках профилактики коронавирусной инфекции

Источник: составлено авторами.

Важнейшим направлением в преодолении эпидемиологического кризиса выступает внедрение информационных методов мониторинга. В частности, в ходе анализа данных выяснилось, что все контрольно-пропускные пункты в поселениях района N города Наньчан оснащены камерами высокой четкости, с помощью которых дежурные осуществляют наблюдение через систему мониторинга. При помощи камер обнаруживают скопления людей, что уменьшает нагрузку работников, а также снижается риск их заражения. Таким образом, обеспечивается техническая гарантия эффективного управления во время пандемии. Населению Z города Наньчан больше не требуется регистрироваться с помощью ручки и бумаги, для входа в зону High-tech им достаточно в режиме реального времени просканировать QR-код, использовать мини-программу WeChat и т. д., что позволяет свести возможные риски к минимуму.

В условиях распространения COVID-19 правительства всех уровней в провинции Цзянси с целью повышения эффективности своей деятельности должны соблюдать полномочия при решении конкретных задач и согласованно решать важнейшие вопросы, касающиеся национальной экономики и жизнеобеспечения народа. Особая роль на местах в решении обозначенных вопросов в Китае принадлежит партии. Во время пандемии партийные организации первичного уровня должны исполнять

приказы вышестоящих ведомств, выполнять свои обязанности, укреплять передовое управление путем обеспечения ведущей роли членов партии, содействовать мобилизации ответственности путем проведения своевременной и широкой пропаганды и систематически совершенствовать меры по предотвращению распространения COVID-19 в ходе укрепления организационного потенциала.

Исследование показало, что партийные отделения и члены партии сельских и городских поселений образцово выполняли свои первоочередные обязанности. В реализации ряда противоэпидемических мер, таких как скрининг, измерение температуры, управление процессами, а также дежурство на контрольно-пропускных пунктах, принимали активное участие двадцать шесть членов партии из деревни N уезда Цзиньсянь города Наньчан, 18 членов партии из деревни L уезда Юаньчжоу города Ичунь и 15 – из деревни M уезда Поян города Шанжао. Оставаясь на передовой линии борьбы с COVID-19, они продемонстрировали ведущую роль партии и привлекли больше людей к участию в процессе деятельности органов власти, тем самым расширив участие субъектов.

Важным административным звеном в управлении, особенно в кризисный период, на муниципальном уровне в провинции выступают сетевые менеджеры. Как метод государственного управления, сетевое управление

реализует взаимосвязь и взаимодействие между субъектами, направляет ресурсы и кадры для управления вплоть до первичного уровня, позволяет усовершенствовать руководство для каждой конкретной должности и базовой сети и построить сетевую схему руководства с людьми, работающими в сетевом управлении. Установлено, что в районе N города Наньчан насчитывается 54 сетевых менеджера, 6 сетевых менеджеров в двух сообществах в районе S города Наньчан, 6 – в деревне N города Наньчан, 8 – в деревне L города Ичунь, 4 сетевых менеджера в деревне M города Шанжао. Связующую роль в достижении хороших результатов при реализации профилактических мер сыграл тот факт, что руководители сетей в наибольшей степени поддерживают контакт с жителями и обеспечивают своевременную обратную связь относительно состояния их здоровья.

Кроме того, как в городских, так и в сельских сообществах благодаря совместным действиям органов власти первичного уровня (к примеру, в деревне L в районе Юаньчжоу города Ичунь, деревне N в округе Цзиньсянь города Наньчан, общине N и общине W в районе Циншаньху города Наньчан) были созданы группы контроля заболеваемости, осуществлявшие тщательное обследование населения. Выявлено, что в других населенных пунктах (районе N города Наньчан, районе S города Наньчан, деревне N округа Цзиньсянь, городе Наньчан, селе N в районе Циншаньху, городе Наньчан, селе L города Ичунь и селе M в городе Шанжао) в разгар пандемии также были незамедлительно созданы группы по профилактике и контролю заболеваемости, которые, в том числе активно мотивировали жителей к совместным усилиям по борьбе с пандемией и выполнению указаний Центрального комитета партии. В результате всех этих мероприятий число инфицированных удалось значительно снизить.

В России на региональном и муниципальном уровнях также был разработан и реализован комплекс мер, направленных на борьбу с коронавирусной инфекцией и профилактику. Согласно мониторингу «Регионы, муниципалитеты и местные сообщества против COVID-19» профилактические мероприятия проводились во всех субъектах РФ, что можно фиксировать на примере Северо-Западного федерального округа. Анализ опыта действий

региональных властей и местного самоуправления позволил обобщить основные профилактические меры, предпринимаемые на местах. В их число вошли:

- информирование граждан и организаций о мерах профилактики COVID-19;
- дезинфекция общественных пространств;
- выявление лиц с подозрением на коронавирусную инфекцию (тестирование);
- нанесение разметки для социального дистанцирования;
- ограничение доступа в места общего пользования,
- на территорию муниципалитета;
- контроль / надзор за соблюдением мер гражданами и организациями.

Данные по регионам СЗФО свидетельствуют, что в Архангельской, Калининградской, Ленинградской, Псковской областях ограничения на передвижения между муниципалитетами не вводились, по крайней мере, информации о них в открытых источниках не обнаружено. Вологодская область ввела все вышеперечисленные эпидемиологические меры (табл. 1), в том числе были организованы контрольно-пропускные пункты на въезде и выезде из региона, а также на границах некоторых муниципальных районов⁹.

В области, как и в целом по России, в период коронакризиса активно внедрялись цифровые технологии, однако на локальном уровне в большей степени не для мониторинга эпидемиологической ситуации, а для эффективного и безопасного взаимодействия местных органов власти и населения. Местным самоуправлением выработаны различные формы коммуникаций с населением: мобильные приемные, единые справочно-информационные службы, личные встречи руководителей с гражданами, информационные стенды, «горячие линии», публичные онлайн-отчеты, сервисы «электронных» администраций и др. [27]. Особую востребованность перечисленные онлайн-сервисы и платформы приобрели во время разгара коронавирусной инфекции и введения режима самоизоляции с целью развития дистанционного формата взаимодействия местной власти и общественности.

⁹ Контрольно-пропускные пункты начнут работать на въезде и выезде из Вологды // Официальный сайт Администрации г. Вологды. URL: http://vologda-portal.ru/novosti/index.php?ID=425633&SECTION_ID=151

Таблица 1. Профилактические меры региональных властей и органов местного самоуправления по противодействию распространению коронавирусной инфекции в России

Субъект РФ	Информирование граждан и организаций о мерах	Дезинфекция мест общего пользования, улиц, общественного транспорта, подъездов МКД	Выявление		Нанесение разметки для социального дистанцирования	Ограничение доступа		Контроль / надзор за соблюдением мер	
			прибывших	симптомов у работников и прибывших		в места общего пользования	на территорию муниципалитета	гражданами	организациями
Архангельская обл.	+	+	+	+	+	+	-	+	+
Вологодская обл.	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Калининградская обл.	+	+	+	+	+	+	-	+	+
Республика Карелия	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Республика Коми	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Ленинградская обл.	+	+	+	+	+	+	-	+	+
Мурманская обл.	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Ненецкий автономный округ	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Новгородская обл.	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Псковская обл.	+	+	+	+	+	+	-	+	+

«+» – информация о мерах присутствует в открытых источниках.
«-» – информация о мерах не обнаружена в открытых источниках.
Источник: Регионы, муниципалитеты и местные сообщества против COVID-19. Мониторинг Общероссийского конгресса муниципальных образований. 2020 г.

Как видим, органами местной власти в России и Китае был принят широкий комплекс мер, направленных не столько на профилактику распространения коронавирусной инфекции, сколько на поддержание уровня и качества жизни широких слоев населения. В то же время следует остановиться на некоторых трудностях и проблемах местных органов власти на пути реализации политики в коронакризисный период.

Во-первых, выявилась нехватка четких и оперативных руководств и правил по профилактике вируса и борьбе с ним. Отсутствие единого руководства, стандартов профилактики и контроля заболеваемости, методов пропаганды привело к нескоординированности действий органов власти на разных уровнях. К примеру, в китайской провинции органы власти, столкнувшись с пандемией коронавируса, порой демонстрировали несогласованное сетевое управление, осуществляемое совместно департаментами здравоохранения, общественной безопасности, транспорта, связи, управления медицинскими материалами. Также наблюдалась недостаточная осведомленность о заблаговременной профилактике и контроле.

Во-вторых, прослеживается проблема формирования и распространения массива данных, содержащих базовую информацию о сообществе в период COVID-19. Распространение коронавируса тесно связано с перемещением населения. Несмотря на то, что в стране еще наблюдаются отдельные случаи заражения, в период регулярной профилактики и борьбы с пандемией мобильность жителей Китая резко возросла по сравнению с первой волной COVID-19. Изначально технология обработки больших данных применялась для профилактических мер, чтобы обеспечить каждому региону необходимую научную поддержку для прогнозирования риска заражения и профилактики заболеваний путем отслеживания числа пациентов с COVID-19 и скрининга распространения коронавируса. Однако исследование выявило, что создание баз данных в разных населенных пунктах происходит неравномерно, в сельских районах представляется особенно трудной задачей из-за высокой частоты и неопределенности мобильности населения. Кроме того, получен вывод о том, что городские и сельские сообщества Китая по-прежнему не

Таблица 2. Оценка деятельности СМИ по освещению ситуации с коронавирусом, % от числа опрошенных

Вариант ответа	В мире	В стране	В области
Достаточно или недостаточно лично вам сегодня информации в СМИ о ситуации с распространением коронавируса, путях передачи вируса, методах профилактики?			
Скорее достаточно	77,8	73,5	67,5
Скорее недостаточно	16,4	21,7	27,9
Затрудняюсь ответить	5,8	4,7	4,6
Доверяете ли вы официальной информации о ситуации с коронавирусом, которая распространяется в СМИ?			
В полной и значительной мере доверяю	44,4	35,0	38,9
Доверяю лишь отчасти	37,0	41,2	38,9
Совершенно не доверяю	14,5	20,1	19,1
Затрудняюсь ответить	4,1	3,6	3,3
Источник: Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН (октябрь – ноябрь 2020 г.; N = 1500).			

имеют стандартизированных процессов обмена данными, существует необходимость увеличить эффективность совместного реагирования на чрезвычайные ситуации. Обмен данными еще не сформирован между департаментами и социально-экономическими субъектами; данные из департаментов транспорта, здравоохранения, связи и общественной безопасности не могут быть собраны вместе и использованы в полной мере; государственная информация фрагментирована, степень обмена ресурсами низкая.

В Вологодской области, как и в других российских регионах, оперативно собираются и публикуются в официальных источниках данные о случаях заражений коронавирусной инфекцией за сутки, количестве выздоровевших, летальных исходах, а также загруженности многопрофильных в каждом муниципальном районе. Вместе с тем сегодня, в период резкого нарастания роли информационных технологий (в том числе по причине виртуализации образа жизни на фоне карантинных мероприятий), распространение так называемых «фейковых» новостей представляет собой серьезную проблему для психологического фона в обществе и сохранения социальной стабильности в стране. В связи с этим показательно, насколько население удовлетворено / не удовлетворено тем, как ситуацию с коронавирусом освещают средства массовой информации. По данным опросов ВолНЦ РАН в Вологодской области более 67% людей удовлетворены объемом информации в СМИ о ситуации с коронавирусом в мире, стране и регионе (противоположного мнения придерживаются от 16 до 28%

респондентов¹⁰). В то же время тревожным моментом выступает тот факт, что только 35–39% населения области в полной и значительной мере доверяют официальной информации о ситуации с коронавирусом, которая распространяется в СМИ (табл. 2).

В-третьих, и в Китае, и в России на локальном уровне новые технологии применяются недостаточно. В городах и, особенно, в сельских поселениях по-прежнему используются традиционные методы управления. Исследование выявило, что в провинции Цзянси, несмотря на необходимость соблюдения мер профилактики в период пандемии, запись информации вручную все еще остается распространенным явлением, а применение новых технологий, таких как интеллектуальные технологии и цифровизация, еще не получило широкого распространения на муниципальном уровне. Нынешняя реализация таких мер, как сканирование QR-кода при регистрации, позволяет оперативно отслеживать местонахождение людей и избегать перекрестного заражения. Однако большинство пожилых людей в сельских районах и старых общинах не знают, как пользоваться

¹⁰ Для сравнения: по данным ВЦИОМ, 88% россиян в начале апреля 2020 г. говорили о том, что им «достаточно информации о ситуации с распространением коронавируса в мире, путях передачи вируса, методах профилактики». Противоположного мнения придерживались лишь 10% опрошенных (источник: Россия в пандемии: оценка эффективности противоэпидемических мер: аналитический обзор ВЦИОМ. 08.04.2020 // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiya-v-pandemii-ocenka-effektivnosti-protivoepidemicheskikh-mer>).

смартфоном, а нестабильность сигнала в некоторых сельских поселениях ограничивает применение новых технологий.

В российском обществе также существует проблема цифрового неравенства, причинами которого становятся недостаточная развитость инфраструктуры на локальном уровне, социально-культурные особенности регионов, различия в уровне жизни и наличии цифровых компетенций у местного населения [28]. Безусловно, обозначенные проблемы затрудняют внедрение цифровых технологий со стороны муниципальных органов власти, в том числе в условиях эпидемиологического вызова.

Следует констатировать, что общественная оценка эффективности и ограничений мер является важным условием для сохранения социальной стабильности на локальном уровне, консолидации общества и местных органов власти при реализации противоэпидемиологи-

ческих мероприятий. С этой целью на местах регулярно проводятся массовые опросы общественного мнения, которые демонстрируют, в том числе, степень поддержки населением деятельности органов управления в период пандемии. Результаты опросов, проведенных в ряде муниципальных образований КНР, свидетельствуют, что при высокой оценке эффективности реализуемых органами власти мер оценка удовлетворенности жителей также была высокой (от 79 до 92 баллов по 100-балльной шкале; табл. 3).

По данным мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН, за период с августа 2020 по февраль 2021 года доля жителей Вологодской области, отмечающих, что в условиях пандемии региональными органами власти «делается всё возможное и всё необходимое», увеличилась с 32 до 34% (табл. 4). Для сравнения, удельный вес тех, кто считает пред-

Таблица 3. Оценка эффективности мер, реализуемых органами власти на местном уровне

Территория наблюдения	Общие условия	Степень риска	Число сетевых менеджеров	Волонтерская служба	Степень достижения цели	Степень удовлетворенности жителей, баллы	Оценка эффективности
Район N, город Няньчан	9 общины, 9049 домохозяйств, 21610 жителей	Средняя	54	136 зарегистрированных человек, 50 человек занятых в профилактике COVID-19, большинство из них – пожилые люди	Высокая	92	Отлично
Район S, город Няньчан	2 общины, 1420 домохозяйств, около 4500 жителей	Средняя	6	10 сотрудников Управления социального обеспечения в Южане	Средне-высокая	85	Хорошо
Деревня N, Цзиньсянь	3 села, около 290 домохозяйств, 33 члена партии	Низкая	6	41 волонтер (26 членов партии, 9 отставных солдат и 6 добровольцев)	Средне-высокая	83	Хорошо
Деревня L, район Юаньчжоу	8 сёл, 278 домохозяйств, 1488 деревень, 39 членов партии	Низкая	8	Более 60 волонтеров (18 членов партии и сельские жители)	Средняя	79	Удовлетворительно
Деревня M, уезд Поян	5 сёл, 1075 домохозяйств, 3468 деревень, 36 членов партии	Высокая	4	Более 30 волонтеров (сельские жители – работающие мигранты)	Средне-высокая	86	Хорошо

Примечание: Степень удовлетворенности жителей оценивается по столбальной шкале.

Источник: результаты проведенного в первой половине 2020 г. в КНР исследования двух районов, 11 городских общин и трех административных деревень в 5 уездах (округах), включая уезд Цзиньсянь города Няньчан, уезд Циншаньху города Няньчан, высокотехнологическую зону города Няньчан, уезд Юаньчжоу города Ичунь и уезд Поян города Шаньжао. В качестве анализируемых территорий были выбраны пять территориальных единиц в соответствии со структурой городских и сельских общин, региональным распределением, численностью населения, потенциальными рисками и т. д.

Таблица 4. Оценка населением Вологодской области мер, принятых региональными властями, по борьбе с пандемией коронавируса, % от числа опрошенных

Категория населения	Делается всё возможное, всё необходимое		Чрезмерные, избыточные меры		Недостаточные меры		Ничего не знаю о предпринятых мерах		Затрудняюсь ответить	
	авг. 20	фев. 21	авг. 20	фев. 21	авг. 20	фев. 21	авг. 20	фев. 21	авг. 20	фев. 21
<i>Пол</i>										
Мужской	29,1	31,6	29,7	28,2	17,9	14,6	7,2	3,9	16,0	21,8
Женский	34,4	36,6	27,7	26,8	17,2	14,7	5,2	3,9	15,5	18,1
<i>Возраст</i>										
до 30 лет	34,1	24,5	23,7	30,0	16,8	12,7	9,5	5,9	15,9	26,8
30–55 лет	27,0	31,5	33,4	29,4	17,4	16,0	5,3	3,8	17,0	19,2
старше 55 лет	37,6	41,5	24,7	23,9	18,0	13,8	5,6	3,1	14,1	17,6
<i>Уровень образования</i>										
Среднее и н/среднее	28,4	30,8	29,0	27,9	15,1	13,4	5,1	3,5	22,3	24,4
Среднее специальное	35,2	37,8	28,1	28,6	17,6	12,3	6,9	3,0	12,2	18,2
Высшее и н/высшее	32,4	33,6	28,8	25,2	20,0	19,1	6,0	5,5	12,8	16,6
<i>Доходные группы</i>										
20% наименее обеспеченных	29,1	26,3	32,0	24,8	13,8	10,3	8,4	5,0	16,7	33,6
60% среднеобеспеченных	32,3	35,7	26,1	26,8	20,8	15,8	6,3	3,9	14,6	17,8
20% наиболее обеспеченных	42,9	37,4	27,3	29,0	14,9	15,3	2,2	5,0	12,7	13,4
<i>Территории</i>										
Вологда	26,3	27,3	41,3	37,9	14,0	15,2	2,3	4,8	16,3	14,9
Череповец	37,2	37,6	22,9	24,0	25,4	19,8	6,7	1,2	7,7	17,3
Районы	32,5	36,4	24,6	23,4	15,0	11,4	7,9	4,9	20,0	23,9
Область	32,1	34,3	28,6	27,4	17,5	14,7	6,1	3,9	15,7	19,7
Опросы проводились в августе 2020 г., октябре 2020 г. и феврале 2021 г. Источник: Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН (N = 1500).										

принимаемые органами местной власти меры «недостаточными», почти в два раза ниже, за указанный период он сократился с 18 до 15%. При этом лишь 4–6% населения говорят, что «ничего не знают» о мерах, предпринимаемых региональными органами власти.

Примечательно, что значительный перевес доли положительных оценок над удельным весом отрицательных характеристик наблюдается во всех основных социально-демографических категориях населения (в том числе среди людей, по самооценке доходов относящихся к 20% наименее обеспеченных жителей Вологодской области), на городских и сельских территориях.

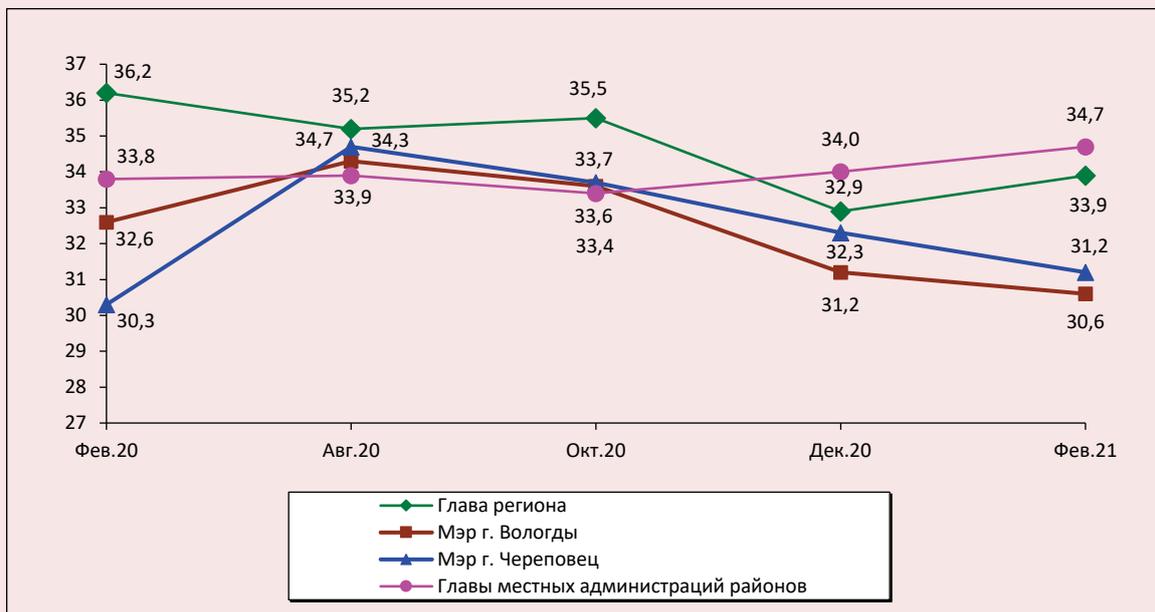
Следует также отметить, что преимущественно позитивное отношение населения к деятельности органов власти по борьбе с пандемией — явление не уникальное для Вологодской области. Так, например, по данным

ВЦИОМ¹¹, в конце марта — начале апреля 2020 г. 59% россиян считали «достаточными» меры, реализуемые властью для предотвращения распространения коронавируса (для сравнения, противоположного мнения придерживались лишь 32% россиян)¹².

¹¹ Россия в пандемии: оценка эффективности противозидемических мер: аналитический обзор ВЦИОМ. 08.04.2020 // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiya-v-pandemii-ocenka-effektivnosti-protivoepidemicheskikh-mer>

¹² В связи с различиями в методике проведения опросов сопоставлять конкретные данные исследований ВЦИОМ и ВолНЦ РАН не вполне корректно. Однако в данном случае важна характеристика общей ситуации, о которой свидетельствуют результаты обоих исследований — преимущественно положительная оценка населением деятельности органов власти в период пандемии как в Вологодской области, так и в целом по стране.

Рис. 2. Оценка деятельности региональных и муниципальных органов власти (Вологодская область), % от числа опрошенных

Опросы проводились в августе 2020 г., октябре 2020 г. и феврале 2021 г.

Источник: Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН (N = 1500).

В целом уровень одобрения деятельности региональных и муниципальных органов власти на протяжении всего 2020 года оставался стабильным (30–35%; рис. 2), несмотря на то, что в этот период людям пришлось столкнуться с огромным количеством не только эпидемиологических, но и психологических, а также социально-экономических угроз, так или иначе отразившихся на привычном образе жизни каждого человека¹³.

Таким образом, важным фактором, способствующим относительно благополучному прохождению периода острой фазы распространения коронавирусной инфекции, стала высокая

поддержка населением мер, предпринимаемых органами власти на местном уровне. Это не только позволило сохранить стабильность социально-политической ситуации на региональном и федеральном уровнях, но и создать конструктивные условия для широкого включения представителей самого общества в реализацию мероприятий, направленных на поддержание условий жизни наиболее уязвимых категорий населения.

Следует подчеркнуть, что в общественном дискурсе при рассмотрении кризисной ситуации, связанной с распространением коронавируса, основной акцент сосредоточен на вари-

¹³ Казалось бы незначительный уровень поддержки деятельности региональных и муниципальных органов власти (30–35%), во многом объясняется методической особенностью проведения опросов ВолНЦ РАН. Применяемый метод анкетирования, в отличие от интервью, предполагает значительную долю респондентов, затрудняющихся ответить на поставленный вопрос или не определившихся в своем мнении. Так, например, в среднем за 2020 год доля подобных ответов в отношении деятельности региональных и муниципальных органов власти составляла от 20 до 36%. Тем не менее, нельзя не отметить и тот факт, что в настоящее время отношение населения к деятельности органов власти на региональном и муниципальном уровнях действительно является более скептическим по сравнению с федеральным уровнем. Это общероссийская, не уникальная для Вологодской области проблема, обусловленная широким комплексом факторов (политических, психологических, социокультурных), на что указывают, в частности, и российские социологи (см., например: Российская повседневность в условиях кризиса: как живем и что чувствуем?: информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования / ИС РАН. 2015. 22 с.).

антах ее регулирования и оценках перспектив преодоления возникшей угрозы. В центре внимания практиков и теоретиков преимущественно находятся проблемы, касающиеся роли органов власти всех уровней и эффективности инструментов государственной политики по преодолению последствий эпидемиологического кризиса.

В то же время у сегодняшнего кризиса есть и другое ключевое измерение, которое будет иметь долговременные последствия как для государства и общества, так и для каждого гражданина. Речь идет о гражданской самоорганизации перед лицом непредвиденной угрозы не только жизни, здоровью, уровню жизни, но и личной свободе человека. Это принципиально важный вопрос, в том числе для обеспечения социальной безопасности в обществе. Борьба с пандемией требует привлечения как материальных, так и человеческих ресурсов, совместных усилий общества, стимулирования его жизненных сил, а также осознания того, что активное участие во всех необходимых мероприятиях станет гарантом защиты. Именно от участия граждан в решении социальных проблем, сплоченности общества во многом будет зависеть, насколько успешно правительства стран справятся с пандемией COVID-19 и ее последствиями¹⁴.

В ходе проведенного исследования выявлено, что и в китайском, и в российском обществе эпидемиологический вызов спровоцировал всплеск волонтерской активности на локальном уровне. Следует отдельно выделить важность роли волонтеров в городских сообществах китайской провинции. К примеру, в районе N города Наньчан насчитывается 50 волонтеров, большинство из них – пожилые люди, причем самому старшему 70 лет; сотрудники двух общин района S города Наньчан (10 чел.) полноценно подключились к социальной работе по противодействию вирусу. Девять отставных солдат в деревне N уезда Цзиньсянь города Наньчан вступили в число волонтеров по собственной инициативе.

¹⁴ A COVID-19 Philanthropy Stimulus Package: Unlocking further giving in the UK to support civil society at a time of crisis. CAF, 2020. URL: <https://www.cafonline.org/about-us/caf-campaigns/a-champion-for-charities/policy-briefings-andconsultations-library/covid-19-philanthropy-stimulus-package> (дата обращения 11.05. 2021).

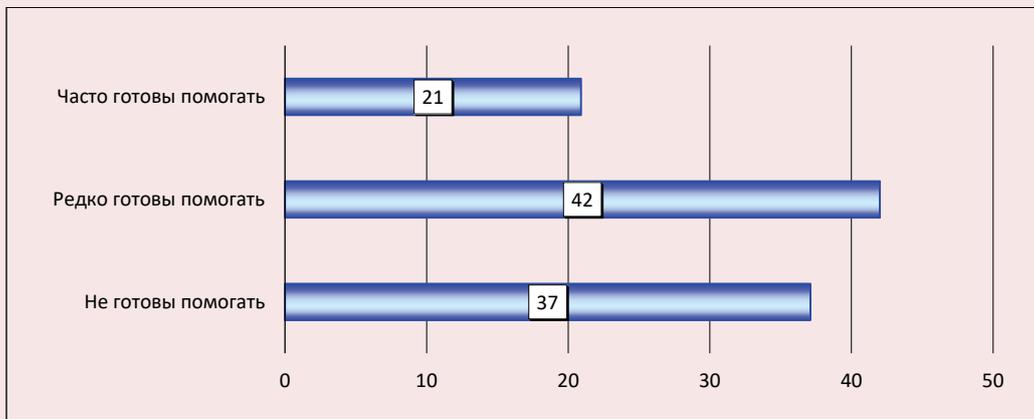
Высокая личная инициативность местных жителей в обеспечении безопасной жизнедеятельности находит отражение и в сельских сообществах Китая. В деревне L в округе Юаньчжоу города Ичунь 32 жителя взяли на себя инициативу участвовать в борьбе с пандемией, более 30 жителей деревни M в округе Поян города Шанжао стали добровольцами. Таким образом, можно видеть, что упомянутые выше локальные сообщества сыграли важную роль в реализации профилактических мер. В то же время анализ полученных данных свидетельствует, что волонтеры в деревнях – это в основном члены партии и небольшое число молодых людей, которые являются работающими мигрантами. Основная ответственность лежит на руководителях сельских поселений и представителях органов власти, в то время как осведомленность жителей о самоуправлении и добровольчестве недостаточна. Таким образом, есть основания говорить о проблеме недостаточности активного участия локального сообщества Китая в решении общественно значимых проблем в условиях пандемии.

Как показывают социологические исследования ВолНЦ РАН, проведенные на территории Вологодской области в октябре – ноябре 2020 г., подавляющая часть регионального сообщества (63%) придерживается мнения о готовности окружающих людей помогать друг другу в условиях распространения коронавирусной инфекции в России (рис. 3).

Однако уровень реального участия в различных практиках самоорганизации, направленных на помощь людям, оказавшимся в тяжелой ситуации в связи с коронакризисом, почти в два раза ниже, чем готовность к подобному участию (22% респондентов отметили, что уже участвуют, 40% – декларируют готовность оказывать такую помощь в будущем; табл. 5). В то же время есть основания говорить, что в российском обществе на местах имеется значительный потенциал для солидаризации, конструктивного объединения жителей в кризисных условиях.

Региональные социологические данные свидетельствуют, что помощь людям, оказавшимся в тяжелой ситуации в связи с распространением коронавирусной инфекции, чаще оказывают женщины, чем мужчины. Люди 30–55 лет, с высшим образованием непосред-

Рис. 3. Оценки населения Вологодской области готовности / неготовности окружающих к помогающему поведению в условиях распространения коронавирусной инфекции в России*, % от числа опрошенных

* Ответ на вопрос «Как Вы считаете, окружающие Вас люди готовы или не готовы помогать друг другу в условиях распространения коронавирусной инфекции в России? И если готовы, то часто или редко?»

Источник: Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН (октябрь – ноябрь 2020 г.; N = 1500).

Таблица 5. Участие и готовность местного сообщества в помогающих практиках в условиях распространения коронавирусной инфекции в России*, % от числа опрошенных

Вариант ответа	Да	Нет
Оказываю помощь	22,3	77,7
Готов(а) оказывать помощь в будущем	40,0	60,0

* Ответ на вопрос «Скажите, пожалуйста, Вы лично оказываете помощь людям, оказавшимся в тяжелой ситуации в связи с распространением коронавирусной инфекции, или готовы оказывать такую помощь в будущем?».

Источник: Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН (октябрь – ноябрь 2020 г.; N = 1500).

ственно участвуют в преодолении последствий COVID-19 чаще, чем остальные группы населения области. Относительно доходов наиболее активны две противоположные группы: 20% наименее обеспеченных и 20% наиболее обеспеченных (табл. 6).

В целом, как показывают социологические исследования, перспективным субъектом гражданской самоорганизации, направленной на борьбу с новыми вызовами и рисками, выступает молодежь. Молодое поколение – та социальная группа населения, которая постоянно открыта всему новому, легко адаптируется к возникающим изменениям и нацелена на социальные преобразования [29]. В частности, социально-демографический портрет волонтера города Вологды выглядит следующим образом: в первую очередь это молодой человек до 30 лет с высшим образованием или студент вуза, проживающий в областном центре [30].

Как демонстрируют полученные данные, местное сообщество в период коронавирусной инфекции нацелено на вовлечение в практики, в первую очередь направленные на бытовую помощь людям, находящимся на самоизоляции или карантине. Более 40% респондентов готовы приносить продукты, лекарства, выгуливать животных и т. п. (рис. 4). Более четверти населения проявляют готовность к вовлечению в такие социальные активности, как работа на горячей линии (27%), помощь в медицинских учреждениях (26%) и транспортное волонтерство (24%). Обращает на себя внимание тот факт, что население региона в основном декларирует готовность к неформальному участию (зачастую ситуативному, без членства в конкретной общественной организации), в так называемых практиках малых дел, что характерно в целом для российского общества в современный период [31].

Таблица 6. Социально-демографические характеристики населения в разрезе помогающего поведения в период распространения коронавирусной инфекции (реальное и потенциальное участие), % от числа опрошенных

Категория населения	Оказываю помощь		Готов(а) оказывать помощь в будущем	
	Да	Нет	Да	Нет
Пол				
Мужской	18,1	81,9	34,0	66,0
Женский	25,7	74,3	44,7	55,3
Возраст				
до 30 лет	22,1	77,9	45,5	54,5
30–55 лет	25,8	74,2	42,1	57,9
старше 55 лет	18,1	81,9	35,0	65,0
Образование				
Среднее и н/среднее	14,1	85,9	30,6	69,4
Среднее специальное	21,8	78,2	37,6	62,4
Высшее и н/высшее	32,3	67,7	53,8	46,2
Доходные группы				
20% наименее обеспеченных	26,1	73,9	36,9	63,1
60% среднеобеспеченных	19,1	80,9	39,2	60,8
20% наиболее обеспеченных	27,9	72,1	46,5	53,5
Территории				
Вологда	27,0	73,0	51,8	48,2
Череповец	16,3	83,7	28,3	71,7
Районы	23,3	76,7	40,1	59,9
Область	22,3	77,7	40,0	60,0

Источник: Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН (октябрь – ноябрь 2020 г.; N = 1500).

Рис. 4. Готовность населения Вологодской области к участию в практиках помощи людям, находящимся на самоизоляции или карантине в связи с распространением коронавируса, % от числа ответивших по каждому суждению

Источник: Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН (октябрь – ноябрь 2020 г.; N = 1500).

Таким образом, дестабилизирующая ситуация пандемии особенно отчетливо проявила значимость гражданской самоорганизации для социальной стабильности на локальном уровне и в китайском, и в российском обществе. Совместными усилиями возможно мобилизовать массы в критический период. Только мотивируя жителей к участию, можно, в конечном счете, улучшить динамику и характер управления сообществами.

Заключение

Резюмируя, хотим подчеркнуть, что ключ к предотвращению распространения вируса заключается не в том, чтобы полагаться только на госслужащих начального уровня, а в том, чтобы эффективно организовать жизнедеятельность населения. Для активизации регионального управления и местного самоуправления следует изменить направления и идеи профилактики пандемии и борьбы с ней. В частности, необходимо начать с тривиальных вопросов и деталей в повседневной жизни людей и найти способы эффективной организации деятельности локального сообщества. Представляется актуальным обратить внимание именно на первичный уровень и непосредственно расширить возможности сообществ и жителей. Важно сосредоточиться на мобилизации энтузиазма гражданских активистов (лидеров различных инициативных групп). По мере того как ведется борьба с распространением коронавируса, необходимо повышать организационный потенциал общественных деятелей, укреплять их лидерский потенциал с целью дальнейшего развития самоорганизации жителей.

Кроме того, представляется важным совершенствовать современные цифровые технологии в период борьбы с пандемией в организации взаимодействия общества и власти на региональном и муниципальном уровнях (расширение онлайн-платформ, онлайн-сервисов), а также в развитии гражданской активности на местах как значимого ресурса социально-го развития. В период профилактики и борьбы

с пандемией онлайн-организации, такие как онлайн-платформы, группы WeChat и группы QQ, могут быть полностью использованы для организации деятельности местных властей.

Для китайского общества важнейшее значение имеют развитие политических преимуществ партии, усиление руководящей роли партийного аппарата, улучшение строительства партийных организаций на первичном уровне, использование в полной мере партийных отделений в сфере организации жизнедеятельности общества на местах.

Опасность пандемии обусловлена целым рядом факторов, сложность борьбы с COVID-19 и затраты на деятельность органов местного самоуправления могут возрасти, как только будут обнаружены и подтвержденные новые случаи заболевания. Неэпидемические целевые ориентиры являются важнейшими индикаторами. Формирование научной системы оценки для эффективного государственного управления является долгосрочной целью содействия местным органам власти. Рекомендуется построить относительно обоснованную модель оценки и измерения, учитывающую степень влияния пандемии, институциональное совершенствование, количественные показатели работы участников, систему технического обеспечения, удовлетворенность жителей и другие комплексные системы оценки.

Подводя итоги, следует отметить один из главных факторов, позволивших России и Китаю относительно благополучно справиться на первом этапе как со вспышками эпидемии COVID-19, так и с возникающими в этот период вызовами социально-экономического характера. Он заключается в сохранении конструктивных отношений между обществом и властью, основанных на позитивной общественной оценке деятельности местных органов управления, а также на активной реализации потенциала гражданского общества и гражданских инициатив в решении динамично возникающих проблем в период эпидемиологического кризиса.

Литература

1. Ильин В.А., Морев М.В. Эффективность «ручного» управления государством. Проверка на прочность — 2020 // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 9–24.

2. Лысенко Е.А., Мечикова М.Н. Антикризисная политика государств в контексте преодоления социально-экономических последствий COVID-19 // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2020. № 3 (35). С. 83–89. DOI: 10.24411/2225-8264-2020-10051
3. Бобылева А.З., Аньшин В.М., Птицын А.В. Новые вызовы: сравнительный анализ международных реактивных антикризисных мер в связи с пандемией COVID-19 // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 81. С. 24–48. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10077
4. Vasiev M., Bi K., Denisov A., Bocharnikov V. How COVID-19 pandemics influences Chinese economic sustainability. *Foresight*, 2020, no. 2. Available at: <https://foresight-journal.hse.ru/en/2020-14-2/368819787.html>
5. Kraemer M. et al. The effect of human mobility and control measures on the COVID-19 epidemic in China. *Science*, 2020, vol. 368, iss. 6490, pp. 493–497. DOI: 10.1126/science.abb4218
6. Chen S., Yang J., Yang W., Wang C., Baerninghausen T., COVID-19 control in China during mass population movements at New Year. *Lancet*, 2020, no. 395, pp. 764–766. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)30421-9
7. Yu Liu, Saltman R.B. Policy lessons from early reactions to the COVID-19 virus in China. *American Journal of Public Health*, 2020, vol. 110, no. 8. pp. 1145–1148. DOI: <https://doi.org/10.2105/AJPH.2020.305732>
8. Ткачев С.В. К вопросу о футурологии государственного управления в Российской Федерации // Образование и право. 2020. № 9. С. 48–50. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-00550
9. Долгов С.И., Савинов Ю.А., Тарановская Е.В. Влияние вспышки нового коронавируса на международную торговлю // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 2. С. 7–18.
10. Чуланова О.Л. Актуализация экономики свободной занятости (гигономики) – тренда цифровой глобализации в условиях пандемии COVID-19 // Журнал исследований по управлению. 2020. Т. 6. № 3. С. 3–22.
11. Савушкина Ю.В. Железнодорожная индустрия в условиях COVID-19 // Инновации и инвестиции. 2020. № 6. С. 291–293.
12. Леонидова Е.Г. Туризм в России в условиях COVID-19: оценка экономического эффекта от стимулирования спроса для страны и регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 59–74. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.4
13. Андреева О.В. Поддержка социальных предпринимателей в период эпидемии COVID-19 в России и за рубежом // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2020. № 2. С. 297–301.
14. Генкин А.С. Коронаэкономика: новый мир после пандемии // Информация и инновации. 2020. Т. 15. № 2. С. 37–44.
15. Владиславлева Т.Б., Керов В.А. Государственное управление региональным развитием в условиях пандемии COVID-19 // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 83. С. 22–46.
16. Кулькова В. Ю. Некоммерческий сектор и государственная поддержка некоммерческих организаций сферы услуг в РФ в условиях кризиса 2020 г. // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 80. С. 5–21.
17. Чубарова Т.В., Шарова М.А. Государственная политика как фактор, влияющий на развитие пандемии COVID-19: выводы для России // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 83. С. 84–107. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10110
18. Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году: [коллективная монография] / Г.В. Осипов и др.; под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской; отв. ред. В.К. Левашов. М.: Перспектива, 2020. 532 с.
19. Российское общество в условиях пандемии: информационно-аналитический доклад / ФНИСЦ РАН. М., 2020. 68 с.
20. Brauner J.M. et al. Inferring the effectiveness of government interventions against COVID-19. *Science*, 2021, vol. 371, iss. 6531.
21. Калинин А.М., Засимова Л.С., Колосницына М.Г., Хоркина Н.А. Политика изоляции населения во время пандемии COVID-19: какие стратегии выгодны государству? // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 4. С. 7–30.
22. Zhang J. et al. Changes in contact patterns shape the dynamics of the COVID-19 outbreak in China. *Science*, 2020, vol. 368, issue 6498, pp. 1481–1486 DOI: 10.1126/science.abb8001

23. Betsch C. et al. Social and behavioral consequences of mask policies during the COVID-19 pandemic. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2020, no. 117 (36), pp. 21851–21853. DOI: 10.1073/pnas.2011674117
24. Дрегалю А.А., Ульяновский В.И. Социокультурная динамика социального пространства Севера. Архангельск: САФУ, 2017. 252 с.
25. Маркин В.В. Социальное пространство России в региональном измерении: социологический анализ, моделирование, мониторинг // Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации: мат-лы Международной научн.-практич. конференции (Москва, 12–13 октября 2017 г.) / отв. ред. А.В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 760 с.
26. Williams R. *Keywords*. London: Fontana, 1988. 270 p.
27. Жестянников С.Г. Общественное участие как инструмент развития территории (из опыта Вологодского муниципального района Вологодской области) // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 52–67. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.3
28. Груздева М.А. Включенность населения в цифровое пространство: глобальные тренды и неравенство российских регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 90–104. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.5
29. Социальное участие молодежи в развитии городов: методологические идеи, методические подходы и опыт исследования конструктивных практик: монография / под общ. ред. проф. М.В. Певной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 244 с.
30. Уханова Ю.В., Косыгина К.Е., Леонидова Е.Э. Тенденции и барьеры развития добровольчества в городе Вологде // Социальное пространство. 2020. Т. 6. № 1. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28499>. DOI: 10.15838/sa.2020.1.23.2
31. Уханова Ю.В., Леон Д., Шельвальд Р. Благотворительная деятельность локального сообщества: итоги социологического исследования в российском регионе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 169–185. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.12

Сведения об авторах

Йи Вайгенг – директор, научный сотрудник, Управление социальных исследований, Академия общественных наук провинции Цзянси (Китай, провинция Цзянси, город Наньчан, Hongdu North Avenue, 649; e-mail: ncyt71@163.com)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Юлия Викторовна Уханова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: yuliya.uhanova@bk.ru)

Ксения Евгеньевна Косыгина – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sene4ka.87@mail.ru)

Yi Waigeng, Morev M.V., Ukhanova Yu.V., Kosygina K.E.

The Effectiveness of the Authorities' Activities at the Local Level in the COVID-19 Pandemic (the Experience of Russia and China)

Abstract. The qualitative changes caused by the COVID-19 pandemic at all levels of the organization of the world community (individual, group, national, global) have actually formed a new social reality. Moreover, this process was of a force majeure nature; it took place in the conditions of a sharp increase in the uncertainty feeling, changes in the lifestyle of almost every person and every particular family, the

unpreparedness of world medicine for an adequate response to the global epidemiological challenge, as well as the inevitability of large-scale problems in the economy and politics. The current conditions have become a challenge for the existing systems of public administration. The governments of different countries had to act quickly and decisively in order, on the one hand, to keep the development of the epidemiological situation under control, and on the other hand, to prevent a sharp deterioration of social stability against the background of objectively emerging epidemiological, social and psychological challenges. While the world medicine was urgently accelerating the development of a vaccine against coronavirus infection, the scientific and political community discussed the general strategy for implementing quarantine restrictions. However, against this background, the local community level remained virtually behind the scenes, which, nevertheless, was and still remains the most practical in terms of interaction of population with the authorities. It is at the local level (meaning the regional level, as well as the level of local self-government) that the authorities are more close to the society problems, have the opportunity to interact face-to-face with its representatives, and the population, in turn, can actually participate in activities to improve living conditions (including solving problems caused by the pandemic). The article presents the experience of Russia and China in organizing interaction and evaluating the activities of local authorities by the population. Both countries have shown high efficiency in overcoming the crisis in 2020–2021, so their experience is of considerable interest, primarily in practical terms. The authors of the study have concluded about the importance of public assessment regarding the effectiveness of the activities of local authorities, as well as the prospects for actively involving citizens in solving problems arising against the background of force majeure.

Key words: COVID-19 pandemic, local community, public assessment of the effectiveness of public administration, civic engagement, anti-epidemic measures.

Information about the Authors

Yi Waigeng – Director, Researcher, Social Research Office, Jiangxi Academy of Social Sciences (649, Hongdu North Avenue, Jiangxi Province, Nanchang, China; e-mail: ncyt71@163.com)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Deputy Head of Department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

Yulia V. Ukhanova – Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: yuliya.uhanova@bk.ru)

Kseniya E. Kosygina – Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sene4ka.87@mail.ru)

Статья поступила 19.05.2021.

Современный этап международного сотрудничества в Арктике: поиск ответов на вызовы экономического развития

**Светлана Артуровна
ЛИПИНА**

Совет по изучению производительных сил Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России
Москва, Российская Федерация
e-mail: s.lipina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8967-9392

**Алексей Михайлович
ФАДЕЕВ**

Институт экономических проблем имени Г.П. Лузина КНЦ РАН
Апатиты, Российская Федерация
e-mail: alexfadeev79@gmail.com
ResearcherID: AAR-2969-2020

**Константин Сергеевич
ЗАЙКОВ**

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
Архангельск, Российская Федерация
e-mail: k.zaikov@narfu.ru
ORCID: 0000-0001-6479-416X; ResearcherID: L-7047-2016

Для цитирования: Современный этап международного сотрудничества в Арктике: поиск ответов на вызовы экономического развития / С.А. Липина, А.М. Фадеев, К.С. Зайков, А.В. Липина, Н.А. Кондратов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 4. С. 251–265. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.15

For citation: Lipina S.A., Fadeev A.M., Zaikov K.S., Lipina A.V., Kondratov N.A. Current stage of international cooperation in the Arctic: search for answers to the challenges of economic development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 4, pp. 251–265. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.15

**Александра Валерьевна
ЛИПИНА**

Горный институт НИТУ «МИСиС»

Москва, Российская Федерация

e-mail: a.v.lipina@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2227-4996; ResearcherID: O-8546-2018

**Николай Александрович
КОНДРАТОВ**

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова

Архангельск, Российская Федерация

e-mail: n.kondratov@narfu.ru

ORCID: 0000-0002-7763-1797

Аннотация. Происходящие на Крайнем Севере и в Арктике трансформации в природной и социально-экономической среде выдвигают на повестку дня проблематику регионального устойчивого развития. Возникает задача поиска стратегических подходов к управлению нестандартным арктическим регионом с учетом национальных интересов многих государств, в том числе Российской Федерации, которая доминирует в нем по территориальному признаку. С учетом размеров арктического пространства и экстремальных условий хозяйствования представляется актуальным осмысление опыта международного сотрудничества в Арктике и анализ его использования для социально-экономического развития всего арктического региона. Цель исследования заключается в анализе современного этапа международного сотрудничества для поиска ответов на вызовы социально-экономического развития арктического региона. Анализируются особенности государственной политики арктических государств, основанной на стратегическом планировании, благодаря чему северные государства получают возможность адаптироваться к меняющимся природным, социально-экономическим и геополитическим условиям. Рассматриваются подходы при реализации проектов разработки месторождений полезных ископаемых на континентальном шельфе Северного Ледовитого океана. С опорой на международное сотрудничество приводятся примеры природопользования, направленного на гармонизацию экономических интересов хозяйствующих субъектов и необходимость сохранения качества окружающей среды в Арктике. Научная новизна исследования заключается в критическом анализе особенностей международного сотрудничества в Арктике, готовности участвовать в преодолении новых вызовов ее развития. Практическая значимость состоит в том, что результаты могут быть использованы в образовательном процессе в вузах, а также на государственном уровне органами исполнительной и законодательной власти при разработке и реализации государственной политики в Арктической зоне РФ с учетом особенностей международного сотрудничества.

Ключевые слова: Арктика, стратегии развития, международное сотрудничество, изменение климата, устойчивое развитие.

Введение

Продолжительное время Арктика (акватория Северного Ледовитого океана и сухопутные территории Крайнего Севера, границы которых определяются национальными документами соответствующих государств) рассматривалась с военно-стратегических позиций и лишь с недавних пор выступает местом притяжения экономических и научно-исследовательских интересов государств, как имеющих непосредственный выход к Северному Ледовитому океану, так и расположенных за тысячи километров от его побережья. Одна из причин такого интереса — *новые вызовы*, то есть трансформации в природной и социально-экономической среде Арктики, о причинах и последствиях которых пока известно недостаточно. Вопрос взаимосвязи природных и социально-экономических изменений также является дискуссионным. Глобальный характер и взаимосвязь вызовов в Арктике определяют ведущую роль в их решении не столько национальных правительств, сколько усилий всех заинтересованных стран и их объединений. При этом значим тот факт, что каждая арктическая страна вкладывает свой смысл в понятия «Арктика» и «Крайний Север». Швеция, Финляндия и Исландия считают всю свою территорию арктической, хотя не имеют даже выхода к Северному Ледовитому океану. В ряде исследований к арктическим относятся все *северные* регионы, где средняя температура июля не превышает 10 °С, то есть территории и акватории, расположенные южнее Северного Полярного круга, в том числе большая часть Берингова моря между Россией и Аляской, море Лабрадора между Канадой и Гренландией. На суше арктическими могут считаться регионы, расположенные к северу от границы распространения лесов. В докладе Института Фритьофа Нансена и компании DNV внимание сосредоточено на акватории Северного Ледовитого океана и прилегающих к нему территориях, где ведется хозяйственная деятельность, влияющая на состояние океанских вод. Говорится о том, что «Арктический совет не установил точных географических границ своего мандата. Поэтому не существует четкого юридического определения границ Арктики. Ситуация особенно туманна в отношении делимитации границ арктических вод в Северо-Восточной Атлантике. С точки зрения защиты

экологии от загрязнений, Конвенция OSPAR, предметом регулирования которой является регион Северо-Восточной Атлантики, определяет арктические воды (Регион I в документе) как расположенные севернее 60 °С северной широты»¹. Таким образом, вопрос определения территории Арктики и проведения ее южных границ остается дискуссионным.

Примером природных изменений в арктическом регионе служит повышение в течение последних 30–40 лет температуры воздуха температурами, в несколько раз превосходящими среднемировые. В пятом докладе Международной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) утверждается: изменения в климатической системе в индустриальное время являются неоспоримым фактом. С высокой вероятностью (свыше 90%) рост концентраций антропогенных парниковых газов ответственен за большую часть глобального потепления, начиная с середины XX века [1]. В докладе Арктического совета «Оценка климатических изменений в Арктике» (ACIA) отмечается, что в течение XXI века средняя глобальная температура может увеличиться на 2,8 °С (в настоящее время около 0,4–0,6 °С), при этом на большей части суши — на 3,5 °С, а в Арктике — на 7 °С [2]. По данным Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды РФ, за 30 лет зарегистрирован абсолютный минимум льдов, их площадь сократилась с 7,3 млн кв. км в 1979 году до 5,2 млн кв. км в 2018 году (5,1 млн кв. км в 2013 г.)².

Актуальность «климатической проблематики» обусловлена также тем, что в арктическом регионе природно-климатические проблемы трансформируются в политические. По мере освобождения ото льда морей Северного Ледовитого океана облегчается доступ к минеральным ресурсам, развивается конкуренция за морские коммуникации, еще не включенные полностью в оборот мирохозяйственного про-

¹ Разработка ресурсов в Арктике: риски и ответственное управление. URL: <http://pro-arctic.ru/24/09/2012/resources/316> (дата обращения 04.12.2020).

² Global climate change. URL: <https://climate.jpl.nasa.gov/> (дата обращения 12.08.2019); Arctic Climate Issues 2011: Changes in Arctic Snow, Water, Ice and Permafrost // AMAP, SWIPA 2011. URL: <http://www.amap.no> (дата обращения 12.08.2019).

цесса. Стремясь расширить влияние на использование природных ресурсов, страны Северной Европы, США и Канада разработали планы и стратегии освоения районов Крайнего Севера и национальных арктических зон. В целях поиска эффективного ответа на новые вызовы, осознавая размеры арктического региона и экстремальные условия хозяйствования, зарубежные страны развивают международное сотрудничество в рамках как региональных форматов, так и двусторонних отношений.

История освоения районов, расположенных вблизи или к северу от Полярного круга, подтверждает, что хозяйственная деятельность здесь ведется сравнительно недавно. В Арктике сформировались два вида экономики – рента и трансфертная, а также модели – американская, канадская и российская, присущие государствам с федеративным устройством, для которых характерно совместное вовлечение федеральных и региональных властей в экономические процессы, и европейская, характерная для унитарных европейских государств, где ответственность за развитие регионов лежит на центральной власти [3]. Их организационно-управленческие механизмы заключаются в обеспечении устойчивого развития северных (арктических) территорий: социального и экономического развития, охраны окружающей среды [4]. Модели обладают специфическими чертами: для экономики арктических районов США характерны высокий инвестиционный уровень развития добывающих отраслей и туризма на Севере и интенсивная экспансия капитала в другие северные страны, на Севере Канады применяются уникальные методы достижения компромиссов с коренными народами, в Норвегии отработаны наукоемкие стандарты освоения ресурсов в шельфовых районах и в этой сфере действуют жесткие экологические стандарты, Россия нарабатывает опыт нефте- и газодобычи на суше в условиях Крайнего Севера [5].

Среди зарубежных стран главную роль в арктическом природопользовании играют Канада, Норвегия, Дания и США. Россия одной из первых приступила к освоению районов к северу от Северного Полярного круга, за последние 90 лет создав здесь самый мощный среди мировых аналогов индустриальный слой на фоне высокой урбанизации и редкого расселения на-

селения. С 1932 года осуществляется коммерческое использование Северного морского пути (СМП). Исландия, Швеция и Финляндия позиционируют себя как эксперты освоения природных ресурсов, обладают практическими разработками и компетенциями трудовых ресурсов для работы в районах Крайнего Севера.

Методы исследования

Вопросы, касающиеся стратегического планирования развития северных и арктических территорий, особенностей международного сотрудничества и ответов на вызовы в арктическом регионе, рассматриваются в научной литературе в России и за рубежом. Анализ показывает, что избранная тема особенно широко освещалась в отечественных публикациях в начале 2000-х гг. Как отмечалось ранее, страны Северной Европы и Северной Америки характеризуются высоким уровнем социально-экономического развития, конкурентоспособной экономикой, способностью эффективно отвечать на глобальные вызовы и разрабатывать стратегии развития периферийных северных территорий [6; 7]. В.Н. Кобышев, А.А. Сергунин, проанализировав особенности арктических стратегий стран Северной Америки и сравнив их с российским аналогом, пришли к выводу о необходимости сохранения партнерских отношений между государствами в интересах безопасного развития всего арктического региона [8; 9; 10]. В российских публикациях делается акцент на теоретическом анализе организации международного сотрудничества в Арктике в политической, эколого-природоохранной [11; 12], интеллектуальной [13], энергетической [14] сферах, областях военной безопасности и устойчивого развития [15]. Российские авторы сравнивают отечественный и зарубежный опыт экономического развития северных территорий [16]. Рассматривая особенности международных отношений в Арктике, исследователи отмечают, что они развиваются в нескольких направлениях, при этом трудно выделить преобладающее [17]. Доктор географических наук А.Н. Пилясов анализирует концепцию северной футурологии как особого исследовательского поля, междисциплинарной платформы для консолидации усилий специалистов в области прогнозирования развития северных и арктических территорий мира, показывает положительную роль международно-

го сотрудничества в экономическом развитии Арктики [18; 19]. Он рассматривает феномен Арктического Средиземноморья, «подобно тому как Средиземноморье в античную эпоху стало колыбелью для новых социокультурных общностей, глобальное влияние которых мы ощущаем до настоящего времени». Предпосылками осуществления новой концепции развития Арктики, выдвинутой в странах Северной Европы в начале XXI века, являются «растущая доступность, колоссальный нефтегазовый потенциал шельфа, спрос на который предъявляют ведущие экономики мира, значительное сходство систем ценностей и черт экономического поведения арктических аборигенов и старожилов и сообществ интеллектуальных территорий мира, мирового креативного класса...» [20].

В Российском совете по международным делам реализуется проект «Международное сотрудничество в Арктике». Его участники (университеты, экспертное международное сообщество, Институт мировой экономики и международных отношений РАН) ставят целью «выработку предложений по развитию международного сотрудничества в Арктике с учетом приоритетов Арктического совета, в партнерстве с исследовательскими центрами стран Арктического региона и внерегиональных стран». В рамках проекта опубликованы доклады об особенностях международного сотрудничества в арктическом регионе. Среди их тем управление природными ресурсами, развитие морского природопользования, взаимодействие России и арктических стран в Арктике, интересы азиатских стран в Арктике, разработка Дорожной карты международного сотрудничества в Арктике³.

В зарубежных публикациях исследуются вопросы развития Арктического совета [21], изменений климата, адаптации к ним природных, социально-экономических систем, трансформации культурных ландшафтов, влияния СМИ на отношение к вопросам изменения климата [22; 23; 24], выбора направлений развития Арктики за горизонтом 2050 года [25; 26]. Зару-

бежные экономисты и политологи анализируют интерес внерегиональных стран (прежде всего Китая и Японии) к Арктике, приходят к выводу о том, что в его основе лежит стремление использовать минеральные ресурсы и морские пути Северного Ледовитого океана, особенно СМП [27; 28]. Актуальность представляют изучение опыта Канады в обеспечении национальной безопасности на Крайнем Севере [29; 30], взаимоотношения между Норвегией и Россией в контексте поддержания морской безопасности в Арктике [31], применение инструментов Всемирной торговой организации для регулирования судоходства в Арктике [32].

Результаты и обсуждение

В 2000–2020 гг. Россия, Дания⁴, Исландия [33], Норвегия⁵ [34], Финляндия⁶, Швеция⁷, США⁸ и Канада⁹ опубликовали, а позднее актуализировали (Норвегия это сделала первой) стратегии развития национальных северных окраин и арктических зон. Активность государств, не только непосредственно выходящих к Северному Ледовитому океану, но и лежащих намного южнее его (Китай, Япония, Германия, Великобритания, Франция, Швейцария, Республика Корея), и их объединений (коммюнике «Европейский союз и арктический регион», 2008 и 2012 гг.; деятельность Арктического совета) продиктована объективными факторами: изменениями климата, смещением активности бизнеса в высокие широты в связи с сокращением запасов топлива в традиционных местах добычи, желанием (при ограниченных собственных возможностях) использовать транспортные пути Северного Ледовитого океана, вниманием к проблемам коренных народов.

⁴ Denmark, Greenland and the Faroe Islands: Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic. 2011–2020, 58 p.

⁵ The Norwegian Government High North Strategy / Norwegian Ministry of Foreign Affairs, 2017. 76 p.

⁶ Finland's Strategy for the Arctic Region. Government resolution on 23 August 2013 / Prime Minister Office, 16/2013. 70 p.

⁷ Sweden's Strategy for the Arctic region /Government Office of Sweden. Ministry for Foreign Affairs. Department for Eastern Europe and Central Asia. Arctic Secretariat, Stockholm, Sweden, 2011. 52 p.

⁸ National Strategy for the Arctic Region. May 2013. USA, Washington D.C., 13 p.; United States Coast Guard. Arctic Strategy. May 2013. USA, Washington D.C. 48 p.

⁹ Canada's Northern Strategy. Our North, Our Heritage, Our Future / Government of Canada, Ottawa, 2009. 48 p.

³ Проект Российского совета по международным делам «Международное сотрудничество в Арктике». URL: <https://russiancouncil.ru/projects/regional/arctic/> (дата обращения 10.11.2020).

Каждая арктическая стратегия уникальна, однако во всех документах присутствуют социально-экономические, геополитические (в т. ч. военно-стратегические) и геоэкологические аспекты. Все северные страны (и Россия в том числе) рассматривают арктическое пространство как зону мира и стабильности. В их стратегиях провозглашаются потребности укрепления суверенитетов, поддержки «народной дипломатии» в Баренцевом регионе (Норвегия), развития взаимодействия на многосторонней основе и с участием России. Особо подчеркивается безальтернативность Арктического совета для выработки политики устойчивого развития Арктики.

При организации экономической деятельности в Арктике большинство стран (в том числе Россия) исходит из принципов Конвенции ООН по морскому праву (1982 г.). Ее положения используются для разграничения акваторий Мирового океана, организации судоходства. В то же время имеют место разночтения в применении документов. Острота споров возрастает там, где имеются минеральные, биологические ресурсы и проходят стратегические морские пути. США все еще не ратифицировали Конвенцию 1982 г. и заявляют о готовности действовать в Арктике в одностороннем порядке и невзирая на границы. Некоторые страны, заинтересованные в развитии транспортного сообщения между Северо-Европейским и Азиатско-Тихоокеанским регионами, готовы объявить СМП, национальную транспортную коммуникацию России в Арктике, и Северо-Западный проход, значительная часть которого идет вдоль побережья Канады, международными водами.

В зарубежных стратегиях расставлены акценты в природопользовании на Крайнем Севере: применение предосторожного подхода, процедур ОВОС на более жестких, чем в южных районах, стандартах экологического менеджмента, экологически безопасное, согласованное с нормами международного права использование энергетических ресурсов, развитие туризма и альтернативной энергетики. Эти тезисы важны потому, что страны Северной Европы стояли у истоков концепций охраны окружающей среды в Арктике и устойчивого развития в 1992 г., создания Совета

Баренцева/Евроарктического региона в 1993 г., Арктического совета в 1996 г., институтов Северного Измерения ЕС в 1997 г. Указанные организации разрабатывают и реализуют политику в Арктике, концентрируя для этого общие технологические, научно-исследовательские и финансовые ресурсы. Их деятельность способствует успешному поиску ответов на социально-экономические, геоэкологические, международно-правовые, геополитические вызовы развития Арктики.

В стратегиях обосновывается необходимость развития компетенций и технологий, экспедиционной деятельности, академической и научно-исследовательской мобильности, наполнения актуальным содержанием портала арктического информационного и статистического центра. Для этого северные государства взаимодействуют в рамках программ ЕС, Международной ассоциации арктических социальных наук, Международного арктического научного комитета, тематических сетей Университета Арктики, объединяющих ученых по проблематике изучения арктического региона. Арктические страны участвуют в создании Доклада о качестве жизни человека, тенденциях развития социально-экономических систем и научных исследований в Арктике. НИОКР лежат в основе высокого уровня жизни, безопасной и комфортной окружающей среды, государственной и корпоративной инновационно-технологической политики и, как следствие, высокой конкурентоспособности экономик стран Северной Европы. Такой опыт по формированию инновационной экономики в северных регионах с опорой на научные исследования представляет интерес для российских арктических регионов.

В датской и канадской стратегиях императивом являются сохранение государственной целостности и социально-экономическое развитие (в т. ч. через прямые дотации местному населению) Гренландии и территорий Крайнего Севера соответственно.

Состав сухопутных территорий Арктической зоны РФ определен указами Президента России 2014 г. (от 2 мая 2014 г. № 296), расширен указами 2017 г. (от 27 июня 2017 г. № 287) и 2019 г. (от 13 мая 2019 г. № 220), а также федеральным законом от 13 июля 2020 г.

№ 193-ФЗ¹⁰. Главными документами, определяющими государственную политику в Арктике, являются Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года¹¹, а также Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности до 2035 года¹². Одна из задач — «укрепление добрососедских отношений с арктическими государствами на двусторонней основе и в рамках многосторонних региональных форматов сотрудничества, в том числе Арктического совета, прибрежной арктической «пятерки» и Совета Баренцева/Евроарктического региона, наращивание международного экономического, научно-технологического, культурного и приграничного сотрудничества, а также взаимодействия в области исследования глобальных климатических изменений, охраны окружающей среды и эффективного освоения природных ресурсов с соблюдением высоких экологических стандартов», в частности «разработка и реализация программ экономического и гуманитарного сотрудничества субъектов Российской Федерации, территории которых относятся к сухопутным территориям Арктической зоны, с регионами арктических государств», «разработка общих принципов реализации в Арктической зоне инвестиционных проектов с участием иностранного капитала», «содействие укреплению значения Арктического экономического совета в качестве одного из центральных форумов по вопросам устойчивого развития Арктики». Значимость международного сотрудничества, изучения опыта для устойчивого развития территорий Арктической зоны России актуаль-

¹⁰ О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации: Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357078/ (дата обращения 15.10.2020).

¹¹ Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года: Указ Президента Российской Федерации № 164 от 5 марта 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255> (дата обращения 05.05.2020).

¹² Об утверждении Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности до 2035 года: Указ Президента Российской Федерации № 645 от 26 октября 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (дата обращения 05.11.2020).

на по причинам особо суровых (по сравнению с остальной Арктикой) природно-климатических условий, пространственной растянутости, ориентации местной экономики на центральные районы страны.

Норвежская арктическая стратегия считается наиболее проработанной из всех зарубежных аналогов, она в полной мере пропагандирует идеи «присутствия» и социально-экономического роста северных территорий, нацелена на обмен актуальной информацией с партнерами, особенно с Россией. Комплексные меры государственной поддержки, опора на НИОКР, активное международное сотрудничество в разных формах способствуют повышению рентабельности, эффективности и безопасности при разработке месторождений углеводородов на континентальном шельфе Северного Ледовитого океана с учетом одних из самых высоких в мире стандартов качества окружающей среды. С целью устойчивого социально-экономического развития северных территорий Норвегия в 1970-е гг. создала береговую инфраструктуру и приступила к ее модернизации, осуществляет научное прогнозирование и управление кадровыми потребностями, проводит налогово-таможенное стимулирование реализации экологически ориентированных проектов, на государственном уровне развивает транспортно-логистическую и энергетическую инфраструктуру [35]. Если в Норвегии «северная» компонента интегрирована в систему управления нефтегазовым комплексом страны, то ближайшие соседи, Финляндия и Швеция, при разработке направлений социально-экономического развития северных территорий согласуют свои действия с ЕС в рамках его региональной политики и при финансовом участии фонда европейского регионального развития, социального фонда и фонда сближения [36].

Одним из факторов развития норвежской экономической политики в Арктике является система управления НИОКР. Благодаря этому можно наблюдать развитие технологической и сервисной инфраструктуры на принципах кооперации и в интересах развития северных территорий [37]. В создании НИОКР участвуют:

— *государство*: парламент и правительства, определяющие направления и размеры финансирования научно-исследовательской и технологической политики страны;

– *стратегические институты*, среди которых можно выделить Норвежский исследовательский совет (NFR), подчиненный Министерству образования и науки, действующий в интеграции с государственными компаниями поддержки инноваций («Innovasjon Norge»), развития бизнеса и промышленности («Siva») в северных регионах;

– *проектно-исполнительские организации, в т. ч. университеты*: NFR распределяет на конкурсной основе государственные, корпоративные и общественные средства.

Канадская арктическая стратегия также опирается на НИОКР как инструмент технического, технологического и информационного обеспечения природопользования. В интересах инновационного развития северных районов действует сеть исследовательских баз, реализующих научные программы в областях освоения арктического шельфа, разработки транспортной инфраструктуры, развития судоходства и улучшения качества жизни местных сообществ [38].

Анализируя зарубежный опыт развития северных территорий через призму международного сотрудничества, заметим: одним из инструментов региональной политики является интернационализация экономической деятельности. Она сводится к двум основным подходам:

1. Политика «открытых дверей». По зарубежному опыту освоения участков, расположенных в районах с экстремальными природно-климатическими условиями, можно утверждать, что практически повсеместно на них добыча сырья началась в течение нескольких десятилетий от момента начала разведки. В Норвегии с целью освоения открытого в 1984 году самого крупного месторождения Snohvit с запасами природного газа 10,6 млрд куб. м и около 20 млн т углеводородов (что в 24 раза меньше запасов газа Штокмановского ГКМ) привлечены компании Statoil, PetoroSA, Total EP Norge, Gaz de France [39]. Создаваемые альянсы включают операторов, обладающих хорошей репутацией, научным обеспечением, технологическими средствами и финансовыми ресурсами для работы в экстремальных условиях. «Особенностью организационной структуры мирового нефтегазового сектора является высокая роль мелких компаний на начальных и

заклучительных стадиях освоения и разработки сырьевых провинций. Однако российская действительность данную достаточно общую закономерность отвергает» [40, с. 112]. Норвежский опыт показывает, что доступ иностранных компаний к разработке месторождений может способствовать решению технологических, экономических и социальных проблем периферийных территорий. Вместе с тем получение технологий и компетенций в готовом виде, «извне», а не подготовка их «изнутри», может негативно сказаться на собственных НИОКР, способствуя интеллектуальной и технологической деградации национальных научных школ и разработчиков готовой продукции.

Принципов кооперации придерживается и Дания, поддерживающая, например, участие Китая в решении проблем Арктики. Развитие торговли между этими странами переросло в партнерские отношения, сокращение ледяного покрова Гренландии позволяет Дании и КНР совместно вести добычу редкоземельных металлов. Став инвестором горнодобывающего проекта на местном железорудном месторождении Исуа, китайская корпорация SichanXinueMining способствует привлечению новых компаний (JiangxiZhongrunMining, JiangxiUnionMining) [41].

Геополитические партнерства в равной степени с внутренними мерами поддержки хозяйствующих субъектов позволяют нивелировать факторы «северного удорожания». Государствами законодательно разработан и успешно реализуется набор механизмов и инструментов поддержки инвестиционных проектов, базирующихся на формировании нормативной базы, регулирующей развитие арктических проектов. В России в 2020 году принят федеральный закон, регулирующий предпринимательскую деятельность в Арктической зоне РФ¹³. Регуляторные меры государства направлены на уточнение статуса резидента, порядок приобретения и прекращения такого статуса. Законом установлены условия заключения (и расторжения) соглашения об осуществлении инвестиционной деятельности, осуществления государственного

¹³ О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации: Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357078/ (дата обращения 15.10.2020).

и муниципального контроля (надзора), правила предоставления в аренду земельных участков и расположенных на них объектов недвижимости, льготы по налогообложению, возмещению части расходов по уплате страховых взносов. Законом предусмотрено, что при применении процедуры свободной таможенной зоны Арктическая зона РФ приравнивается к особой экономической зоне.

В 2011–2013 гг. российские компании подписали соглашения, предусматривающие 100% финансирование ГРП зарубежными партнерами, получившими 33,3% доли в совместных предприятиях. Statoil, ENI и Роснефть планируют вести разведку и освоение залежей свода Федынского. Соглашение предусматривает освоение природного газа, нефти в границах Персеевского участка в Баренцевом море, а также залежей в норвежской акватории. Total и «Новатэк» ведут работы по освоению Южно-Тамбейского ГКМ на Ямале. Total планирует принять участие в освоении Хвалынского ГКМ. В 2012–2013 гг. созданы альянсы между Роснефтью, BP, Exxon Mobil и General Electric по разведке участков в Карском море с запасами около 4,9 млрд т нефти и 8,3 трлн куб. м газа.

Несмотря на достигнутые успехи, экономическое и технологическое сотрудничество в российской Арктике тормозится введенными со стороны западных государств санкциями. Хотя последствия санкционной политики представляют практический интерес для многих стран, эти вопросы пока недостаточно изучены. Добавим, что еще до 2014 года Норвегия в одностороннем порядке и в нарушение Договора о Шпицбергене 1920 г. ввела ограничения на доступ российских компаний на архипелаг (здесь функционирует Российский научный центр), использование местных водных биологических ресурсов, сократила взаимодействие в освоении углеводородных месторождений.

2. Ограничительная политика. Экономическое развитие Арктики предполагает интенсивное использование ее ресурсов. Действуя в экстремальных природных и экономических условиях, при минимальных размерах местных экономик, арктические государства создают условия для привлечения к работам частных компаний – субконтракторов и инвестиций (в т. ч. иностранных). В России обсуждается идея о допуске частных компаний к работам на шель-

фе в интересах крупных компаний [39]. Однако еще в середине 1960-х гг. известный северовед Г.А. Агранат, обращаясь к канадскому опыту освоения природных ресурсов, указывал, что «серьезные сдвиги в их освоении стали возможны благодаря повороту в последние два-три десятилетия экономической политики от частного «свободного предпринимательства» на рыночной основе к системе, в которой огромную роль играет государство. Только государству посильна задача освоения Севера, требующего очень широкого политического и экономического подхода» [42, с. 82]. Далее: «частные фирмы ... могут оказаться не в состоянии осуществить некоторые работы по освоению ресурсов в той степени, в которой это необходимо обществу». «Частные фирмы принимают во внимание только те прибыли от инвестиций, которые они получают в течение нескольких лет. Государство же может учитывать выгоды от проектов, реализуемые десятилетия спустя» [42, с. 82]. Аналогичные умозаключения приводятся и в отношении привлечения инвестиций для разработки минеральных ресурсов Аляски и Гренландии [42, с. 84].

В России допуск частных компаний к работам на континентальном шельфе в настоящее время лишен законодательной базы. В арктической стратегии с целью выполнения задач в сфере экономического развития предусмотрено «создание и развитие новой модели реализации экономических проектов на континентальном шельфе, предусматривающей расширение участия частных инвесторов в таких проектах при сохранении со стороны государства контроля за их реализацией»¹⁴.

Участие иностранных компаний в освоении минеральных ресурсов регулируется Федеральным законом от 29 апреля 2008 г. № 58, в соответствии с которым исключается самостоятельная деятельность иностранных компаний на участках недр федерального значения, в т. ч. на континентальном шельфе. Допускается их совместная деятельность с компаниями, доля государственного участия в которых составля-

¹⁴ Об утверждении Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности до 2035 года: Указ Президента Российской Федерации № 645 от 26 октября 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (дата обращения 05.11.2020).

ет не менее 50% (статья 9)¹⁵. В соответствии с Федеральным законом «О недрах» (статья 9)¹⁶ пользователями недр на участках недр континентального шельфа могут быть компании с государственным участием в капитале, превышающим 50%, имеющие более чем пятилетний опыт освоения российских шельфовых месторождений.

Актуальное направление международного сотрудничества в Арктике – охрана окружающей среды. Его актуальность вытекает из угроз, которые возникают в Арктике на фоне изменения климата (деградация многолетней мерзлоты, просадка грунта, возникновение сипов в морях Северного Ледовитого океана, абразия берегов, загрязнение поверхностных вод и почв стоками и новыми химическими веществами), необходимости сохранения биоразнообразия и при этом сохраняющегося спроса на углеводородное сырье. Особенностью современного периода международного сотрудничества в Арктике является переход от частных инициатив к разработке юридически обязывающих документов и формированию коллективных фондов помощи в целях улучшения оперативного взаимодействия и координации действий между участниками соглашений. Эксплуатация минеральных ресурсов сочетается с принятием законов и созданием фондов помощи развитию общин коренного населения (особенно на Аляске и в Канаде). Как показывает практика, в сфере развития добычи и переработки природных ресурсов межгосударственные отношения в Арктике складываются, как правило, в двустороннем формате, в то время как многосторонние взаимоотношения выстраиваются при решении проблем гармонизации хозяйственной деятельности в Арктике и сохранения качества

окружающей среды. На сессиях Арктического совета подписаны соглашения о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасении в Арктике (Нуук, 2011 г.) и в сфере готовности реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике (Кируна, 2013 г.).

Освоение арктического шельфа, сохранение высокой доли добычи углеводородов в Арктике в общей мировой добыче (свыше 30%), забота о состоянии окружающей среды требуют от государств применения инновационных технологий, модернизации инфраструктуры, в т. ч. портов, принятия и исполнения организационно-управленческих (кадровых, маркетинговых) решений с учетом экологических стандартов. Скоординированные действия и соблюдение национальных интересов смогут обеспечить устойчивое развитие на всем арктическом пространстве. Применяемая сегодня институционально-правовая база для условий Арктики, основанная на взаимодействии только правительств, зачастую не пригодна, поэтому необходимо искать новые рычаги социально-экономического развития. Представляется, что наиболее действенными из них могут оказаться государственно-частное и другие виды партнерств («бизнес – университеты», «власть – корпорации – аборигены», «корпорации – аборигены», «военные – гражданские»). Благодаря партнерствам заинтересованные страны могут получить доступ к новым моделям управления и технологий как в области добычи минерального сырья и топлива, так и в сфере ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, разработки и внедрения природосберегающих технологий [43].

Современные проблемы развития российской Арктики связаны с особенностями управления развитием обширным регионом, а также формами регулирования добычи природных ресурсов, поскольку ресурсная специализация сухопутных территорий Арктической зоны РФ является доминирующей. Несмотря на то что в настоящее время в основу стратегического управления развитием Арктической зоны РФ положена совокупность сценарных вариантов развития, задачи и цели устойчивого развития не достигаются, отмечается задержка с реализацией масштабных инвестиционных проектов (мегапроектов).

¹⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства»: Федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 58. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 12.04.2019).

¹⁶ О недрах: Федеральный закон от 21 февраля 1992 г. № 2395-1. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 03.05.2019).

Представляется необходимым совершенствование законодательства в отношении недропользования, усиления контроля над природоохранной экспертизой каждого мегапроекта, ее увязки с инструментами территориального развития.

Говоря о проблемах окружающей среды Арктики, следует подчеркнуть, что экономическое освоение региона не может реализовываться без учета внешнеполитического контекста. В существующий комплекс проблем развития российской Арктики необходимо добавить экологическую составляющую с оценкой масштабов загрязнения окружающей среды и его воздействия на этногенетическое разнообразие Крайнего Севера. На сценарии экономического развития северных территорий влияет прогнозирование рисков, связанных с природными изменениями. В условиях Арктики механизмы и перспективы международного сотрудничества позволяют говорить об успешной попытке сформировать экологически ответственную модель хозяйствования. Экологический аспект в партнерстве арктических стран позволит не только внести общие экологические требования в систему международных стандартов, но и «мягкой силой» создать комфортные условия хозяйствования для всех заинтересованных стран.

Анализ опыта взаимодействия арктических государств показывает, что арктической инфраструктуры не достаточно для того, чтобы отвечать текущим потребностям общества, социальным услугам или содействовать оценке угроз в области чрезвычайных ситуаций в Арктике, последствия которых могут быть труднопрогнозируемыми. Одним из инструментов, который может представлять интерес, в частности для России и США, при организации судоходства по Берингову проливу и в связи с ростом потенциальных рисков разливов нефти, является «Приложение для управления системой реагирования на загрязнение окружающей среды в Арктике» (Environmental Response Management Application, ERMA)¹⁷. Система была разработана Национальным управлением океанических и

атмосферных исследований (NOAA) совместно с университетом Нью-Гэмпшира и используется федеральными службами США для борьбы с экологическими катастрофами. Для этого создается оперативная картина обо всех доступных объектах реагирования, находящихся под угрозой¹⁸. На платформе собраны абиотические и биотические данные, необходимые для эффективного реагирования на чрезвычайные ситуации в Арктике, в том числе информация о ледовых условиях, местах расположения портов и иной инфраструктуры, экологически уязвимых территориях и ключевых местообитаниях. С помощью технических средств платформа обеспечивает визуализацию и улучшает информационное взаимодействие между ликвидаторами аварии и контролирующими ведомствами.

В международной практике наблюдается усиление (по сравнению с периодом 20–30-летней давности) активности по обеспечению всеобщего режима охраны окружающей среды. Этот режим является генеральной целью реализации проектных исследований, междисциплинарных научных разработок и наблюдений в полярных регионах Земли и предполагает улучшение охраны персонала и соблюдение экологической безопасности, в первую очередь в разработке месторождений углеводородов и их транспортировке. В поддержку таких проектов ежегодно проводятся международные учения по поиску разливов нефти и аварийному реагированию на них.

Заключение

В настоящее время перед арктическими странами, как и перед всем мировым сообществом, стоит приоритетная цель – укрепление комплексной безопасности и стратегической стабильности в уникальном арктическом регионе путем взаимодействия всех заинтересованных (невоенных) структур. Следует отметить, что при современных динамичных процессах в мире, оказывающих влияние на технологические возможности освоения Арктики, отсутствует универсальное соглашение, устанавливающее ее международно-правовой режим. Такой подход лежит в плоскости международно-правовых отношений, является актуальным для ар-

¹⁷ Россия и США провели учения и совместный семинар по оптимизации реагирования на разливы нефти в Беринговом море. URL: <https://neftegaz.ru/news/ecology/197178> (дата обращения 10.10.2020).

¹⁸ Там же.

ктического региона, дает возможность решить проблемы, возникающие в отношениях между арктическими странами, и перейти к устойчивому социально-экономическому развитию мировой Арктики.

Дальнейшее направление научного поиска может быть связано с построением моделей будущего развития международного сотрудничества в арктическом регионе в инте-

ресах эффективного природопользования и безопасности населения. Изучение опыта развития зарубежных районов Крайнего Севера, в частности и особенно Норвегии как одной из немногих стран, ведущих активную хозяйственную деятельность в арктическом регионе, может быть полезно при развитии арктических территорий Российской Федерации.

Литература

1. Второй оценочный доклад Росгидромета об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации: техническое резюме / Федер. служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет); [ред. группа В.В. Ясюкевич и др.]. Москва: [Росгидромет], 2014. 93 с.
2. МГЭИК, 2014: Изменение климата, 2014 г.: Обобщающий доклад. Вклад Рабочих групп I, II и III в Пятый оценочный доклад Межправительственной группы экспертов по изменению климата [основная группа авторов Р.К. Пачаури и Л.А. Мейер (ред.)]. МГЭИК, Женева, Швейцария, 163 с.
3. Смирнова О.О., Липина С.А., Соколов М.С. Современные перспективы и вызовы для устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации // Тренды и управление. 2017. № 1. С. 1–15.
4. Mason A. Consulting arctic energy: From political hearings to roundtable events. In: *The Routledge Handbook of the Polar Regions*. Ed. by M. Nuttall, T.R Christensen, M. Siegert. London: Routledge, 2018. 556 p.
5. *Governing the North American Arctic: Sovereignty, Security, and Institutions*. Ed. by D.A. Berry, N. Bowles, H. Jones. Palgrave Macmillan, 2016. 277 p.
6. Калинина М.Р., Кондратов Н.А. Инновационный вектор конкурентоспособности стран Северной Европы: опыт Швеции // Арктика и Север. 2018. № 33. С. 5–29.
7. Zaikov K.S., Kalinina M.R., Kondratov N.A., Tamitskii A.M. Innovation course of economic development in the Northern and Arctic Territories in Russia and in the Nordic Countries. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10 (3), pp. 59–73.
8. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Арктические стратегии стран Северной Америки и России // Россия и Америка в XXI веке. 2011. № 2. С. 11.
9. Konishev V.N., Sergunin A.A. US – Russia relations in the Arctic: Cooperation or competition? *World Economy and International Relations*, 2018, vol. 62, no. 9, pp. 103–111.
10. Рыхтик М. Арктика в фокусе геополитических интересов // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 4. С. 125–127.
11. Харламповева Н.К., Лагутина М.Л. Международное сотрудничество в Арктике: эколого-политический аспект // Общество. Среда. Развитие. 2010. № 3 (16). С. 212–217.
12. Харламповева Н.К. Формирование транснациональной среды мировой политики в Арктическом регионе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2007. № 1. С. 28–35.
13. Международное интеллектуальное сотрудничество в Арктике // Арктика: экология и экономика. 2011. № 4. С. 102–107.
14. Чумаков Д.С. Состояние и перспективы международного энергетического сотрудничества в Арктике // Нефтяное хозяйство. 2008. № 6. С. 51–53.
15. Международное сотрудничество в Арктике: проблемы безопасности и развития / под ред. А.В. Загорского, А.И. Никитина. М.: Российская ассоциация политической науки, Российская политическая энциклопедия. 2013. 102 с.
16. Гальцева Н.В., Фавстрицкая О.С., Шарыпова О.А. Моноструктурное развитие арктических территорий: российский и зарубежный опыт // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2015. № 3. С. 109–118.

17. Kudryashova E.V., Lipina S.A., Zaikov K.S., Bocharova L.K., Lipina A.V., Kuprikov M., Kuprikov N.M. Arctic Zone of the Russian Federation: Development problems and new management philosophy. *The Polar Journal*, 2019, no. 9 (2). pp. 445–458.
18. Пилясов А.Н. Северная футурология: следующие двадцать лет // Арктика: экология и экономика. 2014. № 3 (15). С. 62–71.
19. Пилясов А.Н. Северная футурология: следующие двадцать лет // Арктика: экология и экономика. 2014. № 4 (16). С. 93–101.
20. Пилясов А.Н. Арктическое Средиземноморье: предпосылки формирования нового макрокрегиона // ЭКО. 2010. № 12 (438). С. 54–75.
21. Loukacheva N. The Arctic Council and «Law-Making». *Northern Review*, 2020, vol. 50, pp. 109–135.
22. Hurrell A., Kingsbury B. *The International Politics of the Environment*. Oxford: Clarendon Press, 1992. 512 p.
23. Kukkonen A., Stoddart M.C.J., Yla-Anitta T. Actors and justifications in media debates on Arctic climate change in Finland and Canada: A network approach. *Acta Sociologica*, March 2020.
24. Biedermann R. Adapting to the changing Arctic? The European Union, the Nordics, and the Barents Governance mosaic. *Journal of Contemporary European Studies*, 2020, vol. 28, iss. 2, pp. 167–181.
25. Landriault M. Globalization as discursive resource legitimating sovereignty: The case of the Canadian Arctic. *Cogent Social Sciences*, 2017, vol. 3, iss. 1, pp. 109–117.
26. Vaatanen V. Investigating the particularities of regionalization: Contested state-federal relations and the politics of Alaska's Arctic Policy. *Geografiska Annaler Series B-Human Geography*, 2019, vol. 101, iss. 3, pp. 171–186.
27. Kossa M., Lomaeva M., Saunavaara J. East Asian subnational government involvement in the Arctic: A case for paradiplomacy? *Pacific Review*, 2021, vol. 34, no. 4, pp. 664–695.
28. Hong N. Ocean governance in the Asia-Pacific and the Arctic regional practice and lessons learned. *Korean Journal of International and Comparative Law*, 2020, vol. 8, iss. 1, pp. 59–86.
29. Osthagen A. International cooperation as an Arctic Solution? In: *Coast Guard and Ocean Politics in the Arctic*, 2020. Pp. 65–77.
30. Byers M., Covey N. Arctic SAR and the «security dilemma». *International Journal*, 2020, vol. 74, iss. 4, pp. 499–517.
31. Osthagen A. A case of bilateral cooperation: Norway-Russia. In: *Coast Guard and Ocean Politics in the Arctic*, 2020. Pp. 47–63.
32. Kobajashi T. Sustainable resource development in the Arctic: Using export trade agreements to restrict environmentally harmful subsidies. *Polar Record*, 2020, vol. 56, no. e17.
33. Журавель В. Председательство в Арктическом Совете: от Финляндии к Исландии // Современная Европа. 2019. № 4. С. 97–107.
34. Гутенев М., Коньшев В., Сергунин А. Арктический вектор Норвегии: преемственность и новации // Современная Европа. 2019. № 4. С. 108–118.
35. Липина С.А. Особые режимы хозяйственной деятельности: перспективы применения в Арктической зоне РФ / под ред. О.О. Смирнова, С.А. Липина, Л.К. Бочарова // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2017. Т. 8. № 3 (31). С. 357–367.
36. Furman E. EU high-level Arctic event: “A sustainable Arctic – innovative approaches”. *The Polar Journal*, 2017, no. 7 (2), pp. 436–437.
37. Hasselström L., Håkansson C., Noring M., Soutukorva ., Khaleeva Yu. Costs and benefits associated with marine oil spill prevention in Northern Norway. *The Polar Journal*, 2017, no. 7 (1), pp. 165–180.
38. Young O.R. The shifting landscape of arctic politics: Implications for international cooperation. *The Polar Journal*, 2016, no. 6 (2), pp. 209–223.
39. Богоявленский В.И. Изученность и перспективы нефтегазоносности российской и норвежской акваторий Баренцева моря // Арктика: экология и экономика. 2011. № 2. С. 64–75.
40. Тоскунина В.Э. Освоение нового нефтегазового региона в современных экономических условиях (теоретические основы и практические подходы к формированию программы развития Ненецкого автономного округа). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2003. 281 с.

41. Yilmaz S. Exploring China's Arctic strategy: Opportunities and challenges. *China Quarterly of International Strategic Studies*, 2017, vol. 3, no. 1, pp. 57–78.
42. Агранат Г.А. Использование ресурсов и освоение территории Зарубежного Севера. М.: Наука, 1984. 263 с.
43. Криворотов А.К. Неравный раздел пополам: к подписанию российско-норвежского спора о разграничении в Арктике // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 2. С. 62–91.

Сведения об авторах

Светлана Артуровна Липина – доктор экономических наук, заместитель председателя – руководитель отделения «Мировой океан и Арктика», Совет по изучению производительных сил, Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России (119285, Российская Федерация, г. Москва, Воробьевское шоссе, д. 6а; e-mail: s.lipina@mail.ru)

Алексей Михайлович Фадеев – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономических проблем имени Г.П. Лузина, Кольский научный центр РАН (184209, Российская Федерация, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а; e-mail: alexfadeev79@gmail.com)

Константин Сергеевич Зайков – доктор исторических наук, проректор, Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (163002, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: k.zaikov@narfu.ru)

Александра Валерьевна Липина – преподаватель-исследователь, директор, центр экосистемных проектов в промышленных регионах, Горный институт, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС» (119606, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82, корп. 9; e-mail: a.v.lipina@mail.ru)

Николай Александрович Кондратов – кандидат географических наук, доцент, Высшая школа естественных наук и технологий, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (163002, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: n.kondratov@narfu.ru)

Lipina S.A., Fadeev A.M., Zaikov K.S., Lipina A.V., Kondratov N.A.

Current Stage of International Cooperation in the Arctic: Search for Answers to the Challenges of Economic Development

Abstract. The transformations in the natural and socio-economic environment occurring in the Far North and the Arctic put forward the problem of regional sustainable development. This makes it necessary to address the task of finding strategic approaches to the management of the nonstandard Arctic region, considering the national interests of many states, including the Russian Federation, which dominates territorially in this region. Taking into account the size of the Arctic space and the extreme conditions of economic management, it seems relevant to comprehend the experience of international cooperation in the Arctic and analyze its use for socio-economic development in the entire Arctic region. The aim of the article is to analyze the current stage of international cooperation so as to find answers to the challenges of socio-economic development of the Arctic region. To achieve the goal, we have analyzed the state policy features of the Arctic states based on strategic planning, thus the northern states are able to adapt to the changing natural, socio-economic and geopolitical conditions. We considered approaches in the implementation of projects to develop mineral deposits on the continental shelf of the Arctic Ocean. With the support of international cooperation we give examples of nature management aimed at

harmonization of economic interests of business entities and the need to preserve the environment quality in the Arctic. The scientific novelty consists in the critical analysis of the international cooperation features in the Arctic and its readiness to participate in overcoming the new challenges of the Arctic development. The practical relevance of the study lies in the fact that its findings can be used in the educational process in universities, as well as at the state level by executive and legislative authorities in the development and implementation of state policy in the Arctic zone of the Russian Federation, considering the features of international cooperation.

Key words: the Arctic, development strategies, international cooperation, climate change, sustainable development.

Information about the Authors

Svetlana A. Lipina – Doctor of Sciences (Economics), Head of Department “World Ocean and the Arctic”, Deputy Chairman of the Council for the Study of Productive Forces, Russian Foreign Trade Academy (RFTA) of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (6, Vorobyovskoe Route, Moscow, 119285, Russian Federation; e-mail: s.lipina@mail.ru)

Aleksei M. Fadeev – Doctor of Sciences (Economics), Leading Researcher, Luzin Institute for Economic Studies, Kola Scientific Center of the RAS (24, Fersman street, Murmansk Oblast, Apatity, 184209, Russian Federation; e-mail: alexfadeev79@gmail.com)

Konstantin S. Zaikov – Doctor of Sciences (History), Vice Rector, Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (17, Severnaya Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; e-mail: k.zaikov@narfu.ru)

Aleksandra V. Lipina – Researcher, Lecturer, Director of the Center for Eco-System Projects in Industrial Regions, The College of Mining, National University of Science and Technology MISIS (82, building 9, Vernadsky Avenue, Moscow, Russian Federation; mail: a.v.lipina@mail.ru)

Nikolai A. Kondratov – Candidate of Sciences (Geography), Associate Professor, Higher School of Natural Sciences and Technologies, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (17, Severnaya Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; e-mail: n.kondratov@narfu.ru)

Статья поступила 27.07.2020.

Об итогах круглого стола «30 лет исследований социокультурной эволюции России и ее регионов: результаты, перспективы»

**Гульнара Фатыховна
РОМАШКИНА**

Тюменский государственный университет
Тюмень, Российская Федерация
e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru
ORCID: 0000-0002-7764-5566; ResearcherID: O-7221-2017

**Евгения Анатольевна
КОГАЙ**

Курский государственный университет
Курск, Российская Федерация
e-mail: eakogay@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2950-5710; ResearcherID: B-4772-2016

В рамках мероприятий к 100-летию Института философии РАН Центром изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН при участии Вологодского научного центра РАН и Исследовательского комитета «Социокультурная компаративистика регионов России» Российского общества социологов 26 мая 2021 был проведен в онлайн-формате круглый стол «30 лет исследований социокультурной эволюции России и ее регионов: результаты, перспективы».

Как отметил в приветственном слове бесценный научный руководитель, идейный вдохновитель и организатор программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» **Н.И. Лапин**, цель круглого стола в условиях удаленного формата работы состоит в осмыслении достигнутых результатов, обмене мнениями о реалистически конструируемых перспективах. ЦИСИ, где начали работу идеологи проекта (Н.И. Лапин – чл.-корр. РАН, руководитель, д-р филос. наук, проф.,

Для цитирования: Ромашкина Г.Ф., Когай Е.А. Об итогах круглого стола «30 лет исследований социокультурной эволюции России и ее регионов: результаты, перспективы» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 4. С. 266–273. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.16

For citation: Romashkina G.F., Kogay E.A. On the results of the round table “30 years of research on the socio-cultural evolution of Russia and its regions: results, prospects”. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 4, pp. 266–273. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.16

Л.А. Беляева — д-р соц. наук, в.н.с., И.Е. Ахваткина — референт), был организован еще в 1988 году. Эта небольшая группа сотрудников со временем выдвинула гипотезу о качественной реструктуризации ценностей и интересов населения как драйверах трансформации российского общества. Реализуя эту идею, Н.И. Лапин на базе социокультурного подхода разработал методический инструментарий исследования. Основной формой реализации инструментария стал всероссийский мониторинг, проводившийся методом комплексных интервью на дому с периодичностью в 4–5 лет. Для более убедительной конкретизации исследовательских задач данного направления был разработан инструментарий «Социокультурный портрет региона России»¹, ставший основой межрегиональной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». Это позволило провести анализ основных фаз социокультурной эволюции постсоциалистической России.

Историю и методологию мониторинга и программы раскрыла в своем выступлении д-р соц. наук, в.н.с. ЦИСИ ИФ РАН Л.А. Беляева. Семь проведенных с 1990 года волн мониторинга позволили выделить три этапа трансформации российского общества². На первом этапе сформировалась многоукладная экономика, резко выросла доля населения, которое по своему материальному положению оказалось за чертой бедности. Вторым этапом, начавшийся в 2000-е годы, был подготовлен ростом сторонников государства, обеспечивающего свободу, запросом к государству на обеспечение личной безопасности. Происходившие в это время стабилизационные процессы поддерживались надеждой общества на возможность гармонии свободы и безопасности при условии эффек-

тивного выполнения государством своих функций. Третий этап, начало которого зафиксировала седьмая волна мониторинга в 2015 году, показал, что эта проблема не может быть удовлетворительно решена в современных российских условиях.

Начиная с 2005 года, ЦИСИ с привлечением специалистов из регионов приступил к реализации программы, которая через пять лет была модифицирована и актуализирована под исследования новых общественных проблем³. Большое значение для ее развития имело проведение в разных городах России пятнадцати ежегодных научно-практических конференций. На них обсуждались методологические и методические вопросы, новые результаты исследований. Весомым результатом первых пяти лет коллективной работы стала монография⁴, в которой отражена специфика социокультурного развития нескольких регионов Европейской части России, Урала и Западной Сибири. Л.А. Беляева отметила важность появления и другой монографии, приуроченной к 85-летию Н.И. Лапина, «Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы»⁵. В указанной работе изложена система классификации регионов и федеральных округов России по уровню модернизации, обоснована необходимость и возможность новой государственной стратегии, интегрирующей регионы и российское общество в целостную цивилизацию.

Программа успешно развивается уже 30 лет, сегодня в ее реализации задействованы исследовательские коллективы 27 регионов. В 2020 году ее куратором при участии исследовательского комитета РОС «Социокультурная компаративистика регионов России» определен Вологодский научный центр РАН.

¹ Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы / под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: ИФ РАН, 2006. 328 с.

² Динамика ценностей населения России / под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: УРСС, 1996, 224 с.; Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях / под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: ИФ РАН, 1994; Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. М.: ИФ РАН, 2000; Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3–12.

³ Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М.: ИФ РАН, 2010. 111 с.

⁴ Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / сост. и общая ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: ACADEMIA, 2009. 807 с.

⁵ Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. Редкол.: Н.И. Лапин (пред.), Л.А. Беляева, Н.А. Касавина. М.: Весь мир, 2016. 360 с.

Вторую секцию круглого стола «О концепции и методологии 10-томной библиотеки «Регионы новой России»» (модератор — Н.И. Лапин) открыл научный руководитель ВолНЦ РАН, чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, проф. **В.А. Ильин** с докладом «К чему ведет бездуховность правящих элит?»⁶. Выступление базировалось на результатах многолетних зарубежных и российских социологических измерений, а также на данных мониторинга общественного мнения, реализуемого ВолНЦ РАН на территории Вологодской области с 1996 года. В.А. Ильин обратил внимание на глобальный характер негативных последствий идеологии либерального капитализма, что приводит к разочарованию в ней широких слоев населения в большинстве стран мира. Бездуховность как психологическая черта представителей правящих элит, отдающих приоритет достижению личных интересов в ущерб целям национального развития, является, по мнению докладчика, одной из причин нереализованности национальных проектов. В заключение выступления В.А. Ильин отметил, что солидарен с точкой зрения Н.И. Лапина о необходимости создания в России сильного, гуманистически активного социального государства, добавив при этом, что научное сообщество должно мобилизационно использовать имеющиеся ресурсы для достижения этой цели.

Перспективным направлением программы по задумке Н.И. Лапина является, как было сказано выше, идея изучения культуры взаимодействий граждан с обществом как одна из актуальных и слабо изученных проблем консолидации российского общества. Реализация этой идеи станет предметом региональных исследований и основой будущего фундаментального труда в виде массовой библиотеки в 10 томах «Регионы новой России: к повышению благосостояния и консолидации населения». О структуре одного из томов будущей библиотеки, посвященного Северо-Западному федеральному округу, рассказала директор ВолНЦ РАН д-р экон. наук **А.А. Шабунова**. В ее докладе были показаны современные тенденции модер-

низации российских регионов, выявленные на основе обновленной в 2020 году динамики показателей в ИС «Модернизация», разработанной с помощью адаптированной обобщающей методики измерения состояний модернизации в разных странах мира, созданной сотрудниками Академии наук КНР. Методика используется для получения международно сопоставимых данных о состояниях модернизированности всех регионов страны. Современные тренды, как показала А.А. Шабунова, свидетельствуют о сохранении асимметричных траекторий развития в российских территориях, что повышает актуальность изучения проблемы неравенства российских регионов.

Социокультурные ориентиры развития трех регионов Центрального Черноземья — Воронежской, Курской и Липецкой областей — представила **Е.А. Когай** (д-р филос. наук, проф., Курский государственный университет). Основные конкурентные преимущества рассматриваемых регионов, по мнению автора, связаны с характером хозяйственной деятельности, историей и культурой. При этом в регионах Центрального Черноземья фиксируются такие негативные тенденции, как депопуляция, невысокий потенциал общественного здоровья, доминирование патернализма в трудовой мотивации, низкий уровень среднедушевых доходов населения. Е.А. Когай согласилась с мнением предыдущих ораторов о слабой достижимости целей национального развития, отметив амбивалентный характер состояния институционально-регулятивной сферы, в которой отмечены рост самосознания и самоорганизации граждан и вместе с тем слабая ориентация представителей политических элит на общественное благо, отчуждение большинства жителей регионов от политического процесса. Тем не менее, граждане выражают готовность к активному взаимодействию с представителями органов власти, предпочитая такие формы, как личные встречи политических лидеров с представителями населения, публичная отчетность органов власти перед жителями, проведение социологических опросов.

Логическим развитием основных идей, высказанных выше, послужило выступление представителей Пермского государственного национального исследовательского университета **Е.Б. Плотниковой** (канд. истор. наук, доцент) и

⁶ Ильин В.А., Морев М.В. К чему ведет бездуховность правящих элит? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 9–28. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.1

Ю.С. Марковой (канд. соц. наук). Авторы уделили особое внимание интерпретации результатов качественного исследования жизненного мира населения в муниципальных образованиях в условиях рискогенной социокультурной среды. Жизненные миры представлены изменяющимися, динамичными структурами, находящимися в тесном взаимовлиянии с социальными взаимодействиями. Рискогенность социокультурной среды проявляется в утрате исторической памяти, разрушении культурных объектов, «запаздывании» развития культуры, что ведет к неравенству в обществе. Второй тип рисков имеет экзистенциальный характер, поскольку создает опасность для реализации социальных практик, связанную с отсутствием необходимых условий. Третий тип рисков касается разрушения нравственных ценностей и моральных норм, негативной самоорганизации населения из-за отсутствия инновационной стратегии и культурной политики. Авторы подтвердили, что для снижения социокультурных рисков необходимо взаимное участие социальных институтов (разных сфер общественного развития), общественных организаций, социальных общностей и групп, индивидов. Особенность Пермского края проявляется в актуализации роли промышленных предприятий, которые посредством проектной деятельности принимают участие в развитии территории. Этот позитивный опыт был раскрыт через механизмы социального конструирования жизненных миров. Например, проектная деятельность предприятий может создать благоприятные условия для повышения социальной активности и творческого саморазвития жителей, формирования социального капитала территорий через сети совместной деятельности, формируя и повышая общественное доверие, которого критически не хватает в современном российском обществе. Е.Б. Плотникова и Ю.С. Маркова заключили, что такая деятельность дает возможности для повышения эффективности мер по преодолению существующих социокультурных рисков и снижению возникновения новых.

Как отметили сотрудники Тюменского государственного университета **Г.Ф. Ромашкина** (д-р соц. наук, проф.) и **М.В. Худякова** (канд. соц. наук, доцент), развитие регионов, с одной стороны, обусловлено качеством человеческого капитала. С другой стороны, в среде,

в которой открыты социальные лифты, доверительные отношения подкрепляются обществом, взаимодействие социальных институтов мотивирует людей на повышение образования и квалификации, самосохранительное поведение, выступает основным условием развития качественного человеческого капитала. В таком обществе граждане получают позитивные обратные связи, отражающиеся на их социальном статусе и социальном самочувствии. Эмпирические материалы были основаны на комплексных измерительных инструментах самооценки человека по методике А. Мозеса, Ф. Лютанса, Р. Плойярта и соавторов, включенных в методику программы в качестве дополнительного логического блока. В русскоязычном варианте эти опросники были апробированы в массовом опросе впервые⁷. Авторы показали структурные модели человеческого, социального и психологического видов капитала во взаимосвязи с социокультурными и социально-экономическими переменными. Не все гипотезы были подтверждены в процессе анализа. Авторские модели лишь частично подтверждают теоретические конструкторы. Например, включение трудовых мотивов в структурные модели полностью перекрывает значимость вариации под воздействием остальных социально-демографических и статусных параметров. Наибольшее влияние на вариацию человеческого капитала со стороны трудовых мотивов оказывает индивидуальная важность самореализации, реального результата, интересной, содержательной работы. Далее проявилось влияние дохода (статуса) или его индикаторов, самооценки здоровья, образования и семейного положения. Г.Ф. Ромашкина и М.В. Худякова развивают представления о регионах России через концепцию человеческого капитала, дополняющую методику программы⁸. Выводы показывают, что слабость достижительной мотивации,

⁷ Изучение человеческого капитала: опыт эмпирической проверки комплексного инструментария / Г.Ф. Ромашкина, В.А. Давыденко, Е.В. Андрианова, М.В. Худякова, И.Ф. Печеркина // *Siberian Socium*. 2020. Т. 4. № 3 (13). С. 8–32. DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-3-8-32

⁸ Ромашкина Г.Ф., Худякова М.В. Социологический анализ факторов и ресурсов человеческого капитала // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13. № 6. С. 232–251. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.14

отмеченная всеми региональными командами программы, прямо связана с социально-экономическим неравенством, которое в настоящее время создает основной риск для позитивного сценария развития в регионах России.

Выступление **В.А. Давыденко** (д-р соц. наук, проф., начальник НИЦ) и **Е.В. Андриановой** (канд. соц. наук, зав. кафедрой, доцент, Тюменский государственный университет) было посвящено анализу развития городских и пригородных территорий в Тюменской области. Проведенное исследование базируется на подходах социальной философии производства пространства, социального конструктивизма, социального производства пространства, пространственного поворота в целом в гуманитарных науках, визуальной социологии. Авторы изучали локальные общности, пребывающие в сельском и пригородном пространствах, через жизненные миры жителей пригородного микрорайона. Предложено переосмысление концепта воспроизводства пространства как на символическом уровне локальной субъективности, так и на уровне жизненных миров жителей новых территорий пространственного освоения. В.А. Давыденко и Е.В. Андрианова сделали вывод о том, что мир становится «все более пригородным», а сама урбанизация находит воплощение преимущественно в субурбанизации, связанной с освоением периферийных городских территорий — «между городом и селом».

Проект концепции социокультурного стратегирования развития регионов России был представлен **Н.М. Лавренюк-Исаевой** (канд. соц. наук, Башкирский государственный университет). Она справедливо заключила, что богатейший материал, собранный в ходе 30-летних исследований социокультурной эволюции России и ее регионов, необходимо наиболее полно и эффективно реализовать на практике. Так, в рамках национального проекта «Жилье и городская среда» в регионе был сделан серьезный шаг к осознанию местным населением значения общественных пространств, к развитию социоконструктивных компетенций местных инициативных сообществ в ходе проектирования, к насыщению смыслами. Н.М. Лавренюк-Исаева показала, как формируется потенциал развития «изнутри» в рамках преобразования и конвергенции культуры и экономики, с по-

мощью технологии вовлечения в социальное конструирование общественных пространств. Такие технологии позволяют выявлять геном территорий, работать с социокультурными кодами конкретных пространств, с лидерами общественного мнения на новом уровне. Дальнейшее социальное конструирование включает синтез накопленных результатов региональных и муниципальных социокультурных исследований в единую логическую систему, представление практического аппарата для эффективного применения в стратегическом развитии регионов России. Финальным продуктом, по мнению автора, может стать формализованная концепция социокультурного стратегирования развития регионов России на основе прогноза, с определенной миссией, приоритетами, сценариями и стратегическими проектами, с «дорожной картой» мониторинга качественных результатов в параметрах целевых показателей в единстве многообразия общего и уникального наследия, сохранения и создания ценностей.

Завершило вторую часть круглого стола выступление **А.В. Тихонова** (д-р соц. наук, проф., руководитель Центра социологии управления и социальных технологий, Институт социологии ФНИСЦ РАН), рассказавшего о вкладе Н.И. Лапина в развитие отечественной социологии и управленческой практики. Характеризуя научные труды Николая Ивановича, А.В. Тихонов отметил, что они фактически символизируют обращение отечественной социологии к методологическим устоям собственного исторического развития. Последние работы Н.И. Лапина содержат оригинальную концепцию «закономерностей становления современного российского общества в новых геополитических условиях и его использования для управления современными процессами нашей эволюции». В них выразительно проявлено тотальное отчуждение человека в качестве глубинного основания универсального кризиса российского общества, предложена идея социального действия в форме гражданского самопросвещения как способа предотвращения деструктивных процессов. Антропосоциокультурный подход к анализу социокультурных процессов А.В. Тихонов охарактеризовал как фундаментальную заявку на пересмотр оснований отечественной и мировой социологии.

Он также отметил, что концепция критериев цивилизационного развития, разработанная Н.И. Лапиным, плодотворно используется в исследованиях, проводимых Центром социологии управления и социальных технологий ФНИСЦ РАН.

Третью секцию круглого стола «О новых тенденциях социокультурной эволюции регионов» (модератор – Л.А. Беляева) открыла Ю.М. Пасовец (канд. соц. наук, доцент, Курский государственный университет). Ею были воссозданы ведущие тенденции изменений, затрагивающих сферы экономической активности и трудовой мотивации населения регионов Центрального Черноземья за последнее двадцатилетие. Она указала на такие тренды, как сокращение численности занятых в экономике, общее повышение уровня экономической активности жителей макрорегиона, доминирование занятости в сфере торговли, обрабатывающих производств и сельского хозяйства, вовлеченность в частную сферу экономики. Проведенное в трех регионах Центрального Черноземья (Воронежская, Курская и Липецкая области) полевое социологическое исследование обнаружило в структуре трудовой мотивации населения патернализм как желание работать преимущественно на государственных и муниципальных предприятиях, стремление к обеспечению социальных гарантий и стабильного заработка, даже если он низок. При этом проявилась региональная дифференциация внутри категории лиц с рыночной трудовой мотивацией, что свидетельствует о неравномерности развития регионов в трудовой сфере.

В выступлении Е.В. Каргаполовой (д-р соц. наук, проф., РЭУ им. Г.В. Плеханова) внимание было акцентировано на самочувствии жителей Московской агломерации в тяжелых условиях социальных ограничений. Опираясь на данные двух волн социологического исследования, проведенного методом онлайн-анкетирования, автор отметила преобладание позитивных оценок удовлетворенности жизнью, а также наличие умеренного оптимизма. 2020 год стал нелегким испытанием для москвичей, тем не менее, к концу года (ноябрь – декабрь) доля выборов варианта ответа «будем жить значительно лучше» несколько возросла по сравнению с результатами первой волны (апрель – май).

О трансформации ценностной структуры современного белорусского общества рассказала **И.В. Лашук** (канд. соц. наук, доцент, Белорусский государственный экономический университет). Полевые социологические исследования 2017 и 2020 гг. продемонстрировали присущую всем возрастным группам устойчивость в интегрирующем ядре базовых ценностей белорусского общества таких понятий, как жизнь и порядок. Второе исследование выявило существенное возрастание значимости общечеловеческих ценностей при снижении веса ценностей традиционных и современных. Терминальные ценности при этом преобладают над инструментальными. Межпоколенческий аксиологический анализ показал, что в молодежной когорте в интегрирующем ядре оказалась ценность свободы.

В докладе, подготовленном **А.М. Исуповым, С.А. Мартышкиным, Д.В. Прохоровым и Д.М. Шабуниним** (Самарский научно-исследовательский университет им. С.П. Королева), была подчеркнута важность изучения социокультурных характеристик местных сообществ, при этом отмечены трудности при его осуществлении: отбор муниципальных образований, неполнота или отсутствие статистических данных. Тем не менее, авторы выступили с призывом к более пристальному рассмотрению муниципальных образований, полагая, что оно выведет исследователей на микроуровень изучения регионов, где протекает непосредственная жизнедеятельность человека. Это, в свою очередь, позволит осуществлять исследование региона во всем его многообразии, прежде всего в многообразии жизненных практик населения, а также состояний модернизационных процессов.

Выступление **В.И. Мосина** (канд. филос. наук, доцент, Тульский социологический центр) было посвящено привлечению данных, полученных в конкретных социологических исследованиях, к составлению рейтингов выдающихся лиц региона: политиков, бизнесменов, общественных деятелей. Тульские социологи активно вовлекаются в разработку «Рейтинга политиков, внёсших наибольший вклад в социально-экономическое развитие Тульской области», в сбор данных для вручения независимой премии в области бизнеса в Тульской

области «Тулский бизнес», а также в составление «Рейтинга 100 самых влиятельных туляков». Полученные данные о конкретных людях довольно выразительно воссоздают социальную, экономическую и политическую жизнь, позволяют получить полезную информацию о ситуации в регионе.

Довольно острым вопросам о проявлениях социокультурной патологии постсоветского российского общества посвятил свое выступление **В.М. Цлаф** (канд. техн. наук, доцент, Самарский научно-исследовательский университет им. С.П. Королева). К симптомам социокультурной патологии он отнес неорганизованность, патерналистические установки, нарциссизм, злоупотребление правами, позиции «жертвы» и «героя», оценку человека по принципу «свой – чужой». В качестве ведущих факторов, детерминирующих патогенез социокультурных болезней, обозначены исторически обусловленные факторы, образ жизни, а также влияние зарубежных культур. Автор предложил идеи «лечения» социокультурной патологии и выдвинул гипотезу об автоволновом принципе распространения социокультурных норм в обществе.

Сообщение **В.Т. Тарасова** (канд. экон. наук, доцент, Чебоксарский филиал РАНХиГС) было посвящено тенденциям изменений в структуре доходных весов населения федеральных округов и городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга в разрезе трех обезличенных макрострат децильного распределения населения по душевым доходам – малообеспеченного, обеспеченного и богатого – за 2000–2019 гг. Наиболее интенсивные изменения в уровне доходов зафиксированы у населения столицы России. При этом в большинстве макрорегионов страны к началу нового столетия сформировался определенный режим распределения душевых доходов, который почти не изменился на протяжении исследуемого периода. На основании проведенных расчетов автором сделан вывод об устойчивом воспроизводстве экономического неравенства, уровень которого превышает социально допустимый. В заключение В.Т. Тарасов выдвинул предложение о радикальной реформе распределительных отношений.

Подводя итоги круглого стола, Н.И. Лапин выразил глубокое удовлетворение проведенной работой. Он отметил важность дальнейшей разработки инструментария «Социокультурный портрет региона России», прежде всего в отношении расширения качественных методов получения социологической информации, подчеркнул необходимость усиления взаимодействия исследовательского коллектива с научными фондами и гражданами страны в контексте осуществления всегражданского просвещения как эффективного канала социализации.

В завершение конференции коллеги поздравили Н.И. Лапина с 90-летним юбилеем. **Ю.В. Синеокая** (чл.-корр. РАН, д-р филос. наук, зам. директора ИФ РАН по научной работе, руководитель сектора истории западной философии) пожелала «вдохновения и радости от общения с коллегами "Большого философского дома"», чьи границы не кончаются на ул. Гончарной». **В.А. Ильин** (чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, проф., научный руководитель Вологодского научного центра РАН) рассказал о многолетнем знакомстве с Н.И. Лапиным и разнообразных научных и творческих контактах, которые «развиваются уже более 10 лет, приобретая всё новые оттенки научной деятельности». От имени участников программы с поздравлениями выступили А.А. Шабунова, Л.А. Беляева, Е.А. Когай, Г.Ф. Ромашкина, В.А. Давыденко, Д.М. Шабунин, Е.В. Каргаполова, В.И. Мосин, В.М. Цлаф, Р.Х. Салахутдинова, В.Т. Тарасов.

А.В. Смирнов (академик РАН, д-р филос. наук, проф., руководитель сектора «Логико-смысловые исследования, история араб-мусульманской философии» ИФ РАН) отметил, что Н.И. Лапин – один из столпов института, «фактически основатель очень серьезной разросшейся школы социологии, социальной философии, которая проводит, с одной стороны, полевые исследования, а с другой – выводит на уровень хорошего философского осмысления». **Э.Ю. Соловьёв** (д-р филос. наук, главный научный сотрудник ИФ РАН), **Б.В. Сазонов** (канд. филос. наук, ученый-социолог) присоединились к участникам конференции с искренними поздравлениями.

Сведения об авторах

Гульнара Фатыховна Ромашкина – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры, Тюменский государственный университет (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru)

Евгения Анатольевна Когай – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой, Курский государственный университет (305000, Российская Федерация, г. Курск, ул. Радишева, д. 33; e-mail: eakogay@mail.ru)

Romashkina G.F., Kogay E.A.

On the Results of the Round Table “30 Years of Research on the Socio-Cultural Evolution of Russia and Its Regions: Results, Prospects”

Information about the Authors

Gul'nara F. Romashkina – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Professor of Department, Tyumen State University (6, Volodarsky Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru)

Evgeniya A. Kogay – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Head of Department, Kursk State University (33, Radishchev Street, Kursk, 305000, Russian Federation; e-mail: eakogay@mail.ru)

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых исследований оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (август 2021 г.), а также за период с октября 2020 по август 2021 г. (последние 6 опросов, то есть почти год).

Даётся сопоставление результатов исследований с данными за 2000 (первый год президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011 (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2018–2020 гг.²

За период с июня по август 2021 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно не изменился. Доля положительных оценок составляет 52–53%. Удельный вес негативных характеристик незначительно возрос (в пределах ошибки выборки) – на 3 п. п. (с 30 до 33%).

За последние 6 опросов (октябрь 2020 – август 2021 г.) оценка деятельности главы государства не изменилась: доля позитивных суждений составляет 52%, отрицательных – 33%³.

За этот же период незначительно улучшилось общественное мнение о деятельности Председателя Правительства РФ: удельный вес положительных оценок возрос на 4 п. п. (с 39 до 43%), отрицательных – снизился на 5 п. п. (с 41 до 36%).

В динамике оценки деятельности главы региона за период с октября 2020 по август 2021 г. также наблюдаются незначительные (в пределах ошибки выборки) позитивные изменения: уровень одобрения возрос на 3 п. п. (с 36 до 39%), доля отрицательных характеристик уменьшилась на 3 п. п. (с 42 до 39%).

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vssc.ac.ru>.

² В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения Covid-19.

³ Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, осуществленного в августе 2021 г., с результатами «волны» мониторинга, проведенной в октябре 2020 г.

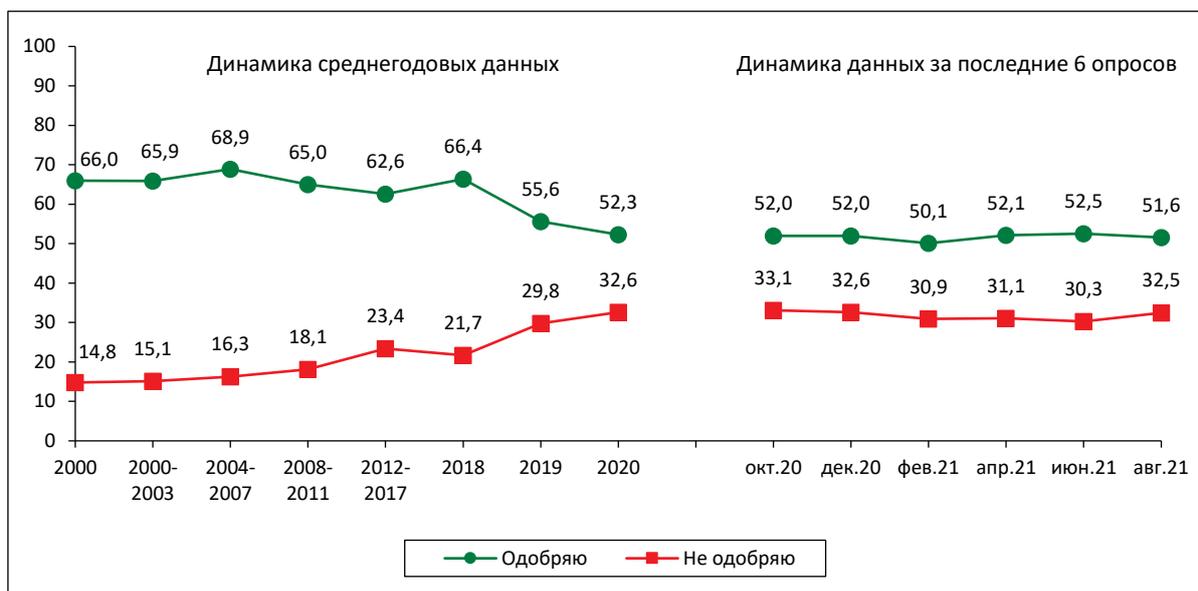
Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных							Динамика данных за последние 6 опросов						Изменение (+/-), авг. 2021 к окт. 2020
	2000	2007	2011	2012	2018	2019	2020	Окт. 2020	Дек. 2020	Фев. 2021	Апр. 2021	Июнь 2021	Авг. 2021	
Президент РФ														
Одобрю	66,0	75,3	58,7	51,7	66,4	55,6	52,3	52,0	52,0	50,1	52,1	52,5	51,6	0
Не одобряю	14,8	11,5	25,5	32,6	21,7	29,8	32,6	33,1	32,6	30,9	31,1	30,3	32,5	0
Председатель Правительства РФ*														
Одобрю	-*	-*	59,3	49,6	48,0	41,1	38,7	38,8	39,1	37,6	38,8	42,2	42,7	+4
Не одобряю	-	-	24,7	33,3	31,6	38,4	40,4	40,8	38,8	38,8	38,3	35,1	36,0	-5
Губернатор														
Одобрю	56,1	55,8	45,7	41,9	38,4	35,7	35,0	35,5	32,9	33,9	36,3	37,8	38,6	+3
Не одобряю	19,3	22,2	30,5	33,3	37,6	40,2	42,5	42,1	44,2	42,4	41,3	38,4	38,5	-3

Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?» Согласно методике проведения исследования ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. не учитываются или считаются незначительными; в таблицах они выделены синим цветом. Позитивные изменения выделены зеленым цветом, негативные – красным.

* Вопрос задается с 2008 года.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

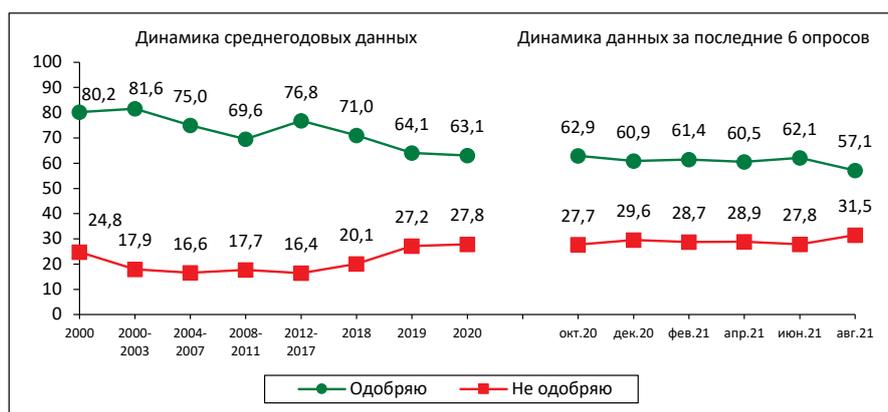
Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2000, 2018, 2019, 2020 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

Для справки:

По данным ВЦИОМ уровень одобрения деятельности Президента РФ за период с июня по начало августа 2021 г. снизился на 5 п. п. (с 62 до 57%). Удельный вес негативных оценок возрос на 4 п.п. (с 28 до 32%).

По последним данным Левада-Центра* (июль 2021 г.) в динамике оценок деятельности главы государства также отмечаются незначительные негативные изменения: доля положительных оценок уменьшилась на 2 п. п. (с 66 до 64%), отрицательных – увеличилась на 3 п. п. (с 32 до 35%).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)

Годовая динамика (август 2021 г. к октябрю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Одобрению	-6
Не одобряю	+4

Формулировка вопроса «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?»

Данные за август 2021 г. – среднее за два опроса: от 01.08.2021 и 08.08.2021.

Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра*)

Годовая динамика (июль 2021 г. к октябрю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Одобрению	-4
Не одобряю	+4

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России?»

Данные за июль 2021 г. Источник: Левада-Центр*. Индикаторы. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/>

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/> (данные за декабрь 2020 г. отсутствуют).

* Внесен в реестр иностранных агентов.

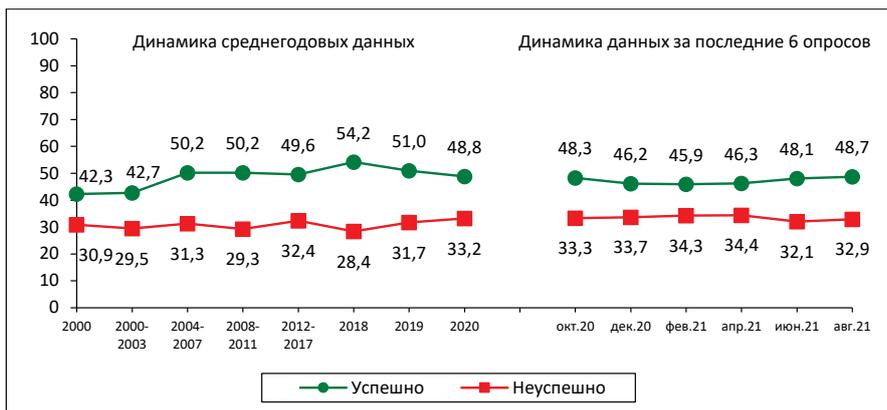
С июня по август 2021 г. мнение жителей Вологодской области об успешности решения Президентом РФ ключевых проблем страны существенно не изменилось:

- ✓ 48–49% респондентов положительно оценивают деятельность главы государства по укреплению международных позиций России;
- ✓ 41–42% – по наведению порядка в стране;
- ✓ 35% – по защите демократии и укреплению свобод граждан;
- ✓ 27% – по подъему экономики и росту благосостояния населения.

С октября 2020 по август 2021 г. существенных изменений также не наблюдается, за исключением незначительного (в пределах ошибки выборки) улучшения оценок общественного мнения относительно успешности действий Президента РФ по подъему экономики и росту благосостояния граждан: доля положительных суждений увеличилась на 3 п. п., с 24 до 27%.

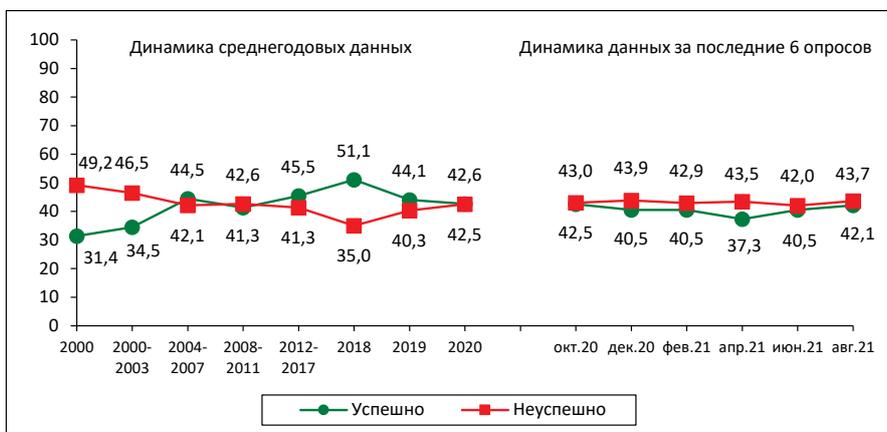
Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..? (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Укрепление международных позиций России

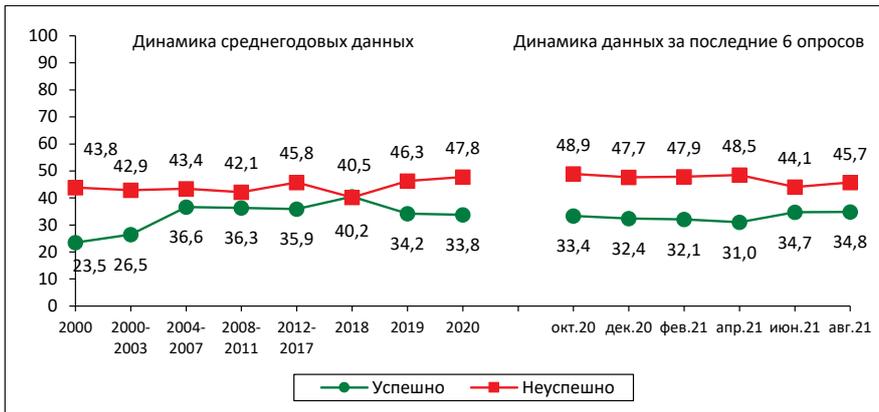
Годовая динамика (август 2021 г. к октябрю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Успешно	0
Неуспешно	0

Наведение порядка в стране

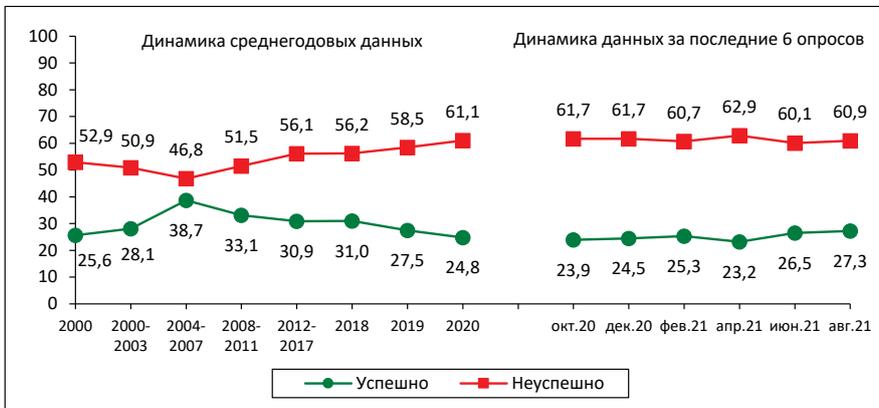
Годовая динамика (август 2021 г. к октябрю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Успешно	0
Неуспешно	+1

Защита демократии и укрепление свобод граждан

Годовая динамика (август 2021 г. к октябрю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Успешно	+1
Неудачно	-3

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Годовая динамика (август 2021 г. к октябрю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Успешно	+3
Неудачно	-1

Структура партийно-политических предпочтений жителей региона остается стабильной. В ней по-прежнему доминирует партия «Единая Россия» (доля её сторонников составляет 32%), поддержка остальных партий значительно меньше: 9–10% – ЛДПР, 8–9% – КПРФ, 4–5% – «Справедливая Россия – За правду».

Более трети населения региона (34–35%) считает, что ни одна из политических сил, представленных на сегодняшний день в Государственной Думе, не отражает их интересы.

В целом аналогичная структура партийно-политических предпочтений наблюдалась в октябре 2020 г.

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партия	Динамика среднегодовых данных										Динамика данных за последние 6 опросов						Изменение (+/-), авг. 2021 к окт. 2020
	2000	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2018	2019	2020	Окт. 2020	Дек. 2020	Фев. 2021	Апр. 2021	Июнь 2021	Авг. 2021	
Единая Россия	18,5	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	33,8	31,5	31,1	30,9	30,5	31,5	32,1	31,7	+1
КПРФ	11,5	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,8	8,4	8,8	7,3	8,3	8,7	8,1	9,3	+1
ЛДПР	4,8	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,1	9,5	9,4	9,5	10,1	9,9	8,5	9,9	+1
Справедливая Россия – За правду	-	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	3,4	4,7	4,3	5,0	3,6	2,6	4,1	5,3	+1
Другая	0,9	1,8	1,9	-	2,1	0,3	-	0,7	0,3	0,5	0,3	0,7	0,2	0,1	0,1	0,2	0
Никакая	29,6	17,8	29,4	-	31,3	29,4	-	28,5	33,7	34,2	33,8	35,3	35,9	36,4	35,4	34,1	0
Затрудняюсь ответить	20,3	21,2	13,2	-	11,7	12,0	-	11,2	11,0	11,1	12,2	11,2	11,3	10,9	11,8	9,6	-3

В августе 2021 г. продолжилась тенденция улучшения оценок общественных настроений. За последние два месяца доля людей, испытывающих преимущественно позитивные эмоции, увеличилась с 66 до 68% (на 2 п. п.); удельный вес тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить, жить трудно, но можно терпеть», существенно не изменился (77%).

Доля людей, положительно характеризующих свое настроение и обладающих высоким потенциалом запаса терпения, выше, чем в октябре 2020 г. (на 7 и 5 п. п. соответственно).

Доля жителей области, субъективно относящих себя к категории «бедных и нищих», в августе 2021 г. (как и в июне) составила 47%; доля людей «среднего достатка» – 41%.

Отметим, что за период с октября 2020 по август 2021 г. доля жителей региона, субъективно причисляющих себя к категории среднеобеспеченных граждан, незначительно увеличилась (в пределах ошибки выборки; на 3 п. п., с 38 до 41%), хотя по-прежнему остается ниже, чем удельный вес «бедных и нищих» (48%).

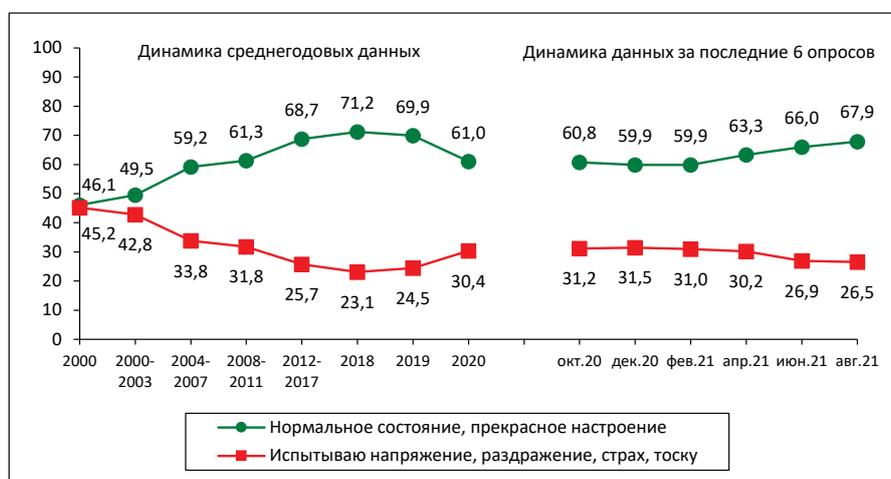
Индекс потребительских настроений (ИПН), отражающий прогнозы людей относительно перспектив развития экономики и своего личного материального положения, как и в июне 2021 г., составил 83 пункта.

Это ниже, чем в октябре 2020 г. (86 п.), и по-прежнему меньше 100 пунктов, что означает преобладание пессимистических прогнозов в оценках населения.

Для справки: по данным Левада-Центра* за период с апреля по июнь 2021 г. индекс потребительских настроений в целом по России снизился на 3 пункта (с 78 до 75 п.).

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Социальное настроение

Годовая динамика (август 2021 г. к октябрю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Нормальное состояние, прекрасное настроение	+7
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	-5

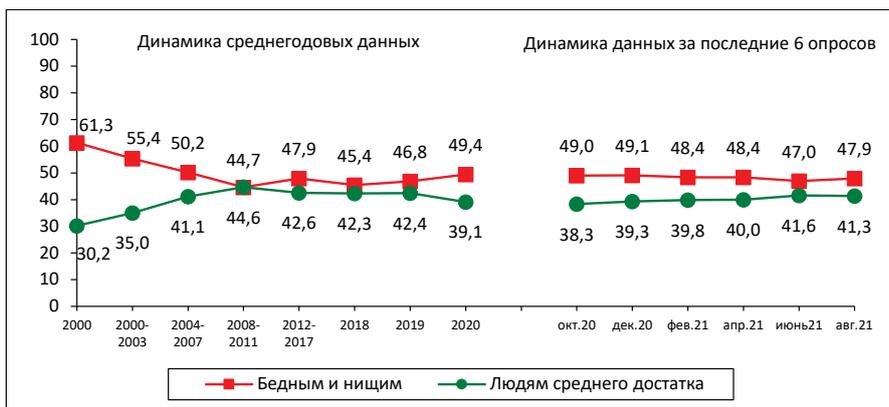
Запас терпения

Годовая динамика (август 2021 г. к октябрю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно и терпеть	+5
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	-4

* Внесен в реестр иностранных агентов.

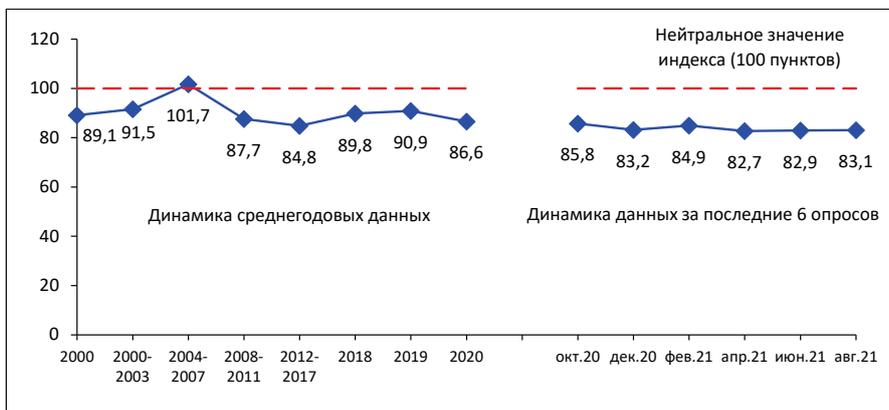
Социальная самоидентификация

Годовая динамика (август 2021 г. к октябрю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Доля считающих себя людьми среднего достатка	+3
Доля считающих себя бедными и нищими	-1

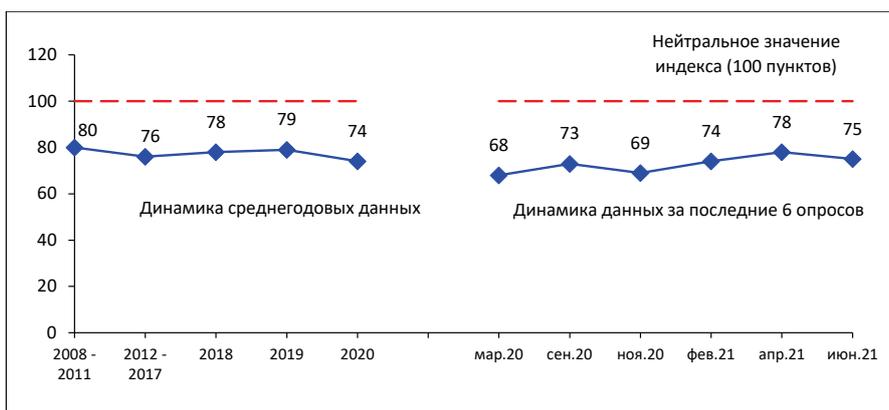
Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»

Индекс потребительских настроений (ИПН, в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

Годовая динамика (август 2021 г. к октябрю 2020 г.)	
ИПН	Изменение (+ / -)
Значение индекса, в пунктах	-3

Индекс потребительских настроений (ИПН, в пунктах; данные Левада-Центра* по России)

Годовая динамика (июнь 2021 г. к марту 2020 г.)	
ИПН	Изменение (+ / -)
Значение индекса, в пунктах	+7

Индекс рассчитывается с 2008 г.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

Последние данные – на июнь 2021 г. Данные за период с апреля по август 2020 г. отсутствуют.

* Внесен в реестр иностранных агентов.

За последние два месяца в 6 из 14 социально-демографических категорий населения доля людей, положительно характеризующих свое повседневное настроение, увеличилась, особенно среди людей в возрасте до 30 лет (на 9 п. п., с 73 до 82%), а также тех, кто по самооценкам собственных доходов относится к категории 20% наиболее обеспеченных жителей области (на 10 п. п., с 77 до 87%).

За период с октября 2020 по август 2021 г. позитивные изменения социального настроения отмечаются во всех основных социально-демографических группах населения, за исключением жителей г. Вологды (в областной столице существенных изменений за последние 6 опросов не наблюдается: доля положительных оценок социального настроения составляет 60–61%).

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных							Динамика данных за последние 6 опросов						Изменение (+/-), авг. 2021 к окт. 2020
	2000	2007	2011	2012	2018	2019	2020	Окт. 2020	Дек. 2020	Фев. 2021	Апр. 2021	Июнь 2021	Авг. 2021	
Пол														
Мужской	50,1	65,9	64,5	69,1	72,8	70,1	60,8	60,7	60,0	60,8	61,3	65,1	65,6	+5
Женский	43,3	61,7	62,0	65,8	69,8	69,6	61,2	60,8	59,8	59,2	64,9	66,7	69,8	+9
Возраст														
До 30 лет	59,1	71,3	70,0	72,3	80,0	81,1	67,6	64,6	65,2	60,9	67,4	73,0	82,3	+18
30–55 лет	44,2	64,8	62,5	67,9	72,6	71,2	61,8	62,5	60,9	64,4	65,5	70,0	71,4	+9
Старше 55 лет	37,4	54,8	58,3	62,1	65,2	63,3	57,4	56,9	56,5	54,1	59,1	58,3	58,1	+1
Образование														
Среднее и н/среднее	41,7	58,4	57,4	57,2	64,8	63,2	56,1	56,9	52,6	56,2	56,9	62,5	63,2	+6
Среднее специальное	46,4	64,6	63,6	66,7	72,2	72,7	63,5	63,5	62,5	60,9	64,3	66,1	68,5	+5
Высшее и н/высшее	53,3	68,6	68,3	77,0	76,8	73,4	63,3	61,4	64,6	62,7	68,7	69,7	73,0	+12
Доходные группы														
20% наименее обеспеченных	28,4	51,6	45,3	51,5	57,3	53,2	43,4	46,0	38,9	44,3	49,8	54,2	55,0	+9
60% средне-обеспеченных	45,5	62,9	65,3	68,7	71,9	71,4	62,6	61,9	63,3	60,1	65,8	67,0	68,9	+7
20% наиболее обеспеченных	64,6	74,9	75,3	81,1	82,9	81,8	75,6	70,6	76,3	76,0	70,8	76,5	86,7	+16
Территории														
Вологда	49,2	63,1	67,1	73,6	71,0	68,6	60,9	61,0	58,7	55,8	57,0	59,4	59,7	-1
Череповец	50,8	68,1	71,2	76,2	75,8	71,2	60,4	59,3	60,7	64,4	68,1	70,8	72,3	+13
Районы	42,2	61,6	57,1	59,8	68,7	69,8	61,4	61,4	60,0	59,7	64,0	67,1	70,1	+9
Область	46,2	63,6	63,1	67,3	71,2	69,9	61,0	60,7	59,9	59,9	63,3	66,0	67,9	+7

РЕЗЮМЕ

Таким образом, результаты очередной «волны» мониторинга общественного мнения, проведенной в августе 2021 г., показали, что существенных изменений по сравнению с первыми летними месяцами в динамике оценок населения не произошло.

Стоит отметить, что, по сравнению с началом 2021 г., на сегодняшний день наблюдается более высокий уровень поддержки всех органов государственной власти, более позитивные самооценки социального настроения и запаса терпения. На фоне по-прежнему актуальной эпидемиологической угрозы, вызванной распространением коронавируса, а также сопутствующих масштабных проблем социально-экономического характера, так или иначе коснувшихся большинства россиян, сохранение положительного тренда оценок населения по ключевым показателям, отражающим состояние общества, является важным достижением всей системы государственного управления. Особенно на фоне приближающихся выборов в Государственную Думу, назначенных на 17–19 сентября 2021 г.

Однако остаются стабильно низкими самооценки текущего материального положения людей и пессимистические ожидания в отношении его развития. Доля жителей области, субъективно причисляющих себя к категории «бедных и нищих», с начала года фактически не изменилась (48%) и по-прежнему более значительна, чем удельный вес людей «среднего достатка» (41%). Индекс потребительских настроений с февраля по август 2021 г. снизился с 85 до 83 пунктов, что говорит о росте тревоги людей по поводу своего благосостояния в ближайшем будущем.

Сохраняющееся беспокойство населения объясняют данные официальной статистики: так, по данным Вологдастата, реальная заработная плата в регионе за период с января по май 2021 г. составила 97,1% по отношению к соответствующему периоду прошлого года (то есть снизилась на 3%). При этом индекс потребительских цен за II квартал 2021 г. составил 101,8% по отношению ко II кварталу 2020 г., на продовольственные товары – 102,1%⁴.

Вполне возможно, что сегодняшнее состояние общественного мнения во многом может быть обусловлено сезонным фактором (благоприятные климатические условия, время отпусков, дачных забот; период снижения тарифов ЖКХ), оказывающим комплексное позитивное влияние на психологическое самочувствие людей, отодвигающим на второй план вопросы, связанные с политической ситуацией в стране.

Но удастся ли сохранить наметившиеся позитивные тренды общественных настроений в осенне-зимний период (который, в том числе, вероятно усилит нагрузку на систему здравоохранения за счет сезонного обострения вирусных заболеваний) – вопрос, пока остающийся открытым и требующим максимальной концентрации усилий всех уровней публичной власти, особенно после парламентских выборов.

Материалы подготовили: М.В. Морев, Е.Э. Леонидова, И.М. Бахвалова

⁴ Социально-экономическое положение Вологодской области в январе-июне 2021 года: доклад / Вологдастат. Вологда, 2021. С. 69.

ПРАВИЛА
приёма статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (common@vscc.ac.ru).

Требования к оформлению текста статьи

1. Поля.

Правое – 1 см, остальные – по 2 см.

2. Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. Нумерация.

Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. Оформление 1 страницы статьи.

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации.

Объём текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

Примеры хороших аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте:

<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nr1>.

7. Требования к ключевым словам.

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц.

В названии таблицы слово «Таблица» и её номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

1) в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок.

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы.

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится пронумерованный список библиографических источников.

Список литературы составляется в том же порядке, в котором источники упоминались в тексте статьи, а не по алфавиту (используется ванкуверский стиль оформления).

Если статья имеет doi, его указание в выходных данных является обязательным.

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹ (приложение 5).

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10 % от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____, (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ВолНЦ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____
_____
Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____
_____
Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);

2) на сайте <http://www.akc.ru>;

3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 27.08.2021.
Дата выхода в свет 31.08.2021.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 33,4. Тираж 500 экз. Заказ № 78.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru